

Стивен ПРЕССФИЛД

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ПРИЛИВЫ
ВОЙНЫ

STEVEN PRESSFIELD

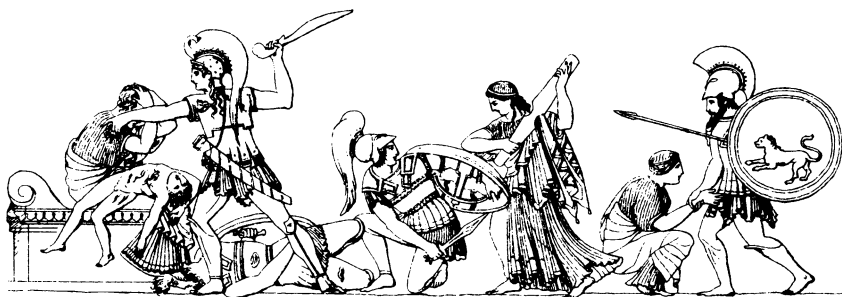
TIDES
OF WAR

*A Novel of Alcibiades
and the Peloponnesian War*

Doubleday
New York
2000

СТИВЕН ПРЕССФИЛД

ПРИЛИВЫ ВОЙНЫ

*Роман об Алкивиаде
и Пелопоннесской войне*

Москва

ЭКСМО

Санкт-Петербург

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОМИНО

2004

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)6-4
П71

Copyright © 2000 by Steven Pressfield

Published by arrangement with Doubleday,
a division of the Doubleday Broadway
Publishing Group, a division of Random House, Inc

Составитель серии Александр Жикаренцев

Перевод с английского
Антонины Костровой, Елены Хаецкой

Карты выполнены *Юлией Каташинской*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Прессфилд С.

П71 Приливы войны. — М.: Изд-во «ЭКСМО»; СПб.: Изд-во «Домино», 2004. — 560 с.

ISBN 5-699-04710-7

Пятый век до нашей эры.

Греция — арена Пелопоннесской войны, кровавой многолетней бойни между Афинами и Спартой.

Алкивиад — воспитанник Перикла и ученик Сократа, лучший полководец Афин. Человек, обвиненный на суде в святотатстве. Изменник, заочно приговоренный к смерти в Афинах. Советник спартанцев в их борьбе с Афинами. Воин, с восторгом избранный афинянами главнокомандующим. Патриот и предатель, в руках которого оказались судьбы Древнего Мира.

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)6-4

© Перевод. А. Кострова,
Е. Хаецкая, 2004
© ООО «Издательство
«ЭКСМО», 2004
© ООО «Издательство
«Домино», 2004

ISBN 5-699-04710-7

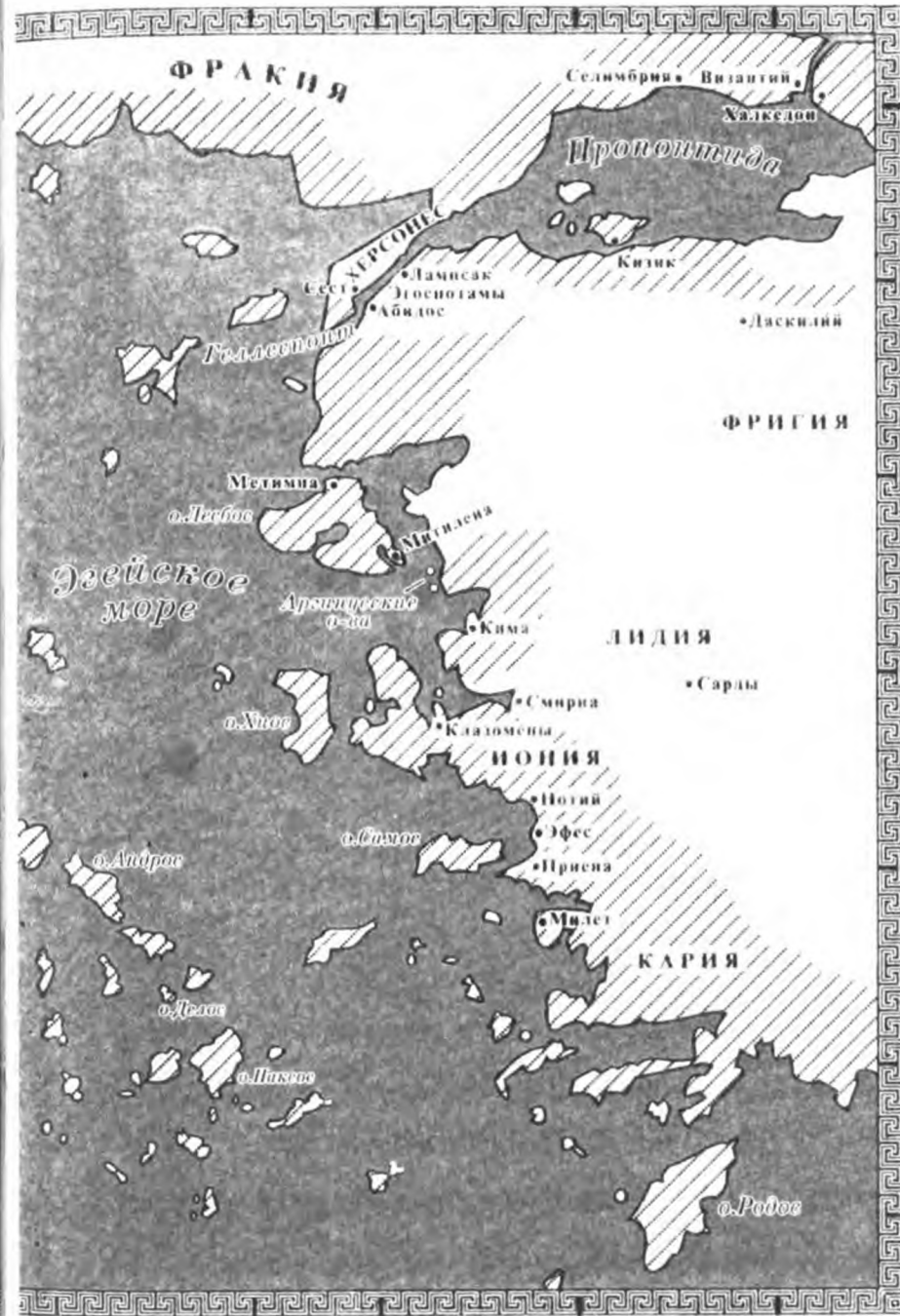
Посвящѣтся Кристи

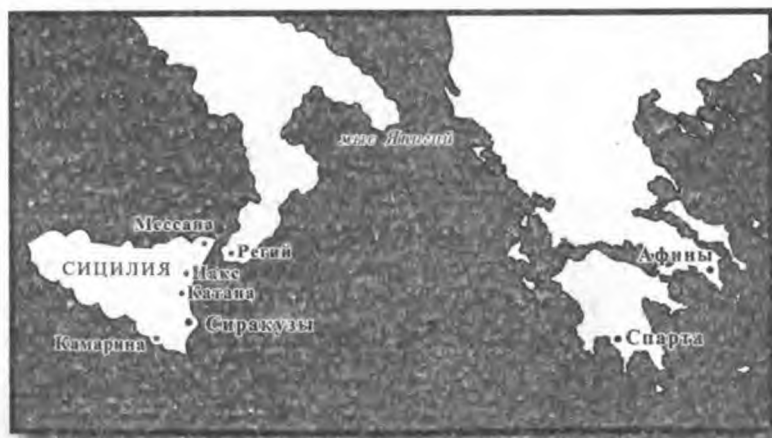
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И ЭГЕЙСКИЙ МИР

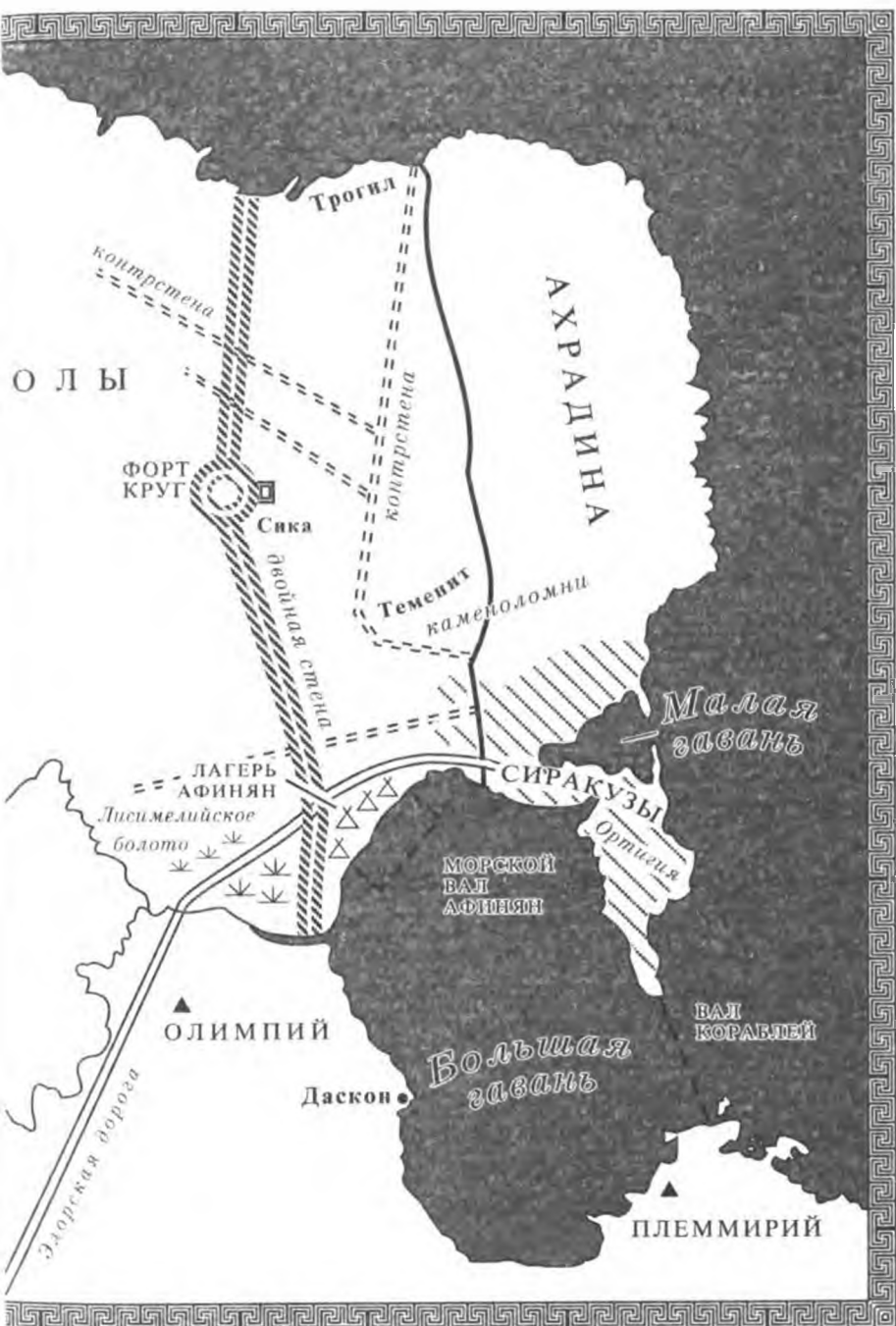
430 г. до н.э.

- — Афинская империя
- — Спарта и ее союзники

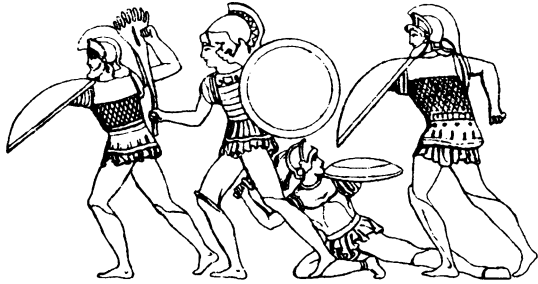

СИРАКУЗЫ И БОЛЬШАЯ ГАВАНЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Грандиозными победами над персами в 490 и 480/479 гг. до н. э. Афины и Спарта заявили о себе как о самых выдающихся городах-государствах Греции и Эгейского мира: Афины — на море, Спарта — на суше.

Пятьдесят лет между ними поддерживался мир. В Афинах начался золотой век демократии Перикла. Был построен Парфенон. В городе звучали трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида; начал учить Сократ.

Однако к 431 году мощь Афин возросла настолько, что свободные города Греции уже не могли этого терпеть. И началась война, которую Фукидид назвал «величайшей в истории». Как и предсказывал оракул, она длилась трижды по девять лет и завершилась поражением Афин в 404 году.

Один человек оставил особенно заметный след в этом конфликте. Не всегда можно однозначно оценить его роль в происходящих событиях. Речь идет об Алкивиаде из Афин. Родственник Перикла, друг Сократа, он был, как о том свидетельствуют древние писатели,

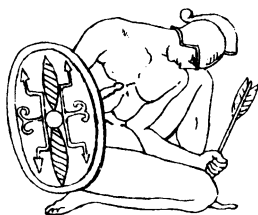
самым красивым и умным человеком своей эпохи. Но он же — и самый амбициозный, непредсказуемый, дерзкий. На поле боя он был непобедим.

V век до н. э.

- 490 — победа афинян над персами при Марафоне.
- 480 — битва при Фермопилах, «триста спартанцев». Афиняне вместе со своими союзниками побеждают персов в морском сражении у острова Саламин.
- 479 — спартанцы и их союзники одерживают над персами победу у Платеи.
- 454 — Перикл создает Афинскую империю.
- 431 — начало Пелопоннесской войны.
- 429 — эпидемия чумы в Афинах. Смерть Перикла.
- 415–413 — экспедиция афинян в Сицилию.
- 410–407 — победы Алкивиада в Геллеспонте.
- 405 — победа Лисандра при Эгоспотамах.
- 404 — капитуляция Афин.
- 399 — смерть Сократа.

...Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, я уже не патриот. Впрочем, я полагаю, что даже и теперь я не иду против отечества, так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его. Ведь истинный друг своей родины не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее.

Речь Алкивиада в народном собрании лакедемонян.
Фукидид. История, кн. VI, 92. (Перевод Г. А. Стратановского)

*Скажите же, какого мненья держитесь
Насчет Алкивиада. Город болен им...
Желает, ненавидит, хочет все ж иметь.*

Аристофан. Лягушки.
(Перевод Адр. Пиотровского)

Книга первая

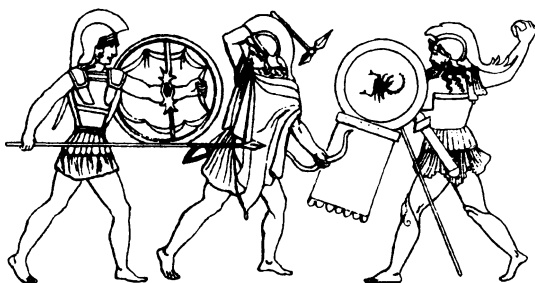

ПРОТИВ
ПОЛЕМИДА

Глава I

МОЙ ДЕД ЯСОН

Мой дед Ясон, сын Алексикла из округа Алопек, умер перед самым восходом солнца, на четырнадцатый день боедромиона, двух месяцев не дожив до своего девяностодвухлетия. Он был последним из того круга преданных друзей, что посещали уроки философа Сократа.

Дед видел правление Перикла и строительство Парфенона и Эрехтейона; он застал эпидемию чумы; наблюдал взлет и падение Алкивиада; на его глазах прошли все двадцать семь лет того злополучного пожара, который в нашем городе был назван Спартанской войной, а в Греции — вслед за историком Фукидидом — Пелопоннесской.

В молодости дед плавал на кораблях в Сиботах, Потидее и Сционе; позднее командовал триерой, а затем и эскадрой — в сражениях при Могиле Ведьмы, Абидосе и при Аргинусских островах. Героизм принес ему награды и увечья: он потерял глаз и почти не мог пользоваться правой ногой. В качестве частного гражданина он выступал в Народном

собрании — наряду с Эвриптолемом и Аксиохом — против всех, в защиту десяти стратегов. За долгие годы своей жизни он похоронил трех жен и одиннадцать детей. Он всегда служил своему городу. В начале его жизни Афинам платили дань свыше двухсот полисов, а в конце ее град Тесея постигло горькое поражение от рук спартанцев. Коротко говоря, дед мой был не только свидетелем, но и участником большинства важных событий современной эпохи и хорошо знал ее главных действующих лиц.

На склоне лет сила его стала убывать, и он мог передвигаться только с помощью провожатого. Я каждый день навещал его. Всегда находится в семье кто-то, кому выпадает долг оказывать помощь ее престарелым и ослабевшим членам. Врачи давно заметили это.

Для меня эта обязанность никогда не была тяжелой. Я высоко ценил личность своего деда; в его обществе я переживал восхитительные минуты. Я мог часами слушать его рассказы, и, боюсь, по моей вине он уставал от моих назойливых вопросов куда больше, чем заслуживала моя благотворительность.

Для меня он был подобен зрелой виноградной лозе. Каждый сезон ее обжигает летнее солнце, покрывает льдом зима, ее атакуют факелы и топоры — и все же ничто не в силах убить ее. Она выносит любые испытания, черпая силы из матушки-земли, чтобы, несмотря на все лишения (а может быть, и благодаря им), дать самое нежное, самое сладкое в мире вино. Я остро чувствовал, что с уходом из жизни моего деда Ясона завершится целая эпоха. Эпоха величия Афин. Человека такого масштаба мы, его современники, больше уже никогда не встретим. Такого уровня нравственности нам никогда не достичь.

В начале того сезона меня постигло несчастье: от сыпного тифа в возрасте двух с половиной лет умер мой сынишка. Это изменило всю мою жизнь. Нигде не мог я найти утешения, только в общении с дедом. Я вдруг ясно

осознал недолговечность того приобретения, которое мы, смертные, считаем нашей жизнью. Так внятна сделалась мне мимолетность нашего пребывания под солнцем! Только с дедом я находил твердую опору в этой жизни.

Каждый мой день был похож на предыдущий. Я вставал до рассвета и, кликнув мою собаку Сентинеля, направлялся в порт по Транспортной дороге, а возвращался через предгорье на дорогу, ведущую к дому на холме Каменные Дубы. Я очень любил эти ранние часы. С высокой насыпи можно было видеть моряков на учении в гавани. Мы проходили мимо людей, направлявшихся на поля, приветствовали атлетов, которые тренировались вдоль обочин, здоровались с молодыми всадниками, проходившими обучение в горах. Закончив все дела на поле, я ставил своего коня в конюшню, и мы с Сентинелем бежали вверх по поросшему увядшими оливами склону холма к жилищу моего деда.

Я приносил ему обед. В тени высокого портика мы разговаривали, а иногда и просто молча сидели рядом, и Сентинель лежал у наших ног на прохладных камнях.

— Память — странная богиня, чьи дары со временем претерпевают метаморфозы, — однажды в такой вот день заметил дед. — Никак не вспомнить того, что было час назад, зато события семидесятилетней давности так и стоят перед глазами, словно они происходили только что.

Я неустанно расспрашивал его — боюсь, часто без всяких зазрений совести — о тех отдаленных временах, что хранились в его сердце. Вероятно, ему и самому требовался молодой слушатель, ибо, начав рассказывать какую-нибудь историю, он не мог уже остановиться. Он устремлялся в рассказ, как воин в битву, и излагал со всеми подробностями, от начала и до самого конца. В его время не существовало еще писарей, поэтому память у всех людей его поколения была замечательная. Тогда могли пересказывать наизусть огромные отрывки из «Илиады»

и «Одиссеи», цитировать сотни строк из эпиталам и декламировать отрывки из трагедии, которую видели накануне.

Но лучше всего мой дед помнил людей. Не только друзей и врагов, но даже рабов. Он не забыл ни лошадей, ни собак, и даже деревья и виноградные лозы оставили глубокий след в его сердце. Он мог вспомнить какую-нибудь возлюбленную, умершую семьдесят пять лет назад, и воссоздать ее образ в таких ярких красках, что, казалось, она и сейчас стоит перед ним, молодая и прелестная.

Однажды я спросил деда, кого из встретившихся ему людей он считает самыми исключительными.

Он ответил не задумываясь:

— Самый благородный — Сократ. Самый отважный и умный — Алкивиад. Самый смелый — Фрасибул Кирпич. Самый отвратительный — Анит.

Я немедленно продолжил:

— Но был ли кто-то, кого ты помнишь лучше всех и кого чаще всех вспоминаешь?

Дед помолчал. Как странно, что я спросил об этом, ответил он наконец, ибо, конечно, есть один человек, который в последнее время почему-то не выходит у него из головы.

— Этот человек,— сказал мой дед,— не из числа прославленных или просто хорошо известных. Он не был ни флотоводцем, ни архонтом. Его имени не найти в архивах, разве что в каком-нибудь примечании, не вполне хвалебном. Но именно его я вспоминаю чаще остальных. Он был аристократом из местечка Ахарны, в десяти километрах от Афин. Однажды я защищал его в суде. Ему грозил смертный приговор.

Любопытство мгновенно охватило меня, и я стал умолять деда подробнее рассказать об этом. Он улыбнулся, предупредив, что рассказ может занять несколько часов, ибо события жизни этого человека охватывали десятилетия и происходили на суше и морях всей Ойкумены.

Такое предуведомление не устрасило меня. Напротив, я загорелся желанием выслушать историю до самого ее конца.

— Пожалуйста,— умолял я,— день уже кончается, но ты хотя бы начни...

— А ты любопытный паренек!

— Я самый любопытный из всех, дедушка, я люблю слушать, как ты рассказываешь.

Он улыбнулся.

— Тогда начнем. Посмотрим, куда приведет нас повествование.

В те дни,— так начал мой дед,— не было еще профессиональных риториков и специалистов по судебным делам. На суде человек защищал себя сам. Но если он хотел, то мог назначить защитником кого-нибудь другого — отца, дядю, друга или влиятельного человека. Тот помогал подготовить защиту.

В письме из тюрьмы он попросил меня. Это было странно, поскольку с ним мы не были лично знакомы. Мы одновременно принимали участие в военных действиях. Я занимал ответственный пост у молодого Перикла, сына великого Перикла и Аспазии, которого мы оба имели честь называть другом. Однако в те дни это было обычным делом, и такая дружба никак не могла быть истолкована как корыстная связь. Более того, этот человек, мягко говоря, пользовался дурной славой. Доблестный воитель, он безупречно служил государству, однако в час капитуляции Афин он вступил в город не только под знаменем наших врагов-спартанцев, но и одетый в их цвета — пурпур. Я ответил ему то, что думал: человек, повинный в такой низости, должен понести высшую меру наказания, и я никак не смогу способствовать его оправданию.

Тем не менее он настаивал. Я посетил его в тюрьме и выслушал его рассказ. В те дни у меня было много дел. Тогда сам Сократ был приговорен к смерти и ожидал каз-

ни в стенах той же тюрьмы; да и семья отнимала у меня много времени. И все же я согласился помочь этому человеку подготовить его защиту. Я сделал это не потому, что верил в его оправдание — он не был достоин оправдания и сам подтверждал свою вину,— но потому, что чувствовал необходимость огласить его историю, хотя бы только перед судом. Требовалось поставить перед демократией зеркало, чтобы она увидела: осуждением своего благороднейшего гражданина, моего учителя Сократа, она совершила злодеяние по отношению к государству.

Высказав это, мой дед долго молчал, погрузившись в воспоминания об этом человеке и стараясь вновь погрузиться в атмосферу далекого времени.

— Как звали того человека, дедушка?

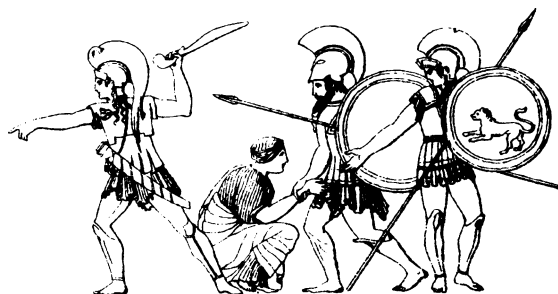
— Полемид, сын Николая.

Я смутно помнил это имя, но никак не мог соотнести его ни с кругом известных лиц, ни с ситуацией.

— Это человек, который убил Алквиада,— подсказал мне дед.

Глава II

УБИЙСТВО В МЕЛИССЕ

Группу покушения,— продолжал мой дед,— возглавляли два аристократа из Персии, действующие по приказу фригийского губернатора. Морем они прошли из Абидоса на азиатском берегу Геллеспонта до цитадели во Фракии, куда в свою последнюю ссылку направился Алкивиад. Обнаружив его там, убийцы погнали его через проливы в Азию. Персов сопровождали три спартанских аристократа. Один из них, Эндий, некогда был близким другом Алкивиада. Они были назначены своим правительством не участвовать в убийстве, но быть свидетелями. Им надлежало собственными глазами увидеть и затем подтвердить исчезновение с лица земли этого человека — последнего, кого они все еще боялись. Такова была слава Алкивиада, что многие верили, будто он в силах обмануть даже самого последнего из магистратов — Смерть.

С ними находился профессиональный убийца, Теламон из Аркадии, который отобрал группу из полдюжины сторонников. Он лично спланировал акцию. Полемид из Афин был его сообщником.

Полемид был некогда другом Алкивиада. Он бился на палубе афинских кораблей в пору захватывающих побед Алкивиада в Геллеспонтской войне и был его телохранителем, когда тот с победой вернулся в Афины. Он стоял справа от Алкивиада, когда тот возродил шествие при праздновании Элевсинских мистерий. Как сейчас вижу его появление в Самосе при возвращении Алкивиада из ссылки. Момент был острый. Двадцать тысяч моряков, тяжелая пехота — все переживали за судьбу страны, за собственную участь. Они окружили плотину, которую называли Маленькая дамба. Баркас причалил, из него вышел Полемид, прикрывая Алкивиада от толпы, одинаково готовой забросать того камнями или приветствовать. А я смотрел на лицо Алкивиада и видел, что он полностью доверил свою жизнь человеку, идущему рядом с ним.

А теперь, через семь лет, Полемид должен был обнаружить жертву и вместе с убийцей Теламоном уничтожить ее. За это ему заплатят из персидской казны талант серебром.

Обо всем этом он поведал мне в первые минуты нашего разговора, ничего не скрывая. Он знал, что моя семья связана брачными узами с Алкмеонидами, семьей Алкивиада со стороны его матери; что я предан Сократу, чья связь с Алкивиадом также хорошо известна. Он сказал, что я должен сразу узнать худшее и выйти из игры, если захочу.

Имя Алкивиада в приговоре этому человеку не упоминалось. Полемида обвинили в смерти морского офицера по имени Филемон, который был убит приблизительно семь лет назад во время ссоры в борделе в Самосе. Кроме того, его обвиняли в измене. Ясно, что именно в эту категорию будет занесено важное убийство. В те дни такое отклонение от нормы встречалось часто. Но этот окольный путь был оправдан особым статусом обвиняемого.

*Полемид был привлечен к суду не по процедуре *eisangelia* — стандартному обвинению в измене; не по *dike**

ρῆσιν — прямому обвинению в убийстве. Оба этих вида позволили бы ему выбрать добровольную ссылку и тем самым сохранить себе жизнь. Нет, он был осужден — парой известных братьев-мошенников, марионеток признанных врагов демократии — по процедуре *endeixis kakourgias*, значительно более общей категории «проступка».

Этот абсурдный приговор поначалу поразил. Казалось, обвинители не знакомы с законом. Однако дальнейшие размышления вполне показали его коварство. Обвиняемый, находящийся под этой категорией обвинения, не только мог быть посажен в тюрьму до или во время суда без права добровольной ссылки; ему также отказывалось в освобождении под залог. Приговор будет вынесен не в совете или ареопаге, но в обычном народном суде, где такие формулировки, как «предатель» и «друг Спарты», наверняка вызовут гнев присяжных. Обвинители Полемиды желали его смерти в любом случае. И, судя по всему, они могли добиться желаемого.

Хотя многие ненавидели Алкивиада и обвиняли его в падении нашего государства, все же осталось и много таких, кто продолжал любить его. Они не будут протестовать против казни человека, который предал и убил их героя.

И все же Полемид видел, что обвинители его — в этом он был уверен — принадлежали к числу тех, кто сговорился с врагами их страны, стараясь купить свои жизни ценой гибели сограждан.

Наружность Полемиды была поразительной, необыкновенной. Темноглазый, чуть ниже среднего роста, мускулистый. Хотя ему было далеко за сорок, талия у него была как у юноши. Борода цвета железа, а кожа, несмотря на заключение, осталась цвета темной меди — кожа человека, который значительную часть жизни провел на море. Шрамы от огня, копья, меча — на руках, на ногах, на спине. На лбу все еще оставалось рабское сиракузское клеймо в виде копья, буквы Q, — знак плена и невыносимых

страданий того, кто уцелел во время сицилийской катастрофы.

Ненавидел ли я его? О, я был готов возненавидеть этого человека. И все же он разоружил меня — ясностью мысли, способом выражать свои чувства, искренностью, желанием оправдать себя и быть понятым. От моего предубеждения не осталось и следа. Несмотря на его преступления, в моем воображении он был похож на Одиссея. Полемид держался отнюдь не как жестокий и наглый наемник. Напротив, в том, как он себя вел, выделялся благородный человек. Он тотчас предложил гостю вино и настоял на том, чтобы я уселся на единственный имеющийся в камере табурет, причем подложил на сиденье овечье руно, которым прикрывал свой соломенный тюфяк.

Во время нашей начальной беседы он делал гимнастические упражнения, чтобы, несмотря на тюрьму, сохранить хорошую физическую форму. Он мог упереть пятку в стену выше головы и, стоя на другой ноге, приложить лоб к поднятой голени. Однажды, когда я принес ему несколько яиц, он спрятал одно в кулак и, протянув руку, предложил мне разжать его пальцы или раздавить яйцо. Я приложил все силы к этому, но ничего сделать не удалось. Все это время он смотрел на меня с озорной усмешкой.

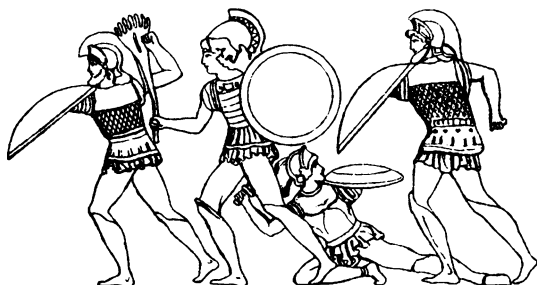
Я никогда не боялся оставаться с этим человеком наедине. Проходили дни, и симпатия моя к нему росла, несмотря на многочисленные его преступления и полное отсутствие раскаяния в них. Его имя Полемид, как тебе известно, означает «Дитя войны». Он не был сыном любой войны, скорее войны беспрецедентной по размаху и длительности. От всех прочих она отличалась попранием кодекса чести, справедливости, намеренным лишением свободы — она отрицала те правила, по которым прежде велась борьба среди греков. То была первая из современных войн, и она медленно вела нашего рассказчика к завершению его судьбы.

Он начал как воин и кончил как убийца. Чем отличался от него я? Кто может отрицать, что в глубине души, по чьему-то поручению или собственной оплошности, не был участником такой же темной истории, как та, которую разыграл наш соотечественник Полемид?

Он, как и я, был продуктом своего времени. Большие и малые дороги кораблей проложены вдоль берега. Так и его путь шел параллельно моему и пути главного из наших современников.

В КАМЕРЕ ПОЛЕМИДА

Ты спросишь меня, Ясон, — говорил заключенный Полемид, — что самое отвратительное в деле убийства? Являясь образцом честности и неподкупности, ты, несомненно, ожидаешь услышать: отягчение совести, ритуальное осквернение или, может быть, некоторая физическая трудность. Ни то, ни другое, ни третье. Самое трудное в этом деле — принести заказчику голову. Это необходимо сделать, чтобы тебе заплатили.

Теламон из Аркадии, мой наставник в профессии человекоубийства, учил меня помещать отрубленную голову в оливковое масло и доставлять ее в кувшине. В начале войны такого доказательства не требовалось. Достаточно было кольца или амулета. Требования к убийце ужесточались по мере продолжения войны. Те жертвы, которых убивали не сразу, неизменно умоляли — некоторые очень горячо и многословно — сохранить им жизнь. Со своей стороны я считаю постыдным опускаться до того, чтобы вымаливать пощаду. Я выполнял свои обязательства.

Ты улыбаешься, Ясон. Ты должен помнить, что я не всегда был злодеем. Среди предков моей семьи был герой Фил, сын Аякса, предок Мильтиада и Кимона, которому были отданы права на город вместе с его братом Эврисаком и от которого происходил Алкивиад. Во всяком случае, он так утверждал. Мой отец Мелеагр разводил лошадьей. У него были кони исключительной породы. Помнишь кобылу Бриарею, коренную в упряжке Алкивиада? Она принесла ему венок победителя на Олимпиаде в год его великолепной тройной победы, когда сам Еврипид сложил ему победную оду. Мы были хорошими людьми. Достойными людьми.

Я сказал это не для того, чтобы обелить себя и претендовать на невиновность в убийстве Алкивиада. Но ведь эти подлецы преследуют меня не за это, не так ли? Они и сами счастливы оттого, что он мертв. Люди ничто так не ненавидят, как зеркало, в котором видят отраженным собственное ничтожество. Именно это преступление совершил твой учитель, философ Сократ. Он готов выпить ядовитое зелье. Мои преступления, боюсь, не будут удостоены такой чести.

Что касается обвинения в убийстве этого бедняги Филемона... вот в чем я невиновен! Это был несчастный случай. Спроси любого, кто это видел.

Только послушай, как я молю сохранить мне жизнь! Я похож на любую из лживых свиней, что хрюкают нынче в Афинах! (Тут Полемид засмеялся.) Если бы у меня было закопано в огороде золото, я выкопал бы его. Да, и еще к твоим услугам моя жена и дочери!

Но послушай меня, Ясон, я ценю, что ты пришел. Я знаю, ты очень занят, и благодарен тебе за то, что ты уделил мне время. Я знаю также и то, что ты презираешь если не меня, то мои поступки. Мои шансы оправдаться таковы, что человек, заключивший пари на мою голову, уже давно купил лопату, чтобы выкопать мне могилу. И все же останься, прошу, побудь со мной. Давай вместе проследим путь это-

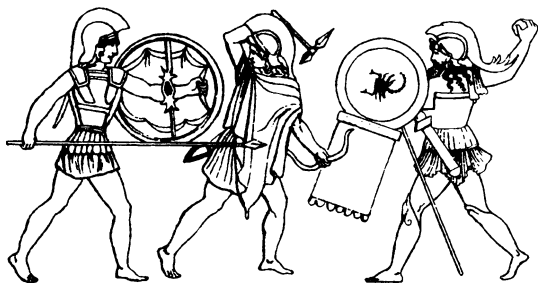

го человека, которого, говорят, я убил. Наши судьбы переплетены — твоя, моя, нашего народа.

Если виновен я, то виновны и Афины. Что я сделал, кроме того, что хотел этот город? Как город его любил, так любил его и я. Как город его ненавидел, так ненавидел его и я. Давай же расскажем эту историю, поведаем о тех чарах, которыми он околдовал наше государство, о том, как эти чары погубили нас, всех разом. И пока я, как собака, прошу сохранить мне жизнь, может быть, мы сможем выкопать немного золота — клад ясности и проникновения в сущность событий. Что скажешь, Ясон? Ты поможешь мне? Ты поможешь злодею исследовать источник его злодеяний?

Глава IV

ЭКЗАМЕН
ПРИСУЖДЕНИЕ ЗВАНИЯ

Когда мне было десять лет, отец отправил меня учиться в Спарту. Это было задолго до нашей неслыханной войны. Тогда еще существовала дружба между двумя великими городами, совместными усилиями которых Греция избавилась от опасности персидского ига. Несмотря на периодические конфликты, афинская знать относилась к Спарте с уважением. Многие старые землевладельцы — не только Афин, но и других городов Греции — состояли в дружеских отношениях с родами Спарты. Люди благородного происхождения часто обладают более обостренным чувством родства по отношению к себе подобным через границы, разделяющие государства, нежели к простолюдинам собственных стран. В этом имеется определенный смысл. Настойчивое отстаивание низшими слоями населения своих прав и возрастающая резкость их поведения грозит не только уничтожить былую благовоспитанность, но и развратить молодежь. Поэтому отцы аристократических семейств

рассуждали так: какую более эффективную прививку против всего этого можно сделать подросткам, как не отправив их в Спарту, в *agoge*, для воспитания, где молодым людям прививают старинные правила молчания, сдержанности, послушания?

Я уже говорил тебе, что среди предков моего отца были афинские герои Мильтиад и Кимон. Последнего спартанцы почитали разве что чуть меньше, чем своих собственных царей. В благодарность за это Кимон назвал своего старшего сына Лакедемоном — тот сам обучался в Спарте до шестнадцати лет. Используя эти узы, а также прилагая к тому собственные старания, мой отец сумел записать своего первенца в число тех немногих иностранцев, которым было разрешено пройти тот же курс обучения, что и юным спартанцам. Человек двадцать-тридцать нас, *anepsiōi*, «кузенов», каждый год съезжались туда со всей Греции, занимая место среди семисот местных учеников. Сам Алкивиад, хотя и не обучался в Лакедемоне, был *xenos*, иностранным другом спартанского воина Эндия — того самого, который впоследствии прибыл в Азию, чтобы наблюдать за убийством своего бывшего друга. Отца Эндия звали Алкивиадом. Это спартанское имя было в ходу в обеих семьях. Моего отца звали Николаем — тоже спартанское имя. При рождении мне дали также спартанское имя Полемида — при зачислении я переделал его написание на афинский лад.

Мне было девятнадцать, когда началась война. Я находился в Спарте. Оставался один сезон до церемонии экзамена и присуждения звания. Эта церемония проводилась только для не-спартанцев; граждане Спарты и их «сводные братья» *mothakes* проходили инициацию в Корпус Избранных.

В то время мало кто верил, что война продлится лишь один сезон. Правда, афинские войска осаждали Потидею, но то было строго внутреннее дело между Афинами и одним из подчиненных им полисов, как бы громко ни вопил по-

следний. Спарты это не касалось. Затем, подстрекаемая союзниками, спартанская армия вторглась в Аттику. Но это воспринималось так несерьезно, что я без возражений принял участие в формировании войск, усиленных двадцатью тысячами тяжелой пехоты пелопоннесских союзников Спарты. Все мальчишки-иностранцы участвовали в этом. Мы ни о чем не задумывались. Армия войдет в Аттику, устроит кое-где погром и уйдет, после чего в конце зимы состоятся какие-нибудь переговоры и все придут к соглашению. Мысль о том, чтобы отправить нас по домам, даже не обсуждалась.

Это случилось накануне гимнопедии, праздника нагих юношей. Я узнал, что поместье моего отца сожгли. Я был выбран *eigenos*, главой группы мальчиков, в тот вечер я впервые стал ответственным за несколько человек. У нас проходили занятия по хоровому пению. Не успели мы построиться, как один из учеников, очень способный юноша по имени Филотел, вышел из строя, соблюдая все правила поведения — глаза опущены, руки под плащом, — и попросил разрешения обратиться ко мне. Его отец Клеандр находился с армией в Аттике, он прислал письмо. Он знал наше поместье, поскольку не раз останавливался у нас.

«Пожалуйста, передай Полемиду мое искреннее сожаление, — писал он, используя мое спартанское имя. — Я употребил все свое влияние, чтобы предотвратить несчастье, но Архидам, прислушиваясь к знамениям, избрал именно эту местность. Сжигали все поместья — невозможно было сберечь одно из всех».

Я сразу обратился с просьбой поговорить с моим начальником Фебидом — братом Гилиппа, того самого полководца, чье командование в Сицилии привело впоследствии к десяткам тысяч смертей и оказало столь катастрофическое влияние на наши силы. Что мне делать — вернуться домой или продолжить обучение? Фебид был высоконравственным человеком. Он словно происходил из другой эпохи, из эпохи благородных людей. После длительных размышле-

ний и гаданий было решено, что долг перед богами домашнего очага и отечеством выше обязательств по школе. Я должен возвратиться домой.

Я добрался до местечка Ахарны, делая в день по сто сорок миль. Даже собаки не было со мной, чтобы составить мне компанию. Я еще ничего не знал о несчастьях, которые обрушились на нас после первого удара. Я ожидал увидеть черные от огня деревья, сгоревший виноградник, обвалившиеся стены, полегшие посевы... Как ты знаешь, Ясон, это не катастрофа. Виноград и оливы вырастут снова, хлеб можно посеять заново, стены отстроить. Невозможно убить землю.

Уже стемнело, когда я прибыл в имение отца — оно называлось «У поворота дороги». Ничто не могло подготовить меня к тому зрелищу, которое предстало моим глазам на рассвете. Люди Архидама не просто сожгли виноградник — они срубили все растения, налили известь в открытые ульи, залили ею весь двор. На месте построек был один пепел. Весь скот зарезали. Они убили даже кошек.

Что это за война? Что за царь Архидам, чтобы одобрить подобное истребление? Я был в гневе, но в еще бóльшую ярость пришел мой младший брат Демад, которого мы называли Лионом, Львенком. Я отыскал его в городе. Согласно приказу нашего отца, он должен был заниматься музыкой и математикой. Ничего не сказав ему, он записался в войска Эгея — вне нашей трибы, с фальшивыми документами. Так же поступили двое моих младших дядьев и все шесть моих двоюродных братьев. Я последовал их примеру.

Война началась. На дальнем севере жители Потидеи, ободренные решительным вторжением спартанцев в Аттику, усилили свои требования независимости от Афин. Их осадил сотня кораблей и девяносто пять сотен афинян и македонян. Алкивиад, самый прославленный юноша нашего поколения, уже находился на военной службе. Слишком нетерпеливый, чтобы дожидаться своего двадцатилетия, когда он сможет стать конником, он сел на корабль как

простой пехотинец и отправился со Вторым Эврисаком — воинской частью, которую его опекун Перикл считал своей первой командой.

Навигация уже заканчивалась. Погода угрожала оставить на берегу последнюю из наших ахарнских воинских частей. Поэтому нас погрузили на пентеконтеры этого же подразделения. Мы отплыли восьмого пианепсиона, в день Тесея, под завывание северного ветра.

Впоследствии я пережил сотни плаваний, но это было самое тяжелое. Мы даже мачту не оставили. Парус был выломан. Его можно было использовать лишь для защиты от непогоды. К несчастью, он не мог защитить нас от моря. Перекатываясь через нос корабля, волны обрушивались на нас, гребцов, и на пехотинцев, лишенных укрытия на беспалубной галере. Понадобилось восемнадцать дней, чтобы добраться до Тороны, после чего наши ахарнские войска и войска скамбонидов объединили под командованием афинского полководца Пахета и усилили двумя отрядами македонской кавалерии. Затем нас отослали обратно — тем же путем, которым мы пришли, морем, — с приказом захватить и занять перребийские крепости в Колидоне и Мадрете.

Эти края были мне неизвестны. Я чувствовал себя так, словно море выбросило меня на неведомый берег на краю Ойкумены. Конечно, такая погода может стоять только на пороге Тартара. Двадцать два корабля двинулись на юг. Со мной находился теперь и мой брат — он перешел на корабли из прежней своей воинской части. Команды состояли из зеленых новичков, страдающих морской болезнью. Вражеская конница преследовала нас по суше, не позволяя высадиться на берег.

На борту нашего корабля, «Гигеи», находился Алквиад. Он настроил против себя решительно всех тем, что, когда настала его очередь сесть за весла, уступил ее своему слуге. Никто моложе двадцати пяти лет даже мечтать не смел о подобной выходке! Тем временем Алквиад наблюдал за движением конвоя — скорее как флотоводец, нежели как

неопытный щитоносец. С его плеч спускался черный шерстяной плащ, украшенный серебряным орлом, выполненным так искусно, что стоил, вероятно, целое состояние. Каждый предмет его экипировки был совершенством, что до его внешности... знаешь сам. Мы разрывались между ревностью и благоговейным трепетом. Все хорошо знали о его богатстве и любовных похождениях. Неужто плоть может быть столь ярко одарена небесами?

В течение трех дней эскадра то опережала штормовой ветер, то попадала в самый центр бури. Местные называют такой ветер «умеренным»; мне же он представлялся вылетающим из недр ада. К концу третьего дня разразился страшный шторм. Флагман Пахета просигналил всем кораблям направиться к берегу, невзирая на поджидающего нас неприятеля.

Ты знаешь мыс Кузнечные Мехи, Ясон? Тот, кто хоть раз слышал этот шум, никогда больше его не забудет. Более быстроходные корабли достигли берега с подветренной стороны, а неуклюжие посудины вроде нашей были выброшены на берег. Единственным подходящим местом для высадки была прибрежная полоса, покрытая гравием и огороженная с трех сторон двухсотфутовыми скалами. Фарватер был защищен каменными выступами, о которые разбивался грохочущий прибой. После упорной, почти титанической борьбы остаткам нашего флота, шести кораблям, удалось высадиться на эту полосу. Она называется Паровые Котлы. Ужасающе быстро наступила темнота. Отмель такая узкая, что носы кораблей уперлись прямо в скалы. Волны выше человеческого роста с громом разбивались об их ахтерштевни, стремясь унести их обратно в море.

Враги постарались сделать это место еще более «гостеприимным». С обрыва, слишком отвесного, чтобы можно было забраться наверх, они принялись бросать вниз булыжники, вызывая настоящий камнепад. Два корабля из шести сразу получили пробоины. Молодых людей не уда-

валось заставить подчиниться приказу сохранить оставшиеся корабли. Мы попрятались в расщелинах у подножия скал, промокшие, объятые ужасом.

Команда была ошеломлена. Пахет и афинские командиры были смыты с мыса. Понадобилась вечность, чтобы отыскать старшего офицера — оказалось, капитана македонской пехоты. В отчаянии он укрылся в пещере у основания скалы, и никакие силы не могли извлечь его оттуда.

Булыжники летели на узкую полосу пляжа, как град. Если пробоины получат все корабли — нам конец. Враг закидает нас сверху камнями и стрелами. Рядом с «Гигеей» боком к ветру и волнам встал транспорт с лошадьми. Несколько животных тонули в волнах прибоя. Две лошади, которым удалось выбраться на берег, попали под камнепад, и им перебило хребты. Сердца новобранцев разрывались при звуке их ржания. Корабль швыряло на отливных волнах. Его удерживали только носовыми и кормовыми линиями, на каждом — по двадцать человек, обезумевших от страха, по грудь в водовороте.

Алкивиад и его двоюродный брат Эвриптолем бросились им на помощь. Я нашел своего брата Лиона, и мы присоединились к ним. После невероятных усилий транспорт был наконец вытасчен на берег. Без единого слова мы признали Алкивиада нашим командиром. Он отошел в поисках старшего офицера, чтобы доложить, и приказал остальным следовать за ним, как только все лошади будут на берегу в безопасности.

Штормовые волны рушились на берег, сверху сыпались булыжники; не переставая гремел гром. Мой брат и я достигли края прибрежной полосы и принялись искать командира. Впереди мы увидели Алкивиада — тот что-то говорил македонскому капитану. Вдруг этот офицер ударил его жезлом. Мы бросились к ним. Даже среди оглушительной какофонии шторма мы поняли, о чем шел спор: Алкивиад требовал четких указаний, а капитан не мог их дать. И вот он набросился на юношу, который был млад-

ше его лет на двадцать и чью семью он знал так же хорошо, как все мы.

— Твоего родственника Перикла здесь нет, юнец, и ты не смеешь распорядиться от его имени!

— Я говорю от своего имени и от имени тех, кто погибнет, если ты ничего не предпримешь! — возразил Алкивиад. Он показал в сторону кораблей и града камней, который продолжал барабанить сверху. — Действуй, или, клянусь Гераклом, действовать буду я!

Целыми остались только два корабля. Алкивиад направился к ним. Македонянин кричал ему вслед, приказывая остановиться. Юноша не демонстрировал открытого неповиновения — он просто продолжал идти, словно не слышал. А мы с моим братом и еще два десятка молодых людей последовали за Алкивиадом, словно накрепко привязанные к нему. У края волнорезов он отдал приказ. Не было слышно ни слова, но мы похватили весла и снова ринулись в эту ужасную стихию, по двадцать гребцов на каждом борту. Мы даже не установили рулевого весла. В такой обстановке оно было бесполезно.

Как кораблям удалось отчалить и остаться целыми — не знаю. Что сохранило нас, помимо милосердия небес? Только энтузиазм да еще вода в качестве балласта, о котором мы не позаботились. Из четырех гребков эффективны оказывались только два. Гонимые ветром, волны гулко ударяли в корпус, как тараны, а валы в два раза длиннее кораблей гнали их, как понесших лошадей. Когда корабль нырял носом под подошву волны, вода каскадом лилась в трюмы. При взлете на гребень ветер ударял по оголенному килю, ставя корабль почти вертикально, как опору для виноградной лозы. Работая веслами, мы стояли на банках.

И все же двум нашим кораблям удалось выгрести в море на полмили. Мы общались между собой, как собаки. Слышны были только отрывистые крики, заглушаемые порывами ветра. Однако задача была ясна: подплыть к бере-

гу с северной стороны, забраться на скалу и обойти врага с тыла.

Теперь Алкивиад греб сам, причем с такой силой, словно вызывал всех на соревнование. Его приказ, переданный по цепочке, был предельно понятен: высадиться на берег любым способом. Не думать о кораблях. Думать только о том, как самим оказаться на суше.

Гребень несшей нас волны раскрутился с такой силой, что вышвырнул всех нас со скамеек. Мы перелетели через планширы. При падении я потерял сознание. Пришел в себя среди волнорезов. Щит, наполненный водой, тащил меня вниз с невероятной силой. Он был закреплен у локтя и держал меня, словно кандалы. И только благодаря тому, что вылетели заклепки, я смог освободить руку и выскокить на поверхность. Другой юноша, увлеченный под воду таким же образом, утонул.

На прибрежной полосе собрались все уцелевшие — обесиленные, без щитов, без оружия. Оба корабля превратились в щепки. Посиневших от холода парней трясло, как парализованных.

Мы повернулись к Алкивиаду. Он тоже промок и лишился оружия, он дрожал, как и все мы, но тем не менее получал от этого удовольствие — другого слова не подберу. Парням, огорченным потерей кораблей, он сказал, что если бы корабли не затонули сами, то он приказал бы их продырять и затопить.

— Выкиньте из головы все мысли об отступлении, братья. Другого пути нет — только вперед! Выбора не осталось — победа или смерть!

Мы провели перекличку, а когда обнаружили, что трое утонули, Алкивиад велел почтить их память. Не имело значения то, что у нас ничего не осталось — ни щитов, ни мечей. Главное — дерзость удара.

— В такой темноте отсутствие оружия — не препятствие. Наше внезапное появление в тылу врага будет нашим оружием! При нашей атаке они побегут от ужаса.

Алкивиад повел нас наверх, на скалу. Он был кавалеристом и знал, что в такую погоду неприятель прежде всего постарается укрыть лошадей. Он повторял, что мы не заблудимся, как бы черно ни было вокруг. Но мы должны придерживаться края. Сполохи молний осветят нам дорогу и покажут место, где укрылся наш враг.

Конечно, он оказался прав. Показалась скала, и там были они. Мы напали на конюхов, забросали их камнями, палками, сломанными веслами. Через несколько минут наш командир всех нас усадил на лошадей, и мы поскакали по краю обрыва в полной темноте. С десятков врагов мы погнались к обрыву, на камни. В отчаянии я пытался сорвать щит с одного из них. Для воина, прошедшего обучение в Спарте, лучше умереть, чем возвратиться с поля боя без щита.

И вот от моего удара упал первый враг. Он рухнул прямо на камни, и я слышал, как треснул его череп. Мой брат оттащил меня от него, когда я хотел снять с него нагрудную пластину и щит. Я был без ума от радости — я жив, я чувствовал себя непобедимым! Многие молодые воины в таком состоянии действуют как варвары. А Лион оттащил меня.

Собрался наш отряд. Мы завладели этим местом, мы победили! Наши войска внизу приветствовали свое освобождение. Я видел, что с утеса свисали веревки. Несколько человек снизу забрались наверх и теперь стояли перед нами. Я узнал македонского командира — он стал яростно и зло ругать Алкивиада.

Он назвал юношу беспечным. Говорил, что тот — ослушник, который не повинуется приказам. Из-за его самоуправства погибли трое, потеряны два корабля. Где щиты и оружие? Знает ли он, какое наказание ждет нас за потерю? Глаза македонянина метали молнии. Уж он постарается, чтобы Алкивиада вздернули по обвинению в мятеже, если не в измене. Он клянется Зевсом, что станцует на его могиле.

Трое македонских офицеров поддержали этого командира. Но выражение лица Алкивиада не изменилось. Он лишь ожидал конца разглагольствований.

— Нельзя выступать с такой речью, — сказал он наконец, — стоя спиной к обрыву.

Не стану слишком драматизировать этот момент. Только скажу, что трое приверженцев капитана, принимая во внимание создавшееся положение, схватили своего командира и действительно столкнули его с обрыва.

Новая неожиданность для нас — тех, кто впервые в своей молодой жизни испытал такой ужас, какого и представить себе прежде не мог! Что с нами будет? Находящиеся внизу наверняка сообщат о действиях Алкивиада. Мы — соучастники. Неужели нас будут судить как убийц? И наши имена будут очернены, наши семьи — обесчещены, нашим родным будет стыдно за нас? Неужто нас вернут в Афины в цепях и мы будем ждать казни?

Алкивиад приблизился к трем македонянам, положил им руки на плечи и заверил, что у него нет дурных намерений. Он спросил у них имя и род того офицера, что сорвался со скалы.

— Подготовьте донесение, — приказал Алкивиад.

И продиктовал текст приказа о вынесении благодарности за героизм. Все совершенное им в ту ночь он приписал капитану. Он расписал мужество этого офицера, проявленное перед лицом страшной опасности. Не думая о себе, македонянин вышел в море во время шторма, поднялся по гладкой отвесной скале, окружил и разгромил врага. Своими действиями он сохранил корабли и людей своей команды, что находились внизу, на прибрежной полосе. И на самом пике его триумфа, когда его меч сразил вражеского командира, жестокая судьба настигла его и он упал со скалы.

— Слава о его подвиге, — заключил Алкивиад, — будет жить в веках.

Далее он объявил, что это донесение будет отослано отцу капитана, а после нашего возвращения будет представлено им лично Пахету и македонским военачальникам; после чего обратился к нам:

— Кто из вас, братья, подпишется под моим именем на этом донесении?

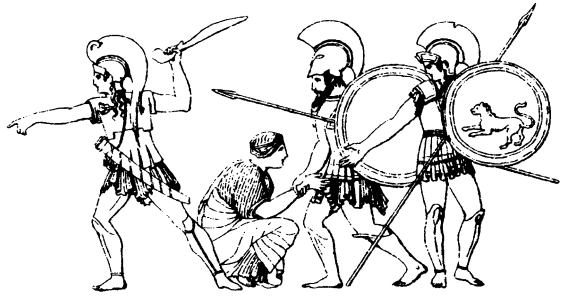

Нечего и говорить, что согласились все.

Наш отряд влился в войска под командованием Пахета и более месяца принимал участие в сражениях. И все это время девятнадцатилетний Алкивиад признавался нами за старшего, хотя официально никто не назначал его командиром. В конце концов его все-таки сделали капитаном. Когда мы наконец достигли Потидеи, нашего первоначального пункта назначения, и соединились с войсками, занятыми осадой, то наш отряд был расформирован так же беспечно, как некогда сложился, а Алкивиад, ничем не награжденный и ни в чем не обвиненный, был отправлен в свою часть.

Несколько сезонов подряд я и мой брат служили бок о бок с несколькими молодыми людьми, присутствовавшими в тот час у обрыва. Мы имели возможность общаться на любую тему; однако ни разу ни один из нас не упомянул о случившемся и ни намеком не подтвердил реальность этого происшествия.

ЗАМЕНИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Два человека доказали при осаде Потидеи свою незаменимость: Алкивиад и мой брат. Своим поведением в бою и на военных советах первый ясно доказал, что он —

Всех превзошел в геройстве, неистовый воин,
Что не имеет соперника, равного в битве себе.

Повсюду его признавали самым блестящим, самым отчаянным, обладавшим несомненным полководческим гением. В Афинах сфера его деятельности была ограничена обычными интересами молодости — спортом и любовными приключениями. Война все перевернула, предоставив ему дело, соразмерное с его способностями. Неожиданно он оказался в своей стихии. Никто и не предполагал, что юноша, не достигший еще и двадцати лет, может быть возвышен до верховного командования; что он не только проведет осаду с большой решительностью и умом, но и завершит ее с успехом и наименьшими потерями.

Что касается моего брата, он сделал себе имя своей опытностью среди юнцов. Как бы ни велика была армия, основная работа войны

выполняется малыми подразделениями, и в каждом таком подразделении должен быть хотя бы один человек, подобный моему брату Лиону, — человек, которому неведом страх, который, несмотря на все трудности войны, каждое утро просыпается радостный, готовый со смехом снять груз с чужих плеч, взяться за любое задание, каким бы посредственным и скромным оно ни было. Подразделение, где нет такого человека, никогда не добьется успеха. Имея же такого Лиона, оно, конечно, может когда-нибудь потерпеть поражение, но никогда не будет сломлено.

Письма нашего отца настигли нас в Потидее. Нас с Лионом вызвали в палатку офицера, чье имя я не могу вспомнить. Он громко зачитал два заявления нашего отца. Там подтверждалось, что возраст моего брата — шестнадцать лет и три месяца; отец просил немедленно отчислить его и обещал заплатить все штрафы и оплатить его проезд.

— Что ты на это скажешь? — строго осведомился капитан.

Лион выпрямился во весь свой немаленький рост и поклялся водами Стикса, что ему не только двадцать — уже двадцать три! Наш отец, заявил он, желает лучшего, но после опустошения наших земель у него совершенно расстроены нервы, и он боится потерять своих сыновей — что и понятно. Отсюда его обращение, представленное с такой трогательной и правдоподобной убедительностью.

Капитан вызвал свидетелей — наших земляков, которые подтвердили правдивость письма. Однако Лион продолжал стоять на своем. Не возраст делает воина, но энтузиазм и сердце!

Наш командир оборвал его. Я никогда не видел такого безутешного человека, как Лион. Вид его был почти комичен, когда он, с унылым лицом и поникшей головой, садился на галеру, чтобы отправиться домой.

Штраф за преступление брата пал на меня — как и следовало ожидать, поскольку я был старшим. Он равнялся трехмесячному жалованью. Меня исключили из строевых час-

тей и приказали командовать мальчиками, которых отправили рубить лес. Нам выдали топоры, дали мулов и тележки.

Ты ведь был в Потидее, Ясон, я тебя помню. Ты прибыл в конце весны с Эвримедоном. В то время туда как раз направили конные отряды — нам на выручку; ими пополнили войска, поредевшие из-за чумы. Тебе повезло, ты пропустил ту зиму.

Во времена наших отцов зима была сезонным затишьем. Кто мечтал о сражениях в снегу, на скользком льду? Сезон войны было лето. В Спарте не имелось даже слова для обозначения лета, они называли это время *strateiorion*, «сезон кампаний». Но осада не может осуществляться только в солнечную погоду. И появился новый календарь для нового вида войны.

То была дырявая осада. Войска больше общались с врагом, нежели со своими соотечественниками. Мы продавали осажденным еду и дрова, потидейцы торговали драгоценностями. Сначала шло золото, затем камни и льняное полотно. Они продавали нам доспехи и мечи. С середины зимы они стали торговать своими дочерьми.

Клянусь богами, там было очень холодно. От мочи поднимался пар, и она застывала прежде, чем касалась земли. Когда надевали доспехи, кожа примерзала к ледяной бронзе и потом отставала клочьями. Слава почетной гибели за свою страну потеряла даже тот тусклый блеск, которым обладала первоначально. Стоило умереть от язвы, чумы, слепой стрелы, пущенной из бойницы, только затем, чтобы весной договориться о прекращении кампании и заключить новый союз! Мы стояли там лагерем, замерзшие и несчастные, а Потидея неясно вырисовывалась у перешейка, такая же замерзшая и несчастная, как и мы.

Трое северных ворот выходили на берег и запирались только днем. С наступлением ночи они открывали дорогу мошенникам, ворам и всяким подонкам. В снегу можно было видеть протоптанную ими тропу, широкую, как буль-

вар. Нами командовал назначенный за взятку человек по имени Кносс. И вот что мы делали: из восьми срубленных деревьев четыре мы отдавали армии, а четыре продавали врагу. Они платили нашему капитану женщинами. Не проститутками, а уважаемыми женами и дочерьми города.

Этим они благодарили за дрова. Я запрещал своим ребятам принимать участие в оргиях, во время которых нередко одна женщина обслуживала десяток мужчин, после чего возвращалась под защиту городских стен. Испорченность нравов, поощряемая нашим начальником, могла понизить тот еще слабый воинственный дух, что теплился в подростках. К тому же я был чересчур щепетилен. Наверное, странно слышать подобное слово от человека, чьи последующие подвиги тебе хорошо известны! И тем не менее это было так. Я не мог быть свидетелем того, какое разрушительное действие оказывает эта «коммерция» на самих женщин.

Меня отчитали за это. За спиной мои самцы стали называть меня «спартанцем». Распространили слух, что я тайно на стороне врага и что моя ханжеская непримиримость не только подрывает боевой дух юношей, но и является открытым неповиновением приказам моего начальника. В лучшем случае меня готовились обвинить в несоблюдении субординации, в худшем — в измене. В стычке с капитаном у меня вырвалось слово «сводник», и меня уволили со службы.

Я обратился за помощью к Алкивиаду. Армия в ту осень вела ожесточенную борьбу с врагом. Попытка прорыва требовала мобилизации всех наших войск. Алкивиад отличился в бою и был награжден за мужество. Он считался самым храбрым из тех шести тысяч, что вышли на поле боя. В тот вечер, когда я пришел к нему, он праздновал победу со своими товарищами по палатке.

Как ты знаешь, Ясон, лагерная стоянка, если она находится в одном месте достаточно продолжительное время, сама становится своего рода городом. Ее рынок, агора, превращается в место народных собраний, а плацы делаются

спортивной школой. В борьбе со скукой полис изобретает собственные развлечения и безумства, он пестует своих выдающихся людей и создает фигляров. Возникают комфортабельные кварталы и кварталы, пользующиеся дурной славой, куда человек забредает на свой страх и риск. В эпицентре лагеря непременно найдется какая-нибудь палатка, выделяющаяся яркими персонажами.

Вот таким центром стала палатка Алкивиада на Аспазии-Три (главные улицы семи укрепленных лагерей, окруживших Потидею, были названы именем знаменитой афинской куртизанки). Там отмечали не только праздник храброго Алкивиада; то был праздник остроумия, товарищеской беседы, причем в число собеседников входил и твой учитель Сократ, известный в то время не как философ, а как доблестный и несгибаемый воин; ему было тогда, кажется, сорок. А еще — прославленный актер Алкей, олимпийский борец Мантитей, врач Акумен... Это были самые интересные люди. Все хотели находиться рядом с ними. Предложение отобедать на Аспазии-Три ценилось едва ли не выше боевой награды. По этой причине я избегал Алкивиада, не желая вторгаться в его мир без приглашения. Наша дружба, хоть и радушная, требовала соблюдения дистанции.

Однако теперь я попал в тяжелую ситуацию, и это вынудило меня прийти. Я подождал часа, когда закончится вечерняя трапеза, затем направился в лагерь Аспазии — идти потребовалось приблизительно милю. Я намеревался отнять у Алкивиада всего несколько минут. Я хотел поговорить и попросить замолвить за меня слово перед начальством. Я полагал, что дело могло бы ограничиться простым выговором.

К моему удивлению, увиденное представляло собой резкий контраст с другими окрестностями лагеря. Повсюду царил тьма; лишь изредка темную и пустую дорожку перебежал по холоду одинокий солдат. Однако двор перед палаткой Алкивиада был ярко освещен факелом и жаровней.

На дорожках вовсю веселились свободные от дежурства офицеры и солдаты; здесь было полно продавцов вина, кондитеров, фокусников. Группа акробатов демонстрировала свое искусство на сцене из бревен. Имелся даже профессиональный дурачок, не говоря уж о нескольких беззубых неряхах-проститутках, что весело слонялись без дела. Аромат жарившегося на вертеле мяса добавлял жизнерадостности в эту картину; костры ярко горели, отогревая замерзшую землю, которую месили ноги праздновавших. Когда я пробирался через эту толкотню, полы палатки распахнулись и появилась самая ослепительная из женщин, какую я когда-либо видел.

У нее были красновато-коричневые волосы и фиалковые глаза, сиявшие в свете факела, как звезды. С головы до ног она была закутана в соболя. Ее сопровождали два кавалерийских офицера ростом футов по шесть, облаченные во вражеские плащи, отороченные горностаем. Никто не сделал ни единой попытки задержать их. Наши солдаты подвели им лошадей и даже помогли сесть. Женщина быстро направилась прочь, но не по направлению к городу, а вверх по склону, к утесу под названием Асклепий, где — как я позже узнал — для нее и ее охранников был выстроен деревянный дом.

— Это Клеонис, — объяснил продавец жареного лука. — Подруга Алкивиада.

Несомненно, я бы так и прождал всю ночь на пороге, если бы не двоюродный брат Алкивиада — Эвриптолем. В поисках палатки он прошел мимо меня и, признав, потащил с собой. Превесею сообщил по дороге, что Клеонис — супруга Махаона, самого богатого жителя Потидеи. Алкивиад завел с ней знакомство, чтобы через ее мужа добиться сдачи города.

— А теперь она влюбилась в него и отказывается возвращаться домой. Даже уверяют, будто беременна от него. Что делать?

Эвриптолем, которого его товарищи называли Эвро, сказал, чтобы я подождал, и нырнул в палатку. Через несколько

минут я услышал смех Алкивиада. Полы палатки раздвинулись, и я оказался в тепле.

— Поммо, друг мой, где ты пропадад? Неужто один в лесу, с этими невинными отроками?

Мне сказали, что Алкивиад сам себя назначил главою пирушки. Он восседал на почетном месте, перед ним лежал его венок, щеки его были красны от вина. Он был ранен — под туникой я заметил перевязанные ребра. Он представил меня товарищам как соратника по операции на Паровых Котлах, усадил, предложил вина. О моих неприятностях он уже слышал.

— Это правда, что ты назвал своего командира сводником?

Мой приход прервал беседу пирующих. Я не знал, как отвлечь от себя внимание. Мне хотелось, чтобы дружеская беседа продолжалась, но присутствующие и слушать об этом не хотели. Олимпиец Мантитей попросил меня изложить доводы против маленького безобидного веселья. Я ответил, что то, против чего я возражал, весьма небезобидно и понижало боевой дух юношей, состоявших под моим началом.

— У меня есть младшая сестра, Мери, — добавил я горячо. — Я бы кастрировал любого, кто посмел хотя бы руку положить на ее платье без разрешения моего отца. Как же я могу безучастно смотреть, как портят других девушек, пусть даже они дочери наших врагов?

Это вызвало иронические выкрики: «Правильно! Правильно!» К моему удивлению, Алкивиад встал на мою защиту. Его поступок был встречен с насмешливым весельем, даже с некоторым недовольством, однако он отнесся к этому добродушно.

— Можете смеяться, услышав, что я, чья репутация соблазнителя женщин вам известна, выступаю в защиту слабого пола. Но могу утверждать, что знаю, каково быть женщиной.

Он помолчал, а затем, повернувшись ко мне, заявил, что я могу забыть обо всех неприятностях, вызванных моим

поступком. Будут пущены в ход все связи. А сейчас я должен выпить — и не умеренно, как пьют спартанцы, а много, как принято в Афинах. Иначе остроты не будут смешными, а беседа — содержательной.

После чего Алкивиад повернулся к остальной компании и продолжил:

— Учтите, друзья: красивый юноша подобен женщине. За ним ухаживают, ему льстят, восхваляют достоинства, которых у него еще нет, и награждают бурными аплодисментами качества, которые не он сам в себе выработал, но которые даны ему от рождения. Не улыбайся, Сократ, ибо это как раз относится к тому, о чем ты только что говорил. Я имею в виду несоответствие между истинной сущностью политика и мифами, которые он вынужден порождать, чтобы участвовать в общественной жизни. Не смей возражать мне! Я утверждаю, что я — или любой другой, кто вступает в политику, — должен быть един в двух лицах: Алкивиад, которого знают его друзья, и Алкивиад — чуждая мне фиктивная личность, чью известность мне приходится подпитывать, если я хочу, чтобы мое политическое влияние возоблагодало над прочими. В таком же положении оказывается красивая женщина. Она не может не ощущать себя двумя существами: одно, глубоко личное, известное только ей, и внешняя сторона, которую демонстрирует миру ее красота. Внимание окружающих может льстить ее тщеславию, но внимание это пустое, и она знает это. Она подобна тем мальчишкам во время праздника Тесея, которые катят перед собою раскрашенные тележки с бычьими головами. Поклонники любят ее не ради ее самой — не ради тачечника, но за то чудо, которое она катит перед собой. Это — определение деградации. Вот почему, друзья мои, я с малолетства научился презирать ухажеров. Уже ребенком я познал, что это не меня они любили — их интересовала только внешность, ибо сами они тщеславны.

— И все же, — вставил борец Мантитей, — ты не отвергаешь ухаживаний нашего товарища Сократа, как не отвергаешь дружбы с нами.

— Это потому, что вы — мои настоящие друзья, Мантитей. Даже если бы мое лицо было так же изрыто оспой, как твое, ты все равно любил бы меня.

Алкивиад постарался заставить Сократа возобновить свои рассуждения на эту тему, которые прервал мой приход. Но прежде, чем ему это удалось, актер Алкей снова заговорил о позоре женщин Потидеи:

— Не будем так бездумно употреблять слово «деградация». Война — это деградация. Ее цель — конечная деградация, смерть. Этих женщин не убили, а синяки исчезнут с их тел.

— Ты удивляешь меня, мой замечательный друг, — возразил ему Алкивиад. — Ты же актер! Как никто, ты должен знать, что наши пороки не ограничиваются физическими недостатками. В чем заключается трагедия? Возьмем Эдипа, Клитемнестру, Медею. Их раны залечились, но разве остались они здоровы душой?

Тут в разговор опять вмешался Мантитей:

— Если вы спросите меня, то вот мое мнение: не эти женщины страдают от настоящего унижения, но их отцы и братья, позволяющие нам пользоваться ими столь омерзительным образом. У этих мужчин есть выбор. Они могут голодать. Они могут бороться и умереть. На самом деле эти молодые женщины — героини. Когда мужчина рискует всем, защищая свою страну, его увенчивают за доблесть лаврами. А разве эти девушки не делают то же самое? Разве они не жертвуют самым драгоценным, что у них есть, — своей девственностью, честным именем, — чтобы помочь осажденным соотечественникам? Что, если с наступлением весны их союзники-спартанцы наконец оторвут от лож свои задницы и направятся сюда, им на помощь? И разобьют нас наголову? Клянусь богами, потидейцы должны будут воздвигнуть этим девушкам памятники! Если рассматривать проблему с этой точки зрения, то присутствующий здесь молодой человек, — тут он указал на меня, — не освобождает этих благородных женщин от позора, нет, он не дает им шанса стать бессмертными!

Его тирада сопровождалась смехом, возгласами «продолжай!» и стуком винных чаш о деревянные сундуки, служившие столами.

— Подождите, — остановил его Алкивиад, — я вижу, наш друг Сократ улыбается. Он хочет что-то сказать. По совести говоря, мы должны предупредить нашего товарища Полемида, чтобы он, как Одиссей, приближаясь к острову Сирен, залил себе уши воском. Ибо хоть раз послушав сладкие речи нашего друга Сократа, он навсегда делается его рабом — как все мы.

— Ты снова подшучиваешь надо мной, Алкивиад, — молвил тот, кого назвали Сократом. — Должен ли я выносить оскорбления от этого человека, который пренебрегает моими советами, заботясь лишь о своей популярности? Как вы считаете, друзья?

Сократ, сын ваятеля Софрониска, сидел напротив меня. Из всех присутствующих он обладал наименее привлекательной внешностью: коренастый, толстогубый, с приплюснутым носом, лет сорока, совсем лысый. Его спартанский плащ, испачканный кровью еще со времен стычки в начале месяца, был из грубой, но дорогой ткани.

Его настойчиво стали просить рассказать об инциденте, случившемся несколько дней назад. Присутствующие с удивлением узнали, что Сократ весь день простоял на страшном холоде, на замерзшей земле в открытых сандалиях, поглощенный решением некоей загадки. Сами свидетели этого дрожали от холода в помещениях, обмотав ноги овечьей шерстью. Время от времени солдаты выглядывали наружу, чтобы посмотреть на Сократа, но тот оставался на месте. И только с наступлением ночи, решив мучившую его загадку, он покинул свой добровольный пост и присоединился к ужинавшим. И теперь все, начиная с Алкивиада, желали услышать, какая же загадка занимала ум их друга так неотступно.

— Мы говорили о деградации, — начал Сократ. — Что такое деградация? Может быть, это понятие, как его пред-

ставляет отдельный индивид, исключает все многочисленные грани его души и бытия и тем самым управляет человеком? В случае с этими несчастными женщинами такое качество — их плоть и ее использование для удовлетворения наших половых инстинктов. При этом мы отвергаем все остальное, что делает этих женщин людьми, посланными богами. Заметим далее, что это — единственное качество, из-за которого мы осуждаем данных женщин и приговариваем их стать изгоями общества. Сами они над ним не властны. Это качество — хотят они того или нет — дано им от рождения. Вот антитеза свободы, не так ли? Они становятся рабынями своего качества. Даже с нашими собаками и лошадьми мы обращаемся лучше, мы признаем их право быть хитрыми, коварными, мы признаем за этими животными даже право на противоречивый характер.

Сократ остановился и поинтересовался, хочет ли кто-либо возразить ему по поводу сказанного. Но все одобрили его речь и попросили продолжать.

— И все же мы, считая себя свободными людьми, часто действуем таким образом не только по отношению к другим, но и по отношению к самим себе. Мы определяем себя по качествам, которые получили или не получили при рождении, — за исключением качеств, приобретенных позднее с помощью нашей предприимчивости или воли. Я считаю, что это намного больше, нежели деградация, — это самодеградация.

Он пристально посмотрел на Алкивиада. Распорядитель пирушки заметил этот взгляд и, довольный и заинтригованный, не без иронии возвратил его философу.

— Размышляя над этим состоянием рабской подчиненности своим желанием, — продолжал Сократ, — я стал ломать голову, пытаюсь определить, какие именно качества делают людей свободными.

— Наша воля, как ты сказал, — заметил врач Акумен.

— И сила, чтобы добиться свободы, — добавил Мантитей.

— Вот именно. Вы думаете так же, как я. Ваши мысли даже обгоняют мои. Но что такое свободная воля? Мы должны согласиться: все, что обладает свободной волей, можно определить как свободное. А то, что несвободно, — деградирует, то есть доведено до состояния более низкого, нежели определено богами.

— Думаю, я понимаю, к чему ты клонишь, — улыбнулся Алкивиад. — Чувствую, друзья мои, меня и всех вас ожидает порка.

— Мне замолчать? — осведомился Сократ. — Возможно, наш герой изнурен своим геройством и устал от лести окружающих?

Компания потребовала продолжения.

— Я наблюдал в лагере за молодыми солдатами. Их стимулом является соответствие норме. Не так ли? Каждый самопроизвольно старается причесываться как другие, носит плащ одинаковой со всеми длины, походку подстраивает под общую, даже позы принимает такие же, как все. Главное для них — быть причисленными к сообществу, а страшнее всего — оказаться исключенными из него.

— Это не слишком похоже на свободу, — согласился Акумен.

— Это похоже на демократию, — смеясь, вставил Эвриптом.

— Но вы согласны со мной в том, что эти юноши, озабоченные лишь тем, чтобы у сверстников сложилось о них хорошее мнение, не свободны?

Все согласились.

— Фактически они рабы, не так ли? Они поступают не по велению своих сердец, а так, чтобы понравиться другим. Для этого существуют два слова: демагогия и мода.

Компания отозвалась свистом и аплодисментами.

— Те, кому ты проповедуешь, Сократ, к счастью, невосприимчивы, — объявил Алкивиад.

— Без сомнения, меня — босоногого, в бедном одеянии — в лагере воспринимают несерьезно. И все же я утверждаю,

что я, не стесненный требованиями моды, — самый свободный человек.

Сократ расширил метафору, заговорив о Народном собрании Афин.

— Существует ли под небесами спектакль, более унижающий человеческое достоинство, нежели ораторствование демагога перед массами? Каждый слог его речи вопиет о бесстыдстве. А почему? Потому что мы опускаемся до его уровня, наблюдая, как этот гнусный тип подло ведет себя перед людьми. Мы знаем, что речь его идет не из сердца, что она вовсе не выражает его собственные убеждения, — нет, она ловко составлена на потребу толпе. По благодарности слушателей он судит о своем успехе. Он будет говорить все, что угодно, как бы ни было это безнравственно или низко, лишь бы повесить свое достоинство в глазах толпы. Другими словами, политик — это наиболее полное проявление раба.

Алкивиад наслаждался этой пикировкой.

— Другими словами, ты хочешь сказать, друг мой, что я, занимаясь политикой, становлюсь подлецом и угодником, стремясь выделиться среди равных? Ты утверждаешь, что, делая это, я жертвую своей душой в угоду изменным чувствам?

— Ты сам это сказал.

— Я понял тебя, Сократ! А что, если человек не желает следовать за равными, если он желает возглавлять их? Если речь его действительно идет от сердца? Разве это — не определение человека полиса, человека-политика? Человека, действующего в интересах не собственных, но своего города?

Оживленная беседа продолжалась почти весь вечер. Признаться, я не мог уследить за всеми хитросплетениями дискуссии. Наконец разговор, казалось, сосредоточился на одной теме, обсуждаемой еще до моего прихода: можно ли человека в демократическом обществе считать незаменимым, и если да, то допустимо ли для такого человека отступление от норм в большей степени, нежели для его соотечественников?

Сократ встал на сторону закона, который — при всех его несовершенствах — требовал, чтобы перед ним все были равны. Алкивиад объявил это абсурдом и со смехом заявил, что его друг не верит и не может верить в то, что сам говорит.

— Я объявляю тебя незаменимым, Сократ! Ради твоей жизни я пожертвовал бы крупными воинскими подразделениями — как и каждый из присутствующих за этим столом!

Хор поддержал эти слова: «Да! Да!»

— Я говорю это не только из чувства привязанности, — продолжал молодой человек, — но ради пользы государства. Ты ему нужен, Сократ, нужен как врач, способный исцелить его душу. Что станет с ним без тебя?

Философ не мог удержаться от смеха.

— Ты разочаровываешь меня, друг мой, ибо я надеялся найти в тебе любовь, а не политическую корысть! Но все же не будем относиться к этой теме легкомысленно, ибо в глубине ее таится нечто требующее самого тщательного изучения. Что же мы поставим на первое место, человека или закон? Поместить человека над законом означает полностью отвергнуть закон, ибо если не применять закон одинаково ко всем, значит, не применять его ни к кому. Вознести человека на такую высоту — значит образовать некую иерархическую лестницу, по которой впоследствии может взобраться вверх кто-то другой. Я подозреваю — да и вы, братцы, тоже — что, называя меня незаменимым, Алкивиад хочет создать прецедент для себя в дальнейшем.

Не отпираясь, Алкивиад засмеялся и сказал, что считает себя действительно незаменимым.

— А разве Фемистокл, Митридат, Перикл не были незаменимыми? Без них государство лежало бы в руинах. Давайте не будем забывать также афинского законодателя Солона, который дал нам эти самые законы, в чью защиту столь ревностно выступает наш друг. Поймите меня правильно. Я не стремлюсь опровергать закон; напротив, считаю, что его следует соблюдать. Объявить людей «равными»

было бы абсурдом, не будь это столь вредным. Аргумент против того, чтобы вознести человека над законом, на поверхности оказывается фальшивым, ибо, если этот человек называется Фемистокл или Кимон, он сообразуется в своих действиях с высшим законом, который именуется Необходимость. Мешать незаменимому человеку «во имя равенства» — глупость, вызванная незнанием намерений того бога, который предшествовал Зевсу, Крону или самой Гее и является нашим предвечным законодателем и прародителем.

Все опять засмеялись, застучали чашами. Сократ хотел было ответить, но беседу прервали. Оказывается, от опрокинутой жаровни загорелась соседняя палатка, и все бросились тушить пожар. Палатка опустела, и я оказался наедине с Алкивиадом. Он велел слуге привести лошадей.

— Поехали, Поммо, я провожу тебя в твой лагерь.

Я узнал новый пароль, и мы вышли на холод.

— Ну,— поинтересовался Алкивиад, когда мы оставили позади первую линию часовых,— что ты думаешь о нашем Плешивом Учителе?

Я ответил, что не могу понять этого человека. Я знал, что софисты богатеют, беря с учеников немалую плату. Но Сократ в его домотканой одежде выглядел скорее как...

— Нищий? — засмеялся Алкивиад. — Это потому, что он не хочет извлекать выгоду из дела, которым он занимается с любовью. Он сам платил бы ученикам, если бы мог. Он считает себя не учителем, а обучаемым. И вот еще что я скажу тебе... Мой венок за доблесть... Ты заметил, что сегодня я ни разу не надел его? Это потому, что он по праву принадлежит ему, нашему мастеру дискуссий в грубой одежде.

И Алкивиад рассказал, что в самый разгар сражения, за которое он получил награду, он упал, раненный, отрезанный от своих и окруженный врагами.

— Один только Сократ пришел мне на помощь. Он укрывал меня своим щитом, пока наши товарищи не смогли вернуться с подкреплением. Я протестовал, говорил, что

награда принадлежит ему, но он убедил военачальников дать отличие мне. Без сомнения, он желал научить мое сердце стремиться к формам славы более благородным, чем слава политика.

Дальнейший путь мы проделали молча. Над стенами осажденного города поднимался дым костров, на которых готовили пищу.

— Ты заметил этот запах, Поммо?

Запах конины.

— Они поедают свою кавалерию, — сказал Алкивиад. — К весне им конец, и они знают это.

В лагере рубщиков леса Алкивиад устроил целое представление из своего появления. Не говоря ни слова, он дал понять, что я — под его защитой и любой, кто посмеет в чем-либо воспрепятствовать мне, будет иметь дело с ним. Конечно, в течение десяти дней мой командир получил приказ, по которому его отозвали обратно в Афины. Вместо него поставили офицера, которому было приказано оставить меня в покое и предоставить мне право руководить группой так, как я считаю нужным.

Я спешил и отдал уздечку другу.

— Чем будешь заниматься вечером? — спросил он.

Я хотел написать письмо сестре.

— А ты? Возвратишься и продолжишь философскую дискуссию?

Он засмеялся:

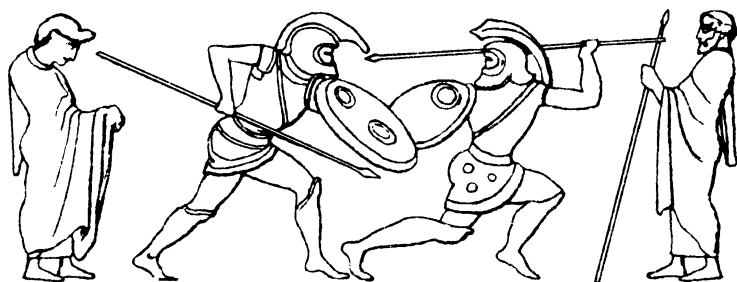
— А что еще остается?

Я смотрел, как он уезжает, ведя вторую лошадь в поводу. Однако возвращался он не по той дороге, по которой мы пришли, не вдоль линии часовых в направлении Аспазии-Три, а вверх по склону Асклепия, к тому домику из кедра, где ждала его госпожа Клеонис, женщина с фиалковыми глазами.

Книга вторая

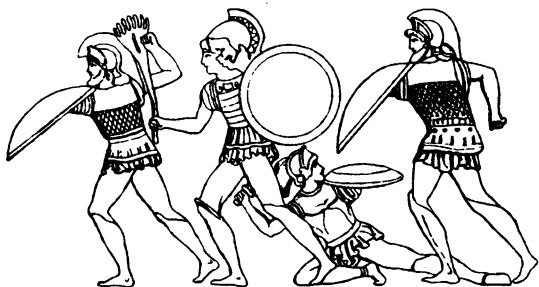

ДЛИННЫЕ СТЕНЫ

Глава VI

РАЗВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Так закончилась моя первая беседа с убийцей Полемидом. Я покинул его и поспешил к Сократу. Проходя по Железному Двору, соединявшему крылья тюрьмы, я подумал о том, что упоминание о давнем вечере может, спустя тридцать лет, вызвать улыбку у нашего друга. К тому же мне было интересно: помнит ли Сократ молодого солдата по имени Поммо? Но я решил не говорить об этом, не желая утомлять воспоминаниями и без того перегруженный ум учителя. Кроме того, я отдавал себе отчет в том, что толпа друзей и последователей помешает мне побыть наедине с нашим учителем хотя бы несколько мгновений.

Однако когда я пришел в его камеру, он был один. В тот день одиннадцать судей определили, какой казни он будет подвержен: он должен будет принять ядовитое зелье из цикуты. Хотя этот способ избавлял его плоть от увечья, оглашенный приговор поверг его друзей в такое состояние, что Сократ вынуж-

ден был попросить их уйти, чтобы побыть в тишине. Об этом сообщил мне охранник при моем приближении. Я думал, что меня тоже попросят уйти, но, к счастью, Сократ поднялся, жестом приглашая меня войти.

— Ясон, ты пришел от другого твоего подопечного?

Он знал о Полемиде все — и не только по тому вечеру во время осады Потидеи, но и по последующей его службе в пехоте, по отчетам о днях триумфа Алкивиада на Востоке, когда Полемид командовал галерами. Учитель заметил также о связи между двумя обвиняемыми: один — философ, приговоренный за то, что учил Алкивиада, другой — воин, осужденный за его убийство.

— вполне вероятно, что присяжные, будучи последовательными, должны, приговорив одного, оправдать другого. Вот шанс для твоего приятеля Полемиды, — заметил он.

В то время Сократу было уже за семьдесят. Поседела его борода, а фигура ничуть не изменилась с тех пор, как Полемид видел его во время осады Потидеи. Руки и ноги философа оставались сильными, осанка была энергичной и решительной. Легко можно было представить себе, как этот ветеран хватается щит и доспехи и бросается в битву.

Неудивительно, что философ проявил интерес к другому заключенному и даже посоветовал, как лучше защищать его.

— Слишком поздно подавать встречный иск и обжаловать приговор незаконным — хотя он, конечно, именно незаконным и является. Если только как *dike pseudomartyriou*, иск о лжесвидетельстве, его можно подать до момента голосования присяжных. — Он засмеялся. — Мое собственное тяжкое испытание, кажется, сделало меня чем-то вроде тюремного адвоката.

Мы поговорили об амнистии, введенной при восстановлении демократии, которая освобождала всех граждан от суда за преступления, совершенные до момента амнистии.

— Враги Полемида очень умно поступают, Сократ, обвинив его в правонарушении. В этом очень много грязи. Как он сам признает, достаточно, чтобы вымарать его.

Я кратко пересказал историю Полемида.

— Я знал некоторых членов его семьи, — заметил Сократ, когда я закончил повествование. — Его отец Николай был исключительно честным человеком. Он умер, ухаживая за больными во время чумы. А еще у меня была сердечная — и совершенно целомудренная — дружба с его двоюродной бабушкой Дафной, которая довольно эффективно управляла Военно-Морской Коллегией через своих мужей, второго и третьего. Она была первой женщиной-аристократкой, которая, овдовев, вела свои дела самостоятельно, без мужчины в качестве *kyrios*, юридического опекуна. У нее даже слуги в доме не было.

Затем наш учитель поинтересовался, какая у Полемида камера.

— На той стороне ужасная жара, я слышал. Пожалуйста, Ясон, передай ему эти фрукты и вино. Мне больше нельзя пить, потому что, говорят, вино портит вкусы.

Когда с наступлением вечера возвратились друзья Сократа, их даже позабавило то обстоятельство, что в тюрьме одновременно очутились убийца и философ. Ученик и друг Сократа Критон, довольно состоятельный человек и самый преданный его последователь, рассказал нам, что еще до суда над учителем он нанял сыщиков, чтобы получить сведения об обвинителях, разузнать об их собственных преступлениях и таким образом дискредитировать и их самих, и их обвинения. И я подумал, что то же самое я мог бы сделать для Полемида.

В то время у меня на службе состояла супружеская пара средних лет, Мирон и Лада. Они были прирожденные ищущие — хлебом не корми, дай выискать что-нибудь «грязное» о высокопоставленных и могущественных лю-

дах. Я решил поручить им выведать, что стало с семьей Полемиды и что двигало его обвинителями. Был ли у них заказчик, и если да, то кто он? Какие цели они преследуют?

Внук мой, я чувствую, что ты заинтересовался моим рассказом и желаешь узнать подробности. Мы с Полемидом были современниками. Рассказывая, он знал, что мне не требуется объяснений. Но ты, принадлежащий к позднему поколению, нуждаешься в более подробном описании тех времен.

Когда мы с Полемидом оба были молоды, еще до войны, слава Афин гремела, городу далеко было до упадка, в каком он находится сейчас. Дни его были блистательны, и никто подумать не мог, что они минут. Афинский флот бороздил воды Понта и вытеснял оттуда персов. Двести городов-государств платили Афинам дань. Афины были победителем, культурной и торговой столицей мира, главой большого союза.

До Спартанской войны оставались еще годы и годы, но чутье подсказывало Периклу, что следует готовиться к ней. Он укрепил порты Мунихия и Зеа, обновил Длинные стены по всей их длине и возвел Южную стену, «Третью Ногу», как ее называли,— на случай, если падет Северная, или Фалернская. Даже и тогда город останется неприступным.

Ты, внук мой, знаешь об этих несокрушимых чудесах зодчества с рождения и относишься к ним как к данности. Но в то время они представляли собой истинное воплощение гения инженерной мысли. Ни один город в Греции и мечтать о таком не мог, не то чтобы возвести подобные укрепления! Продлить зубчатые стены города, в четыре с половиной мили с каждой стороны, соединив верхний город с гаванями порта Пирей, образовав единую границу по всей суше и таким образом превратив Афины в неприступный остров... Большинство считало это безумием.

Мой отец и верхушка сословия всадников были яркими противниками этого мероприятия. Сначала они возражали Фемистоклу, а затем мешали Периклу осуществить замысел его предшественника. Они, эти землевладельцы Аттики, ясно понимали, что Олимпиец, как называли Перикла, намеревается с началом войны оставить город без обороны — фактически сдать врагу наши предместья, поля и виноградники, включая и этот, у подножия которого мы с тобою сейчас сидим. Стратегия Перикла заключалась в том, чтобы увести всех жителей Афин за Длинные стены, позволив врагу беспрепятственно опустошать наши хозяйства. Пусть «выпустят пары», вырубая виноградники и сжигая амбары. Когда им это надоеет, они уйдут домой. А тем временем Афины, которые контролировали море и могли обеспечить себя продовольствием с помощью городов-союзников, будут презрительно взирать на оккупантов из-за безопасных неприступных стен. Вся оборона, таким образом, строилась вокруг флота.

Родовитые дома Афин, аристократы Кекропиды, Алкмеониды, Писистратиды, Ликомиды, Евмолпиды, Филаиды — все они гордились собой, всадниками и гоплитами. Их предки и они сами защищали свой народ, сражаясь на коне или в строю. Теперь же афиняне превращались в нацию гребцов. Флот нанимал простолудинов и тренировал их, и моряки переполняли Народное собрание. Аристократы ненавидели все это, но были бессильны противиться переменам. Кроме того, флот обогатил их. Реформы, начатые Периклом и другими, установили цены на социальные услуги. Чиновники назначались по жребию, а не в результате тайного голосования. Таким образом, магистраты и суды заполнились простым людом. Членам Партии Хороших и Истинных, выразившим крайнее неудовольствие по поводу моряков, слонявшихся по узким припортовым улочкам со своими веслами и подушками, Перикл отвечал: не их политика сделала Афины выдающейся морской

державой. Это сделала история. Это наш флот, это наши моряки победили Ксеркса у Саламина; флот изгнал с моря персов; флот вернул свободу островам и греческим городам Азии. Флот обогатил нас всеми сокровищами мира.

Перикл доказывал, что строительство Длинных стен — это признание реалий времени. Мы никогда не победили бы спартанцев на суше. Их армия была непобедима и всегда такой будет. Судьба Афин решается на море. Так некогда провозгласил сам Аполлон:

Только деревянная стена не подведет вас.

Фемистокл и Аристид доказали это у Саламина, а Кимон и все победоносные полководцы последующих поколений, включая самого Перикла, подтверждали это вновь и вновь.

Другие государственные мужи яростно выступали против политики «стен и кораблей». Агрессивность нашего флота вызывает к нам недоверие спартанцев. Отстаньте от них — и они отстанут от нас; но загоните их в угол, заденьте их гордость нашей возрастающей мощью — и они будут вынуждены ответить нам тем же.

Это была правда, и Перикл никогда этого не отрицал. И все же таково было высокомерие тех лет, что афиняне свысока относились к жителям других городов. Даже наши шлюхи открыто заявляли, что для них унижительно уступать иноземцам, даже лучшим их представителям. С какой стати афиняне, которые победили самую сильную армию и флот на земле, должны покинуть свой город? Из страха оскорбить деликатность спартанцев? Разве хозяин не защищает свой сад каменной оградой? Разве сами спартанцы не окружают свои лагеря вооруженными пикетами и часовыми? Пусть у них будут флот и Длинные стены. А если они не смогут — что ж, будь что будет.

И началась война. Первые сезоны я служил на флоте. На вторую зиму меня отправили в Потидею — именно

эту осаду описал мой подзащитный. Трудностей было там больше, чем он рассказал. Началась чума. Она унесла четвертую часть пехотного состава. Мы увозили прах умерших в глиняных горшках под скамьями наших гребцов, сложив их щиты и доспехи под навесом на палубе.

В третью зиму Потидея пала. Война шла уже два года. Было ясно, что скоро она не закончится. Греческие города-государства разделились между Афинами и Спартой; каждому пришлось принимать ту или другую сторону. Остров Керкира стал союзником Афин; Аргос держался в стороне. Кроме Платеи, Акарнании, Фессалии и мессенского порта Навпакта, прочие города материка остались на стороне Спарты: это были Коринф с его богатствами и хорошим флотом, Сикион и города Арголиды; Элида и Мантиней, великие демократические полисы Пелопоннеса; Истм — север коринфского перешейка, Амбракия, Левкадия, Анакторий, Мегара, Фивы и вся Беотия с ее сильной армией; Фокида и Локрида с их бесподобными лошадьми.

Острова Эгейского моря и вся Иония находились под властью Афин. Наши военные корабли все еще господствовали на море. Но мятежи охватили Фракию и Халкидику, жизненно важные для Афин области, — они поставляли нам лес, медь, скот. То же можно сказать и о Геллеспонте, через который в Афины привозили ячмень и пшеницу.

Аттика превратилась для спартанцев в спортивную площадку. Враг перешел границу возле Элевсина, вторично опустошив Фриасийскую равнину; потом обогнул гору Эгалея, предал огню Ахарны, Кефисию, Левконою, Колон. Спартанские войска опустошили приморский край вплоть до горы Лаврий, и первый удар принял на себя берег, выходящий на острова Эвбея и Андрос. С высоты Длинных стен граждане Афин смотрели на склоны гор Парнет и Брилесс, за которыми поднимался в небо дым над последними нашими предместьями — их подожгли враги. У входа в город захватчики разгромили магазины и земли приго-

рода, которые сдавались в аренду; они даже вынули камни из мостовой перед рощами Академии.

Полемид служил под командованием Формиона в Коринфском заливе — сначала в портовом городе Навпакте, потом в Аргосе, в местности под названием Амфилохия, в северо-восточной Акарнании. В Этолии он получил ранение в голову и некоторое время оставался слепым, что вынудило его целый год не покидать пределы дома. Об этом мне сообщили мои ищейки. Не удалось найти ни одного из членов семьи Полемиды. Две дочери его брата Лиона, теперь уже взрослые, вышли замуж и исчезли из виду, занимаясь исключительно хозяйством. У Полемиды были сын и дочь, однако сыщики мои не смогли узнать о них ничего, кроме имен. Очевидно, эти дети родились от второго брака — с некоей Эвникой из Самофракии; записей об этом браке обнаружить также не удалось. Известно с определенностью, что один раз Полемид был женат в пору своего выздоровления после этолийского ранения — на дочери коллеги своего отца. Невесту звали Феба — «Лучезарная». Как и многие в те военные годы, Полемид женился молодым, в возрасте двадцати двух лет. Девушке было пятнадцать.

Когда во время нашей следующей встречи я попытался расспросить его об этом, он отказался — вежливо, но решительно. Я отнесся к его нежеланию с уважением и оставил дальнейшие расспросы. Моя назойливость, однако, напомнила моему подзащитному о матриархате, присущем его роду. Именно семья Полемиды устроила его первый брак. Воспоминания нахлынули на него — он определенно чувствовал огромную симпатию к первой супруге. Он вспомнил беседу у нее дома после его возвращения с войны.

— Как странно, — заметил он, — двадцать лет уже я не думал о том дне. Однако многое из того разговора может иметь отношение к нашему рассказу...

Я промолчал. Спустя короткое время Полемид возобновил повествование.

После Потидеи я два с половиной года не возвращался в Афины, принимая участие то в одной кампании, то в другой. Ты знаешь, как это бывает. Рана, которая держала меня дома взаперти, была получена даже не в бою. Я упал с лесов и разбил себе голову. Некоторое время из-за этого я был слеп. Мои дорогие товарищи в госпитале украли у меня все, что я имел, кроме трех серебряных монет в четыре драхмы каждая, которые я носил при себе. Они забрали бы у меня и щит, и нагрудную пластину, если бы я не положил щит под голову, а пластину не держал постоянно под рукой. Письмо, которое по моей просьбе один приятель написал моей сестре Мери, так и не достигло Афин, так что, когда я спустился с трапа в порту Мунихия, меня никто не встретил. Я даже не мог нанять какой-нибудь экипаж, чтобы добраться до города. Я побрел один, прижимая к груди оружие и доспехи, и с каждым шагом мне казалось: вот сейчас я потеряю сознание.

Чума свирепствовала уже вовсю. Она принесла с собой огромные изменения — я не мог в них поверить. Кольцевая дорога, ширина которой двадцать шесть месяцев назад казалась такой большой, что юноши в полночь устраивали на ней конные состязания, теперь сделалась столь узкой, что двум повозкам было на ней не разъехаться. По сторонам впритык были понаставлены ларьки и пивные — они тянулись вплоть до Длинных стен. Там же лепились лачуги для беженцев из сельской местности. В городе аллеи кишели безземельными людьми, потерявшими все свое имущество. Вежливости не было и в помине. Даже вид молодого солдата-инвалида, в которого я превратился, ни у кого не вызвал доброго слова. Ни один человек не захотел подать мне руку, когда потребовалось ступить на поребрик дороги. По знакомым дорожкам ходили незнакомые мне люди, ощупывая на ходу несколько влажных оболов. Они носили деньги не в кошельке, а за щекой, как деревенщина.

Я отдохнул в городе один день. За мной с любовью ухаживала моя любимая сестра. В ожидании моего приезда Мери сохранила немного вишен. Она боялась, что никогда больше меня не увидит. Ее любовь стала для меня солнечным светом. Для Мери недостаточно было просто смотреть на меня, своего брата. Ей необходимо было трогать мое лицо, волосы, часами сидеть, прижавшись ко мне.

— Я должна увериться, что это действительно ты.

Они с отцом настаивали на том, чтобы я, как только достаточно окрепну, навестил нашу тетю Дафну, которая заботилась обо мне в первые годы моей жизни и которая теперь, в возрасте шестидесяти двух лет, томилась одна. Мери заранее послала к ней мальчика — предупредить, и через два месяца я переехал к ней.

В действительности Дафна приходилась нам двоюродной бабушкой. В свое время она была признанной красавицей. В молодые годы она руководила шествием канефор — девушек с корзинами на головах на празднике Панафиной. Она носила для Змея в Акрополь священный сосуд с молоком. Теперь, по прошествии пяти десятилетий, Дафна отдала родному городу все, что имела. Она добровольно пустила на нижние этажи своего дома сельскую семью. Те, в свою очередь, разрешили там жить другим, также находящимся в стесненных обстоятельствах; так что когда я приехал, двор потряс меня толпами жильцов и обветшалостью строений — в результате их пребывания. Однако покои моей тети наверху остались без изменений, даже моя комната, которую я занимал, когда был маленьким. Внешность старушки также мало переменилась. Провожая меня в помещение, которое было гостиной ее четвертого мужа, а теперь служило и чуланом, и кухней, она держалась уверенно, с видом человека, который до сих пор всеми командует и которому оказывается всеобщее уважение.

Видел ли я лачуги на улицах?

— Клянусь богами, будь я мужчиной, Полемид, лакедемоняне раскаялись бы в своей наглости!

Моя тетя всегда называла меня полным именем — и всегда тоном неодобрения.

— Что за имя? Дать ребенку такое имя! «Дитя войны»! Вот уж действительно! О чем думали твой отец и его жена, согласившаяся с подобной прихотью?

И как всегда, она осудила безвременную кончину моей матери.

— Твой отец не хотел жениться вновь, но ему пришлось взвалить на себя заботу о вас троих, да еще поместье! Поэтому он послал тебя учиться в Спарту. И еще потому, что боялся, будто я могу тебя избаловать.

Она ждала мои мозолистые руки.

— Ребенком у тебя были пухлые, мягкие ручки, как грудка гуся, а кудряшки — как у красавчика Ганимеда. А теперь — полюбуйтесь на него!

Тетя Дафна настояла на том, чтобы приготовить мне поест. Я достал миски с высоких полок и уголь из ящичка. Я чувствовал на себе ее взгляд, пристальный, ничего не упускающий.

— У тебя трещина в черепе.

— Пустяки.

— Помилуй! Неужели ты думаешь, что за все эти годы я ничему не научилась?

Дафна перечислила все кампании, в которых я участвовал, упрекая меня за то, что я добровольно ввязался в эту войну, когда мог еще год-полтора назад сесть на корабль и вернуться домой. Она знала имена всех моих командиров, она расспрашивала их всех — если не лично, то их помощников и даже их матерей и сестер.

— Что происходит с твоей психикой? Что заставляет тебя, Полемид, добровольно идти туда, куда тебя не зовут? Тебя же не приводили к камню?

Она имела в виду то обстоятельство, что я не был мобилизован, мое имя не выбрали из *catalogos*; в числе других призванных на военную службу меня не было у родового камня.

— Или ты отправился добровольцем, чтобы разбить сердце твоей сестры и мое?

Она говорила о Мери, чей жених, морской офицер, погиб у Метимны. Сестра моя так и не вышла замуж. Ей было сейчас семнадцать лет. Из-за нашего стесненного положения приданое у нее было очень маленькое. А сколько еще девушек оставались незамужними из-за того, что все юноши ушли на войну?

Моя тетя не хотела, чтобы я сторонился и избегал рисковать; она только хотела, чтобы я проявлял благоразумие и осмотрительность.

— Целью твоего обучения в Спарте было привить тебе принципы добродетели, нравственности и самообладания; тебя не готовили к ремеслу воина. Ты — землевладелец! Боги! Разве у тебя отсутствует призвание к земле?

Я пожегился.

— А твой брат проявляет еще меньше внимания к хозяйству, чем ты. И твоих двоюродных братьев интересуют только актеры, лошади и собственная внешность. Кто сохранит наши семейные традиции, Полемид? Кто будет обрабатывать землю?

— Все это ни к чему, согласись, тетя, когда спартанцы готовят себе еду на кострах из наших кроватей и скамей.

— Не дерзи мне! Я не посмотрю, что ты уже вырос! Я еще могу отшлепать тебя!

Она прочитала молитву и поставила горшок на угли.

У меня было два двоюродных брата, внуки Дафны, Симон и Аристей, которые, казалось, выросли верхом на лошади. Сейчас они служили в кавалерии, отличились и, как сообщила тетя, приобрели довольно сомнительную известность. Знаю ли я, что они пьянствуют в городе с распутниками и щеголями, прихвостнями этого фата Алкивиада?

— Я видела собственными глазами. Твои кузены обещают в компании драматургов и шлюх!

— Я уверен, это самые лучшие драматурги.

— Да. И самые искусные шлюхи.

Она рассказала, что однажды на рассвете видела это сборище, когда стояла напротив Палладия в процессии, направляющейся к храму Диониса.

— И тут появилась целая толпа — увенчанных венками, прыгающих, как сатиры, еще не отреззевших после ночного дебоша. И среди них — Симон и Аристей! Ты знаешь большой кондитерский магазин на углу, у Скамьи Полководца? Когда появились жрецы со священными подношениями, эти горькие пьяницы преградили им путь и все отобрали — себе на обед! Да потом пели гимны вместе с нами. И все, включая твоих кузенов, забавлялись, непристойно насмехаясь над небесами!

Тетя осуждала распутство всей толпы, но яростнее всех — ее главаря Алкивиада. Она рассказала, что он привез с собой с севера двух ублюдков от этой иноземной уличной девки, Клеонис, двух мальчиков, и поселил их в том же квартале, где жил сам, на той самой улице, по которой его законные дочери от законной супруги Гиппарет каждый день прогуливались со своей няней.

— Что скажут эти девочки, когда станут постарше? «Вот идут внебрачные дети нашего папы — симпатичные, не правда ли?»

Я захотел несколько смягчить ее и спросил:

— Неужели у людей твоего поколения не было ничего такого, над чем можно было бы посмеяться?

Тетя посмотрела на меня с сожалением.

— Может быть, твой отец, дав тебе такое имя, поступил более разумно, чем я предполагала. Скажу правду: тебе нравится война. У тебя какое-то родственное отношение к запаху пищи, приготовленной на костре, к топоту твоих товарищей у тебя над ухом. Таким же был и твой дед. Мне нравится это в тебе. Это по-мужски. Но война — развлечение для молодого человека. И никто не может поддерживать состояние войны вечно, даже ты.

Она предложила пищу богам, потом положила мне на тарелку.

— Нам нужно найти тебе невесту.

Я рассмеялся, но тетя оставалась серьезной:

— Ты что-нибудь подцепишь у этих шлюх.

Наконец ее лицо осветилось улыбкой. Я крепко обнял ее, эту благородную женщину, которая всегда была моей защитницей и благодетельницей. Когда я выпустил ее из объятий, то заметил на ее лице уже не радость, а грусть.

— Что с нами будет, Поммо?

Этот печальный взглас вырвался у нее как будто помимо воли, и она непроизвольно назвала меня уменьшительным именем.

— Что стало с нашей семьей? Что будет с тобой? — Тетя заплакала. — Эта война покончит со всем, что было справедливо и благородно.

Потом, словно по наитию свыше, она повернулась, схватила мои руки и сжала их с силой, удивительной для такой хрупкой женщины.

— Ты должен выжить, мой мальчик! Поклянись мне Деметрой и Корой. Один из нас должен выдержать!

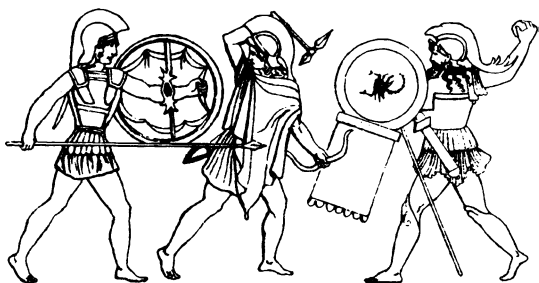
С улицы донесся грубый крик. Голос был незнакомый. Раньше мимо ходили ломовые извозчики, погонщики мулов — они так кричали. Но то вопил кто-то из тех, кто обитал внизу и уже называл эту — некогда благородную — улицу «своей».

— Обещай мне это, дитя мое! Поклянись!

Я поклялся так, как это обычно делают ради чокнутой старухи, и больше об этом не думал.

Глава VII

ВАЖНОЕ УМОЛЧАНИЕ

Это госпожа Дафна,— так возобновил рассказ мой дед,— организовала брак своего внучатого племянника Полемиды с Фейбой.

Тебе, внук, может показаться странным, если я скажу, что мой подзащитный на протяжении всего повествования о событиях своей жизни ни разу не назвал свою жену по имени. Кроме единственного признания в конце рассказа, он упомянул о ее существовании лишь трижды, и то косвенно. Означало ли это отсутствие любви? Напротив, я нахожу это опущение очень важным, означающим совершенно противоположное. Сейчас я объясню тебе.

В те дни мужчина редко заговаривал о своей супруге. Самым большим достоинством женщины были скромность и сдержанность. Чем меньше говорится о ней, хорошего или дурного, тем лучше. Место жены ограничивалось пределами дома, ее роль — воспитанием детей и хозяйством.

Мальчик, выросший в тот период,— особенно такой, как Полемид, воспитанный под строгим надзором спартанцев,— учился глав-

ным образом выносить все безропотно. Достоинства были присущи только мужчинам. Если красота — то только мужская. Погляди на статуи той эпохи. Только в последнее время женские образы — исключительно богинь — стали соперничать с мужскими, выполненными в бронзе и камне. Юношей того времени учили идеализировать формы других мужчин, но не похотливо и сладострастно, а как некий образец для подражания. Они видели изваянные из мрамора бесподобные фигуры Ахилла и Леонида, восхищались идеальным сложением своих товарищей или старших. Это вызывало у юноши желание добиться от своего тела тех же идеальных форм и воплотить в себе те достоинства, которые подразумевала совершенная внешность.

Влияние Алкивиада на современников, по моему мнению, объяснялось именно этим. Его красоту высокие умы считали признаком совершенства его внутренних качеств. Зачем же еще боги наделили его такой красотой?

Среди учеников нашего учителя был поэт Аристокл, которого все называли Платоном. Его теория форм основана на такой же интерпретации. Подобно тому, как физическое воплощение отдельной, конкретной лошади олицетворяет частное и преходящее, так, по словам Платона, должна существовать в высшем мире идеальная форма Лошади, Лошади вообще, универсальная и неизменная, которую повторяют все воплощенные, конкретные лошади. Поэтому человек столь поразительной красоты, как Алкивиад, не стеснялся своей божественной внешности. Ведь его физическое совершенство приближалось к тому идеалу, который существует только в высших сферах. Поэтому, я думаю, люди следовали за ним и делали это с удовольствием.

Таким образом, для Полемида, как для всех людей нашего поколения, только мужская форма олицетворяла *arete* — совершенство и *andreia* — нравственность. Как должен был реагировать мой подзащитный, когда отец сообщил

ему о будущей супруге? Будь Полемид таким же, как я, то сомневаюсь, что он мог бы счесть форму женского тела особенно красивой. В плотском смысле — да, но женская красота никогда не представляла собой идеала, как мужская. Какой же непривлекательной, должно быть, показалась ему она, эта соседская девушка, которую он, безусловно, знал еще сопливой коротышкой!

И все же в рассказе Полемиды таился многозначительный намек. В одном месте своего рассказа он упомянул о том, что его жена Феба, когда ей было семнадцать лет и она уже родила ему ребенка, попросила разрешения принять участие в Элевсинских мистериях. Другой раз Полемид обмолвился насчет того, что эти мистерии — чушь, едва ли не суеверие, абсолютно ненужное для мужчины. Тем не менее он не только разрешил ей участвовать, но и сопровождал в поездке по морю в Элевсин.

Почему он так поступил? Чем еще он мог руководствоваться, как не желанием оказать честь супруге и еще более укрепить их союз? Прости меня за желание немного пофантазировать. Представим себе Полемиду двадцати двух — двадцати трех лет. Двенадцать лет он учился в спартанской школе и еще два с половиной года воевал. Он возвращается домой, раненный. Затем отправляется отраны — достаточно для того, чтобы отец и двоюродная бабушка подыскали ему невесту. Может быть, он подумал о том, что он — смертный человек и ему стоит завести детей, хотя бы для того, чтобы скрасить последние годы жизни своего отца. Свиристствует чума. Его соотечественники погибают ни за что. Победить эпидемию не удастся. Товарищей нет, все на войне. Полемид в этом городе как в клетке, он заперт в доме вместе с отцом, сестрой, двоюродными братьями, тетками, дядьями.

Молодой солдат решает жениться. Девушка — из хорошей семьи, подруга его сестры Меропы; несомненно, она умна, знает музыку, умеет вести хозяйство. Она держится скромно, стараясь оставаться в тени, как все воспи-

таннные девушки. Можно предположить, что Феба не лишена физической привлекательности. Выведенный ранением из строя, молодой супруг обнаруживает, что жена в силах составить ему достойную компанию, с ней можно поговорить. Вероятно, она помогает ему во время обеда, читает ему вслух, всегда рядом, когда надо подняться по ступеням.

Он нашел свою жену доброй и терпеливой, практичной, с пониманием относящейся к их стесненным обстоятельствам. Она моложе его, она веселая — она заставляет смеяться и его. Вспомним, Полемид всю жизнь воспитывался в лишениях, самоотречении, трудностях; высшим мерилом нравственности являлось для него самопожертвование солдата на войне. Для него стало открытием, почти шоком то обстоятельство, что в лодке, оказывается, есть еще одно весло. Он не одинок. Вероятно, впервые в жизни его стальное сердце смягчается. Рана в голове вызывает головокружение. Испугавшись, он не знает, за что ухватиться, чтобы не упасть. И к своему удивлению, обнаруживает, что рядом — жена, которая с нежностью поддерживает его! Можем представить себе, как она подает ему его любимое блюдо, ставит на подоконник цветы для него, по вечерам поет ему.

Он обнаруживает, что она хорошо относится к его отцу и что Николай полюбил невестку. Он слышит, как жена и сестра смеются вместе на кухне. И он улыбается. Несмотря на все ужасы, что творятся вне дома, его родственникам удается весело проводить вечера в компании друг друга.

Что касается плотских желаний, то наш молодой Полемид до сих пор удовлетворял их со старыми шлюхами на лагерных стоянках или тайно встречаясь с уличными женщинами. Теперь он оказывается подле жены, на супружеском ложе. Она чиста и непорочна. Ее юный возраст пробуждает в нем не грубую солдатскую похоть, а нежную страстность супруга. Как они проявляют свое желание?

Вероятно, нерешительно. Конечно, неумело. И все же вместе. И каждый делает это впервые.

Он никогда не говорит об этом, но в глубине его сердца растет настоящее чувство. Кроме членов своей семьи, он не знал никого, кто относился бы к нему с нежностью, интересовался, удобно ли ему, не нужно ли ему чего. Разве мы не можем предположить, что сердце солдата растаяло? Ведь мог же наступить такой момент, когда Полемид впервые осознал, что он счастлив?

А теперь поглядим на нее, на малышку Фебу. Каким она находит своего мужа? Возможно, он — не модель для скульптора, но тем не менее он атлет и солдат. Мужественный, дисциплинированный — настоящий мужчина, рядом с которым ей нечего бояться. Немыслимо, чтобы он бросил ее. Случись самое худшее — он умрет, защищая ее и детей. Разве не должна она, «Лучезарная», отвечать на это истинно супружеской покорностью — и не только потому, что ее так учили, но и добровольно, по зову сердца?

А молодой муж уязвим. Он был ранен. Он изведal страх. Он нуждается в ней. Вне дома небеса дали трещину и крошатся, а внутри появляется и растет гармония. Ребенок зашевелился в утробе жены. С какой радостью должна воспринимать это супружеская пара, остро сознающая свою смертность! Большого и не требуется, чтобы вообразить этих двоих в тихом сумраке спальни, слитых воедино и охваченных чувством, которое молодой муж, приученный к молчанию и замкнутости, не в силах выразить словами.

Может быть, я допускаю некоторую вольность в своих фантазиях, внук мой. Но я могу представить мысли Полемиды как свои. Вот что говорит об этом человеке мое сердце.

Такими были мы все, все наше поколение. Как и Полемид, мы тоже женились, тоже имели детей. И нас могли бы нести ноги навстречу наступающей весне, и мы распахивали бы ворота настезь и бежали бы со своими люби-

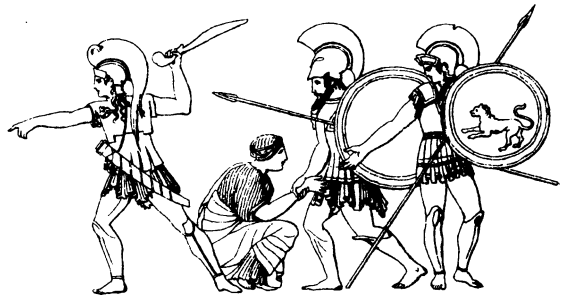

мыми к просыпающимся после зимы холмам. Но ворота были заперты. Мы находились за стенами, со всех сторон окруженные вооруженным врагом. Мы напрашивались на войну, и мы ее получили. Но чего никто не предвидел — так это призрачного спутника за нашими плечами. Чуму.

В Афины вторгся захватчик более неумолимый, чем мириады персов, более безжалостный, чем фаланги спартанцев. С этим врагом нельзя вести переговоры, нельзя откупиться от него золотом. Чума не щадила никого. Она наступала ночью и днем, и окрик часового не мог заставить ее остановиться. Каменные стены не спасали. Чума не подвластна даже богам, она не смотрит на жертвоприношения. У нее нет выходных, нет праздников. Она не задерживается, чтобы передохнуть. И ничто не в состоянии утолить ее аппетита.

У чумы не было любимчиков. Ее молчаливая коса косила прославленных и неизвестных, справедливых и безнравственных. Каждый день вокруг нас нарастал погребальный звон. В шкафчиках спортивного зала уже не вешали больше личную одежду. Ларек продавца закрыт. Место патрона театра пусто. Днем мы вдыхали зловоние крематория. По ночам повозки с мертвецами гроыхали мимо наших ворот. Во сне нам слышался скрип их шагов, ужас вторгался в наши сны. В своем добровольном заточении Афины беззвучно и невидимо извивались под этим жестоким бичом, и никто не мог остаться невосприимчивым к его разрушительному действию.

ПРОГНОЗ: СМЕРТЬ

В те дни, как тебе известно, Ясон, — возобновил рассказ Полемид, — почти не существовало курсов обучения медицине. Человек мог просто назвать себя врачом и предложить свои услуги. Чаще всего оказывалось, что этот человек действительно способен лечить болезни. Так вышло и с моим отцом. У него был дар. Заболевшие друзья посылали за ним, и он лечил их.

За годы хозяйствования на земле мой отец изучил многие травы. Он знал, как ставить припарки и очищать желудок, умел накладывать шины, делать перевязки; он изучил даже хирургию, не говоря уж о средствах ветеринарии, которые необходимы каждому хозяину, если он хочет, чтобы скот был крепким и здоровым. Но куда больший эффект производило само его общение с больными. Одно только его присутствие заставляло больного чувствовать себя лучше. Мой отец чтил богов. Вера его была простой и бесхитростной. Он просто верил. А его друзья верили в него. И это срабатывало. Вскоре и друзья его друзей начали призывать его на помощь. Таким образом

Николай из Ахарны, лишенный доходов от своего поместья, оказался способным поддерживать свое новое хозяйство в городе. Он скинул сапоги землевладельца и занялся врачебной практикой.

С приходом чумы услуги моего отца оказались востребованными. Сестра моя Мери взяла на себя роль помощницы, сопровождая его во время обходов больных. В то время я тоже находился в городе. Я женился, у меня уже был маленький сын. Часто я уходил вместе с отцом и сестрой, скорее чтобы охранять их в глухих уголках Афин, куда их звали, чем помогать им в оказании медицинской помощи.

Я ненавидел больных. Я боялся их. Я не мог не чувствовать, что они сами навлекли на себя несчастье некими противоправными действиями, тайными для смертных, но явными для богов. Кроме того, я очень боялся заразиться. Я ужасался смелости отца и сестры, когда те входили в жилища обреченных. Помню одну полночь, когда нас позвали в трущобы, огромный улей из палаток и лачуг, сплетенных из лозы, где не знали о вентиляции. Зловоние от умирающих задерживалось внизу, оказывая пагубное воздействие на окружающих. Вонь, казалось, достигала небес. В то время процветало поклонение Тесею — культ, рожденный улицей. Узкая улочка была изуродована малиновыми бычьими рогами. На каждой стене было написано: «Он грядет». Жилище кишело переселенцами, стариками и детьми, иностранцами, которые приехали в Афины в пору изобилия города. Теперь, в годину бедствия, они остались здесь в безвыходном положении и мерли, как мухи. Все золото Персии не могло бы заставить меня войти в этот ад. А они, отец и сестра, — вошли, вооруженные лишь кожаным мешком с травами и несколькими медицинскими инструментами, в данном случае бесполезными, — стетоскопом, ланцетом, зеркалом.

Я покажу тебе кое-что, Ясон. Это записки моего отца. Я хранил их все эти годы.

«Женщина, 30, лихорадка, тошнота, спазмы кишечника. Назначения: наперстянка и валериана, слабительное — стрихнин в вине. Прогноз: плохой.

Младенец, 6 месяцев, лихорадка, спазмы кишечника. Назначения: чай из ивовой коры, вяжущее из окопника и черемицы в свечке из пчелиного воска. Прогноз: плохой».

На полях отец помечал плату. В кружочках — заплачено. Можно найти двадцать-тридцать случаев без такой отметки. Смотрим дальше. Прошли месяцы, записи теперь совсем краткие:

«Мужчина, 50. Чума. Смерть.
Ребенок, 2. Чума. Смерть...»

Мне было тогда двадцать три года. Я не был готов умереть и не мог стоять без дела рядом, пока те, кого я любил, умирают. Но что можно было сделать? Беспомощность терзает. Отец моей матери покончил с собой. Он не был болен чумой. Просто глава рода не мог вынести того, что он переживет еще поколение тех, кого любил. Мы с отцом вывезли его тело в детской коляске в наш склеп за городом через ворота, которые раньше назывались «Львиное сердце», а теперь — «Ворота слез». Полсотни сопровождающих шли за нами, процессия растянулась до храма Покровителей Кастора и Полидевка. Завершив сезонный разбой, спартанцы ушли, оставив лишь нерегулярный конный патруль. Один такой патруль сопровождал нас по дороге на Ахарны. Их командир призывал нас к благоразумию и спокойствию.

— Это не война, — воскликнул он. Сердце этого воина возмущалось тем, что чума не щадила ни детей, ни женщин. — Это ад!

Что касается меня, то я никогда не был свидетелем той «благородной войны», которую столь красноречиво расписывают соотечественники этого офицера — мои учителя. В Этолии мы сжигали деревни, отравляли колодцы. В Акарнании мы вырезали овец, не оставляя их даже для того,

чтобы можно было снять с них шкуру или состричь шерсть. Мы перерезали им горло и бросали в море. Единственное настоящее сражение, свидетелем которого я стал, произошло у Митилены, под командованием Лахета, талантливейшего афинского полководца на суше и на море. Он уступал разве что спартанцу Брасиду и Алкивиаду.

Алкивиад завоевал свою вторую награду за мужество, совершив набег на спартанскую гавань в приморском городе Гифее, а затем возле Делия — города на южном побережье Беотии. Он спас жизнь Сократу, своему учителю. К тому времени он уже первый раз принял участие в гонках на колесницах в Олимпии, но его возница упал с колесницы и не пришел к финишу.

В те дни Алкивиада я не видел. Чума не пощадила его близких. Помимо Перикла, он потерял свою мать Дейномаху, малышку-дочь от законной жены Гиппарет и обоих сыновей от своей любовницы Клеонис, которая вскоре после того умерла и сама. Погибли от чумы его двоюродные братья, сыновья Перикла Парал и Ксантипп, а также Амикла, няня-спартанка, сохранившая преданность этой семье, несмотря на то что соотечественники призывали ее домой.

Вне домашних стен нас ожидала война. Внутри стен свирепствовала чума. А теперь возникла третья беда — наши собственные сограждане, доведенные до отчаяния. Первыми не выдержали бедные. Движимые нуждой, они принялись грабить дома людей среднего достатка. Туда легко было проникнуть из-за отсутствия сторожей и управляющих. Ушли все, кроме самых надежных; а эти и сами совершали преступления, чтобы заплатить врачу или владельцу похоронного бюро. Что толку в деньгах, если ты все равно умрешь и не сможешь их потратить? Господин умирал, завещая состояние сыновьям. А те, предчувствуя собственную скорую кончину, старались промотать наследство как можно быстрее, подстрекаемые всякими паразитами, охотниками пожить за чужой счет. Ты видел все это, Ясон. Болезнь уносит у человека жену и детей. Лишенный вся-

кой надежды, он поджигает свое жилище, а потом медлит в оцепенении и признается в содеянном, когда пламя уже охватило дома соседей. Недалеко от Леокория я видел, как человека разорвали за такое преступление на куски. А другие поджигали дома просто по злобе. С наступлением темноты смотреть на пожары стало развлечением.

В то время мой брат воевал в пехоте под командованием Никия в Мегаре, к западу от Афин. Он был одним из тех, кто доставлял донесения. Много раз уговаривал он меня покинуть город. Записаться на флот или еще куда-нибудь, лишь бы уйти из этого преддверия ада. Его жена Теония не выдержала — отправила детей к своим родственникам на север. Моя жена и ребенок все еще оставались в Афинах.

— Они уже умерли, — горячо убеждал меня Лион. — Лежат в могиле. И отец, и Мери. И мы тоже умрем, если проявим безумие и останемся здесь.

Это было в тот вечер, когда мы с ним пили наедине, не ради удовольствия, а просто чтобы напиться до бесчувствия.

— Послушай меня, брат. Ты же не из тех набожных дураков, которые считают это бедствие проклятием небес! Ты — солдат. Ты знаешь, что в болоте не ставят лагерь и из отхожего места не пьют. Посмотри вокруг! Нас загнали, как крыс, по десять человек в помещение для двоих. Самый воздух, которым мы дышим, грязен, как в камере смертника.

Так тогда выражались. Ты это помнишь, Ясон. Говорили правду с прямой обреченных. Вежливость, как самая ненужная вещь на свете, была спущена в сточную канаву, а за нею последовали стеснительность и сдержанность. Зачем соблюдать законы, когда ты уже приговорен к смерти? Зачем почитать богов, когда худшая их кара — ничто по сравнению с тем, что ты уже испытываешь? Что касается будущего, то надеяться на него было безумием. Когда ты с ужасом размышляешь о грядущем, настоящее представляется еще более невыносимым. Что толку в добродетели? Глупо быть терпеливым и экономным. Безразличие ко всему и жажда

удовольствий — вот в чем здравый смысл. Подавлять желания — абсурд. Приходить на помощь зараженным — быстрый способ умереть самому.

Отчаяние породило дерзость. По улицам бродили банды, вооруженные булыжниками из мостовых и планками от повозок. Эти предметы легко можно было выбросить и уверять ночную стражу, будто они совершенно безвредны. Впрочем, ночных разбойников никто никогда не ловил. Эти головорезы писали непристойности на общественных зданиях, оскверняя даже кладбища, и никто их не останавливал. С каждой безнаказанной дерзостью эти мерзавцы наглели все больше. Они охотились за иностранцами, и чем те были слабее, тем лучше. Они избивали свои жертвы с беспрецедентным варварством. Мои отец и сестра, спешащие к кому-либо на помощь, не раз останавливались помочь какому-нибудь избитому бедняге, которого бросили умирать в сточной канаве. Белая одежда милосердия служила им защитой в таких походах.

Но находились и такие, кто надевал белые одежды, чтобы получить доступ в дом и потом ограбить его, невзирая на вопли умирающих хозяев. Я видел, как одну женщину забили камнями прямо на пороге ограбленного ею дома. Учинив расправу, толпа удалилась, унося с собой ее добычу, а разбойницу оставили истекать кровью на мостовой. Оружие и огонь были вне закона. Нельзя было брать даже факела, чтобы светить себе по дороге домой. Для пойманных с горячей головешкой существовало одно наказание — смерть.

Никто не знал, когда и как уйдет из жизни. Эта неопределенность подняла на поверхность все лучшее и худшее, что только таилось в людях. Моя сестра Мери организовала в нашем доме заседания врачебного совета. Здесь доктора могли обмениваться сведениями касательно того, кому нужна диета, особый режим или какое-либо средство, приносящее облегчение. Болезнь протекала обычно: лихорадка сопровождалась такими мучениями, что больной не мог

вынести прикосновения к телу даже легчайшей ткани. Входишь в дом — все голые. Пораженные болезнью сгорали от жара и ныряли в общественные фонтаны; другие люди, томимые жаждой, пили эту воду. Врачи прописывали ванны и диуретики, некоторым пускали кровь, другим давали слабительное. Ничто не помогало.

Доктора выглядели хуже умирающих. Моя жена кормила этих страшилищ, а сама с каждым днем худела все больше. Вскоре перестали искать лекарства от болезни — искали наркотики, притупляющие боль. А затем больные шепотом начали просить помочь им скорее умереть. Они пили бычью кровь, глотали камни. Я рыскал по морским рынкам в поисках морфия и кендыря, болиголова и белладонны. Моя сестра научила меня составлять зелья, которые очень скоро сделались слишком дорогостоящими.

Заболел мой маленький сын. Его плач, разрывающий наши сердца, не стихал ни днем, ни ночью. Жена качала его на руках, тихо напевая ему, а сама теряла силы день ото дня. Когда их боль стала невыносимой, чтобы облегчить их уход, Мери дала им пасленовую настойку — последнее, что у нее оставалось.

Мой двоюродный брат Симон, теперь кавалерийский офицер, приехал к нам вместе с женой по имени Климена и сыновьями-близнецами. Вскоре у него тоже начался жар. Однажды ночью он убежал, прихватив с собой лошадь. Через несколько дней ослабла Климена. Она звала мужа. Я обегал все его любимые места — те, где мы играли детьми. В отчаянии я решил разыскать Алкивиада в его городском поместье на Холме Конников.

В то время улицы — даже те, где жили богатые граждане, — сделались дорогами ужаса. Соседи умирали, оставляя бездомными домашних животных. Те, кто не мог прокормить своих любимцев, отпускали их. Своры одичавших собак бродили по городу. Их не привлекали трупы. Звериная мудрость подсказывала им, что следует предпочесть живых — даже тех, кто скрывается в домах. Они скреблись

в ставни, врывались в жилища; их страшный вой и рычание эхом отдавались на пустых улицах. Казалось, несколько часов ушло у меня на то, чтобы отыскать дом Алквиада. Наконец я остановился у ворот.

Горели фонари, сторожа не было. Изнутри доносилась веселая музыка. Пройдя через двор, я увидел незнакомого человека моего возраста. Он прыгал в сухом фонтане вместе с проституткой, охватив ладонями ее голые груди. Другой растянулся в тени. Перед ним на коленях стояла шлюха.

Я вошел. Весь дом был озарен факелами и кишел кутилами. Гремели барабаны. Пьяная процессия с песнями плясала во дворе. На возвышении стояла группа мужчин и женщин с ивовыми палочками — они пародировали обряд фракийской богини Котитто, покровительницы оргий.

Вперед вышел Алквиад, исполняющий роль жрицы. На нем было женское платье, губы накрашены, кудри обвязаны — карикатурная имитация священной повязки. Он был бос и мертвецки пьян. Я приблизился к нему, требуя сказать, где находится мой двоюродный брат.

Алквиад уставился на меня, не узнавая. Танцовщики бессмысленно прыгали вокруг.

— Кто сей незванный гость, что смеет, будучи непосвященным, ступить на божественную территорию? На колени, проситель, воздай почести богине!

Я снова спросил о Симоне.

Наконец Алквиад меня признал. Он поднял свой жезл, в котором я разглядел поварской половник.

— Кланяйся же, человек, вмешивающийся в чужие дела. Окажи почтение небесам, иначе — клянусь своей законной властью! — я прикажу избить тебя до потери сознания.

Две проститутки обвилились вокруг его колен. Он оттолкнул одну из них, и она упала на четвереньки, ухватившись за мой плащ, под которым на перевязи висел *xiphos* — короткий меч.

— Да этот незнакомец еще и вооружен! О, непочтительность! Какое же наказание назначить ему за это? — Алкви-

ад в притворном гневе отшвырнул чашу с вином. — Проводите, о служители богини, сего покидающего нас неверного! Он видел, как сказал Менетий, «то, на что смертный не смеет взирать безнаказанно».

И тут я увидел своего двоюродного брата.

— Уходи отсюда, Поммо, — приказал он мне, появившись среди шествующих с гирляндами маргариток.

— Без тебя не уйду, — возразил я.

— Поммо, ты свинья! — Это вмешался Алкивиад, спустившись со своего высокого сиденья и обняв меня за плечи. — Однажды во время осады, мой друг, ты испортил удовольствие другим, и тогда я тебя похвалил. Но видишь ли, все теперь изменилось. Теперь наш город окружен стенами с зубцами и бойницами.

Он рывком поставил передо мной проститутку.

— Что ты думаешь об этом? — спросил он, разрывая на ней одежду до талии. — Не впечатляет? А теперь?

Он сорвал с нее лохмотья. Девушка даже не пыталась прикрыться, она смотрела мне прямо в глаза, гордясь своей красотой.

— Оставь его, Алкивиад, — вмешался мой брат.

Я заметил Эвриптолема. Он тоже хотел вступить за меня.

— А ты не предпочитаешь ли мальчишек? — продолжал издеваться Алкивиад. — Мы можем это устроить! — Он жестом показал на нескольких мальчиков.

— А как же быть со знаменитым мифом о тебе, Алкивиад? Что подумают Афины о таком поведении?

— Да, но кто им скажет, Поммо? Не ты, я знаю. И не эти, потому что поэт Эвфорион прав:

Кто в дерзости великой вором
Того назвать посмеет, у кого
Рука завязла в копейке другого вора?

Эвро встал рядом со мной, оробевший и пристыженный.

— Поммо потерял жену и ребенка, — сообщил он Алкивиаду.

— А я потерял мать и сыновей, дочь, дядей и двоюродных братьев! Как выражаются наши друзья спартанцы, «кто не терял?»

Гнев охватил меня.

— Однажды ты сказал, что един в двух лицах — Алкивиад-настоящий и «Алкивиад»-политик. А кто же ты сейчас?

— Я — третий. Тот, который не выносит двух первых.

— Тогда этот третий Алкивиад может убираться в Тартар! — выпалил я.

Гнев блеснул в его глаза, но быстро угас, уступив место иронии и отчаянию.

— А ты можешь назвать себя другом одного Алкивиада и отвергнуть двух других?

— Я никогда не был твоим другом. — И я повернулся, чтобы уйти.

— Вернись, Поммо! Дай клятву! Будь одним из нас!

Быстро удаляясь, я слышал, как он, смеясь, зовет меня.

— Только хорошие люди умирают молодыми! Разве спартанцы не учили тебя этому? Берегись, старина! Не искушай богов своей нравственностью!

Во дворе я схватил Симона, умоляя его вернуться домой ради детей. Он отказался, но на прощание крепко обнял меня. Его лоб лоснился от пота. Эта лихорадка слишком хорошо была мне знакома. Он уговаривал меня не уходить из этого дома, где еще живы были смех и музыка.

— Ну и ступай себе! — воскликнул мой брат, когда я отошел от него. — Ступай назад, к смерти. А я останусь здесь, где кипит жизнь, и буду с ней столько, сколько мне отпущено.

Вот, Ясон, журнал моего отца. Читай:

«Мужчина, 54, чума, смерть».

Это его собственное свидетельство о смерти. Диагноз себе он поставил сам.

Вскоре он начал слабеть. Сестра трудилась, делая все, что умела. А потом симптомы появились и у нее. Она не стала

снимать боль с помощью тех немногих лекарств, которые у нас еще были. Лекарства она берегла для других.

Отец хотел избавить ее от страданий. Дважды я мешал ему сделать это. Сколько еще она протянет? Дней десять при такой адской боли, ответил он. Я всю ночь просидел с ней.

— Ты меня любишь, Поммо? — спросила она.

Я знал, чего она желает.

— Только ты не должен позволить отцу сделать это.

И снова я бродил по улицам. Я молил богов, чтобы те забрали ее сами. Пусть она уйдет сама. Но каждый раз по возвращении я находил ее живой. Страдания ее усилились.

— Ты солдат, Поммо. Будь же сильным.

Мы с отцом отнесли ее в ванну. Она была легкая, как ребенок.

— Да благословят вас боги, — сказала она.

Я сказал отцу, что он должен крепко держать ее. Я подам знак кивком. И в этот момент я перерезал ей артерии.

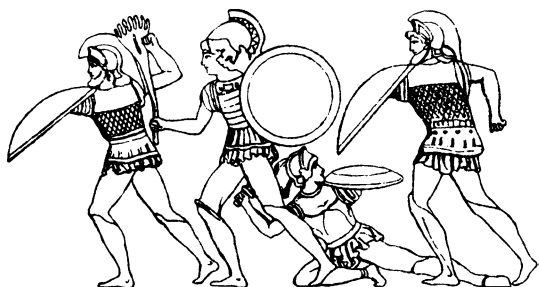
— Да благословят вас боги, — повторила моя сестра. Она схватила нас с отцом за руки. — Да благословят вас боги...

Как повернется язык произнести такое: «Я смотрел, как умирали моя жена и ребенок»? Неужели для этого боги одарили нас способностью говорить — чтобы мы могли произнести эти страшные слова: «Я вскрыл вены моей сестре»?..

Полемид закрыл лицо руками. Я поднялся и обнял его. Грудь его сотрясалась от рыданий, он отвернулся. Тогда я поднялся, чтобы уйти, но на пороге все-таки оглянулся. Он стоял в углу своей камеры, прижавшись щекой к каменной стене. Обхватив себя руками, он безутешно рыдал, вновь переживая свое давнее горе.

ПРИБРЕТЕННАЯ ПРОФЕССИЯ

В ту же ночь умер мой отец. Он ушел вслед за теми, кого я любил. Остались лишь моя тетка, дети моего брата, увезенные на север, где было безопасно, и сам Лион. Его с нами не было — он воевал на флоте. Я справил похороны, на которых присутствовали братья отца и женщины нашего рода. Осаждающие не позволяли нам выйти из города и пройти к родовой усыпальнице. Мы вынуждены были предать земле тела отца и Мери рядом с моей женой и ребенком, у стен нашего городского дома. Когда я произносил последние слова прощания: «Пусть земля тебе будет пухом», душу мою согревала лишь одна мысль: останки любимых погребены в земле, которая им принадлежала. Там они обретут покой.

Они обретут покой, а я должен вернуться к войне, чтобы изгнать врага из нашей страны. Я найду корабль, запишусь на него и уеду.

Несколько дней спустя, проснувшись, я решил очистить дом и тотчас начал выносить

вещи на улицу. Еще не рассвело. Но не успел я начать, как сразу собралась толпа. Я засмеялся.

— Оставьте мне только оружие и то, на чем я смогу приготовить пищу.

Через пять минут все было чисто. Поверишь ли, толпа уважила мою просьбу. Кухню они не тронули, и доспехи мои были на месте. Они оставили мне даже постель.

На следующий день — а может быть, в тот же вечер — ко мне подошел друг моего отца. Он жил по соседству с нашим загородным поместьем. Выглядел он плохо. Мы поговорили о более счастливых временах, о детских играх, которыми я, бывало, забавлялся с его сыновьями и дочерьми. Не могу ли я в память о тех светлых днях оказать ему одну услугу?

— Это касается моей жены, — добавил он и более не проронил ни слова.

Прошло несколько минут, прежде чем я понял, чего он хочет. Я был поражен и убежал.

Через два дня этот человек пришел опять.

— Моя жена помогла тебе родиться, Поммо. Во имя богов, прошу тебя теперь, помоги ей уйти.

Есть границы, друг мой, которые человек переходит, не понимая, что он делает. Но это был не тот случай. С тяжелым сердцем я согласился и оказал ему услугу.

Спустя некоторое время о том же попросили еще двое. Я выполнил и их просьбу. А почему бы и нет? Только хорошие люди умирают молодыми.

Между тем я продолжал свои попытки попасть на службу во флот. Но, должно быть, выглядел я так плохо, что офицеры принимали меня за больного. Для меня не находилось должности.

И все это время меня преследовали знакомые и незнакомые люди, умоляя оказать последнюю услугу их близким. Я вошел во вкус. Я говорил себе, что теперь я заменяю врача. Подобно моему отцу, я избавляю отчаявшихся людей

от страданий. На самом деле мое лекарство куда лучше, чем припарки и микстуры, — оно действует. Ни один клиент еще не жаловался. Я даже начал совершенствоваться в своем ремесле.

Однажды вечером ко мне постучался совсем другой посетитель. Это был Эвриптолем, он был верхом и вел в поводу свободную лошадь. Когда я вышел, то в тени заметил Алкивиада, тоже на коне.

— Не беспокойся, — сказал я ему прежде, чем он заговорил, — я никому не рассказывал о твоих обрядах.

— Думаешь, я пришел поэтому?

— Я вообще понятия не имею, почему ты делаешь то или другое.

В этот момент я ненавидел его.

— А ты, мой друг, — спросил он, хорошо понимая меня, — сам-то ты безгрешен?

— Кажется, сейчас трудно определить, что такое грех.

— Действительно! Мы едем в гавань. Поехали с нами.

И мы отправились шагом по тихим улицам.

— Перикл скоро умрет, — сообщил Алкивиад безразличным тоном человека, потерявшего всех близких. Значит, беда не миновала и Олимпийца! — Перикл — подобно Тесею, Солону и Фемистоклу — один из тех, кто создавал наше государство. Никто не превзойдет его.

Алкивиад замолчал. Его кузен тоже не проронил ни слова до самого порта Мунихия. Здесь все бурлило. Лавочки, экспедиторы, портовые грузчики — все развивали шумную деятельность, торопясь успеть до прилива, который, как нам сказали, должен начаться за час до рассвета. Флот, возглавляемый Формионом, готовился отплыть, направляясь в Навпакт. Транспортные корабли стояли у погрузочных причалов. Рыболовные и военные суда, подобные шершням, числом шестьдесят, ожидали отплытия — борт к борту, в освещенных факелами эллингах, загороженных навесами, под которыми сновали корабельные плотники, такелажни-

ки, изготовители парусов и кордовых канатов. Младшие офицеры отдавали приказы, стараясь перекричать громкие голоса сошедших на берег матросов, грохот лебедек и кранов. В лабиринтах стальных тросов, швартовых канатов, носовых и кормовых креплений, шкотов, вантов, грузоподъемников, выбленочных тросов сновали отряды администраторов, портовых служащих, снабженцев, представителей городской власти, составляющих *katalogos*, членов Совета, жрецов, купцов, регистраторов, кураторов *neorion* — корабельных работ.

Через многочисленные шпангоуты пробирались *nautai* — гребцы, упаковывающие свои брезентовые мешки и весла. В этом хаосе звуков каждый спешил отметить — о приходе на работу, об уходе с работы — до того, как прозвучит сигнал *apostolei*, администратора афинского флота.

Оружие было составлено вдоль причалов под флажками воинских соединений. В свете факелов были видны пехотинцы. Их бронзовое оружие сияло, смазанное для защиты от морской соли, а щиты были покрыты тканью из сальной овечьей шерсти.

Внизу у пирса Алкивиад остановился поговорить с Формионом и несколькими капитанами, а Эвриптолем и я поднялись по ступеням, испещренным всякими непристойными рисунками, морскими выражениями и всем известным изображением «след ноги и кошка», указывающим направление к ближайшему публичному дому, открытой таверне под названием «*Ouros*» — «Попутный ветер», глядящей выходом на погрузочные причалы. Эвро спросил, видел ли я когда-нибудь магнит — как он притягивает железо. Он имел в виду своего двоюродного брата.

Ниже, в доке, мы заметили, какой переполох вызвал Алкивиад одним своим появлением. Как и в лагере под Потидеей, пехотинцы спешили к нему — только ради того, чтобы взглянуть на него хоть мельком. Казалось, к нему

обращаются все проходящие мимо. Мы слышали, как несколько человек просили его выступить смелее. Пусть молодость не сдерживает его! Надо добиваться командной должности и при первой же возможности хватать ее. Большинство солдат были молодыми, нашего возраста. Им уже надоели старики-командиры.

— Веди нас, сын Клиния! — кричали они, решительно вздымая кулаки.

В морской таверне, где его двоюродный брат и я ожидали его, предвкушение прихода Алкивиада наэлектризовало всю округу. Проститутки и прачки с ближайших улиц сбежались, нащипав себе щеки, чтобы на них вернулся румянец, и причесав себе волосы грязными пальцами. Ты ведь знаешь эту забегаловку, Ясон? Там тебе дадут не только выпить, но и поесть. Владелец таверны — финикиец из Тира. Он украшает свое заведение разными морскими символами и дает блюдам соответствующие названия. Когда Алкивиад вошел, тот поспешил предложить гостю «Лучшую часть улова». А может быть, господин предпочитает «Вкус моря»?

— Я съем вот это. — Алкивиад показал на горшок, стоявший на огне. — «Приступ тошноты».

И усмехнулся, глядя на хозяина. Тиара персидского владыки не доставила бы этому человеку большего удовольствия, чем улыбка Алкивиада. Но настроение афинянина было мрачным. Его сжигала откровенная зависть к Формиону. Ему не терпелось иметь собственный флот. Известность заставляла его нервничать. Алкивиад чувствовал, какое влияние он оказывает на массы, и намеревался использовать это. Зачем только он попросил своего двоюродного брата и меня сопровождать его?

— За исключением нашего друга Сократа, только у вас двоих хватает духу сказать мне в лицо, что я негодяй. Вот сейчас — скажите мне, но только правду: как и где я должен сделать ход?

Смерть Перикла создаст вакуум, продолжал Алкивиад, который поставит Афины и их союзников с ног на голову. Подвластные нам города-государства поднимут восстание, сбегутся предполагаемые преемники великого человека.

Эвриптолем прервал его, возмущенный. Как может Алкивиад столь хладнокровно рассуждать о смерти своего родственника, который — если будет на то воля богов — может прожить еще полгода, а то и вовсе остаться в живых? Многие уже начали поправляться после болезни!

— Только не он, — произнес Алкивиад. — И я вовсе не хладнокровен, дорогой брат. Я только хочу подчеркнуть, каким был он и какими он хотел бы видеть нас. Итак, кого нам избрать на его место? Этого подхалима, подлизывающегося к толпе, — Клеона? Андрокла, который не может выбраться из канавы даже при помощи лестницы? Может быть, Никия с его вредоносным религиозным непостоянством? Послушайте меня! Если бы в Афинах лидерство перешло к личностям по-настоящему творческим, я первый стал бы служить им. Но самое худшее то, что нами управляют сутенеры-подхалимы, умеющие лишь манипулировать толпой. Лучшие — такие, как Формион и Демосфен, — это воины, они не станут пачкать руки политикой. Вместе с Периклом умрет предвидение. Но даже он не мог предвидеть будущее. Чума уйдет, мы останемся жить. А что дальше? Перикл сформулировал три принципа ведения этой войны: преимущество афинского флота, надежность Длинных стен и запрет на захват чужих земель, пока идет война. Эти принципы он считал непреложными. Первые два соблюдаются, но третий надлежит отменить. У нас нет выбора. Мы должны расширять наши владения, и притом довольно энергично. Нашим кораблям необходимо завоевать Сицилию и Италию, а затем захватить Карфаген и Северную Африку. И в Азии не стоит довольствоваться клочком земли на побережье. Нам следует продвинуться вглубь и присоединить к Афинам всех желающих, в том числе и персидских владык.

Эвриптолем со смехом заметил:

— Как же мы завоюем весь мир, кузен, если не можем даже спуститься с наших стен, чтобы справить нужду? Кого же нам надо нанять, чтобы осуществить столь мастерский план?

— В конечном счете — спартанцев, — ответил Алкивиад, словно это было само собой разумеющимся. — А для начала — их союзников, поскольку мы победили их старое поколение и привлекли молодежь на нашу сторону. — Он говорил вполне серьезно. — Но вот вопрос, друзья мои: могу ли я говорить об этом публично? Мне нет еще двадцати пяти лет. И это в государстве, где порогом мудрости является сорок! Молчать — значит поступать вопреки моей натуре. Но выступить преждевременно — потерпеть поражение, даже не начав боя. Вы не представляете, сколько ночей я пролежал без сна, мучаясь этой проблемой.

За разговором еда остыла. Теперь слово взял Эвриптолем. Этот аристократ, наделенный острым умом, как и его двоюродный брат, сильно уступал ему внешностью. Ему было двадцать девять лет, но волосы его уже сильно поредели. Черты лица, хоть и приятные, нельзя было назвать красивыми. Может быть, поэтому он держался скромно и доброжелательно. Невозможно было не любить этого человека. Он вызывал симпатию с первого взгляда.

Эвриптолем начал с того, что осудил своего двоюродного брата за необузданность в его личной жизни. Если Алкивиад желает, чтобы его воспринимали серьезно, он должен контролировать свои страсти. Особенно это касается выпивки и любовных связей. Государственному деятелю не к лицу такие пороки.

— Если ты не можешь держать своего петуха на привязи, то, по крайней мере, не суй его в каждую дырку. Не болтайся по улицам с куртизанками, пока твоя несчастная жена томится дома!

Эвриптолем утверждал, что за душу Афин борются две силы.

— Древний, простой образ жизни, почитание богов и древних героев, — вот одна. А вторая — новый образ жизни, стремление сделать богом сам город. Все мы знаем, на чьей стороне ты, кузен, но ты не должен демонстрировать это так открыто. Если ты проявишь смирение и будешь почитать небеса — ну, хотя бы сделаешь вид! — убьет ли тебя это? Демократия — обоюдоострый меч. Как никакая другая форма правления, она дает человеку свободу самовыражения. Но это лезвие обладает еще одним, скрытым острием — злобой и завистью. Вот почему Перикл вел себя так скромно, держал всех на расстоянии. Он боялся вызвать ревность.

— И был неправ, — вставил Алкивиад.

— Ты думаешь? Ты живешь в Афинах, городе, который незнаком простому люду, Алкивиад. Ты заключен в некую сверкающую сферу, которая не позволяет тебе увидеть реальное состояние вещей, тот убогий мир, в котором живут остальные. Там, за пределами твоей блестящей сферы, все чаши до краев наполнены не вином, но желчью. В судах я вижу это ежедневно. Зависть и злоба — вот что преимущественно занимает наш город, и в тяжелые времена они расцветают особенно пышным цветом. Перечислим же способы, которые государство обеспечило завистнику, чтобы уничтожить того, кто лучше его или достиг большего. Он может притащить его в Совет или Народное собрание, в суд или ареопаг. Если его жертва хочет получить должность, завистник может устроить ему проверку при подаче заявления, а потом, при увольнении, провести ревизию. Если бедняга служит во флоте, его враг может потащить его к старшему администратору флота или в правление морских сил. Он может арестовать его сам или сделать так, чтобы его обвинили в чем-либо магистраты; ему возможно подать жалобу третьей стороне или дать информацию архонту. У такого человека не найдется недостатка в вариантах обвинения — об этом государство поза-

ботилось! Служебный проступок, казнокрадство, использование служебного положения в личных целях, взяточничество, воровство, вымогательство. Злодеяние, невыполнение принятого на себя обязательства, правонарушение. Разве хоть раз такое не сработало? А ведь еще можно обвинить человека в уклонении от уплаты налогов, в участии в незаконном объединении, в растрате наследственного имущества. А убийство и измена? Пусть его уличат в том, что он не верит в богов,— ведь это влечет наказание смертью, причем обвиняемому придется защищать не только свои действия, но и тайны своей души! Ты смеешься, Алкивиад. Но вспомни, каков был конец Фемистокла, спасителя нашего народа, сосланного в Персию. Непревзойденный Аристид был изгнан. Мильтиада затравили до смерти — и двух лет не прошло после его победы при Марафоне. Перикл сделал себе имя, преследуя в судебном порядке величайшего героя нашего города, Кимона, который изгнал персов с моря и сделал Афины господствующими над водными просторами,— в то время как сам Олимпиец не раз едва спасал свою шкуру! А ты, кузен, какую отличную мишень ты представляешь! Клянусь богами, позволь мне представить тебя присяжным заседателям!

Он жестом показал на толпу поклонников, которые не спешили уходить и глазели на происходящее, стоя у перил террасы.

— Я могу сделать так, что эти обожатели через час будут жаждать твоей крови.

Оба двоюродных брата рассмеялись. Зрители, которые не могли не слышать ироничной тирады Эвриптолема, отозвались дружным хохотом.

— Аплодирую твоему красноречию,— подвел итог Алкивиад,— но ты ошибаешься. Ты превратно истолковываешь человеческий характер. Ни одна душа не стремится отравиться собственными низкими побуждениями. Она желает возвыситься на крыльях того *daimon*, того присущего ему

духа, который оживляет душу. Посмотри туда, на моряков и пехотинцев, что стоят на погрузочных причалах. Ими движет не желчь и не зависть, но кровь, которую стремительно гонит их сердце. Они жаждут славы не меньше, чем Тесей или Ахилл.

— Половина из них — потенциальные ловкачи, и ты знаешь это.

— Только из-за близорукости их вождей.

— Кузен, дни богов и героев миновали.

— Только не для меня. И не для них.

Алкивиад опять показал на группу слушателей, собравшихся внизу.

— Ты осуждаешь меня, кузен, ты настаиваешь на том, что я должен мечтать не только о собственной славе, но и о возвышении нашей нации. Но ведь ничего нет лучше известности и славы! Это самые лучшие, самые безгрешные и самые возвышенные чаяния души, ибо они заключают в себе желание бессмертия, преодоления всех присущих человеческому естеству пределов. И еще ты осуждаешь меня, Эвро, за то, что я расточаю свое время на ярких людей, великолепных лошадей и прекрасных собак, что я не трачу его на простолюдинов, которые составляют основу нашей нации. Но я наблюдал этих людей, и простых, и среднего достатка, в присутствии самых обычных лошадей и самых заурядных собак. Они толпятся вокруг великих с тем же постоянством, с каким пчелы летят на мед. А почему? Разве не потому, что они чувствуют благородство выдающихся личностей? Разве при созерцании чемпиона обычный человек не чувствует, как в его груди зарождается жажда обладать теми же качествами? Фриник предупреждал:

Широкая кровать — Афины, коль скоро
Здесь с демократией империя слюбилась.

Но он тоже ошибался. Демократия и должна быть империей. Свобода возбуждает в человеке аппетит, которому должна быть дана цель, соизмеримая с его силой.

Настал черед Эвро барабанить пальцами по столу.

— И кто же, кузен, зажжет это пламя?

— Я, — объявил Алкивиад. И засмеялся.

Эвро вторил ему.

— Тогда — вот путь, по которому тебе следует идти, кузен. — Эвриптолем наклонился вперед, казалось воодушевленный этой идеей. — Если наши соотечественники не пойдут за тобой, не доверяя твоей молодости, обратись в другие суды, в другие Советы. Займись торговлей с другими странами — нашими соперниками и союзниками. Скоро правители иностранных государств узнают о болезни Перикла. Они зададутся вопросом: кто же будет править в Афинах? С кем им придется иметь дело, чтобы обеспечить процветание своих стран?

Эвриптолем выражал свои мысли быстро и кратко. Какой иностранный правитель, увидев перед собой Алкивиада и услышав его, не сможет понять: вот будущее Афин! Пренебречь этим героем из-за его молодости глупо. Самые проникательные, наблюдая за происходящим, быстро сообразят, что самое мудрое — поскорее заключить с ним союз. Алкивиад мог бы найти поддержку у иностранных дворов. Обеспечив себе преданность иностранцев, он мог бы составить коалицию. Кто, кроме него, в силах осуществить такое? Знатное происхождение откроет перед ним ворота десятка государств, а его честно завоеванная репутация отважного воина — не говоря уж о его занятиях коневодством и участии его коней в скачках — сослужит ему службу повсюду.

— Ты убедил меня, кузен! — воскликнул Алкивиад.

Братья проговорили еще час, обсуждая правомерность такой линии поведения и возможные последствия. В основе этой политики лежала война. Мир был для нее губителен.

— Что скажешь, Поммо? — наконец повернулся ко мне Алкивиад. — Ты весь вечер молчишь.

Я не знал, что сказать. Он похлопал меня по плечу.

— Политика утомляет нашего друга, Эвро. Он солдат. Скажи же нам, Полемид. Ну, каково мнение солдата?

— Будь самим собой, — вот все, что я мог ему сказать.
— Да, — засмеялся Алкивиад. — Но которым из троих?
— Иди на войну. Сражайся. Побеждай. Добывай Афинам победы. И пусть твои враги говорят против тебя, если посмеют.

Мы расстались на рассвете. Алкивиад был свеж, словно мирно проспал всю ночь. Он направился к рынку, чтобы найти там друзей и продолжить свое исследование. Меня он поблагодарил за искренность.

— Тебе что-нибудь нужно, Поммо? Деньги? Должности?

— Я бы хотел вернуть моего двоюродного брата, Симона. Если можешь, отпусти его.

— Он сам выбирает свой путь, как ты или я.

Я поблагодарил его за желание помочь. Больше всего сейчас я хотел спать.

У дверей моего дома меня ждал человек. Лет тридцати, темнокожий, оружие упаковано, как у наемного солдата. Он сидел на камне — завтракал, макая хлеб в вино. Он улыбнулся.

— Ты знаешь, что не даешь мне заниматься моим делом? Я спросил, как его зовут.

— Теламон. Я из Аркадии.

Я слышал о нем. Убийца. Из любопытства я пригласил его в дом.

— Если ты собираешься и дальше зарабатывать себе на жизнь, перерезая другим вены, то, по крайней мере, бери за это плату, — упрекнул он меня. — Иначе как бедному человеку соревноваться с тобой?

Я сказал ему, что отказался от своего ремесла и что я раскаиваюсь.

— Благородный жест, — заметил он.

Мне он понравился. Я дал ему хлеба — какой нашелся, и он взял его, положив в свой мешок вместе с парой луковиц. Через десять дней он отплывал в составе воинской части под командованием Ламаха, чтобы совершить рейд по Пелопоннесу. Если я хочу, он может взять меня с собой.

— Ты работал неловко, как я слышал. Нет надлежащей сноровки. Поедем со мной, я тебя научу.

— Может быть, в другой раз.

Поднявшись, он оставил монету. Моего протеста он не принял.

— Я беру плату и плачу сам.

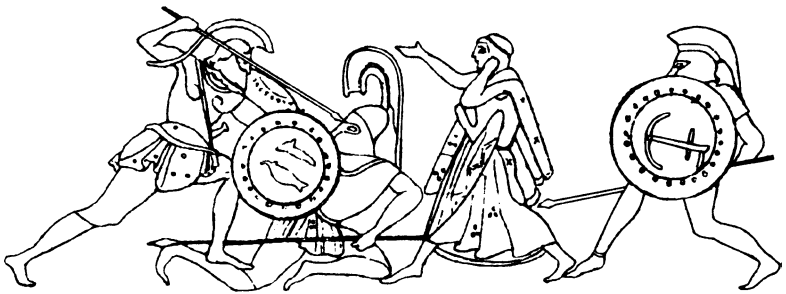
С порога я смотрел, как он уходит, унося на себе девяносто фунтов снаряжения. Потом вернулся в дом — в свой опустевший дом смерти.

Вероятно, что-то изменилось. По крайней мере, сказал я себе, мне предлагали работу.

Книга третья

ПЕРВАЯ ВОЙНА
СОВРЕМЕННЫМИ
МЕТОДАМИ

Глава X

РАДОСТИ СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ

Я не принял ни предложения Алкивиада получить офицерское звание, ни предложения Теламона последовать за ним и стать наемником. Однако совет Алкивиада без внимания я все же не оставил и отплыл пехотинцем под командованием Эвкла к фракийскому Херсонесу. Та кампания закончилась. Я остался жив и тотчас принял участие в другой, столь же бесславной, а потом еще в одной.

Война стала совсем иной. Насчет этого нас, рядовых тяжелой пехоты, просветили старшие. В их времена были сражения. Битвы. Они вооружались и сражались. Линия против линии. Победу добывали в честном бою, с оружием в руках. А в наши дни все стало по-другому. Наша война не была войной одного государства с другим, то была грызня фракций внутри государства — война меньшинства против большинства, война тех, кто имел, против тех, у кого этого не было.

Будучи гражданами Афин, мы принимали сторону демократов. Точнее, заставляли всех,

кто искал нашей помощи, понять, что их демократия будет настолько демократичной, насколько мы им это позволим. При этом новом способе ведения войны, атакуя город, сражаешься не с героями, объединившимися для защиты своей родины, а с шайкой фанатиков, которой выпал случай в данный момент управлять государством. При этом твоими союзниками являются члены изгнанной фракции, стремящиеся восстановить свое господство.

В Митилене мне удалось устроиться на службу. В нашу часть включили изгнанных демократов города, которые были свергнуты в результате мятежа олигархов и теперь являлись политической вспомогательной силой афинского войска. Я раньше никогда не видел таких людей. Они не были ни воинами, ни патриотами. Они были зилотами, фанатическими приверженцами демократии. Одним из них был человек по имени Терсандр. Мы звали его «Перо».

Наш капитан созвал нас для получения списка. Этот список представлял собою ордер на смерть. В него были включены соотечественники Пера, которых после взятия города нам предписывалось арестовать и казнить. Список составлял сам Перо. Он будет сопровождать нас во время *sullepsis*, облавы, чтобы опознать тех, кто назван в списке. Ты видел такие перечни имен, Ясон, они писаны кровью. Список Пера не был объективным перечнем гражданских врагов или политических оппонентов. Это были его соседи и друзья, товарищи и родственники, — те, кто в свое время разорил его. Они убили его жену и дочерей. Его брата они оттащили от алтаря и зарезали на глазах у его детей. Я не знал никого, кто умел ненавидеть так, как Перо. Это был не человек — сосуд, до краев наполненный ненавистью. С таким невозможно было договориться. И все они были такими.

Потом, когда город пал, мы взяли в плен семьдесят два человека из списков Пера и других, включая шесть женщин и двух мальчиков. Дождь лил как из ведра, дул

теплый западный ветер; мы стояли под потоками воды, и нас прошибал пот. Всех пленных мы поместили на площадке, где выгуливали скот. Соратник Пера, тоже митиленец, явился с инструкциями для нас. Нам предписывалось перебить арестованных.

Но как, спрашиваю я, выполнять такие приказы? Кто наберется смелости и предложит способ? Из задних рядов крикнули, что их надо сжечь — запереть в сарае и поджечь. Другой предложил резать их, как баранов. Я вообще отказался выполнять приказ.

Ко мне приблизился соратник Пера. Кто дал мне взятку? Известно ли мне, что я предатель? Я был молод, гнев охватил меня.

— Как я буду командовать ими? — воскликнул я, показывая на своих людей. — Как я смогу приказывать им выполнять их солдатский долг после того, как они совершат такое злодеяние? Это будут уже не солдаты, а убийцы.

Появился Перио.

— Они враги! — закричал он, показывая на несчастных, запертых в овчарне.

— Вот сам и убивай их, — сказал я ему.

Он сунул мне в лицо список:

— Я занесу сюда твое имя!

На этот раз меня спас мой горячий нрав. Я схватил досочку и сам вписал свое имя. Этот поступок так разъярил моего противника, что он готов был убить меня на месте. Возник скандал, и желание устроить массовое убийство угасло само собой. Однако я не хочу показаться чьим-то спасителем. Бедняги были зверски убиты на следующий вечер. Это сделали другие солдаты. А я, разжалованный в рядовые, опять отплыл на север.

Проходили годы, словно прожитые каким-то другим, чужим человеком. Я вспоминаю зачисления на службу и увольнения, платежные свидетельства, обломки железа, вынутые из моего тела и хранимые на дне моего мешка, как

сувениры. В памяти всплывают всякие безделушки, имена мужчин и женщин, которых я любил, — они были записаны на войлоке моего подшлемника и нацарапаны острием меча на лямках мешка. Но я никого из них не помню.

Сезон пролетел как одна ночь, как сон, от которого временами лихорадочно пробуждаешься и в который проваливаешься снова, а утром уже ничего не исправить, и в постели стоит кислый запах. Казалось, перед Потидеей я снова пришел в себя. Я осаждал этот город вторично. Прошло семь лет. Сейчас не могу сказать, что это было: реальность или сон.

В течение двух зим после смерти жены мне никого не хотелось любить. Это не было вызвано ни добродетелью, ни горем. Отчаяние. Только оно. Однажды вечером я притащился в лагерь проституток и уже не ушел оттуда. Ты ведь знаешь, что значит заплатить по счетам, друг мой. Подсчитай, сколько жалований — не забудь включить добавочные вознаграждения при увольнении! — может накопить солдат, если в течение десяти лет он не увольняется из армии? Если он непрерывно сменяет одну кампанию на другую и не уходит из армии даже зимой, разве чтобы оправиться от ран? Могу тебя уверить, набирается приличная сумма. Достаточная, чтобы купить небольшое приличное имение, со скотами, работниками и даже хорошенькой женой.

Но я промотал на шлюх каждый обол. Я все спустил на любовь и на выпивку. В конце концов мне не на что было экипироваться.

Настал мир — так называемый «Мир Никия», полководца первой половины Пелопоннесской войны. Обе стороны, обессиленные годами борьбы, согласились отступить и перевести дыхание. Мы провели новые границы и поклялись не нарушать их. Я вернулся домой. Алкивиаду уже исполнилось тридцать лет, он был избран в высший исполнительный орган государства, коллегия десяти стратегов. Он

занял тот же пост, который некогда занимал Перикл. Но до пика его возвышения было еще далеко. У него был соперник — Никий, человек очень влиятельный. Никий был старше. Он договаривался о мире со спартанцами. Афиняне избрали Никию для заключения мирного договора, чтобы не допустить к этому процессу Алкивиада, чьей предприимчивости и популярности они боялись.

Мой друг нанял меня с жалованьем капитана, которое выплачивал из своего кармана, на должность личного посланника к лакедемонянам, точнее, к некоторым их представителям — Ксенару, Эндию и Миндару. С ними он договаривался нарушить мир. Я не дипломат. Я тосковал по сражениям. Мне была необходима война.

Человек чувствует призвание стать наемником, как преступник имеет призвание к преступлению. Ибо война и преступления — это двойня незаконнорожденного приплода. Иначе почему магистрат представляет сбившемуся с пути юноше выбор: каторга или армия? Они взаимосвязаны, война и преступление, и чем чудовищнее преступление, тем глубже следует погрузить преступника в некую новую среду, чтобы он перевоспитался, забыв о родственниках, о своей стране, забыв даже о собственном преступлении, так чтобы в конце концов единственной загадкой, самой таинственной из всех, осталась последняя: почему я до сих пор жив? Ни один солдат еще не решил ее.

Мир был для меня войной, но под другим именем. Я никогда не прекращал заниматься своим ремеслом. Не имея возможности служить своей стране, я нанимался воевать в другие страны. Сначала к союзникам, а затем... когда наступают трудные времена, прежние враги оказываются самыми ретивыми нанимателями. Фивы приобрели вкус к власти, когда нанесли Афинам поражение у города Делий. В результате этой войны они присоединили к своим владениям Платею, Феспии и половину городов Беотийского союза. Фивы не были заинтересованы в спартанском

мире. Коринф тоже остался в стороне и был этим обижен. Договор не вернул ни Анактория, ни Соллия. Коринфяне потеряли влияние на северо-западе, не говоря уж об острове Керкира, мятеж на котором и явился той искрой, что зажгла пожар войны. Мегара нервничала, стремясь вернуть себе порт Нисею, занятый афинскими войсками, а Элиде и Мантинею, демократическим городам, надоело жить под каблуком тиранической Спарты. На севере Амфиполь и Фракия игнорировали мирный договор. Я работал на них всех. Мы все так поступали.

Пока стоит мир, государства предпочитают наемников солдатам-призывникам. Смерть наемников не отягощает совесть политиков; от их услуг можно отказаться, когда это станет неудобным. Если наемники восставали, им прекращали выплачивать жалованье, а если их убивали, то им вообще не надо было платить.

Ты имеешь представление о жизни наемников, Ясон. В кампании продолжительностью год настоящие сражения занимают от силы дней десять. Сведи это до тех моментов, когда ты на самом деле подвергаешься опасности, — и счет пойдет на минуты. Все, что нужно, — это пережить десять дней, и вот ты уже заработал себе еще один сезон. У наемника, который хочет сохранить свою жизнь и получить средства к существованию, куда больше общего с врагом, нежели с его собственными офицерами. Офицеры стремятся к славе. А что значит слава для наемного солдата? Он предпочитает остаться в живых.

Наемник никогда не называет себя по имени. Если у него есть свое снаряжение и он нанимается в тяжелую пехоту, то он — «щит». Копьеносцы — «пики», стрелки из лука — «луки». Агент, прозванный *philophoros* за свою войлочную шапку, нанимая солдат, скажет: «Мне нужно сотню щитов и тридцать луков».

Ни один «щит» не идет наниматься один. Страх быть ограбленным заставляет его искать напарника. Проще наняться, когда вас двое или даже четверо. В каждом городе

есть места, где собираются солдаты, которые ищут работы. В Арго — это таверна под названием «Гимн», в Астаке — бордель под названием «Бабки». В Гераклее — две площади, одна возле сухого ключа под названием Опунт, другая — на холме, восточнее Алтаря Амазонок; местные жители именуют ее Гиссакополь — Город Кошечек.

В сельской местности тоже найдутся такие особые места. Цепь бивуаков, называемых «курятниками», простирается от мыса Суний до самого города Пеллы. «Мне нужна дюжина щитов». — «Попробуй в Арго, я видел там в курятнике целую толпу».

Иногда это сухие склоны возле ручьев. Иногда — довольно просторные городки, затененные леском. Там есть даже рынки, работающие неполный день, и палатки из грубой ткани. Эти палатки называются «почасовыми»: солдат может там побыть с женщиной час или два, а потом должен освободить палатку для следующей пары. Один такой городок — Тритея, недалеко от Клеон; другой, «У излучины», расположен на реке Пеней, недалеко от Элиды.

Оставленные охотничьи домики — любимые убежища «щитов», которых ночь застала на дороге. Эти пристанища можно отыскать, увидев на склонах пеньки — деревья здесь срублены на дрова. В то время в стране была налажена негосударственная, но очень эффективная почтовая служба. Солдаты носили в своих мешках письма, пакеты, разные вещицы, которые совали им жены и любовницы, а то и случайный попутчик. Каждого прибывшего в «курятник» сразу окружали, пока он рылся в своем мешке. Если человек слышал имя отсутствующего товарища, то брал письмо для него, и нередко проходило полгода, прежде чем удавалось передать послание по назначению.

Объявления о найме — «рекламные тряпки» — наклеивались на «курятниках» и борделях, иногда на межевых камнях или возле родников. Узнав о работе, весь «курятник» снимался, офицеров выбирали прямо на марше. Звание в наемнической среде менее официально, чем в госу-

дарственной армии. Командира называют по числу человек, которых он возглавляет. Он — «восемь» или «шестнадцать». Офицеры — «вымпелы», потому что свои ленты они прикрепляют на острие своих копий, как флажки. Это делается для сборов и равнения строя. У хорошего офицера никогда не будет недостатка в желающих служить под его началом. Так же и хорошего солдата командир всегда постарается записать к себе. А ты ищешь команду, на которую можешь положиться и которой впоследствии будешь держаться.

Занимаясь своей профессией, ты постоянно видишь одни и те же лица. Они все время возвращаются к тебе. Я дважды встречал Теламона на паромной переправе из Патр и в «курятнике» на реке Алфей; а потом мы вместе участвовали в первом Трахинском сражении.

Почти никто не пользуется своим личным именем. Обычно это прозвища или солдатские клички. Македоняне, «маки», кареглазые и рыжеволосые, составляют большинство. Я никогда не служил в соединении, где не было бы Большого Рыжего и Малого Рыжего и целой группы разных оттенков от Большого до Малого.

Если человек еще не пролил крови или у него нет поручителя, ему не платят жалованья. Он должен служить бесплатно, и никто с ним ничем не делится, пока он не докажет, что способен не отступить в бою. После этого на сборном пункте к нему подходит казначей.

— Когда ты в последний раз получал жалованье?

— Ни разу.

Офицер записывает его имя и дает ему монету или две.

— Начнешь с завтрашнего дня.

Вот и все. Ты принят.

Дисциплина у наемников тоже не такая строгая. В Гераклее, в области Трахиния, когда я служил вместе с Теламоном, случилась первая неприятность. Один солдат дезертировал во время атаки. Приняв униженный вид, он

направился к Теламону, на ходу придумывая себе оправдания. Не останавливаясь, наш капитан пронзил его копьем. Удар был таким сильным, что железный наконечник прошел насквозь и вышел между лопатками. Секунду несчастный дезертир стоял, насаженный на копье Теламона. Затем тот взялся за древко и, упершись в шею убитого, снял с копья тело. Не говоря ни слова, он раздел труп, вытащил из мешка содержимое и бросил все проституткам и мальчишкам маркитанток, оставив лежать голое позорное тело. Я оказался рядом с афинским «щитом», которого мы звали Кроликом. Он повернулся ко мне с окаменевшим лицом:

— Я понял.

Ритм жизни наемника — как страсть распутника или игрока. Эта страсть движет «щитом», если он воистину «щит», она преследует его. Этот ритм стирает все, что было прежде, и все, что наступит потом. Из чего он состоит?

Во-первых, из усталости. Это прежде всего. Пехота никогда не отдыхает. Даже при шторме на море, когда солдату делать нечего, он занимается тем, что блюет, перегнувшись через леер, вываливая весь свой обед в море, и лишь потом падает на койку и мгновенно засыпает.

На втором месте — скука, на третьем — голод. Солдат все время на ногах. Он постоянно на марше. Только дойдет до одного пункта назначения — уже пора идти к следующему. И это лишено всякого смысла. Земля выдерживает его поступь с полным безразличием, но сам он всякую минуту готов упасть на эту землю, если не мертвым, то вконец изнуренным. Солдат никогда не видит ландшафта, он не замечает природы, его взгляд упирается в спину идущего впереди.

В жизни солдата преобладают жидкости. Ему необходима вода, иначе он умрет. Пот капает с его лба, стекает струйками по телу. Он нуждается в вине — в конце марша и перед сражением. Еще — рвота и моча. Сперма. И это ни-

когда не кончается. На предпоследнем месте — кровь и, когда уже совсем невмоготу, — слезы.

Солдат живет снами и никогда не устает рассказывать их. Он скучает по любимой и по дому, но тем не менее с радостью возвращается на службу. Он никогда не рассказывает о том, как живет вне армии.

Нас учили, что копьё и щит — оружие пехотинца. Вздор! Кирка и лопата — вот орудия его ремесла. Еще мотыга, рычаг, лом. Да еще корыто для раствора — у строителя, топор — у лесника, корзина для камней — у работающего на каменоломнях. Сей предмет материальной культуры новобранец хорошо знает, умеет починить его на месте с помощью травы или тростника. Он знает, как взвалить ее на себя, чтобы не осталось рубца на лбу от ремня, чтобы емкость за плечами не имела комков, выдавливающих плоть, ибо, когда корзина нагружена камнем, она тянет на половину твоего собственного веса и висит у тебя на спине. А еще надо тащить все это вверх по лестнице — понимаешь? Туда, где ждут деревянные формы, которые необходимо наполнить содержимым корзины. Потом получится стена, опоясывающая город. На эту стену мы должны будем взобраться, чтобы снести ее, а потом возвести снова. Этому нет конца.

Солдат — крестьянин. Он знает, как обращаться с землей. Он плотник. Он возводит крепостные валы и частоколы. Он рудокоп, он копает канавы и тоннели. Он каменщик, умеет из камня проложить ровную дорогу. Солдат — врач, который делает операции без наркоза. Он священнослужитель, который хоронит без надлежащих гимнов и жертвоприношений. Он философ, который дерзает проникнуть в самые тайны существования. Он бравый филолог, который умеет назвать женскую «киску» на дюжине языков. Он и архитектор, и разрушитель, и пожарник, и поджигатель. Он — животное, которое живет в грязи, червяк, обладающий только ртом и анусом. Еще у него есть аппетит.

Солдат видит ужасы и остается к ним равнодушным. Он перешагивает через трупы, не обращая на них внима-

ния, и устало шлепается на окровавленные камни, чтобы проглотить свою кашу. Он вбирает в сознание всякие истории, от которых побелеет и грива Аида, и рассказывает еще похлеще, и смеется при этом; а потом вдруг отдает последний обол женщине-беженке или уличному мальчишке, которого никогда больше не увидит — разве что проклинающим его со стены или крыши, при метании вниз черепиц и камней с целью раскроить проклятому наемнику череп.

Раз пять мы переходили перевал у Фермопил и оказывались на холме — там, где триста смельчаков обрели бессмертие. Что подумали бы они, эти воины былых времен, если бы увидели, как мы ведем нашу войну? Это вам не эллины против варваров поднялись на защиту священного отечества. Это грек дерется с греком из-за своего фанатизма. Не армия против армии, не человек против человека, а партия против партии, отец против сына. Они приводят своих детей и их мать, чтобы те бросали камнями в голову противника, иначе им перережут горло. Что сказали бы эти герои прошлого о гражданских волнениях на улицах Керкиры, когда демократы окружили храм Геры, где укрылись четыреста аристократов, выманили их, поклявшись сохранить им жизнь, а потом зарезали на глазах у их детей? А убийство шестисот человек в том же городе, когда demos, народ, закрыл их на постоялом дворе, сорвал крышу и обрушил на них смертельный град кирпичей и камней? Запертые в четырех стенах, несчастные в отчаянии убили себя, вонзая себе в горло те самые стрелы, которые сыпались на них сверху, и вешались на планках кроватей. И как поступили бы они на Мелосе и Сционе, когда пришел приказ из Афин — вырезать всех мужчин, а женщин и детей продать в рабство? Одобрили бы они убийство своих соотечественников в Гисиях или их поведение при осаде Платеи, когда сыновья Леонида задавали пленным лишь один вопрос: «Какую пользу принесли вы Спарте?» — а потом перебили всех мужчин до последнего?

В то время у меня была женщина с острова Самофракия. Впрочем, когда она напивалась, то заявляла, будто она из Трезена. Звали ее Эвника — «Честная победа». Раньше она была лагерной женой моего товарища, командира восьмерки по имени Автомедонт. Он умер — но не от раны, а от заражения зуба. В ту же ночь Эвника пришла ко мне.

— Ты не должен путаться с проститутками.

И она стала моей женщиной.

Чем она отличалась от моей жены Фебы? Хочешь это знать, Ясон? Я расскажу тебе.

Моя дорогая жена была цветком, возвращенным в закрытом цветнике, а эта женщина, Эвника, — побег, проросший после бури. Она — дикое растение. Эту женщину можно было оставить с товарищем и знать, что она не полезет к нему в постель, как только ты отвернешься. Возвращаешься и застаешь их смеющимися; она что-то готовит ему. Перед уходом он отводит тебя в сторону и говорит: «Если тебя убьют, я ее разыщу». Наивысшая похвала.

Эвника была опытной любовницей. Предпочитала позу наездницы. Ее лодыжки сжимали мне уши, пальцы впивались в ребра. Она была жадна до меня, до моего семени, я чувствовал это. Я знал, что она может уйти к следующему мужчине так же легко, как перешла ко мне; но жаловаться было не на что. В этом имелась своя честность.

Целый год мы оставались во Фракии по контракту с Афинами. Мы ходили по деревням и забирали провиант, чтобы снабжать флот. Занятие абсурдное. Бывало, человек сорок по три дня таскаются по горам и возвращаются с одной тощей овцой. Дикие пастушеские племена защищали свой скот, раскрасив себе лица и наклеив на бока своих низкорослых лошадок магические символы. Это выглядело как война в далекие времена, что предшествовали бронзовому веку, — за тысячу поколений до Трои. Возвращаешься в лагерь уставшим, но живым. У тебя нет даже палатки, чтобы укрыться от непогоды, зато можно на ходу подмять под себя какую-нибудь женщину... Совсем неплохо.

Жизнь солдата — это дикость. Вынужденный вести подобный образ жизни, он возвращается к дописьменным временам истории человечества. В этом тоже есть нечто особенное.

Я убил свою сестру Мери.

Мой меч перерезал ей горло.

Что мне оставалось после этого, как не скитаться по земле, окроплять ее своей кровью и не бояться, что когда-нибудь она поглотит меня? Но этого до сих пор не случилось. Почему? Неужели я стал таким уж негодным, что даже земля не хочет меня принять? Неужели я буду жить вечно?

Во второе лето перемирия наш «курятник» подрядился за хорошие деньги восстановить стены Арго и укрепить его порт Навплию. Этим занимался Алкивиад. Он перехитрил своего спартанского друга Эндия, возглавлявшего дипломатическую миссию в Афины, и помешал аргосскому союзу выставить его мошенником и лгуном. Теперь народ в гневе заключил союз не только с Арго, но и с Элидой, и с Мантинеей. И вот Алкивиад прибывает в Арго с четырьмястами плотниками и каменщиками, привезенными из самих Афин. Так начал воплощаться замысел Эвриптолема: амбиции Алкивиада вышли за пределы родного города. Обаянием своей личности и силой убеждения, в Народном собрании и личных беседах с ведущими людьми полисов Алкивиад переманил на сторону Афин три демократических государства Пелопоннеса, причем два из них были прежде союзниками Спарты.

Увидев размах строительства, наш «курятник» так и ахнул. От цитадели Ларисса, насколько видел глаз, по всему периметру города громоздились леса и строительные скаты, ворота для подъема тяжестей, тележки, дорожные струги, лесопильни, палатки агентов. Кишело такое множество работающих, что те, кто не имел лотка для подноса извести, носили раствор на голых спинах, поддерживая его сплетенными сзади пальцами. Я натолкнулся на Эврипто-

лема, когда искал для нашего «курятника» хорошо оплачиваемую работу. Он похлопал меня по плечу и сказал, что сможет найти нам лучшее применение.

Эвриптолем записал нас в отряд мессенских вольноотпущенников, чтобы сделать из них тяжелых пехотинцев. Отряд насчитывал двести человек. Это были бывшие спартанские рабы. Они бежали в крепости, возведенные Алкивиадом и Никием, и готовы были драться за свою свободу. Все лето мы натаскивали их, сопровождая Алкивиада в Патры. К осени этот город тоже стал нашим союзником. Когда я наконец добился аудиенции у нашего командира и заговорил о том, что к осени этих мессенцев нам не обучить — они не смогут сражаться, — он только засмеялся:

— А кто говорит о сражении?

Алкивиад намерен был завоевать Патры любовью. И он сделал это.

Как тебе известно, Патры господствуют в западной части Коринфского залива. В городе была демократическая форма правления. В пору войны он соблюдал нейтралитет. Но теперь, когда другие великие демократии Пелопоннеса — Элида, Мантинейя и Арго — стали союзниками Афин, Патры готовы были примкнуть к этому союзу.

Ты бывал в Патрах, Ясон? Очень милое место. Основное блюдо тамошнихстряпух — рыба и жареные дрозды. Едят там не рынке, а в помещениях, называемых «флаги», в частных домах, многие — с террасами с видом на море. Каждый входящий берет флаг — ярко раскрашенный кусок ткани с изображением дельфина или трезубца — и завязывает его на плече. Сделав так, он становится членом семьи. Хозяйка подаст ему блюдо, какое он пожелает. Поев, он заворачивает деньги во флаг и оставляет на скамье.

Правительство Патр состоит из двух палат — Совета старейшин и Народного собрания. Алкивиад сначала связался со старейшинами, с которыми познакомился лично. Он успокоил их страхи относительно намерений афинского на-

рода и заручился их разрешением обратиться к Народному собранию. Теперь Алкивиад у было тридцать два года. Дважды он избирался стратегом Афин. Он был самым ярким представителем нового поколения элладских мужей.

Алкивиад сказал следующее:

— Народ Патр, я исхожу из предположения, что вы, как все свободные эллины, предпочитаете независимость своего государства диктату чужой воли. Нейтралитет — уже не выход. Согласитесь! Сегодня каждое государство Греции должно объединиться или с Афинами, или со Спартой. Третьего не дано.

Народное собрание Патр происходило на открытом воздухе, на выступе под названием Ворот, выходящем в залив. Сейчас Алкивиад указывал на этот залив широким жестом.

— С какой стихией связываете вы будущее вашего народа — с водой или сушией? Это решающий фактор! Если решающей для вас является земля, то судьба города должна зависеть от Спарты. Такой союз обеспечит для вас наибольшую безопасность. Но если вы надеетесь выйти в большой мир через морскую торговлю, то вам следует признать: господствующая на море держава, Афины, не потерпит, чтобы некое другое государство претендовало на такое же господство. Патры расположены у моря, друзья мои, на самом важном со стратегической точки зрения мысе. Это выгодно вашему народу, и для Афин очень важно, чтобы мы стали друзьями. Но если вы решитесь пойти против Афин, вы погибнете. Не обманывайтесь. Этот мир не может продолжаться долго. Скоро вновь начнется война. Вам следует подготовиться сейчас. Определите, какой политический курс для вас наиболее безопасен. Союз с морской державой, которой вы нужны и которая будет защищать вас, чья мощь откроет перед вами все порты и все морские пути обитаемого мира, которая будет хранить ваших купцов повсюду, куда ни заведут их амбиции? Или связь с

сухопутной Спартой, которая не сможет уберечь вас от наших нападений с моря, но станет забирать вашу молодежь для службы в своей пехоте — в то время как ваши юноши менее всего обучены шагистике и не обладают хорошим вооружением? Под гегемонией Спарты вы будете изолированы, вам предстоит влачить нищее существование. Вас отрежут от торгового обмена, а ведь торговля приносит вам не только необходимое для жизни, но и излишки ресурсов, без которых безопасность — лишь иллюзия.

Он хотел, чтобы Патры построили длинные стены, соединяющие верхний город с портом. Когда один член Совета высказал опасения, что Афины поглотят Патры, Алкивиад ответил:

— То, что ты говоришь, может быть и правдой, друг мой. Но если Афины будут глотать вас по частям, начиная с ног, то Спарта захватит вас с головы и съест сразу.

Однако этот самый веский аргумент даже не нужно было высказывать. Об этом хорошо знали беглецы из Мессены. Подогреваемые ненавистью к Спарте, они образовали отборную воинскую часть. Своим присутствием они как бы говорили: «Вот что могут сделать для вас свобода и Афины. Будьте как мы — или готовьтесь встретиться с нами на поле боя».

И Патры перешли на нашу сторону. Таким образом, Алкивиад оторвал от Спарты три мощных государства, а четвертое из нейтрального сделал союзным. Он создал коалицию, чьи объединенные вооруженные силы соперничали с силами бывшего хозяина. И тем не менее они придерживались условий перемирия и не рисковали безопасностью Афин. Алкивиад и его представители готовы были идти дальше и простереть свои амбиции на пятое государство — приморский город Эпидавр. Если Эпидавр станет афинским, то шестой — и самый важный — союзник Спарты, Коринф, окажется отрезанным от центра коалиции и будет уязвим.

И вот тогда впервые появились агенты Спарты. Их кавалерия возникла в Ахее и Арголиде, за ними следовали их союзники, носящие алые цвета семидесяти спартанских городов, так называемых Соседей. То была тяжелая пехота, обученная столь великолепно, что превосходила всех, за исключением Корпуса Равных. Прибыли главнокомандующий Миндар, Эндий и Клеобул — лидеры партии войны. В «курятниках» начали появляться они и их офицеры. Впервые видели мы спартиатов — полноправных граждан Спарты — вербующими «щиты» и «копья». Один в своем рвении превосходил всех. Это был Лисандр, сын Аристоклета, — тот самый Лисандр, чье имя останется в анналах Афин как синоним рока.

Теламон нанялся к нему и все ворчал на меня за то, что я не желал последовать его примеру. Другие из нашего «курятника» также выполняли «поручения» Лисандра. В чем заключаются эти «поручения», они не рассказывали никому, даже мне. Было лишь известно, что «поручения» выполняются по ночам и хорошо оплачиваются.

Вместе с Теламоном я слушал обращение Лисандра к Народному собранию Патр.

— Люди Патр, речь афинского стратега, — имелся в виду Алкивиад, который обращался к собранию несколько дней назад, — известна всем! С речами выступали также посланцы моего города, чье красноречие далеко превосходит мое собственное. Тем не менее я слишком хорошо отношусь к вашему народу. Поэтому, хоть я и пришел сюда как солдат, я считаю долгом добавить мой голос ко всем прозвучавшим прежде. Не сделайте ошибки, друзья. Курс, который вы выберете сейчас, будет иметь очень серьезные последствия. Умоляю вас не поддаваться импульсу и не торопиться. Есть такая поговорка: заяц может прыгнуть в кастрюлю, но выбраться из-под плотно закрытой крышки ему не под силу. Позвольте мне рассказать вам, в чем заключается разница между афинянином и спартанцем. Может быть, об этом вы не подумали. Кто такие спартанцы? Да, мы не

моряки. Не в нашей натуре создавать империю. Согласитесь, наша часть Пелопоннеса никогда не стремилась к расширению. Мы заключаем только оборонительные союзы. Даже когда мы сражаемся с нашими врагами, наша цель — не завоевать, а только предотвратить возможную опасность. Мы крепко удерживаем пограничные с нами государства. Но чем дальше расстояние, тем слабее вожжи. Люди Патр, ваш город расположен далеко от нашего. Чего же мы хотим от вас? Только одного: чтобы вы оставались свободными, независимыми и сильными. Мы верим, что в этом заключается наша безопасность, ибо свободное государство будет противостоять вторжению всей своей мощью. Вы боитесь, что мы нанесем вам вред? Напротив, Спарта всеми способами будет помогать вам сохранять независимость — до тех пор, пока вы нам не угрожаете. Теперь поговорим об афинянах. Они представляют силу на море. Они возводят империю. У них в подчинении уже двести государств. С Патрами будет двести одно. Этот оратор, выступавший перед вами, этот афинский стратег расточал медовые речи и не скупился на заверения. Вы должны смотреть глубже, друзья мои. С помощью именно таких льстивых речей они лишили свободы другие государства. Спросите себя, будет ли этот человек таким же обворожительным, когда вернется сюда с боевыми кораблями и потребует вашу молодежь, чтобы укрепить свой флот? Когда он явится навязывать вам афинские принципы и законы? Каким же справедливым окажется этот так называемый союз, когда вам придется отдавать ему все деньги из вашего кошелька, а взамен получать «воду» от Афин? Ваш гость обещал вам защиту афинского закона. Что это значит, кроме того, что любой, даже самый простой иск больше не сможет рассматриваться вашим судом, но будет направляться для решения в Афины, в присутствии афинских заседателей, где царят такие продажность и алчность, что вам не выдержать! Вы, знатные люди, имеее состоя-

ние и принадлежите к сословию всадников. Когда война возобновится — а она обязательно возобновится, в этом наш афинский друг прав, — кто из ваших соотечественников пострадает больше всех? Простые люди, которые найдут себе место на флоте и улучшат свое положение благодаря войне, или вы, чьи земли находятся вне этих хваленых Длинных стен и останутся невозделанными? Чьи сыновья погибнут первыми, чье достояние будет разорено?

В ту осень плата за одно выполненное «поручение» Лисандра составляла тридцать драхм — месячное жалование за работу, сделанную за две ночи. Однако для нее требовался человек, знакомый с дорогами Спарты. Когда Теламон сообщил своему работодателю, что у него есть товарищ — *анерсиос*, прошедший обучение в Спарте, за мной прислали. В то время штаб Лисандра располагался в гостинице под названием «Котел», в Птелее, на границе с Мантинеей. После полуночи, когда другие офицеры и свидетели ушли, туда привели нас.

Лисандр уверял, что помнит меня по школе. Маловероятно, поскольку он был старше на три класса, к тому же обучался в элитной части. Но я его помнил. Из четырех первых мест — в борьбе, хоровом пении, послушании и сдержанности, — которые юноша мог завоевать в год окончания школы, Лисандр получил три. Однако его происхождение было таким низким и он так заискивал перед теми, кто был выше его, что это помешало ему быстро возвыситься. Состояние мира также не способствовало продвижению по службе. Ему было лет тридцать пять. Сейчас он должен был бы уже командовать крупным пехотным подразделением, а вместо этого у него в подчинении была небольшая кавалерийская часть — наименее престижный чин в спартанской армии. Ничто не произвело на меня такого впечатления в ту ночь, как внешность Лисандра. Он был почти так же красив, как Алкивиад. Высокого роста, темно-стальные глаза, волосы до плеч. Однако в тот час

казалось невозможным, что этот человек однажды приведет к краху афинскую империю и будет править всем эллинским миром, как бог.

Лисандр подробно объяснил, чего он от нас хочет. Теламон и я должны будем доставить в Спарту оперившегося совенка в клетке — подарок Клеобулу, главе партии войны. Однако настоящее задание заключалось в том, чтобы передать донесение, которое следовало запомнить и сообщить на словах только адресату. Это было обращение к правлению магистратов с просьбой серьезно отнестись к интригам Алкивиада. Спартанские эфоры, члены коллегии пяти надзирателей, должны действовать — и действовать быстро, ибо меры, предпринятые этим афинянином, поставили под угрозу само существование Спарты.

Когда я отказался выполнить задание, боясь, что оно навредит моим соотечественникам, Лисандр засмеялся:

— Помни, ты всегда можешь передать эту информацию и все, что увидишь и услышишь в Лакедемонии, твоему другу Алкивиаду, из любви или за плату.

До сих пор я помню текст:

«Основная опасность — не в Никии, не в так называемых народных вождях Афин — Гиперболе, Андрокле, прочих демагогах, чья пронизательность простирается не дальше угождения толпе перед следующими выборами, но в этом аристократе, искателе славы, который один обладает и стратегическим видением, и неукротимой волей. В условиях мира он ведет себя так, словно это война; устанавливая опеку над другими государствами, он стремится увеличить свою личную известность. Его цель — оторвать наш народ от его пелопоннесских союзников. Нам следует противиться этим интригам, пока еще не поздно, друг мой, всеми средствами и мерами».

Лисандр знал Алкивиада с детства, когда Алкивиад и его братья посещали в Спарте друга их семьи — Эндия. Юношей Лисандр был беден. Он получил право воспитываться в спартанской школе только как *mothax*, «сводный

брат». За его обучение платил отец Эндия, которого также звали Алкивиадом. Можешь представить себе, до какой степени эта зависимость задевала гордость юноши и подпитывала его желчность. Эту злобу к своему сопернику он пронес через всю жизнь.

Я выполнил его поручение. Потом выполнял и другие. По большей части мне приходилось быть курьером. В Спарте действительно чувствовались перемены. Партия войны взяла верх. Молодые люди и даже женщины требовали решительных действий, которые позволили бы восстановить достоинство Спарты. Запах битвы уже носился в воздухе.

В то лето армия дважды начинала военные действия, оба раза в полном составе под командованием царя Агиса. Когда во второй раз все закончилось неудачей почти у самых ворот Арго, спартанцы, в ярости от беспомощности собственного царя, обратились против него. Алкивиад немедленно воспользовался этим. Подняв союзников, афиняне взяли город Орхомен, укрепив за собой равнину и проходы к северу от Мантинеи. Таким образом Алкивиад отрезал Спарту от ее союзников по ту сторону залива. Теперь уязвимыми стали Тегея и Оресфий. Их падение было невыносимым для спартанской армии, поскольку эти города были ключом к долине реки Эврот. И все равно эфоры ничего не предпринимали. Они считали своего царя тупицей и трусом. И никто не доверял освобожденным илотам — государственным рабам, которые теперь составляли значительную часть спартанской армии. Котел пускал пузыри, не решаясь закипеть.

Однажды вечером Теламон пришел с очередным поручением. Мы поедem верхом с двумя афинянами-«щитами», Кроликом и Похлебкой (последний получил свое прозвище за обыкновение постоянно блевать на море). Задание было такое: спуститься в долину к Тегее, а оттуда тайно сопровождать командира расположенной там спартанской части к форту у Триполи, где он получит приказы от своего

правительства. Этого командира звали Анаксибий. Мы должны доставить его к Триполи ко второй страже и вернуться в Тегею до рассвета.

Лисандр ничего не сказал нам об этом, но в тот час в Тегее находился Алкивиад. Он был там со своими освобожденными мессенцами. Произносил речь в Совете.

Мы нашли нашего спартамца и отправились в путь. Не успели мы проехать и мили, как нас остановил посыльный от Лисандра. Планы изменились. Нам надлежит ехать к алтарю Артемиды на дороге из Тегеи в Паллантей.

Наш спартамец, Анаксибий, был старшим офицером, отнюдь не расположенным иметь дело с тугодумами. Дважды Похлебка получал от него сильные удары по ребрам. Анаксибий желал знать, кто нас обучал и в какой операции мы участвуем.

Мы достигли алтаря, когда уже началась вторая стража. Ясно было, что нашему вспыльчивому подопечному не вернуться к рассвету. Поднявшись по лестнице, мы не увидели Лисандра.

— Клянусь Близнецами! — Анаксибий со злостью ударил жезлом по камню с такой силой, что у нас чуть не лопнули от звона барабанные перепонки. — Я с вас всех шкуру спущу за эту дерзость, а потом и с этого «сводного брата»!

Из-за колонны показался Лисандр. Один, лишь в сопровождении своего оруженосца, прозванного Земляником — по форме родинки. Он умолял Анаксибия простить его, но тот продолжал колотить жезлом по камню, напрасно призывая всех богов. Лисандр попросил его перестать шуметь, поскольку лагерь расположен совсем близко, а грохот может быть принят за сигнал тревоги.

— Ударь своим жезлом меня, если хочешь, но выслушай то, что мне приказано передать.

Анаксибий наконец опустил свою палку. В тот же миг Лисандр выхватил меч и, ударив спартамца по незащи-

ценному правому плечу, нанес ему такой удар, что рассек шею до кости. Он почти обезглавил его. Анаксибий рухнул, как мешок. Кровь хлынула, точно из опрокинутого ведра. Мы четверо даже рты разинули. Земляника перевернул упавшее тело на камень лицом вниз и несколько раз погрузил ему в спину острие своего копья. Он наносил упавшему раны, какие мог нанести только трус или убийца.

Мои товарищи схватились за оружие. Мы встали спина к спине, уверенные, что сейчас паддем вслед за этим офицером от рук сообщников Лисандра. Однако не доносилось ни звука. Никто не появился из тени. Если рядом действительно находился лагерь, то там никто не шелохнулся.

— Зря, — прервал молчание Лисандр, показывая на тело своего соотечественника. Он сплюнул кровь — случайно прокусил себе губу, как часто бывает при таком напряжении. — Он был хорошим офицером.

— А в его убийстве обвинят нас, — сказал Теламон.

— Имена названы не будут, — спокойно отозвался наш работодатель.

Лисандр опустил на колени, рассматривая то, что раньше было человеком, а теперь стало куском мяса.

Постепенно цель его вероломства стала понятна. Это убийство должно было сойти за работу афинских агентов. Нас, которые сами стали жертвами обмана, не потребуется называть по именам. Нас не арестуют. Самого факта достаточно, чтобы вызвать гнев Спарты. Правительство очнется от лени и восстанет, чтобы избавить Тегею от опасности.

— А теперь ты убьешь нас? — спросил Теламон.

Лисандр поднялся, зажимая пальцами прокушенную губу. По его виду было понятно, что он никогда не думал об этом.

— Такие люди, как вы, — люди, которые не присягали на верность своему государству, — для меня бесценны.

Он кивнул своему оруженосцу, и тот заплатил нам, сколько было оговорено.

— В таком случае мы требуем заплатить больше, — сказал Теламон.

Лисандр засмеялся:

— У меня нет денег.

— Тогда мы возьмем лошадей!

На это Лисандр согласился.

Кролик направился к портику и подал знак, что кругом чисто. Моя кровь, казалось застывшая в жилах во время инцидента, опять потекла по прежнему руслу. Мне стало тепло.

— Кто убивает своих же, — услышал я собственный голос, обращенный к спартанцу, — тот насмехается над богами и людьми.

Я помню взгляд черно-стальных глаз Лисандра.

— Людей возьми на себя, Полемид, а небеса оставь мне.

МАНТИНЕЯ

Если бы не мой брат, меня не было бы в Мантинее. Он находился в Орхомене с Алкивиадом и прислал оттуда записку:

«Скоро состоится величайшая в истории битва. Если поспешишь, я постараюсь, чтобы ты принял в ней участие».

Нужно знать топографию Пелопоннеса, чтобы оценить опасность для спартанского государства, если падет Мантинея. От Мантинеи аргивяне и их союзники, в случае их победы, пройдут по равнине до Тегеи, потом повернут на юг, к Азее и Оресфию, откуда вся долина реки Эврот будет открыта для нападения. Поднялись бы рабы Спарты, а их число в десять раз превосходит количество их хозяев. Юношей и женщин Спарты убивали бы тяпками и мотыгами. Вместе с теми, что осталось бы от Корпуса Равных, защитники стояли бы до последнего и сгнули бы в неслыханном кровопролитии.

Я прибыл утром вместе с Теламоном и нашими мессенцами как раз в день предстоящей

битвы. Я был болен септической лихорадкой и находился в таком состоянии, что меня везли в повозке вместе с маленькими детьми, беременными лагерными женами и запасными древками для копий.

Никогда я не видел такого количества отборных войск. Еще мальчишками мы с Лионом гонялись за бегунами на факельных гонках во время празднования Панафиней. От статуи Афродиты в Академии, где участники бегов зажигали свои факелы, мы мчались вместе с ними через Священные ворота, через рыночную площадь, мимо алтаря Двенадцати Богов, огибая Акрополь, и дальше до Гераклея, где каждая пядь земли была усеяна людьми. По сравнению с Мантинеей то многолюдье было ничем. Собрались все вооруженные силы Аргоса. Там находились, вместе с отрядами из Мантинеи, клеонтийцы и орнейцы, союзники и наемники Аркадии, а также тысячная тяжелая пехота Афин, присланная для «оборонительной позиции» и «защиты мира». Казалось, здесь собралось все мужское население Аргolidы, пришел каждый человек, способный метнуть дротик или камень. На каждого тяжелого пехотинца приходилось пять-шесть легковооруженных.

Мы с нашими мессенцами шли позади войск. Меня тошнило, как собаку, но я должен был принять участие в сражении, иначе я никогда не увижусь со своими товарищами. Только я собрался побыть напоследок с Эвникой, уступив ее подстрекательствам, как показался Лион. Он осадил лошадь прямо передо мной. У него был вымпел курьера. Он вел в поводу вторую лошадь, которая, как он сообщил, скинула своего седока.

Мне предстояло стать конным курьером. По приказу Алкивиада эту должность сегодня должны занимать исключительно офицеры. Алкивиад участвовал в сражении не как стратег (на этот раз он потерпел поражение на выборах в коллегию десяти стратегов), но как доверенное лицо. Это было, конечно, чисто теоретическое различие, поскольку

любой занимаемый Алкивиадом пост становился основным — просто ввиду того, что этот пост занимал он.

Вот как начиналась битва.

По вине царя Агиса продвижение армии в полном вооружении было остановлено перед носом у противника. Спартанцы ушли на юг, к Тегее. Никто не знал, что они задумали. Союзники слышали, будто они хотят занять долину. Стоял месяц боедромион. Течение рек стало спокойным, как струя старика. Минул день, другой. Союзники испугались: вдруг Агис предпримет какой-нибудь опрометчивый шаг? С горы Алезон, где они занимали неприступную позицию, они спустились в горловину равнины, севернее Пелагского леса. Пронесся слух, что спартанцы приближаются с юга и несут с собой весь скарб, какой только смогли прихватить. Это произошло как раз в то время, когда я прибыл. Союзники растянулись на две мили и перекрыли долину.

Теперь поползли новые слухи. Спартанцы испугались, сражения не будет. Наши тоже отступят. Часть, к которой были приписаны мой брат и я, разместились под грушевыми деревьями. Спартанцы не сожгли их. От скуки солдаты грызли незрелые груши, и у них начался понос. По двое-трое они стали уходить, как бы желая справить нужду, и бежали из лагеря.

Вдруг вддали показалась пыль. Над Пелагским лесом, на расстоянии одной мили от нас, поднималось облако. Сначала показалось, что жгут валежник, как это делают по осени лесники. Потом облако сгустилось. В нашем расположении все замерло. Фронт пыльного облака все расширялся. Отдельные очаги соединялись. Топот тридцати тысяч не мог поднять такую пыльную бурю — противника должно быть раза в два больше. И до сих пор не видно было ни отблеска от щита, ни даже конной разведки, галопирующей впереди. Одна только пыль, поднимающаяся над дубовой листвой. Весь лес покрылся пылью, от края и до края.

Лион ехал рядом. Мы должны были найти командиров и получить приказы. Мой брат прибавил ходу, приглашая меня последовать его примеру. И вдруг наши войска выступили.

Тебе приходилось видеть движение таких масс людей. Солдат на марше часто не слышит даже срочного сигнала — из-за шума. Но вдруг человек осознает, что идет куда-то, сообразуясь с движением других. Он уже не знает, почему делает это, точь-в-точь как овца в стаде или гусь в стае.

— Поехали вон туда, — брат показал в сторону равнины. — Узнаем, что происходит!

Я уже говорил, что я плохой наездник. Более того, моя кобыла оказалась строптивой. Когда я захотел ударить ее пятками, чтобы быстрее пробраться сквозь эти беспорядочно движущиеся массы, она стала взбрыкивать. Как я упоминал, наша часть стояла лагерем на территории грушевого сада. Ветви деревьев вполне способны были раскроить тебе череп. А еще — лес поднятых копий. Кобыла несла меня прямо на них. Я впился в ее бока коленями, вцепился пальцами в гриву. Наконец животное вынесло меня вперед.

Теперь из леса показались первые колонны противника. Позднее мы узнали, что спартанцы были поражены, когда, выйдя из чащи, внезапно увидели перед собой сплоченную армию. Но их дисциплина была безупречной. Получив приказ, они молниеносно перестроились из походной колонны в боевую линию.

Я повернул назад, к своим, к поместью некоего Эвктемона, хозяина земли, на которой располагались объединенные армии. Спартанцы обходили нас слева и справа. Два корпуса выступили на расстоянии в полмили друг от друга. Боги, что это было за месиво!

Из леса продолжали выходить войска. Впоследствии нам стал известен масштаб проведенной спартанцами мобилизации. Они осознали угрозу, исходящую от Алкивиада,

и отнеслись к ней настолько серьезно, что поставили под копье семь из восьми возрастных групп. Восемь тысяч спартанцев под предводительством обоих царей, Агиса и Плистоанакта, с полным Корпусом Равных и четырьмя из пяти эфоров, которые присутствовали в качестве консультантов. Они задействовали силы семидесяти спартанских городов — двадцать тысяч тяжелых пехотинцев, вынужденных «следовать за спартанцами повсюду, куда они поведут»; армию Тегей, защищающую свою землю; аркадских союзников — Гереи и Меналии. И еще освобожденных илотов — *brasidioi* и новых граждан — *neodamodeis*.

Против них выступали агривяне, мантинейцы и союзники из числа оппозиции. Это было самое мощное в истории противостояние греков против греков.

Теперь я увидел Алкивиада. Даже на расстоянии его можно было узнать по стремительности, с которой он мчался на коне по полю будущего боя.

Наконец показался центр союзников. Алкивиад и другие офицеры спешили присоединиться к тем командирам, что ушли далеко вперед.

И вот лес изверг всех. Нас разделяли полторы тысячи ярдов. На равнине между армиями, как всегда перед боем, показались мальчишки, пешие и на лошадках, и даже девочки. Они веселили войска. На них таращили глаза. Некоторые, захваченные моментом, ринутся на поле боя и погибнут, другие станут героями, заменив павших, но многие замешкаются, чтобы потом заняться мародерством. Слышался вой собак. Дикая свора и домашние псы чуяли предстоящее сражение. Ничто не могло изгнать их с поля боя, разве что смерть.

Я помчался к командирам. Было видно, что они спокойно глядят на приближение противника.

— Пусть это будет сейчас! — воскликнул Алкивиад, перекрывая грохот. — Пусть это будет сейчас!

Вражеские лучники выступили вперед. Лион медленно ехал рядом со мной. Первые камни, пущенные из пращей,

выдирали дерн у нас под ногами. Через некоторое время камни полетели в нас, как град. Я все не мог добраться до командиров, спешащих к своим подразделениям. Мой брат прокричал, что нам сейчас стоит сражаться копытами. Тут подоспели наши пращники и копьеносцы, а за ними — тяжелая пехота, аргивяне, мантинейцы и афиняне, орнейцы, клеонийцы и наемники из Аркадии. Равнина дрожала от их топота. Они запели пэан, гимн Кастору. Их дорические родственники, спартанцы, тотчас подхватили песнь.

С правой стороны поля пролегалo сухое русло. Там были виноградники, выжженные противником еще раньше. По другую сторону от разрушенных стен выступали спартанские *sciritae*, воины из лаконской области Скиритида, восемьдесят щитов в ширину и восемь в глубину. Их почетное место всегда слева. Рядом теснились еще тысяча шестьсот алых плащей — они сражались во Фракии под предводительством Брасида. Они и «новые граждане», еще двести щитов с буквой «лямбда» — знаком Лакедемона.

Справа шел Корпус Равных. Строй их был безупречен, снаряжение великолепно. Всякий другой народ Греции идет в бой под звук трубы. Только спартанцы используют волынки. Сейчас эти музыкальные инструменты издавали то ритмичное завывание, от которого леденеет кровь. Царь Агис ступал в центре, окруженный тремястами всадниками. Все семь отрядов шагали в алом, со щитами как на марше, держа копья в строго вертикальном положении.

Послышался боевой клич, призывающий к сражению. Ритм музыки ускорился, все как один запели гимн Нике — Победе. Все войско, держа щиты сплоченными, развернулось по равнине. Я вцепился в гриву своей кобылы и что было сил ударил ее пятками.

Вперед выдвинулась линия с «лямбдой» на щитах. Мантинейцы, которым предстояло схватиться с ними, словно обезумели. Страх заставлял их кричать и бить в щиты. Напрасно их командиры старались восстановить порядок. Че-

тыреста ярдов разделяли теперь пехоту противников. Линия союзников оставалась справа, как всегда, поскольку каждый старается укрыться за щитом соседа, так что наше крыло перекрывало спартанцев на восьмую часть линии. По их рядам пронесся приказ, который подхватили волынки. Скириты начали разворачиваться веером, чтобы встретить наступавших мантинейцев. Между ними и соседними отрядами образовалась брешь. Что-то пошло не так. Очевидно, не было резервов, чтобы заполнить эту брешь. Командиры скиритов, сознавая свою уязвимость, приказали отойти вправо. Но слишком поздно. Оставалась всего сотня ярдов. Копья опущены для атаки. С воинственным криком мантинейцы сомкнули ряды и напали на спартанцы.

Во время той долгой и горькой войны я повидал немало мгновений концентрированной ярости, но немногие превзошли тот, когда корпус Мантинеи, сражавшийся за свой дом против захватчика, хозяйничавшего там уже несколько столетий, обрушился на своего кровного врага. В это время на изолированном левом фланге скириты и илоты сплотились плечом к плечу, словно в землю росли, чтобы сдерживать натиск.

Мой брат и я находились на самом краю справа, вместе с кавалерией и тяжелой пехотой Мантинеи, охватившей врага с фланга. Прочие спартанцы были отрезаны с обеих сторон: справа — брешью между ними и Корпусом Равных, а слева — окружившими их мантинейцами. Это позиция, которой любая сражающаяся сторона страшится больше всего, — котел.

Пращники и копьеносцы обеих сторон ринулись в брешю между тяжелыми пехотинцами, атакуя друг друга и сгрудившуюся пехоту. Копьеносцы были так близки к месту сражения, что бросали копья через плечи своих товарищей прямо в лица противника. Но и сами получали в ответ то же самое. Тучи копий взлетали вверх, описывали дугу и исчезали в облаках пыли. Тяжелая пехота Мантинеи про-

мчалась мимо Лиона и меня, как триремы на море при выполнении маневра под названием «прорыв». Они наносили спартамцам удар и быстро откатывали назад, чтобы охватить линию противника с фланга и сзади. Неприятель перед лицом вдвое превосходящего противника сопротивлялся с удивительной храбростью. Но масса мантинейцев, десять тысяч против пяти, подавила спартанцев, и те попятись. Стрелы дождем летели в их смешавшиеся ряды, а тяжелая пехота Мантинеи с грохотом пробивала оборону врага глубиной в тридцать-сорок человек. Мантинейцы, так долго испытывавшие благоговейный ужас перед владыками Пелопоннеса, на миг представили себе полное поражение Спарты. Поднялся оглушительный ликующий вопль. В тот миг казалось, ничто не сможет их остановить.

Союзники погнались скиритов на другую сторону сухого русла, под защиту спартанцев, в лагерь, где находились старики и обоз. Они порубили всех и сожгли все, что попало им под руку.

Воину следует сопротивляться тому хаосу, который в предвкушении близкой победы лишает его самообладания. Я нашел брата и поехал рядом с ним. Наши собственные лучники обстреляли нас, а дружественная кавалерия пускала в нас стрелы просто от бурной радости при виде столь удачных мишеней.

— Мы должны пробраться туда! — крикнул Лион, имея в виду левый фланг, где сражались афиняне. Мы собрали вокруг себя всадников, сколько могли, и поспешили к своим.

Нашему движению мешали ряды укрытий. Легкие войска перемещались стремительно, как саранча. Поле задышалось в дыму и пыли. Поднявшись на холм, мы ожидали увидеть битву между центральными позициями обеих армий. Но вместо этого перед нами предстало пустое место, усеянное ранеными из Мантинеи и Аргоса. Мы перевели взгляд направо, ожидая увидеть отходящих спартанцев. Никого.

Слева на расстоянии полумили можно было заметить последние ряды Корпуса Равных, Агиса и семь отборных спартанских частей. Они гнали аргивян, как собаки гонят овец. Безукоризненный порядок движения спартанцев внушал ужас. Не безумно, не стремительно, как другие армии в порыве близкой победы, но сохраняя полную дисциплину, упорно, неумолимо. Как стебли злаков покоряются косе, так наши союзники падали под натиском спартанцев. Их центр, победивший по всей длине, находился в полумиле.

Рядом я услышал крик. Один из всадников рухнул на землю. Возле самого уха просвистели камни, пущенные из пращей. Вражеские лучники — не группами, а врассыпную — напали на нас с тыла. Мы бросились бежать, но лошадь моя опять заартачилась. Лион поспешил мне на помощь. Мы видели, как к нам несется толпа взрослых и мальчишек, их снаряды и стрелы пронеслись мимо нас со звуком разрываемой ткани.

Мы достигли рва. Выбираясь из него, моя лошадь скакнула обратно. Я упал лицом вниз, лошадь — на меня. Мой брат успешно преодолел эту преграду и помчался вперед. С края рва враги обрушили на меня дротики и камни. К моему удивлению, моя лошадь вернулась. Это была боевая лошадка! Я с трудом забрался на ее спину. Там было больше ссадин, чем на моей. Но отвесная насыпь погубила нас. Трое мальчишек прыгнули в ров. У них были пращи, но слишком близкое расстояние не позволяло метнуть в нас камни. Вместо этого они набросились на меня, а потом отступили, выкрикивая богохульства и стараясь перерезать у лошади сухожилия. Редко мне доводилось испытывать ужас, сопоставимый с тем, что охватил меня, когда я глядел в мальчишечьи глаза и видел в них жажду моей крови.

Вдруг, как гром среди ясного неба, возник мой брат и с ним еще несколько всадников. Лошадь одним махом выскочила из рва.

— 'Это ты должен ехать верхом на лошади, а не наоборот! — громко крикнул Лион, когда мы что есть духу пустились прочь.

Афиняне и наша кавалерия с Алкивиадом находились на дальнем левом конце поля. Нам следовало добраться до них, чтобы хотя бы умереть среди своих. Но земля, словно засеянная зубами дракона, извергала из своих недр все новых и новых стрелков. Мы были легкой добычей для них. Будь я проклят, если когда-нибудь снова сяду на лошадь! Внезапно спартанцы повернули назад и двинулись в обратном порядке. Произошел один из тех невероятных случаев, что бывают на войне. Противник перестал преследовать аргивян и орнийцев и пришел на помощь своим обращенным в бегство соотечественникам на левом фланге. Это спасло нас от пращников, которые бросились вслед за нами. Массы спартанцев пронесли мимо нас, преграждая путь нашим преследователям. Корпус Равных — тяжелые пехотинцы. Мы, конные, были для них недосыгаемы. Они прошли достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть флаги их соединений и увидеть их глаза.

Слева афиняне были разбиты наголову. Пехота давно бежала, оставив кавалерию скакать по опустевшему полю, чтобы защитить раненых. Я увидел лошадь Алкивиада — мертвую, в грязи, а дальше, в канаве, его шлем.

Я вдруг ясно осознал, что наш народ не переживет его потери. Вероятно, мое отчаяние было вызвано усталостью. Конечно, я был страшно голоден. Руки обессилели оттого, что весь день я судорожно цеплялся за гриву этого дикого зверя, а ноги тряслись, утомившись сжимать бока норовистой кобылы. Меня охватило то ясное осознание происходящего, какое наступает при полной потере сил. Я отчетливо понял, что страх за нашего командира совершенно оправдан.

Я должен его найти. Я должен спасти его. Я ездил по полю в поисках Алкивиада.

Найти его я не сумел. Только в лагере, когда наступившая ночь наконец прервала битву, он появился сам, в доспехах пехотинца, которые, очевидно, снял с убитого в середине боя и в которых сражался весь день. Не снимая их, он принялся расхаживать среди солдат Аргоса и союзников, со щитом на плече, весь в пятнах запекшейся крови, с глазами как ярко горящие свечи.

При поражении узнаешь, кто твои друзья и для кого ты считаешься другом. Далеко за полночь оруженосец позвал моего брата и меня в его палатку. Были приглашены только самые близкие — его двоюродный брат Эвриптолем, Мантитей, Антиох-лоцман, Диотим, Адимант, Фрасибул и еще дюжина других. Это была самая великая честь, оказанная брату и мне за всю нашу жизнь, и мы понимали это.

То было очень печальное совещание. Какие уроки можно извлечь из катастрофы? Мы словно разрезали на кусочки тощего гуся и делали вид, что хотим есть.

Поражение стало погребальной песнью коалиции, которую сколотил Алкивиад. Мантиней и Элида опять подпадут под власть Спарты, как и Патры, чьи Длинные стены будут снесены. Орхомян тоже удержать не удастся. Эпидавр и Сикион будут притеснять еще сильнее. Спартанцы добьются изгнания последних демократов или казнят их; в качестве заложников они возьмут детей из всех подозрительных семей. В Аргосе демократия падет. Это лишь вопрос времени. Скоро Аргос также засунут в спартанский мешок.

За весь вечер Алкивиад не проронил ни слова, позволяя Эвриптолему говорить от своего имени. Он часто так поступал. У обоих братьев был одинаковый склад ума. Эвро убеждал своего родственника на рассвете отправиться в Афины. Весть о поражении разлетится быстро, и Алкивиаду надлежит быть дома, чтобы с честью выдержать все и поддержать тех, кто остался ему верен.

Алкивиад отказывался покинуть Мантиней. Он должен подобрать тела убитых.

— Ничего не поделаешь, кузен, прилив не остановишь, — объяснил он.

В ту ночь никто не спал. До рассвета сформировались поисковые группы. Мулы, ослы, даже кавалерийские лошади были оснащены салазками из шестов, которые называли «пекарские доски». Были задействованы интендантские повозки, снабженные носилками. Люди взяли плащи и одеяла, на которых можно было нести тела. Спартанцы прислали жрецов Аполлона, чтобы освятить поле и дать официальное разрешение нам забрать своих убитых. Своих они уже забрали.

При первых лучах солнца был пропет гимн Деметре и Коре. Алкивиад облачился в сандалии и белый хитон, без всяких знаков различия. Он был серьезен, но подавленным не выглядел. Он молча поднимал убитых, трудясь наравне с оруженосцами и даже рабами.

Там, где побеждали тегейцы и лакедемоняне, тела убитых союзников были голыми. Доспехи и оружие уже забрали. Противник взял даже обувь. Но там, где побеждал Корпус Равных, тела остались нетронутыми. Каждый лежал там, где его настигла смерть, со щитом и в доспехах. Спартанцы оказали им честь и избавили от унижения. Многие, включая и моего брата, плакали при виде такого величия сердца.

Полдень застал Алкивиада в той группе, в которой трудились и мы с братом.

— Это правда, Поммо, что ты носился по полю под носом у врага, желая отыскать меня и спасти?

Ему сообщили об этом несколько человек. Казалось, это доставляло ему огромное удовольствие.

— Я и не знал, что ты любишь меня.

Я отшутился тем, что он нужен пехотинцам. Алкивиад знал, как отплатить мне. Он не стал смеяться над неловой шуткой, лишь грустно посмотрел сперва на моего брата, потом на меня.

— Я знаю, как вознаградить тех, чьи сердца искренни.

Рано утром, как позже сказали нам с Лионом, Алкивиад оказался в дальнем правом конце поля — там, где мы находились, когда мантинейцы разгромили скиритов. Он переговаривал с несколькими мантинейскими офицерами, когда подъехал спартанский кавалерийский командир и осадил коня.

Это был Лисандр. Соперники спокойно разговаривали между собой. Все разногласия умолкли на время передышки. Лисандр отметил масштаб победы союзников на этом участке поля. Случись такое еще в одном месте — и результат был бы для Спарты катастрофическим.

По слухам, Лисандр сказал:

— Ты был близок к победе, Алкивиад.

Его противник ответил поговоркой:

— Близкая победа — еще не победа.

На это Лисандр заметил:

— Дай боги, чтобы это стало твоей эпитафией!

После чего повернулся и ускакал прочь.

Когда тени стали удлиняться, Корпус Равных отправился домой. Мы видели, как они обогнули лес и колонной вышли на Тегейскую дорогу. Агис ехал впереди, окруженный своими всадниками, а за ним ступали все семь частей. Лион показал на одного из всадников — там находился Лисандр. Он давал понять, что его кавалерия — это царская охрана. Они двигались рядом с полемархами — военачальниками и *pythioi* — жрецами Аполлона. Звучали волынки.

Их было восемь тысяч, все в алом, копья в наклоненном положении. У каждого солдата по оруженосцу со щитом, начищенным до зеркального блеска. Мы стояли в тени, по колено в пыли. Победители шли в лучах солнца. Они ритмично распевали песню про «геморрой и ад», свидетельствующую о богохульном презрении к смерти. Их шлемы, украшенные орнаментом, блестели на солнце как золотые.

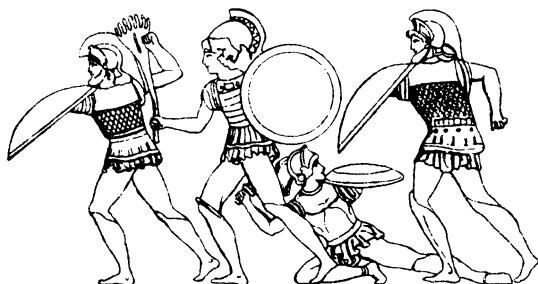

Алкивиад издал какой-то звук. Когда я повернулся, то увидел, что у него вскинуты брови, в глазах стоят слезы. Сначала я подумал — это от горя, вызванного гибелью его стремления создать коалицию. Однако оказалось, что он вовсе не испытывает сожаления. На него, как и на всех нас, сильное впечатление произвели потрясающая дисциплина и воля противника.

— Великолепно выглядят шельмецы!

Глава XII

ЧЕЛОВЕК ФЛОТСКИЙ

Когда я собрался уходить, — продолжал дед, — Полемид попросил меня об одной услуге.

Он сказал, что его матросский сундучок хранится сейчас на интендантском складе в порту Мунихия, у подсобного рабочего. Не могу ли я забрать этот сундучок? В нем документы, которые он хотел бы показать мне. Более того, добавил он, хорошо бы после его казни этот сундучок я оставил у себя.

Я постарался убедить моего собеседника не торопить события. Возможно, если осудят Сократа, то его оправдают. В общественном мнении может возникнуть ассоциация между осужденным философом и Алкивиадом. Популярность Алкивиада сейчас пала. Это благоприятное обстоятельство для всех противников бывшего стратега.

— Конечно, — улыбнулся Полемид. — Я и забыл.

При выходе из тюрьмы сильнейший ливень задержал меня у ворот. Пока я переждал дождь, ко мне приблизился мальчик, выбежавший из продовольственного магазина, что располагался напротив. Спросив о моем име-

ни, он попросил меня подождать еще немного и не уходить. Из того же магазина, прихрамывая, выбрался старик. Он перешел улицу, с трудом волоча ноги, и предстал передо мною в позе попрошайки. Я попятился, предпочитая оказаться под ливнем, нежели выносить приставания этого назойливого неряхи.

— Ты не узнаешь меня, господин?

Меня поразил голос этого человека.

— Я Эвмел из Оа. Синяк со старой «Европы».

— Синяк? Святые Близнецы! Неужели это ты?

Этот человек служил со мной в Абидосе и при Могиле Ведьмы под командованием Алкивиада. Война шла уже двадцать лет. Это было одиннадцать лет назад. Он был морским лучником и чем-то вроде моего личного ординарца. Смелый, но неловкий боец — отсюда его кличка. Он был храбр, как орел, и лелеял мечту подняться по служебной лестнице. В Абидосе он вынес меня с юта «Европы», когда я лишился ноги в одном бою.

Синяк остался на службе до самого горького конца, имя которому Эгоспотамы. Он попал в плен к Лисандру и был приговорен к смерти, но угодил в число рабов, когда солгал, будто его мать была из Мегары и, следовательно, он не является афинским гражданином.

— Вскоре после того, как они заклеили меня, я бежал. Я был дома как раз в то время, когда корабль Лисандра вошел в гавань, чтобы принять нашу капитуляцию.

Синяк перевел меня через улицу к магазину. Он был его хозяином, а паренек — его внук. Он рассказал, что через свою невестку заключил контракт с администраторами одиннадцати тюрем. Его база поставляла провизию тюремным надзирателям и заключенным. Синяк давно заметил, как я посещаю тюрьму, но лишь в этот день набрался наконец смелости и подошел ко мне.

Мы говорили об ушедших товарищах и былых временах. Он упомянул о деле Сократа. Синяк был в числе пяти-

сот одного заседателя. Он голосовал за смертный приговор.

— Один человек пришел ко мне и сказал, что если мне нравится мой контракт, то я должен положить в урну черный камешек.

Расставаясь, мой старый сослуживец отвел меня в сторону и предупредил: некие бессовестные тюремные надзиратели, а может быть, сторонники философа могут подойти ко мне, предлагая за плату уговорить Сократа бежать. Это драма, которую он, Синяк, наблюдал не раз: в полночь приводят коня, все скачут к границе... обман раскрывается.

— Как только услышишь что-нибудь подобное, сразу ко мне. Я знаю этих подлецов. Я вызволю твоего друга сам, прежде чем позволю им обмануть его.

Я серьезно отнесся к предупреждению и поблагодарил его от всего сердца.

Ливень уже перестал. Я готов был уйти. Но я должен был спросить у моего старого товарища, был ли он знаком с Полемидом.

— Хороший моряк. Лучшего и нет.

А как насчет того, что Полемид участвовал в убийстве Алкивиада? Я знал, что Синяк, как и многие другие с самосского флота, глубоко уважал своего бывшего командира и чтит его память. К моему удивлению, Синяк не испытывал ненависти к убийце.

— Но ведь он предал Алкивиада!

Синяк пожал плечами.

— А кто не предавал?

Тем же вечером, дома — вероятно, под впечатлением просьбы Полемиды забрать его сундучок, — я забрался на чердак в поисках моего. До сего дня моряки помечают свои сундуки памяtnыми датами, вырезают на досочках названия своих кораблей, а рядом с именем корабля прибавляют монету той области, где довелось служить. Я отнес мой сундучок в библиотеку. Когда на следующий день

рабочий доставил сундучок Полемида, я не нашел лучшего места для него, как рядом с моим.

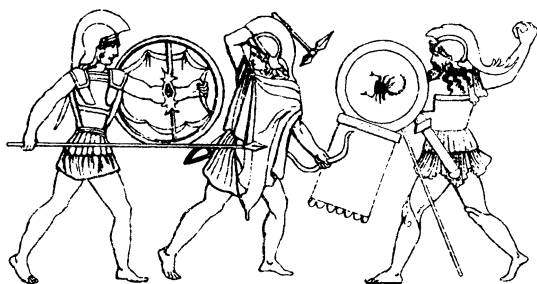
Какие же мы разные, этот убийца и я. Мы оба служили стране, мы участвовали в войне, которая длилась трижды по девять лет. Но кто заметит эту разницу, посмотрев на наше солдатское имущество?

Я открыл сундучок. Сразу повеяло запахами давних кампаний, вспомнились их участники. Все в прошлом. Я сел, охваченный воспоминаниями, слезы потекли из моих глаз. Я плакал по тем товарищам, над которыми спустилась вечная ночь, и по этим двум, по философу и убийце, которым скоро предстояло пройти по тому же темному пути.

Жена моя, твоя бабушка, в тот момент случайно проходила мимо и, застав своего мужа в таком состоянии, приблизилась и в доброте душевной спросила, в чем дело. Я сказал ей, что принял решение.

Клянусь всеми богами, я приложу все силы к тому, чтобы Полемида оправдали, и приму все меры в пределах закона, чтобы увидеть его свободным.

Глава XIII
ИМЯ ТРЕХКРАТНОГО
ПОБЕДИТЕЛЯ

В Олимпийских играх, последовавших за битвой при Мантинее, — возобновил рассказ Полемид, — колесничие Алкивиада трижды заняли первое место в состязаниях квадриг. Ни Троянская победа, ни появление самого Аполлона в крылатой колеснице не могли бы вызвать бóльшую сенсацию. Дважды сто тысяч зрителей обежали ипподром. Помнишь ту победную оду, которую сочинил Еврипид? «Сын Клиния, воспою тебя...» Как там дальше?

Победа прекрасна твоя; всего же прекраснее то,
Что трижды глашатай победное имя твое
возгласил.

Я пропустил эти скачки. Наш «курятник» слишком поздно прибыл, переправившись из Навпакта. Мы слышали, что Алкивиад появился со своими колесничими на большом пиру в его честь, устроенном городом Византий, чью цитадель он впоследствии — не пройдет и десяти лет — возьмет штурмом. Агис, спартанский царь, был там со своими сорока всад-

никами. Толпа не позволила ему даже взглянуть на возниц Алкивиада. Эфес, Хиос, Лесбос и Самофракия воздвигли в его честь павильоны. Самосцы отправили баржу, на которой девственницы воспевали ему гимны. Баржа села на мель, и туда отправились победители-борцы, в гирляндах и венках, чтобы спасти девушек. Помнится, река была глубиной с ладонь.

Сицилиец Эксинет получил венок в гонках на стадион (двести ярдов). Никто даже мысли не допускал, что он может победить. Толпа смотрела только на Алкивиада. Ну, если не на него, то на его лошадей. Люди дрались за их дерьмо. Это правда. Я сам видел. Не успевала одна из этих чемпионки задрать хвост, как тут же полдюжины бросались и подставляли под хвосты свои шапки, словно лошадиная задница была фонтаном, извергающим куски золота. Они уносили отпечатки копыт, вырезав их из песка и поместив в ящики. Никогда я не видел столько пьяных и сам никогда не был так пьян. Размах публичного блуда был поразительным, однако я в нем не участвовал.

Что касается Алкивиада, к нему было не подступиться и на дальность полета стрелы. В возрасте тридцати четырех лет он допрыгнул до небес — чемпион чемпионов, главная знаменитость Греции, Македонии, Фракии, Сицилии и Италии. Это делало его самым известным человеком Ойкумены, за исключением Персии.

Сами Игры были в широком смысле эпохальными. Предыдущая Олимпиада, как мне помнится, была той, на которую не допустили спартанцев — из-за их распри с элейскими жрецами Зевса. Без лакедемонян каждый венец словно бы потерял свой блеск. Теперь же они участвовали. Борец Полидор, пятиборец Сфенелид, две квадриги, ни одна из которых раньше не терпела поражений — разве что друг от друга. Мантинея восстановила свою честь. Миф о них ожил, как сказал бы Алкивиад, и они торжествовали.

Для меня присутствие спартанцев имело еще более важное значение. Казалось, куда бы я ни повернулся, всюду

наталкивался на моих бывших товарищей по обучению или офицеров, которые нас учили. Возле павильона победителей я прошел мимо Фебида, давнего моего командира, и его брата Гилиппа — того самого, который позднее нанесет Афинам такое безжалостное поражение у Сиракуз. Я встретил и Эндия, своего друга детства и, как кто-то говорил, любовника Алкивиада. Он был кавалерийским командиром, метил на следующий год в эфоры.

В толпе бродило немало таких, как я, одетых не в цвета своего народа, а в выделанную кожу экспатриата, человека, покинувшего свою родину, «щита»-наемника. Сезоны сменялись так незаметно, что человек не примечал в себе никаких перемен, покуда не встречал товарища и не видел, как тот изменился за эти годы. Вот Алкей, деливший палатку с Сократом, веселый актер с Аспазии-Три. Теперь он был тренером. Его подопечный Пандион в то утро разбился, привязав себя к камню, потому что предпочел смерть второму месту. Пандион из Ахарн, который когда-то стоял рядом с моим братом и давал клятву эфеба, свободнорожденного юноши, обучающегося военному делу. Казалось, с тех пор прошло всего одно лето. Так это было. Каждый встречал своих товарищей юности. В последний раз мы виделись, когда были безусыми юнцами. Как же оказалось, что в бороде этого друга уже седина, а руки и ноги в шрамах? На вопросы о сестре или матери, жене или ребенке мы получали один и тот же безмолвный ответ. Вскоре мы перестали задавать вопросы. Просто смотрели друг другу в глаза и видели в них, как в зеркале, собственные потери.

На рассвете третьего дня Эвника разбудила меня в нашем бивуаке на берегу реки Алфей.

— Вставай, соня! Постарайся выглядеть прилично.

На берегу стоял Лион. Я не видел его со времен Мантиней. Прошло уже два лета. Я не ответил ни на одно из его писем, которые носил в своем мешке.

Он был нарядный, приглаженный — преуспевающий мирный человек. Я с удовольствием обнял его. Мой брат

больше не был безрассудным пареньком, что сбежал из дома в Потидею. Нет, то был столп общества тридцати лет от роду, его детям уже пошел второй десяток. Он стал хозяином отцовского поместья. Он направлялся в город и отругал меня за то, что я до сих пор остаюсь в солдатах.

— Хорошие деньги платят, — защищался я.

— Тогда угости меня обедом.

Мы рассмеялись.

— Ведь у тебя за душой нет ни обола, так?

Он сообщил, что тетя Дафна заболела. Знаю ли я, что я до сих пор для нее золотой мальчик?

— Она беспокоится о тебе, брат. Я тоже.

Он хотел, чтобы я вместе с ним вернулся домой и работал на земле. Он разделит все имущество между нами поровну.

— Хозяйство большое, мне одному не справиться, Поммо. Но вместе мы добьемся, чтобы оно приносило доход.

Мы провели с ним весь день. До последнего мгновения ни один из нас не мог заговорить о том, что переполняло наши сердца.

— Ты похоронил их?

Я имел в виду останки моей жены и ребенка, отца и Мери. Они должны были лежать в Ахарнах.

— Ты старший, Поммо. Ты знаешь, что сделать это должен ты.

При этих словах улетучилась вся моя радость от Игр. Я должен вернуться домой. На следующий день я собрал вещи, чтобы уехать. Это вызвало у Эвники яростный протест. Она кричала, что всегда знала: настанет день, я стану господином и брошу ее. Ненавижу такие сцены с женщинами. Мешок был уже у меня за плечами, когда в нашем лагере появился тяжеловооруженный всадник-спартанец. Он искал меня. Это был человек Эндия, звали его Длинная Рука — он хорошо бросал топор. Ему было поручено передать мне приглашение от Эндия на ужин. Приглашение

касалось также моих товарищей по палатке и наших женщин.

Ужин проходил не в олимпийском павильоне, а в личном поместье Эндия, в Гаррине, недалеко от города Олимпии. Длинная Рука прибыл за нами, и мы уехали вместе с ним. Мне было тогда тридцать четыре, Эндию — сорок пять. Еще в детстве мое положение было настолько ниже его, что даже теперь я невольно обращался к нему как к господину и старался стоять слева от него в знак уважения.

— Расслабься, Поммо. Теперь мы можем быть товарищами.

Всадник был вежлив с нашими женщинами и даже обворожителен. Он позволил им сидеть за столом вместе с собой и своими гостями — фамильярность, неслыханная в Лакедемоне.

— А это правда, — не сдержала Эвника свой бесстыжий язык, — что спартанские женщины появляются на праздниках голыми?

— Мы называем их не голыми, а приносящими радость, — ответил наш хозяин.

— А если они жирные?

— Поэтому они и не жиреют.

Эвника проглотила этот ответ как ни в чем не бывало.

— И что, спартанские женщины действительно самые красивые в Греции?

— Так утверждает Гомер, — ответил Эндий, напоминая о дочерях Тиндарея — Елене и Клитемнестре, а также об их кузине Пенелопе, которую Одиссей увез на Итаку.

К концу трапезы появился еще один спартиат. Это был Лисандр. После Мантинеи он вырос в звании и служил уже не в кавалерии, а в тяжелой пехоте. Он уселся рядом с Эндием. Когда был пропет благодарственный гимн и в трапезе наступил перерыв, эти двое приблизились ко мне и Теламону с просьбой задержаться. Было уже поздно, но светила луна. Не согласимся ли мы сопровождать их за

город — подышать воздухом? Для нас привели лошадей. Оруженосцы поедут впереди с факелами.

Что бы это могло быть? В разговоре за обедом избегали упоминать имя Алкивиада. Никто ни разу не произнес его. Сам Эндий обмолвился о своем друге лишь парой слов в ответ на замечание Теламона о том, что самый великолепный из павильонов, воздвигнутых в честь победителя, был в Аргосе, который со времен Мантиней во второй раз установил у себя демократию. Среди влиятельных граждан Аргоса Алкивиад имел десятки союзников и друзей. Мог ли он использовать это в своих политических целях?

— Все, что он делает, так или иначе имеет отношение к политике, — заметил Эндий.

Несколько миль мы ехали по берегу Алфея. Перед нами расстилалась сельская местность, здесь росли оливы и созрел ячмень. Эндий заметил, что эти земли и то поместье, которое сейчас возвышается перед нами, — собственность Анакреонта из Элиды, родственника его жены, который должен Эндию очень много. Эндий кивком подозвал оруженосцев. Мы осадили лошадей у обрыва над рекой.

— То, о чем мои товарищи и я будем сейчас говорить, — начал Эндий, — исходит не от царей или магистратов Лакедемона, а исключительно от нас как частных лиц. Обещаете ли вы присутствовать и молчать обо всем услышанном?

Волосы у меня встали дыбом.

— Мы вернемся пешком, — отозвался я, спешиваясь.

Теламон удержал меня.

— Эти люди хотят поговорит о деле, Поммо. Я участвую.

Он похлопал меня по колену. Это ни к чему не обязывает, нам предстоит всего лишь выслушать предложение о найме на работу.

— Считаешь ли ты себя патриотом? — заговорил Эндий, обращаясь ко мне. Я на рассвете готов был вернуться в Афины, если он это имел в виду.

— Я хочу сказать: согласен ли ты защищать твой город от врага? Готов ли отдать жизнь, если это сохранит свободу твоей родины?

Вверяя себя богам, я ответил, что надеюсь спасти и то, и другое. Он улыбнулся, переводя взгляд на Теламона. Мой товарищ молчал. Тогда заговорил Лисандр.

— Ты сказал, что готов пожертвовать жизнью в борьбе с врагом, угрожающим твоей стране. Я верю тебе и уважаю это намерение — как и любой другой. Давай продолжим разговор. Если бы твоему народу грозила большая беда — скажем, тиф или другая болезнь...

— Говори прямо!

— Была бы так же тверда твоя рука? Скажем, если бы одним ударом ты мог бы сохранить...

— Ты принимаешь меня за убийцу, Лисандр?

Эндий мгновенно вступил в разговор.

— Тот, кто убивает тирана, — не убийца, а патриот. Избавитель своей страны, как Гармодий и Аристокитон.

Теламон поднял руку, останавливая его.

— Мы говорим о сделке. Наши чувства тут ни при чем.

Эндий не отреагировал. Он продолжал с жаром убеждать меня:

— Разве ты не назвал бы спасителем того, кто очистил бы твою страну от этого мора?

— Эндий! — резко окликнул его Лисандр.

Эндий с усилием взял себя в руки.

— Давай говорить открыто. Больше никаких недомолвок. У тебя есть глаза, Полемид, ты не дурак. Враг твоей страны — не Спарта. Ее настоящий враг свернулся кольцом на ее груди. Не мы желаем ей зла, а он, трижды увенчанный змей! Это его амбиции, подогреваемые столь усиленно, достигнув предела, разрушат ее.

— Ты так боишься его, Эндий?

— И боюсь, и ненавижу. И люблю его — как и ты.

Он отвернулся. Некоторое время все молчали.

— И какова будет награда патриоту, который очистит грудь Афин от подобной гадюки? — вставил слово мой товарищ.

— Все, что ты видишь перед собой. — Это произнес Лисандр, показывая на оливковые рощи и ячменные поля.

Теламон присвистнул.

— Неплохой стимул! Но вот вопрос: как долго он проживет, этот спаситель, чтобы насладиться своим богатством?

— Под нашей защитой — пока не иссякнут его дни.

— С каких это пор, — осведомился я у обоих спартиатов, — Спарту так заботит благополучие ее соперника?

— Хватит! — резко оборвал меня Эндий. — Ты убьешь его или нет?

— Я скорее убью вас обоих, причем за полцены.

Спартиат так сжал бока своей лошади, что она шарахнулась. Лисандр быстро подъехал к Эндию и схватил поводья.

— Успокойся, друг мой. Сегодня нам не удалось убедить наших товарищей. Вероятно, они правы. Если Афины действительно враждебны нам, тогда наша задача — твоя и моя — поддерживать всех, кто способен уничтожить этот город. — Он улыбнулся, глядя мне прямо в глаза. — Да будут благосклонны небеса к нашему другу, который увенчан тройным венцом.

Теламон и я спешили. Эндий все кружил на заупрямившейся лошади.

— А теперь послушайте мое предсказание. Настанет день, и Афины падут. Ее флот сгинет в пучине, Длинные стены разрушатся, вдовы и сироты будут стенать на улицах. И повинен в этом будет только один человек...

У меня язык чесался остановить его какой-нибудь резкой фразой, но при этих словах кровь застыла у меня в жилах. Я не смог ничего возразить.

— Какое преступление, братья, наиболее ненавистно богам? — продолжал Эндий. — Не убийство! Не предатель-

ство! Гордыня! Чтобы покарать ее, сам Зевс выпускает свои небесные стрелы в гордеца.

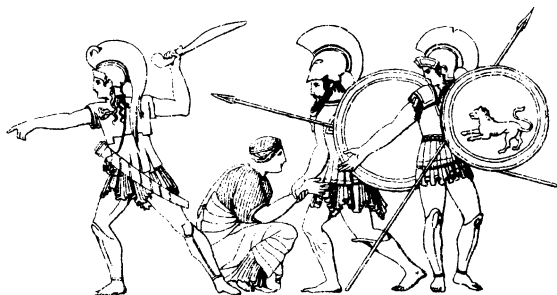
Продолжая кружиться на месте, он поднял руку.

— Запомните, что я сказал вам в эту ночь!

Затем ударил пятками коня и поскакал прочь. Лисандр задержался, чтобы позвать оруженосцев. Те вскочили на лошадей, на которых прибыли сюда мы с Теламоном. Перед нами простирались рощи и поля, залитые серебристым светом луны.

— Радуйтесь перспективе, друзья, — сказал Лисандр. — Может быть, настанет час — и наша сделка все-таки состоится!

ПЕРСПЕКТИВА ЗАВОЕВАНИЯ

После Игр мой брат и я отправились домой, в Афины. У нас было четыре дня, чтобы вновь узнать друг друга. Я получил жалованье и сразу же отправил Эвнику паромом через Патры и Истм, за Коринфский перешеек. Она будет в безопасности, кочуя с Теламоном и Похлебкой. Другие из нашего «курытника» тоже пожелали добраться до города. Там их ждала работа — строить новый флот для Сицилии.

Оказавшись снова дома, мы с братом изъяли из места временного упокоения останки наших близких и перенесли их в склеп наших предков в Ахарнах. Может быть, теперь они обретут истинный покой. Стоя на этой земле, поглотившей сыновей и дочерей нашей семьи с незапамятных времен, я ощутил такое горе, что пал на колени — ноги больше не держали меня.

Скажи мне, Ясон, что это за сила, которой наша родная земля завладевает нами и держит нас в плену? Мы думаем, что это мы владеем ею, но на самом деле это она захватывает нас. Не она принадлежит нам — это мы принадлежим ей.

Еще мальчишкой я провел в имении несколько сезонов. Моя тетка взяла меня в город, когда мне было четыре года. К десяти я уже обучался в Спарте. Я никогда по-настоящему не знал своего деда со стороны отца или его двоюродных сестер и братьев. Я познакомился с ними сейчас, когда стоял рядом с Лионом и чувствовал, что в долгу перед ними, по уши в долгу.

Тебе доводилось управлять имением, Ясон. У кого нет своей земли, тот не знает, что такое нищета. Во время войны солдат хотя бы одну ночь держит в кулаке свое жалование — неважно, что потом он пустит его по ветру! У крестьянина нет даже этого. Еще до того, как зерно окажется в земле, хозяин уже закладывает будущий урожай. Но даже если урожай будет богатым и он продаст на рынке фиги и груши, не успеет он подсчитать выручку, как она тотчас исчезнет в мешках учетчика и сборщика налогов, а остальное растратят эксцентричные родственники. Сказать, что человек владеет землей, значит сказать бессмыслицу, если не проявить жестокость. Своя земля — это топор, занесенный над твоей головой. Ты тащишь эту землю на своем горбу, а она гнет тебя книзу, как железный якорь.

Солдат считает, будто знает, что такое страх. Скажи это крестьянину! Когда я был солдатом, то выпивал перед сражением стакан вина и спал, как каменный. А теперь, на хозяйской койке, я кручусь без сна, как Цербер. Крестьянин приветствует рассвет только одним вопросом: какая еще беда приключилась за ночь? Я никогда не знал прежде, сколько способов у овцы заболеть или почему портится родник.

В крестьянском хозяйстве постоянно что-то ломается. Ты встаешь на рассвете, начинаешь чинить и возишься до полуночи. Сама Троя не испытывала во время осады ничего подобного. Землю разъедает грибок, плесень, насекомые-паразиты, ржавчина, сухая гниль. Ты сражаешься с червоточиной и пасмурной погодой. Каждая ползучая тварь —

твой враг. На корабле я просто прихлопывал насекомых и больше не думал о них. Теперь они преследовали меня в ночных кошмарах. Термиты и муравьи-древоточцы, шершни, осы, саранча, клещ, тля, зерновой жучок, мотыль, долгоносик, мясные мухи, жуки-точильщики. Все, что роет и пожирает. Одни боги ведают, какие твари нападут завтра на твой скот. Язва и гусеница озимой совки, пиявки, ленточные черви. Бывает, на самое землю нельзя положиться. Каждое утро упала еще одна подпорка, обвалилась еще одна сточная канава. Рабочих приходится нанимать за деньги, а денег у землевладельца почти никогда нет. Единственный товар, которым он владеет неограниченно, — это пот. Дождь — его Немезида. То его слишком много, то его слишком мало. Солнце, ветер, огонь и само время — все они могут превратиться в опасного врага. Наемные рабочие хорошо трудятся только в дни выплаты жалованья, а если ты окажешься дураком и вложишь деньги в одного-двух рабов, то купишь себе еще несколько проблем. По щиколотку в овечьем навозе, мы с братом задавались немым вопросом: как же наш старик управлялся со всем этим? Как один человек ухитрялся выжать прибыль из этой грязи, когда наша команда, впряженная в это ярмо, терпит поражение за поражением? Крестьянин старится к сорока годам. Только одно существо помогает ему выстоять — его собака. Других союзников у него нет.

Никогда не устающий, всегда преданный Номер Один землевладельца (все прочие псы — просто бесполезные дворняги), он спешит к своему хозяину с первым криком петуха и трудится весь день, не увиливая, — всегда жизнерадостный и полный сил. Он не требует иной награды, кроме счастья слышать хозяйский голос да еще ласкового похлопывания по загривку. Он — господин над всеми прочими зверями, ночной сторож и защитник; без него хозяйство не стоит.

Конечно, имение — блаженство для ребенка, для которого вся работа — это шалости, а каждое существо — товарищ

по играм. Женщина тоже чувствует себя здесь как дома. Эвника — та просто наслаждалась. Теоноя, жена Лиона, была городской женщиной. Сельская жизнь казалась ей скучна. Но ее дети на свежем воздухе расцветали. Глядя на них, Эвника испытывала боль, знакомую только бездетной женщине. Если я останусь здесь, я должен буду жениться на ней. Она больше не выдержит походной жизни.

В ту осень пришло известие от Эвриптолема. Афинский флот готовится напасть на Сицилию. Командовать будет Алкивиад. Я и мой брат можем сообщить, какие должности хотим занять в этом походе. Добавочное вознаграждение — три месячных жалованья. За выслугу — двойное жалованье офицера.

Эвника не захотела присутствовать при обсуждении этого вопроса.

Вскоре к нам пожаловал сам Алкивиад. Он прибыл в старую усадьбу моего деда в Ахарнах. Собралось более тридцати наших родственников, в основном богатые старики, но были и молодые. После обеда Алкивиад обратился к собравшимся. Ему требовались деньги для флота. Граждане уже заплатили военный налог; но Алкивиаду нужны были дополнительные средства, лежавшие у богачей мертвым грузом. Он искал честолюбивых и состоятельных людей, готовых вложить деньги в корабли, которые будут носить их имена. Он хотел, чтобы они построили эти корабли от киля и до мачты, оплатили расходы на первое плавание, на собственные средства наняли команду, создали годовой фонд жалованья для офицеров и команд. И все это — ради великого завоевания Сицилии.

Здесь следует отметить отличительную черту характера политического стиля Алкивиада. Безрассудная смелость — выступать с инициативой на голом месте, не занимая при этом никакого политического поста. Хотя он четырежды избирался в коллегию десяти стратегов, в этот вечер его престиж не был подкреплен ни государственной должно-

стью, ни правоспособностью. Он появился перед нами как абсолютно частное лицо.

Как тебе известно, Афины в то время имели договор о взаимопомощи с сицилийским городом Эгеста. Представители этого города недавно обратились в Народное собрание Афин за помощью против их соседа, города Селинунт. Неприятель, поддерживаемый Сиракузами, осадил Эгесту. Алкивиад и другие сторонники войны ухватились за этот повод. Немедленно было получено согласие народа. На экспедицию были выделены фонды. Назначены три военачальника — Алкивиад, Никий и Ламах. Однако политические противники Алкивиада, включая самого Никия, успешно провели свою интригу в надежде подорвать мероприятие до того, как оно начнется. Расходы были превышены. Алкивиад обратился к людям, имеющим деньги, к знатным семьям и частным политическим союзам. К тому вечеру, когда он появился среди наших родственников, он уже провел шестьдесят таких встреч и на следующие четыре вечера наметил еще восемь. Было подсчитано, что Алкивиад выступил в общей сложности перед двумястами родами и братствами. Это заняло большую часть осени и всю зиму. Люди шутили по поводу этих ночных сборищ: по крайней мере, выступления мешали Алкивиаду таскаться по борделям.

Однако дело было серьезное, и Алкивиад относился к нему соответственно. До вечера, проведенного в нашей семье, он нашел время поговорить с каждым отдельно, в поместье или в городе, где мог застать человека в неофициальной обстановке. Это делалось для того, чтобы человек смягчился. Каждый потенциальный благодетель получил в своем доме проспект. В этот вечер Алкивиад принес еще несколько проспектов, пересмотренных и дополненных. Следует отметить, что двум из моих дядей, чьи ресурсы оказались слишком малы, чтобы осилить столь мощные вложения, были предложены не заметки о флоте, а более скромные предложения с просьбой о пожертвованиях на кавалерию.

Помню, как удивился, если не сказать возмутился, мой дед, узнав, что Алкивиад раздобыл подробные сведения о финансовом положении нашей семьи. Что же в таком случае этот пройдоха знает о состояниях эвпатридов, высших слоев общества, «денежных мешков»?

Вечер был ясный, морозный. На южной террасе дома моего деда поставили жаровни. По такому случаю терраса с трех сторон была занавешена шерстяными шторами. Четвертая, с видом на Декелею, осталась открытой. Алкивиад прибыл рано в сопровождении своих товарищей Менесфей и Пифиада. Он взял с собой также кораблестроителя Аристофона, который мог ответить на технические вопросы. Все знали, что коллеги Алкивиада были обладателями флотских наград за храбрость. Менесфей командовал кораблем в Митилене, Пифиад — эскадрой у острова Кос. Эти два заслуженных командира, уже немолодые, придерживающиеся олигархических взглядов, без сомнения, должны были компенсировать молодость своего покровителя и его сомнительную славу героя среди простого люда. По окончании трапезы, после благодарственного гимна и убранной посуды, Алкивиад приветствовал хозяев и поблагодарил их за помощь и гостеприимство.

— Давайте начнем как спартанцы — будем кратки и вняты. Как вы знаете, я неоднократно бывал избран в коллегию десяти стратегов и принимаю участие в командовании флотом; однако сегодня я предстаю перед вами как частное лицо. Я обращаюсь к вам, друзья, только от собственного имени. Кто-то не одобрит моего поступка, скажет, что он продиктован гордыней или самоуверенностью. Таково было бы мнение наших врагов спартанцев, которые, когда это надо, действуют исключительно согласно официальным процедурам. Вот почему наш образ правления выше, и вот почему они никогда не превзойдут нас. Ибо наш способ правления обеспечивает возможность любому гражданину обратиться с просьбой к любому другому гражданину или группе граждан, вербуя себе сторонников

путем логического убеждения. Вот демократия в высшем ее проявлении. Не рисовка демагога перед толпой, но хладнокровное и взвешенное обращение к здравомыслящим и рассудительным людям, предпринятое в общих интересах.

Я знаю, что некоторые из вас скептически относятся к моим мотивам и не слишком высоко оценивают мои личные качества. Позвольте сразу объяснить и, надеюсь, убедить вас: те мои личные качества, которые могут вас разочаровать, в данных обстоятельствах послужат не препятствием, а ценным приобретением для нашего дела, как для отдельных людей, так и для всего нашего города.

Некоторые из вас не одобряют моих амбиций, из которых я не делаю секрета. Да, кое-что попахивает нарушением законов. Вы боитесь последствий. Других возмущают примеры моего личного поведения. Если позволено будет сказать, я и сам возмущен! Это все — молодость и избыток энергии. Когда покупаешь жеребца, то подбираешь скакуна, и не смиренного, а такого, в ком виден огонь. Пусть животное объездят. Вот о чем я прошу вас сегодня. Приручите меня. Обуздайте мое безрассудство, чтобы я стал сдержанным, как вы. Именно так создаются великие союзы и одерживаются победы в больших гонках.

Сицилия — могучая страна. Территории ее необъятны, она богаче, чем весь Пелопоннес, а пахотных земель там больше, чем во всей Греции. Сицилия родит ячмень, пшеницу, рис, овес. Там цветут оливы и фрукты. На Сицилии есть вода, лес, лошади. Кто владеет Сицилией, тот не нуждается в зерне из Понта. Сицилия обладает полезными минералами, золотом, серебром, железом, медью, оловом. Ее города, а их пятьдесят, ресурсами и богатством не уступают нашим полисам.

Еще более заманчиво то обстоятельство, что Сицилия расположена на пороге Италии. Не стоит вдаваться в детали относительно богатства этой земли. Я вижу, что вы с этим согласны. Хорошо. И все же я понимаю ваш немой вопрос — каждый хочет знать, что он получит с этого.

У всех вас уже есть сыновья, у некоторых родились свои сыновья. Каждый новый наследник разбавляет родовое наследственное имущество. Что мы оставим нашим потомкам? Где найдут они кусок для себя? Вы, друзья мои, принадлежите к сословию всадников. Вы владеете собственностью. Позвольте вас спросить, что легче: воздвигать свое богатство собственными руками, из грязи и камня, или завоевать все и сразу, получить очищенные и засеянные поля, с чистой водой и загородками от скота, с пастбищами и даже с крестьянами, которые знают эту землю и работают на ней? Когда мы завоюем Сицилию, чьим сыновьям достанется самое лучшее? Кому, как не тем, кто финансировал армию?

Вы думаете: «Война — нешуточное мероприятие, Алкивиад. Она приносит неисчислимые бедствия, ее результатом может стать катастрофа». И еще одно: Сицилия действительно сильна, ее пятьдесят городов не собираются сдаваться просто так. На это я отвечу, что хотел бы, чтобы городов было еще больше. Ибо чем их больше, тем больше будет что делить и легче будет покорить их. Мы должны считать эти города островами. Каждый существует отдельно, со своими интересами, каждый ревниво относится к соседу. Мы захватим эти города, как захватывали некогда острова нашей империи: союз сильнейших против самых слабых. Завоевать главное, а потом и второстепенное. Оставить пару городов независимыми — этим мы докажем, что никого не принуждаем становиться нашими союзниками.

Многие из вас командовали на флоте. Вы понимаете, что такое морская держава. Вы сомневаетесь в том, что она может реально влиять на такое количество городов, расположенных так далеко от дружественных гаваней, где можно пополнять запасы. Я отвечу, друзья, так: если бы флот был нам не нужен, мне пришлось бы искать повод создать его. Позвольте объяснить почему. Имея в виду размеры Сицилии, грубой силы недостаточно. Потребны дипломатия и дерзость да еще внезапная демонстрация превосходящей

силы. Ничто не сравнится с флотом при выполнении этой задачи. Послушайте же меня!

Какими бы многочисленными ни были сухопутные силы, они представляются непривлекательным, плохо поставленным зрелищем. Когда они выстроены на поле, их численность часто скрыта посевами или холмами. Тысячная пехота занимает пространство немногим большее, чем это поместье. Армия даже в пятьдесят тысяч часто теряется в пыли. Несмотря на свою мощь, она выглядит слабой и не представляющей угрозы.

Но флот! Вид кораблей в открытом море, сверкающих парусами, с поднятыми веслами! Армия на поле выглядит толпой, армада на море — как гнев богов. И вспомните: у врага никогда не будет шанса увидеть, как наш флот теряется в просторах моря. Он увидит нас лишь в пределах собственной гавани, которую мы заполним от края и до края боевыми кораблями и людьми, укротившими страшные суда и внушающими благоговейный страх.

Есть еще один красноречивый аспект демонстрации морской мощи. Это ее безоглядная смелость. Флот всегда дерзок. Когда враг смотрит, как флот движется на него, подобный небесной каре, он испытывает ужас — словно Приам при виде черных кораблей Ахилла, приближающихся к Трое.

Флот сводит к минимуму риск и всякие случайности. Мы наведем страх на один город за другим и подчиним их себе. Регий, Мессения, Камерина, Катина, Наксос и в прошлом вставали на нашу сторону. Они снова будут с нами. Наше наступление наращивает темп, который в глазах неприятеля обретает сходство с неотвратимостью судьбы. Враг видит, что не может противиться нам, и по собственной воле склоняется перед нашим знаменем. Да, да, скажете вы, все это звучит хорошо, Алкивиад, но кто осуществит все это на деле?

Здесь я должен отбросить деликатность и высказать все прямо и откровенно. Есть люди, которые мне завидуют.

Я понимаю это, друзья. Но прошу вас учесть, что теперь моя популярность — в ваших руках. Я отдаю себя на вашу милость. То, чего я достигну собственными усилиями, будет содействовать славе Афин — ну, и моей тоже. Вспомните Олимпиаду. Лучшие люди Сицилии присутствовали на стадионе, когда мои упряжки трижды занимали первое место. Они воздвигли павильоны в честь моей победы и толпами ходили за мной, добиваясь моей дружбы. Разве они не будут благосклонны к нам, если я и мои командиры, поддерживаемые мощной армадой, обратимся к ним так, как сегодня я обращаюсь к вам, — не свысока, не угрожая разрушить их дома и поработить их семьи, но с целью сделать их союзниками? Как ни нескромно это прозвучит, я спрошу: кто еще в Афинах может привлечь к себе такое внимание, как я?

Еще два замечания, и я закончу.

Во-первых, я обращаюсь к тем, кто протестует на том основании, что наш народ сейчас сохраняет мир, что у нас договор со спартамцами и что сицилийское мероприятие в конце концов обернется полномасштабной войной. Я отвечу им вопросом: что это за мир, когда народы Греции сражаются на большем количестве фронтов, чем во время войны? Что это за мир, когда треть наших молодых людей нанимается в армии для этих самых государств? Война непременно начнется опять. Нам только остается решить, когда это произойдет. Возобновится ли она в час, выбранный нашими врагами, когда они соберутся с силами и будут готовы продолжать? Или наступит тогда, когда мы считаем нужным, когда наше положение будет более выгодным?

Переходим к сути дела. Разговаривая с кем-нибудь еще, я мог бы ограничиться просьбой рассмотреть все риски и выгоды. Но с вами, полагаясь на вашу мудрость, я могу поговорить о более глубоких мотивах.

Наш народ велик. Но величие порождает ответственность. Афины должны доказать, что они чего-то стоят, иначе

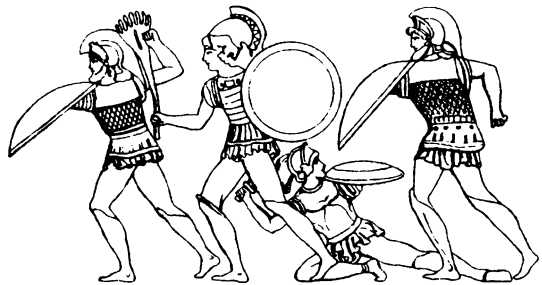
они падут. Все вы видели, что сделал этот так называемый мир с нравственностью нашей молодежи. Достигшие зрелости жаждут действия, а ветераны становятся угрюмыми и раздражительными. Они сбиваются с пути. Сицилия — это противоядие. Это зов к подвигу, который избавит нашу молодежь от безысходности. Перикл ошибался, заставляя нас обороняться. Это не для Афин. Это не наш стиль. Мы постепенно умираем, скованные этим постылым миром. Мы засыхаем не из-за отсутствия пищи, но из-за недостатка славы.

Афины — меч, ржавеющий в ножнах. Нам нельзя сидеть смиренно, мы — афиняне. Безделье смертельно для нас. Самым ненавистным в этом перемирии стал для меня погребальный звон по душе нашего народа. Он покончит с нами, друзья мои, покончит вернее поражения. Афины — не мул, а сильная скаковая лошадь. Ее можно запрячь не в плуг, но в боевую колесницу.

И последнее. Для тех, кто не доверяет мне и страшится моих амбиций. Когда этот флот окажется у Сиракуз, вы не увидите меня уклоняющимся от встречи с врагом. Мое таранное судно ударит по неприятелю первым. Может быть, я буду убит. Тогда вы избавитесь от меня и вас больше не будет раздражать моя гордыня. Но флот останется. Еще до того, как мои кости превратятся в пыль, он у вас будет. Он будет вашим, он перейдет в полное ваше распоряжение.

Обдумайте это предложение, друзья мои. Хорошо обдумайте. Трофеи нашей победы будут поделены на всех, даже на тех, кто останется дома в безопасности. Но слава и честь достанутся тому, кто возглавит список. Присоединяйтесь ко мне, братья и соотечественники! Выпустим из наших гаваней эту мощную армаду, и пусть мир испытает восхищенное удивление!

РЕЧЬ НИКИЯ

После отъезда Алкивиада из дома моего деда разгорелся спор. Без сомнения, по накалу и оживленности этот спор был похож на все прочие, что неизменно начинались в каждом частном доме, где Алкивиад выступал с речами.

Обсуждали красоту слога нашего гостя, независимо от согласия или несогласия с его словами; поражались силе его личности. Многие из наших стариков имели возможность видеть Алкивиада только в Народном собрании. У них никогда не было возможности поглядеть на него вблизи, заглянуть ему в лицо, заметить ум в его глазах, оценить выразительность его жестов и решительность, звучащую в его голосе. Да, очень сильная личность! Его вера в предприятие, которое он затеял, была исключительно искренней. Он высказывал мысли с такой убедительностью, что даже те, кто относился к его речам с осторожностью или вообще находился к нему в открытой оппозиции, вынуждены были мобилизовать всю свою волю, чтобы противиться силе его убеждения. Красота его наружности легко завоевывала сердца людей, которые поначалу не были к нему расположены. Она обезоруживала

вала даже тех, кого приводили в ужас его поведение и характер.

Даже некоторая шепелявость — и та была ему на пользу. У Алкивиада был недостаток. Это делало его человечнее. Дефект снимал проклятие с его манеры преподносить себя как божество. Несмотря на все опасения, именно речевой недочет заставлял любить этого человека. Хотя я передал его речь так, словно она лилась плавно, без перерывов, в действительности ее влияние было в определенном отношении усилено этим очаровательным недостатком.

У Алкивиада была привычка, когда он не мог подобрать нужного слова, останавливаться на несколько секунд, склонив голову на плечо в ожидании, пока вспомнится подходящее выражение. В этом ощущалось приятное отсутствие искусственности, нарочитости, это было неподдельное. Вот что завоевывало сердца слушателей.

Среди моих родственников наметился нешуточный раскол. Мой дядя Гемонт, твердолобый представитель партии Хороших и Истинных, пренебрежительно отнесся к «почетности» предлагаемой Алкивиадом экспедиции и весьма низко оценивал его самого как патриота.

— Он — пособник толпы, явный и самый заурядный. Этот его сицилийский трюк — попытка выдать наглость действий и масштаб амбиций за благородство и справедливость. Это не благородство, а сплошная самоуверенность, и только.

Говорили много. Мнения разделились. Мой дед, нахмуясь, сидел молча. Наконец по настоянию своего сына, брата моего отца Иона, он заговорил. Дед отрицательно отнесся к Алкивиаду.

— Он носит слишком длинные одежды.

Молодые люди отозвались стоном.

— Лучше продолжай себе спать, дед! — крикнул мой двоюродный брат Калликл.

Патриарх отозвался:

— В былые времена принято было носить одежды куда короче из почтения к своим корням. Платье землевладель-

цев не должно подбирать грязь и навоз. Но новое поколение, рожденное в городе, ничего не знает о земле, поэтому и носят хитоны, которые волочатся за ними, как хвосты. Это нескромно и некрасиво. То, чего я опасаясь, не имеет ничего общего с рощами или виноградниками, Калликл. Я говорю о добродетелях, которые воспитывает в человеке работа на земле: о скромности, терпении, почитании богов, о которых этот ваш Алкивиад почти ничего не знает да и знать не хочет. Он — порожденье города и олицетворяет все его пороки: тщеславие, заносчивость, нетерпение и нескромность перед небесами.

Калликл горячо возразил:

— Я могу перечислить тебе еще несколько достоинств, присущих сельским жителям, дед: узость взглядов, предвзятость, мизантропия, скардность, замкнутость. Очень хорошо, что мы избавились от этого! Достоинства горожан — смелость, воображение, открытые взгляды!

— Человек земли,— продолжил дед,— занят мирным трудом, а городской служит войне.

— Эта служба не причинила вреда твоему кошельку, дед. И никому другому из собравшихся под этой крышей — тоже.

Все заволновались.

Мой дядя Ион восстановил порядок. Он был, пожалуй, единственным из собравшихся, по-настоящему олицетворявшим то благоразумие, которое сельчане называют «мудростью от сохи». Он обладал простым здравым смыслом. Родственники спросили его, что он думает о нашем госте и его предложении.

— Я опасаясь Алкивиада. Но еще больше я боюсь недооценить его. Когда я наблюдал за ним, когда я смотрел, как он разговаривает с нами, я не мог не вообразить себе другой картины. Вот он появляется в Сицилии, рисуясь перед тамошними аристократами и домогаясь их дружбы. Сицилия богата, однако Сицилия и примитивна. Ее прави-

тели похожи на наших, только сотню лет назад. Мощь Афин ужаснет их меньше, чем агрессивность и наглость. Вот качества, которых они страшатся, которыми восхищаются и которым завидуют. А наш гость олицетворяет эти качества более, чем кто-либо другой. Он — Афины. Во всяком случае, та часть Афин, которая действительно может привести в ужас сицилийцев и завоевать их. Пифиад правильно отметил, что Сиракузы — демократия. А Сиракузы — ключ к завоеванию Сицилии. Мы видели, как наш молодой герой умеет взывать к своим слушателям. Вероятно, это тоже может сработать на пользу его экспедиции. И все же...

— И все же ничего,— вставил наш молодой смутьян Калликл.

Он заговорил о своей службе. Прошлой зимой он работал в правлении морских ресурсов. В его обязанности входило заключать договоры с представителями иностранных моряков — с островов Самос, Хиос, Лесбос и других,— которые служили за плату в афинском флоте.

— Я знаю этих людей,— сказал Калликл.— Это не пираты, не вечно пьяные морские волки. Это ответственные профессионалы. Да, они обладают духом авантюризма, любят риск и живут надеждой добиться успеха. Они знают цену своим способностям и нанимаются благоразумно. И все же эти иностранцы служат на нашем флоте не только за деньги. Деньги они могут получить в любом другом месте. Нет, у них имеются значительно более убедительные причины. Они любят Афины. Понаблюдайте за ними в праздники,— продолжал Калликл.— Они принимают участие в шествиях, поют и танцуют. В свободное время они собираются в гимнасии в ликее и в храме Леокории, на рыночной площади и в Академии, в рощах, где встречаются философы и их ученики. Вы их видели. Они усаживаются в сторонке, замороженно слушая Протагора из Абдеры, Гиппия из Элиды, Горгия из Леонтины, Проди-

ка с Коса и десятки других софистов и краснобаев, которые устраивают сборища на открытом воздухе, чтобы распространять свои взгляды. Они роятся вокруг Сократа. Но прежде всего их занимает театр. Утром в дни соревнований их сотнями можно видеть во внешнем дворе в тени под статуями полководцев или выходящими из платановой рощи со своими возлюбленными и корзинами для припасов, с шерстяными одеялами на плечах, с подушками, на которых они сидят на скамьях галер. Я наблюдал их в гимнастических залах — там, куда допускают иностранцев. Моряки-евреи терпят боль от медных зажимов, называемых «грибные шляпки», которые натягивают обрезанную кожу над оголенной крайней плотью, чтобы, раздевшись, они выглядели не евреями, а греками. Они желают быть хотя бы немного афинянами. Вот как они любят наш народ. Откройте списки гражданства — количество жаждущих получить афинское подданство трижды перекроет рыночную площадь. Вот о чем я хочу сказать. В любом заморском порту раз двадцать за день меня осаждают иностранные моряки, первоклассные специалисты своего дела, умоляя меня использовать свое влияние и дать им должность в Афинах. Многие готовы служить даже бесплатно. Они лишь хотят обучаться под руководством афинского капитана, совершенствовать свое умение и потом продвигаться по службе. Эти иностранцы, я считаю, будут стремиться служить у такого командира, как Алкивиад. Чем они лучше, чем больше у них амбиций, тем вероятнее они захотят плавать с ним, потому что верят: он принесет им победу. А кроме того, он им нравится. Они все мечтают стать такими, как он. Алкивиад знает это. Он знает также, как этим воспользоваться. Помните, все моряки знают друг друга. Они завсегда и одних и тех же притонов и борделей. Они знают всех флотских командиров, знают, кто с кем плавает. Я не буду говорить об Алкивиаде как о человеке. Но шанс служить под его началом привлечет к нему

лучших моряков со всего света — вот мое мнение. Оценивать их влияние на Сицилию и на наших пелопоннесских врагов я предоставляю вам.

В эту зиму многие богатые люди заключили соглашение с Алкивиадом на закладку кораблей. Но, как это в людском обычае, когда пришла весна, они нашли оправдание задержкам денег. Алкивиад и его окружение уже всю вербовали моряков. Эвриптолем и Фрасибул укомплектовали личным составом «Атланту» и «Афродизии». Другие соратники Алкивиада нашли людей на «Бдительный», «Противовес» и «Грозный». Алкивиад начал постройку «Антиопы» и «Олимпии» — в дополнение к четырем кораблям, которые он уже передал в дар флоту. Мог ли он позволить себе такие расходы? Вероятно, нет, но такое начало привлекло других — тех, кто до сих пор не решался. Вид кораблей, стоящих на стапелях в доках Мунихии и Телегонеи, непрерывные глухие удары тесаков, запах смолы и пакли, которой заделывают шипы и гнезда, толпы техников и строителей, столяров и корабельных плотников, каждый из которых занят своим делом,— все это непреодолимо притягивало к себе. Вскоре вся береговая линия длиной в милю на Кантаре и в две мили вдоль Сунийской дороги была заполнена строящимися корабельными корпусами. Одновременно с этим возводились суда на лесных участках в Македонии и Херсонесе. Повсюду шумели столярные мастерские и лавки мелочных товаров, плазы мастеров, изготавливающих паруса, литейных цехов, везде были кузнецы, оружейники, веревочники, изготовители мачт, агенты по поставкам рангоутного дерева. Красились вымпелы и эмблемы. День и ночь громыхали подводы со строительным материалом.

Всех охватила лихорадка. Город мог говорить только о Сицилии. Глиняные модели острова раскупались на рыночной площади сотнями. Взрослые и мальчишки рисовали ее очертания на дорогах и расхваливали ее достоинства в цирюльнях и шорных мастерских. Создавалось впечатле-

ние, будто мы уже завоевали Сицилию и остается только поделить трофеи.

Однажды жарким утром, когда раскаленный от солнца Пникс, холм к юго-западу от Акрополя, где собиралось на открытом воздухе Народное собрание, был усеян людьми, к народу обратился аристократ Никий.

— Афиняне! Вижу, ваши сердца склонились к этому предприятию. Сегодня, отправляясь на это собрание, я не мог найти своего слугу. В конце концов его обнаружили среди конюхов, исступленно болтающих о Сицилии. Что еще? Это в вашей природе, люди Афин, считать уже своим то, на что вы только-только нацелились. Вы уже не потерпите никаких возражений, вы будете яростно защищать свои фантазии. Да вы любого перекричите, словно он своими словами стремится отнять у вас то, чем вы обладаете, в то время как он лишь хочет образумить вас — для вашего же блага. Ведь вы можете так никогда и не получить того, к чему стремитесь, и это стремление в силах погубить вас. Я вижу в первом ряду того молодого человека, чьи амбиции склонили ваши сердца к этому безрассудству. Вот он стоит передо мной, окруженный своими сторонниками. Он улыбается, этот гордый лошадиник и развратитель общественных нравов, потому что знает: я говорю правду. Я ненавижу эту улыбку, друзья мои, какой бы симпатичной она ни казалась. Вы рискуете оказаться рядом с приспешниками этого самца, если позволите запугать себя громкими словами, если побоитесь почувствовать стыд, когда они назовут вас трусами — только за то, что вы протестуете против безумной экспедиции! Да, друзья этого человека сейчас закидают меня вопросами. Пусть. Но если эти горячие головы не отнесутся к моим словам серьезно, то очень прошу вас, более зрелых, старших по положению: вы отнеситесь к ним со всей серьезностью. Я также вижу Сократа, философа, единственного человека, к чьему совету иногда прислушивается наш юный чемпион. Он скрывается в тени — он всегда предпочитает тень. Мы знаем твою

точку зрения, Сократ. Ты высказался открыто, когда заявил, что сицилийская авантюра несправедлива. Нельзя нести войну народу, который и не думает нападать на нас. Поправь меня, друг мой, если я сейчас ошибаюсь. Твой знаменитый *daemon*, дух, этот голос, который предостерегает тебя об опасности или преступлении, — ведь он запрещает эту эскападу, не так ли? И все же я вижу, что никому здесь нет дела до седин — ни твоих, ни моих. Позвольте же мне тогда, люди Афин, говорить не против этого предприятия — я понимаю, вы настроены решительно и ничто не сможет разубедить вас. Я лишь хочу показать вам из «опыта рундука», как говорится, те проблемы, которые следует учитывать, если мы действительно хотим успешно завершить этот трюк и не провалить всего дела.

Никий заговорил об опасностях такого предприятия вдали от дома, о том, как сложно пополнять припасы на таком расстоянии от складов, о коварстве морей. Зимой даже быстроходному курьерскому кораблю может потребоваться четыре месяца пути. Когда мы прежде вели заморские кампании, у нас имелись союзные гавани, которые можно было использовать как базы. Поблизости находились дружественные территории, где мы пополняли запасы. Всего этого не будет на Сицилии. Там мы окажемся на краю земли, где для нас не найдется даже корки, чтобы погрызть, кроме тех, что мы привезем с собой. Никий предупредил, что, приобретя нового врага, мы оставим у своего порога старого — спартанцев и их союзников, которые уже почти одолели нас. Хотя пока что они соблюдают условия мира, они живо возобновят военные действия. И если мы потерпим поражение в Сицилии, это придаст нашим врагам новые силы и новых союзников, после чего спартанцы попросту уничтожат Афины.

Никий говорил об иноземных торговцах, о механиках и моряках, которые находятся сейчас в доках и на верфях и которые занимают большую часть гребных скамей на

флоте. Насколько мы можем доверять иноземцам, тем, кто не нашей крови? А ведь без них нам и надеяться нечего на победу. Разве мы не ставим себя в такое же рискованное положение, в каком находились наши враги спартанцы? Нам придется сражаться, одним глазом кося на врага, а другим — на собственных рабов. В войне даже на соотечественника не всегда можно положиться, так что тогда говорить о тех, кто служит за плату?

— Сегодня, отправляясь в Народное собрание, я видел многочисленные строительные площадки. Возводятся дома и магазины. Это хорошо. Но не забывайте, афиняне: сегодня застраиваются те самые участки, где некогда уже были дома, — дома, оставленные или даже сожженные афинянами во время чумы! Вы забыли о ней, друзья? Помните ли вы о том времени, когда наша жизнь висела на волоске, когда у нас не оставалось ни средств, ни имущества, ни сил, когда даже мольбы, обращенные к богам, были бессильны снять с Афин эту небесную осаду? Я принимал участие в заключении мира, и этот мир принес нам благо. Мы можем теперь растворить ворота нашего города, ездить в наши поместья, засеивать поля. Рождаются дети, которые уже не вдыхают зловоние пожарниц, которым не довелось увидеть, как по ночам увозят тела их матерей. Соотечественники, вы можете наблюдать безопасную гавань. Но какая первая мысль посещает вас при виде этой мирной картины? Едва лишь упокоились в склепах кости ваших отцов, как вы тотчас решили похоронить рядом с ними ваши! Неужели вы не в состоянии радоваться спокойной жизни? Неужели я так стар, что мне вечерами удобнее сидеть у огня и наблюдать, как внуки мои играют во дворе? Но это не в вашем характере, афиняне! Для вас нет ничего невыносимее мира. Каждый миг бездействия для вас — это напрасно потраченное время, это враг, который лишает вас прибыли. Крестьянин знает, что земля должна отдыхать, что каждый фрукт созревает в свой сезон. Однако вы отказываетесь

признавать эти старомодные вещи. Вы обитаете в других реалиях. Вы живете в фиктивной стране, которую называете будущим. Вы мечтаете о том, что настанет, и презираете то, что уже есть сейчас. Вы определяете себя не тем, кто вы есть, а тем, кем вы можете стать. Вы спешите через море к берегу, которого никогда не достигнете. Для вас ничто то, чем вы обладаете. Вы цените лишь то, что получите завтра. Но как только руки ваши хватают это вожденное сокровище, вы тотчас отказываетесь от него и стремитесь к чему-то новому. Поэтому я не удивляюсь тому, что вы так высоко цените этого молодого человека, этого колесничего, ибо он живет не по средствам даже в большей степени, чем вы. Какой же изъян характера заставляет вас желать войны, когда вы обладаете миром? Неужели нам недостаточно наших собственных неприятностей? Почему мы должны куда-то плыть в поисках новых? Прошу вас, друзья мои, отказаться от этого неразумного предприятия! Призываю председателя собрания вновь поставить этот вопрос на голосование.

После Никия выступили еще несколько человек. Большинство высказывались в пользу экспедиции. Когда наконец под общие возгласы одобрения поднялся Алквиад, он ограничил свое выступление основными тезисами.

— Благодарю нашего школьного учителя, — поклонился он в сторону Никия, — за его проникновенное и полезное поучение. Ясно, что национальный афинский характер полон различных недостатков. Мы пали значительно ниже того уровня, к которому стремимся. Но если мне позволено будет высказаться открыто, мы должны быть самими собой — и никем иным.

Эти слова были встречены бурным одобрением. Я находился на *erotis* — «ухе» Пникаса и мог видеть Никия. Он мрачно улыбался и качал головой.

— Фактически, — продолжал Алквиад, — мы только и можем, что быть самими собой. Как афиняне могут быть не афинянами, а кем-то иным?

Опять восторженные вопли. Алкивиад принялся опровергать Никия — остроумно, пункт за пунктом. Каждый контрудар доведен до логического завершения.

— Неугомонность нашей природы? Афиняне! По моему мнению, это не недостаток характера, а свидетельство нашей силы и предприимчивости. Наши отцы не отразили бы натиск персов, если бы продолжали греть ноги у огня, они не стали бы повелевать империей, если бы только тем и занимались, что наблюдали, как их детки резвятся во дворе. Каждый фрукт созревает в свой сезон, говорит Никий? А я говорю, что этот сезон уже наступил! Что лучше всего обеспечивает безопасность? Предосторожности и оборона, как утверждает наш друг? На это я отвечу: может быть, это и справедливо — но для другого народа, не для нас! Для активного народа перемена образа жизни предусмотрена самой судьбой. Такова уж наша участь — меняться. В нашей натуре — ходить далеко и смело. В этом, а не в пассивной обороне, кроется наша безопасность. Никий напомнил нам об иностранных гребцах. Наш флот не может плавать без них, говорит Никий и называет это необходимостью. Он полагает, что это доказывает недостаточность наших собственных людских ресурсов. А я вижу в этом нечто прямо противоположное. Ничто не может так красноречиво свидетельствовать о нашей жизнеспособности, о привлекательности мифа об Афинах, как обилие иностранцев, жаждущих нам служить. Почему эти иноземцы приезжают именно к нам, а не к какому-нибудь другому народу Эллады? Потому что они знают: здесь, и только здесь, они могут быть свободными. Кое-кто считает этих новоприбывших людьми, которые стоят ниже нас. Я скажу: тот, кто так думает, не знает этих людей и этим оказывает дурную услугу и нам, и им. Эти люди подвергаются большому риску, друзья мои, а Никий унижает их и обесценивает. Они оставили свой дом и семью, родные небеса и землю. Они отреклись от своих богов ради того, чтобы отправиться

за море, в эту чужую для них землю, где они не могут участвовать в политической жизни, где их не защитит закон, где они не имеют права голоса — они фактически лишены даже имени. И все равно они приезжают к нам, и никакая сила под этими небесами не может их остановить. Почему? Потому что они знают: жить на краю Афин лучше, чем жить в центре их родного города. Никий ошибается, друзья мои. Эти иноземцы не могут быть для нас, образно выражаясь, кирпичом и камнем, но они — раствор. Они цементируют наше государство.

Раздались оглушительные рукоплескания. Как для союзников оратора, так и для его противников не было никакого сомнения: эти слова всю ночь будут передаваться из уст в уста среди иноземных моряков и мастеров. Для них он станет героем и покровителем.

Алкивиад поднялся, призывая к порядку. Когда шум наконец стих, он повернулся и без злости или хвастовства вызвал своего соперника на спор.

— Никий, ты был назначен старшим командиром. Это справедливо, если учитывать твои прежние заслуги, и я уважаю твое назначение. Я высоко ценю твой ум и твою удачу — ты доказал их неоднократно. Я не хочу занимать твоего места, однако от всего сердца желаю, чтобы ты принял участие в нашем деле, в деле нашего государства. Помогите нам! Не говори, почему мы потерпим поражение. Лучше скажи, как мы можем преуспеть. Я призываю тебя выйти сюда не как моего противника, но как союзника, такого же патриота. Замечания, которые ты сделал, достойны внимания. Но скажи нам, что нужно для победы? Скажи прямо! Пусть это будет суровая правда. Обещаю: если Афины не смогут обеспечить то, что, как ты считаешь, необходимо для успеха экспедиции, я первый присоединюсь к ее противникам. Но если у нас найдется то, в чем мы, по-твоему, нуждаемся, тогда я призываю тебя согласиться с решением твоих соотечественников. Не уклоняйся

от командования, которым страна почтила тебя, но возмись за него решительно. Ты нам нужен, Никий. Скажи же, что мы должны сделать, чтобы ты был уверен в успехе.

Никий принял вызов. Поднявшись, он начал подробно перечислять припасы, оружие, профессии, материалы — список казался бесконечным. От запасных мачт и парусов до подсушенного ячменя, от пекаря до печей. Никий требовал исключительного превосходства морских сил — как минимум, сто военных кораблей. Тяжелая пехота, численностью намного превосходящая любые силы, какие сможет поднять против нас противник. Легковооруженная пехота не меньшей численности. Лучники. Стрелецкие, чтобы нейтрализовать кавалерию противника, поскольку через огромные морские просторы мы не сможем переправить нашу собственную.

Экспедиция потребует дополнительных мастеров по железу и каменщикам, военных инженеров и строителей осадных орудий, транспортных средств, курьерской службы. Алкивиад просил дать цифры, и Никий дал их. Сто талантов — чтобы нанять грузовые суда, двести — на перевалочные пункты и склады по ходу передвижения, еще двести — на покупку лошадей для кавалерии на месте и, если сицилийские племена откажут нам в помощи, столько же потребуется на оплату набегов, чтобы взять их силой. Конечно, сюда не входят расходы на пехоту, оруженосцев, моряков, на ремонт кораблей. Все вместе составит тысячу талантов. Еще одна тысяча нужна для резерва. Понятно, что этой суммы хватит лишь на одно лето. Для зимы сумма должна быть удвоена. Если за первый год экспедиция не завершится успехом, Афинам придется снарядить вторую в помощь первой. А Никий все продолжал перечислять. Было очевидно, что он надеялся: подобная картина, откровенно и грубо представленная слушателям, подействует на них, как холодная вода, выплеснутая в лицо спящего.

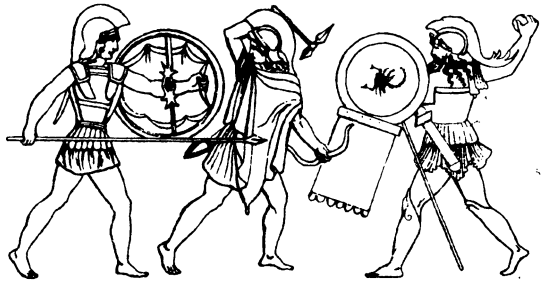
Но оказалось, что Алкивиад лучше знал своих соотечественников, нежели его оппонент. Отнюдь не запуганные

требованиями Никия, граждане объявили их отличными и приняли с воодушевлением. Чем грандиознее экспедиция, тем сильнее уверенность в том, что она не может окончиться плачевно. Закончив перечислять требования, Никий понял, что Алкивиад перехитрил его. Каждый раз, когда Никий полагал, будто унижил Алкивиада, авторитет молодого «лошадника» только возрастал. Теперь все афиняне почувствовали, что скоро у них будет непревзойденный флот, а в Алкивиаде они увидели полководца смелого и ловкого, который не мог не привести их к победе. Одним махом Алкивиад не только заполучил все, чего хотел, но и забастовал полный контроль над экспедицией. Он сделал так, что сицилийская экспедиция сделалась его экспедицией.

Глава XVI

СОН СОЛДАТА

Наше имение выжило не столько благодаря стараниям моего брата и моим, сколько обильным советам наших старших родственников, не говоря уж о щедрой помощи — оборудованьем, квалифицированным трудом и деньгами. Ни Лион, ни я не понимали, как мы были одиноки, лишенные нашей семьи. Ничто не уходит так безвозвратно, как молодость, и никто так не дорог, как блудный сын. Наши старшие родственники не могли сделать для нас много. Они лишь хотели видеть сыновей, как можно больше сыновей. Моя тетка проделала нелегкий путь из города, чтобы удостовериться в том, что у нас все хорошо. Сидя под навесом на скамье нанятого экипажа, она смотрела на Лиона и меня. С голыми спинами, грязные как собаки, мы рыли траншею для отвода воды.

— Теперь я могу умереть спокойно.

В тот день мне не удалось представить Эвнику. Позже, навещая тетку в городе, я не взял с собой любовницу. И таким образом вызвал еще один из череды неприятных скандалов,

продолжающихся всю ночь и оставляющих человека растерзанным до мяса.

— Чего же во мне нет, Поммо, что ты не пускаешь меня в дом своей тетки? Разве у меня недостаточно гладкая кожа? Может быть, тебе не нравится форма моих икр? Ну что ж, этих морщин не было бы на моем лице, друг мой, как и вен на моих ногах, если бы я не горбатилась рядом с тобой в этом аду, будь он проклят. Ты неблагодарный пес! Я не гражданка Афин, да? Ну так сделай меня гражданкой! Употребь свое влияние. Привлечь своих воображаемых друзей, которые белое делают черным, а потом опять отбеливают!

В ней кипела долго сдерживаемая ярость.

— Я скажу тебе, почему ты не представляешь меня своей тетке. Потому что она даже сейчас занята поисками невесты для тебя. Много лет назад она откопала для тебя твою девственницу Фебу. И сейчас ищет. Какую-нибудь правильную, из хорошей афинской семьи, такую, с которой ты сможешь иметь детей — таких детей, чьи имена можно занести в списки граждан. Не ублюдков от иноземной сучки, у которых не будет ни права голосовать, ни права приносить жертвы богам, которые не смогут даже претендовать на образование, когда тебя прикончат на какой-нибудь войне.

Однажды Эвника обнаружила меня стоящим в раздумьях возле семейного склепа. Теперь она вообразила, будто я горюю о своей умершей жене, а она, любовница, мне не нужна. Эвника объявила, что я стыжусь ее. Она не подходит мне. Она меня недостойна.

Ночью она вдруг резко встала с кровати.

— Ты бросишь меня.

Я был очень измотан и совершенно не думал об этом.

— О чем ты?

— Ты станешь господином. Ты бросишь меня.

Я приказал ей лечь и спать. Она со всей силы ударила меня по лицу.

— На этой кровати слишком много спящих, Поммо. Я не могу дрыхнуть рядом с призраком твоей жены. Одна из нас должна уйти.

Я услышал, как мои губы произнесли:

— Тогда уходи.

Женщина в ярости ударила меня еще раз.

— Я скажу тебе кое-что! Она в могиле, твоя женушка. И твоя сестра тоже мертва. А я — живая.

И тогда я ударил ее в ответ. Она отлетела к стене и упала. Я с ужасом понял, что бью женщину. Но ведь она виновата. Только она могла довести меня до такого исступления.

— Тебе стыдно быть рядом со мной. — Эвника выплюнула кровь. — Ты ни во что не ставишь жизнь, прожитую нами вместе, и все хочешь забыть об этом. Слово этого вовсе не случилось. Ну что ж, это случилось, Поммо, это ведь случилось. Я была тебе женой, хоть и не по закону, а ты был мне мужем. Ты — мой муж.

И она заплакала. Я опустился на колени возле нее, успокаивая, как мог. Но это были лишь слова. В глубине сердца я сам хотел уйти — или пусть уйдет она.

— Что со мной будет? Рожу я наконец ребенка или так и буду делать аборт, как ты велишь?

Она умоляла увезти ее из Афин, прочь от матримониальных планов тетушки, прочь от войны. Есть же такие места — мы видели их во время наших странствий! — безопасные места... Давай уедем! У нас есть все, что нужно. Наши руки, наши сердца...

Хотя я стоял на коленях совсем близко и ее колено оказалось между моими, а руки лежали на моих плечах, сердце мое в этом не участвовало. Оно находилось очень далеко и молчало.

— Ты бросишь меня, Поммо. Я вижу это в твоих глазах. Но это не со мной ты расстанешься, ты потеряешь себя. Ни одна женщина не сможет дать тебе того, что давала тебе я. Уходи. Я не буду тебя удерживать. Но я скажу тебе,

что с тобой случится. Это случится. Ты будешь есть, но останешься голоден. Ты будешь пить, но никогда не напьешься. Ты будешь иметь женщин, но не испытаешь удовлетворения. Ты будешь стоять у развилки дорог, и тебе будет все равно, по какой идти. Ни одна дорога никуда не приведет тебя, пока ты снова не обретишь себя и не вернешься домой, ко мне.

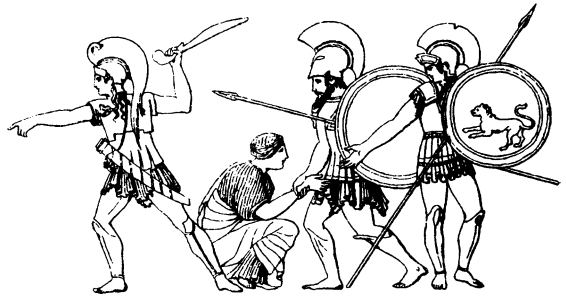
Ясон, друг мой. В меня попадали стрелы, и, что еще хуже, их вынимали. На меня обрушивались каменные стены. Но никогда ни один удар не отзывался в моем сердце такой болью, как слова этой женщины.

Было бы лучше сказать, что после этого ушла она. Или что ушел я. Но на самом деле мы с ней прожили еще одиннадцать месяцев. Она родила сына и была беременна опять, когда я записался на «Пандору» под командованием Менесфея из эскадры «Титан» Хемедема.

В ту зиму наше имение пришло в упадок. Жена Лиона Теоноя развелась с ним. С просроченными закладными и необходимостью содержать детей, мой брат не мог отказаться от трехмесячного вознаграждения за прохождение испытания на пригодность и годового жалованья офицера. Он записался на корабль под командованием Ламаха. Теламон взял в подчинение пятьдесят наемников — все они были из Аркадии, как и он сам. Нашу землю мы с братом отдали в аренду дядьям. Половину жалованья я отвел Эвнике, вознаграждение передал деду — первый взнос в оплату долга за помощь, оказанную нам нашей семьей.

Я не смог ужиться на суше. Это лишь сон солдата. Куда еще идти мне или любому из нас? Только на войну.

ДОКУМЕНТ
АДМИРАЛТЕЙСТВА

Дай-ка я кое-что покажу тебе, внучек. Это приказ по флоту о выходе в море на Сицилию. Точнее, одна из сотен копий, выполненных секретарями адмиралтейства. Пощупай. Это не тростник, не пенька, это лен. Это льняное полотно.

Этот документ предназначался для долгого хранения. Он воспринимался как эпохальное свидетельство бессмертной славы, которое впоследствии каждый офицер должен будет передавать своим потомкам. Сейчас я передаю этот документ тебе, дитя мое, но не потому, что так задумали его создатели, а потому, что пути богов неисповедимы.

Изготовлением этого документа занималась контора архонта по делам войны. Копии раздавались каждому триерарху флота, всем навигаторам и капитанам, всем, кто вкладывал деньги в строительство и снабжение флота, членам коллегии стратегов, ста членам коллегии судостроителей, кураторам портов, администраторам, кораблестроите-

лям, поставщикам, изготовителям парусов, оружейникам. Я и еще шесть служащих работали над этим документом день и ночь в течение почти семи месяцев.

Обрати внимание на оборотную сторону. Это штурманская карта порта Пирей, Большой гавани и Кантара, от форта и Морского ведомства в Эйтионее до приморского города Эмпория и Тихой гавани; далее до Акте — с сигналами, показывающими время прилива и отлива, с указанием расположения всех фарватерных буев от Дицевгмы до Эфебия, включая расстояния от мола до мола и триангуляционные углы между каждым из четырех буев и двадцатью семью банками, так чтобы капитан судна, проводя азимуты к различным флажкам, мог определить положение своего корабля в каждой точке гавани с точностью до длины шлюпки. Этого требовали Никий и Алкивиад — хоть в чем-то они были единомышленны! — чтобы каждый из трехсот шестидесяти четырех кораблей мог занять предписанное ему место, и этот колоссальный выход в море прошел организованно, сохраняя порядок, поразжающий глаз и приятный богам.

На лицевой стороне обозначены местоположения жрецов и магистратов. Квадраты вдоль фарватера — стационарные баржи, поставленные для главного архонта, жрецов и жриц Афины Паллады, а также стражей алтарей Агравла, Эниалия, Ареса, Зевса, Талона, Ауксона и Гегемона. Каждый демарх также имел свою баржу. Кроме того, имелись смотровые посты, профинансированные частным порядком, дополнительно к тем двумстам, что растянулись на три мили напротив Сунийской дороги. Пирс в Пирее, от которого должен был отчаливать флот, предназначался для членов Совета. С возложенными на головы венками они стояли на ступенях и смотрели через водную гладь на храм Афродиты, покровительницы мореплавателей, на территории которого находились женщины, одетые в белое, — жены и матери триерархов. Они держали в руках ветки тиса и гиацинта. В головной части бухты был

воздвигнут алтарь Посейдона, на котором был принесен в жертву буйвол.

Преклонный возраст испортил мое зрение. Я вижу лишь размытое пятно. Но до сих пор стоит у меня перед глазами каждый корабль величественной армады. Так она проходила перед моим взором полстолетия назад.

Первыми шли государственные галеры «Парал» и «Саламиния», самые быстроходные корабли в мире. Их паруса — как и на всех судах — были зарифлены. После команды «поднять паруса!» корабли, линия за линией, одевались яркими полотнами. Вот матросы освобождают парус. Поймав ветер, паруса надуваются с громким хлопком. И каждый раз, когда новый парус, украшенный эмблемой какого-нибудь божества или полубогини, в честь которых назван корабль, разворачивался и выгибался, раздавались возгласы тысяч зрителей. Эти паруса были изготовлены специально для торжественного дня. Их было слишком много, если учесть, что корабли пойдут на веслах. Но зрелище получилось великолепное! Говорили, что одного вздоха служащих адмиралтейства было бы довольно, чтобы корабли тронулись в путь. Опасались дурных знамений — безветрия или встречного ветра.

Первыми вышли в море корабли Ламаха, хотя сам он и его флагман «Гегемония» взяли курс в открытое море несколько дней назад, чтобы обеспечить безопасность мыса и к моменту отплытия флота привести в состояние боевой готовности наших союзников на острове Керкира. Вслед за ними — быстроходные корабли, названные «головорезами», колоннами по два, всего шестнадцать, потом — тридцать шесть пятидесятивесельных галер, идущих по флангам грузовых судов с продовольствием и лошадьми. Их было сто шестьдесят семь, они двигались сплошной массой. Понадобился час, чтобы стоянки опустели.

Далее следовали боевые корабли, триремы, разбитые по эскадрам, в каждой по десять-двенадцать кораблей в шири-

ну и четыре в глубину. Командир эскадры следовал слева, на почетном месте. Сначала мы увидели корабль Автокла «Прокна», сто семьдесят шесть весел. В эту эскадру входили «Помпа», «Аякс», «Птоломей», «Горгона», «Грамний» с парусами малинового цвета и изображением животного-охранителя. Затем шли «Цирцея», «Дрозд», «Ипполита», «Тэма», «Рам» и «Безжалостный».

Под малиновыми парусами со знаком грифона шел «Огнедышащий» — корабль Пифиада, героя битвы у острова Кос. Затем — «Неукротимый», «Динамис», «Тразея», «Амфитрита», «Эвксинская», «Ахиллея», «Центавра» и тройня фурий — «Тисифона», «Мегера» и «Алектос».

Эскадра nereид под командованием Аристогена: «Фетида», «Пифо», «Панопея», «Галатея», «Балто», «Алкиона», «Эвплойя», «Морской орел», «Непобедимый», «Стремительный», «Айанатея». Затем — «Ловкий», «Воплощение», «Бдительный», «Равновесие», «Грозный» и «Медуза».

Флагман Никия «Трезубец» шел во главе эскадры «Океан»; парус у него был пурпурный с золотом, нос корабля украшен бронзовым трезубцем. По флангам следовали «Тефия», «Дорида», «Эвринома», «Западный ветер», «Аякс», «Антигона»; за ними — «Наставник» и «Марафон», корабли-сестры «Стикс» и «Ахерон», на которые дал денег Критон, ученик и друг Сократа. Следом — «Агон», «Касталия», «Сцилла», «Кекроп» со знаком полуженщины-полудракона и «Афродизии», чей нос был украшен бюстом обнаженной женщины, выполненным самим Фидием.

Далее — «Смерч», «Медея», «Цербер», «Антестерия», «Миномаха», «Клитемнестра», «Трепет», «Диссонанс», «Пэан», «Неутомимый» и «Неустрашимый». Последними шли «Синтакс», «Гиппотонт», «Элевсин», «Геката», «Безжалостный», «Остракон», «Арета», «Гребень волн».

Теперь эскадра «Удар молнии», сорок один корабль. Здесь плавали Антиох-навигатор, Менесфей и Адимант. Впереди шел флагман «Артемизия», за ним «Аталанта», «Пар-

фенон» и «Кора»; далее — «Амазонка», «Ипполита», «Пентесилея», «Ирида», «Эйгле», «Доблесть» и «Европа».

За ними в центре — «Львица», на флангах «Гистерия», «Дерзкий», «Олимпия», «Ярость», «Мудрость», «Даная», «Рея», «Психея» и «Эвфрануза». Потом «Палладий», «Семела», «Алтея», «Соловей», «Леопард», «Геба», «Опустошитель», «Дафна», «Эреб», три парки «Клото», «Лахесис» и «Атропа». И последними — «Пандора», «Стриж», «Ужас», «Пенелопа», «Филин», «Пират», «Некрополь» и «Калипсо».

Это была самая мощная армада из всех когда-либо выходивших в море под флагом одного города. Так плотно были расположены паруса второй и третьей эскадр, что они заслоняли ветер первой. Открытые участки воды были так густо усеяны малыми судами, что можно было добраться от Ээтионеи до Мунихии, не замочив ног. Должно быть, тысяча лодчонок, в которых сидели неугомонные мальчишки, так тесно окружили военные корабли, что при работе гребцов немалое их число было опрокинуто веслами. Мальчишки продолжали радостно вопить, даже рискуя утонуть и хватаясь за кили своих перевернутых посудин.

Ты нетерпелив, внук. Ты хочешь, чтобы я рассказал о пресловутом деле о гермах. Вот как я узнал о нем.

Это случилось за двадцать один день до открытия. Всю ночь я провел на службе, торопясь закончить работу над этим документом и закрыть контору, которая теперь должна была располагаться в помещениях конюшен на пирсе, в гавани. С двумя другими служащими, моим другом Орестидом, капитаном «Решительного», и младшим Периклом, сыном великого Перикла и куртизанки Аспазии, на рассвете я вынырнул из нашего подвала. Это было утро после того дня, когда после сбора урожая раннего ячменя вдовам и сиротам разрешается подбирать остатки зерна. С покрытых стерней полей исчезли все колоски, после чего за городом и по другую сторону канала на острове Эвбея поля были подожжены.

Дым, наползающий со стороны канала и смешивающийся с морским туманом, заволакивал город мрачным облаком. Мы как раз двинулись в сторону рыночной площади, когда мимо нас по улице Ткачей пробежала толпа. Люди плакали, кричали; они были в отчаянии.

Мы обогнули угол и вышли на площадь. Там уже собрались большие толпы. Мимо промчались два раба. Перикл схватил одного и потребовал сказать, что происходит.

— Они поотбивали все члены, господин!

— Во имя Геракла, говори яснее!

— Гермы, господин. Весь город теперь без членов!

В эту ночь неизвестные варвары буйствовали в нескольких районах, уродуя каменные статуи Гермеса, которые были воздвигнуты со стоящими фаллосами как символы удачи перед частными домами и государственными учреждениями. Преступники дубинками отбивали выпуклости и даже уродовали лица статуй.

Кто мог осмелиться совершить подобное поругание? Возмездием за такой акт осквернения может быть только смертный приговор! Некто поднял руку на само божество, которое защищает всех путешественников и поддерживает образ правления нашего города! Объятые ужасом толпы ожидали мести небес. Они были уверены в том, что нечестие непременно навлечет на них страшную кару — не говоря уж о горестной судьбе, ожидающей афинский флот. Люди осуждали пресловутых злодеев, называли имена. Кое-кто уже готовился учинить над богохульниками расправу прямо на месте. Были приведены в готовность колесо и дыба. Площадь в ярости бурлила.

Помню выражение ужаса на лице моего товарища, младшего Перикла. После чумы и войны он один остался в живых из всей семьи. Только он был живой связью между Алкивиадом и великим Периклом. И по этой причине, и в знак признания богатых природных дарований молодого человека Алкивиад относился к нему скорее как старший

брат, чем как дальний родственник. Перикл высоко ценил его.

— Это работа Андрокла,— сразу сказал молодой Перикл.— Это он или филады вместе с Анитом и ему подобными.

Он обратил наше внимание на то, что толпу подстрекают определенные люди. Вероятнее всего, эти люди были провокаторами, специально нанятыми разжигать волнение.

— Они обвинят Алкивиада. Я должен найти его и предупредить.

В то утро против Алкивиада действительно были выдвинуты обвинения. Суду предстали свидетели, рабы и освобожденные. Рабы были подвергнуты пыткам, прочих не тронули. На колесе почти все назвали имя, которое желали услышать мучители. Пифоник, Андрокл, Фессад и Анит в Народном собрании потребовали смертного приговора.

В ответ выступил Алкивиад. Он отрицал все обвинения и называл их попыткой своих недругов ложно обвинить его в преступлении, которое мог совершить только сумасшедший. Каким же безмозглым представляют себе его противники, если предполагают, будто он вздумает саботировать собственное дело столь нелепым образом? И когда? Накануне своего так страстно ожидаемого триумфа!

Алкивиад требовал немедленного суда. С этой истерией надлежит покончить до отплытия флота. Но враги Алкивиада, которых теперь поддерживали Прокл, Эвфидем, Агном и Миртил, выдвинули свежее обвинение. Припомнили профанацию мистерий. Обвинители привели новых рабов и слуг, которые — после того, как им гарантировали неприкосновенность,— описали пирушки в частных домах, когда Алкивиад и другие из его круга одевались в псевдо-ритуальные одежды и расхаживали с важным видом, изображая жрецов и мистов. Они забавлялись ими-

тацией инициаций и демонстрировали полное неуважение к Деметре. Эти преступления квалифицировались не только как поругание богов — одно это уже заслуживает смерти! — но и как демонстрация презрения обвиняемого к самой демократии. То было поведение потенциального тирана, который поставил себя выше законов.

Алкивиад был не единственным, кого обвинили в этих преступлениях. Десятки, даже сотни имен попали в список. Масштаб преступления был настолько велик, что стало возможным говорить о тайном сговоре с намерением совершить переворот.

Начались аресты. Выходил информатор от одной партии и называл пятьдесят, семьдесят, сто имен. Сразу же возникал другой информатор, представитель партии обвиняемых, и обвинял обвинителей.

Народ в ужасе побросал в тюрьму всех. Аресты продолжались четыре дня. Их производили не официальные лица, а вооруженная толпа, которая хватала жертвы прямо на улицах и даже в их собственных домах. Рыночная площадь опустела. Никто не смел ступить туда из страха быть арестованным. Апелляции к суду оставались без внимания. Магистраты опасались, что их самих вытащат из домов. В Народном собрании царил хаос, заседания были отложены. С течением времени власть ужаса не только не ослабла, но даже усилилась, подпитываясь различными эксцессами. Наконец Афины подошли к порогу полной анархии.

Что же довело город до сумасшествия?

С моей точки зрения — Сицилия. Страх народа перед столь эпохальным предприятием и ужас перед его автором с его монументальной гордыней. Помни, внук, что у Алкивиада не было недостатка во врагах. Словно громом отвод, он притягивал недоверие и ненависть как демократов, так и олигархов. Аристократы опасались его как предателя. Они считали, что он продал собственных родственников, чтобы удовлетворить свои амбиции в каче-

стве народного героя. С точки зрения аристократии, экспедиция на Сицилию знаменовала ни много ни мало как их собственное исчезновение. Если Алкивиад вернется с победой — а это обязательно случится, учитывая наличие столь непревзойденного флота, — то каким будет его первое действие, едва только он ступит на сушу? Правильно: с благословения толпы он станет тираном. Мелкие землевладельцы считали, что он не замедлит сделать и второй шаг — лишит их власти или казнит. Таковы были враги Алкивиада из числа знати.

Недрузи Алкивиада из среды простого люда тоже были опасны. Это были те грошовые жулики, которые достигли известности на спине толпы. Он вырвал у них эту толпу. Гипербол, архидемагог, высылки которого Алкивиад успешно добился. Андрокул, его последователь, который вынашивал планы мести. Клеоним, отъявленный негодяй. Тидит, Клеофон и головорез Архидем. Им всем были свойственны звериная хитрость и бесстыдство. Они были способны на любое насилие. Они знали, как воздействовать на самые низменные инстинкты людей, и при достижении своих целей не останавливались ни перед чем.

Однако вернемся к безумной выходке — к надругательству над статуями Гермеса. Кто мог проделать такое? Оба лагеря обладали равным побудительным мотивом и одинаковым отсутствием совести. Почему же народ отреагировал столь истерично?

В своем рассказе о сицилийском поражении Полемид говорил о тактике, которую применил неприятель, когда при отступлении нашей армии он изводил ее. Атакам подвергалась не вся колонна, но только последние ряды арьергарда. Цель — вызвать панику на одном участке колонны. А дальше паника распространится сама собой по всей армии, как это часто случается при большом скоплении людей.

Город был в панике. государство грозило разлететься на мелкие кусочки.

Зло паники заключается в следующем: даже самый смелый человек становится бессильным и не может противиться ей. Если он будет стоять на месте, его растопчут или увлекут за собой, как любого труса.

В те годы у меня был приятель по имени Биант, старший помощник командира корабля, трижды награжденный. Всем была известна его репутация человека, не способного на дурной поступок. И тем не менее его арестовали и приговорили к смерти. В отчаянии он признался в преступлениях, которых не совершал. Выговорив себе прощение, он обещал назвать имена своих сообщников. Затем перечислил тех, на кого уже показали другие, или тех, кто покинул город и находился в безопасности. Это сработало — его отпустили. Но один из тех, кого он назвал, Эпикл, сын Автомедонта, не успел исчезнуть из Афин. Он был арестован и казнен. Убитый горем брат Эпикла, Полит, явился к дому Бианта и, выманив его на улицу, убил у всех на виду.

И такие вещи происходили теперь в городе на каждом шагу. Твой друг отводит тебя в сторону и приятельски спрашивает: «Скажи правду, у тебя есть информация о виновных?» Если ты что-то знаешь и проговариваешься об этом, твой друг может дать против тебя показания. А ты заявляешь, что это была ложь или что ложь была правдой, и он утверждает то же самое. Таким образом, друг сторонится друга, брат избегает брата. В атмосфере страха и недоверия нельзя откровенничать даже с близкими родственниками.

В конце концов, когда все провокаторы иссякли и все информаторы были сняты с дыбы, сделалось ясно, что виновником всех несчастий был один политический клуб, который насчитывал приблизительно сто членов. Они громили статуи, как малые дети, назло, не имея даже понятия, какого адского демона выпускают на волю своими необдуманными действиями.

Вспомни предвидение Эвриптолема в таверне «Попутный ветер». Две силы боролись за душу Афин: древний путь, почитание богов, и современный, который сам город превращает в божество.

И вот древний путь заявил о себе. Потерявшие ум молодые аристократы ночью изуродовали городские гермы. Их поступок вселил в людей страх перед богами. Простая богобоязненная душа народа — несокрушимая цитадель, которая охраняет любое общество, — ощутила ужас при виде оскорбления небес. А богохульники не останавливаются. В своей дерзости они решаются предпринять великий заморский поход. Вот гордыня, способная вызвать гнев олимпийских богов. Нервы людей сдали. Они вспомнили чуму и корабли смерти, которые возвращались домой с прахом их сыновей. Глядя на искалеченные статуи Гермеса — бога, который сопровождает смертных в подземный мир, — они испытывали трепет перед Тартаром и гневом Зевса. Флот для Сицилии казался теперь обреченной армадой. Простые люди Афин пришли в ужас от масштаба собственных амбиций и, подгоняемые желающими поживиться на этом, нанесли удар по человеку, который все это затеял.

Несколько человек расстались с жизнью. Десятки томилась в тюрьме, сотни навсегда уехали из города. И все же враги Алкивиада не посмели арестовать его, поскольку за ним стояли флот и армия, иностранные моряки и союзники. Вместо этого они распускали о нем клеветнические слухи. Говорили, что заранее был заготовлен приговор за измену. Муссировались сообщения о том, что Алкивиад будто бы состоял в союзе со Спартой. Якобы его задача — уничтожить наш флот. Враги порочили память его отца и дедов, произнося их имена и имя самого Алкивиада на спартанский лад. Очерняли даже героическую гибель родственников Алкивиада, которые пали в сражениях с персами. Вспоминали, что в этих боях спартапцы бились бок о бок с афинянами. Даже память Амиклы,

преданной няни-спартанки Алкивиада, — и ту не пощадили. По словам недругов, Алкивиад был «вскормлен спартанской грудью».

Мой товарищ, молодой Перикл, тревожась за своего родственника, однажды утром отправился искать его.

Было еще рано. Стоял тот час, когда тени не успели стать короткими, а рыночные продавцы не установили свои прилавки. Мы — Орестид и я — увидели его в гимнасии Ликея. Площадь была пустынна. Алкивиад беседовал с Сократом. Их едва можно было различить в утренней дымке под платаном, растущим у подножия холма, над фонтаном. Оба были так поглощены разговором, что мы отошли в сторону, не желая мешать.

Алкивиад стоял перед философом, пристыженный. Я никогда не видел его таким — кающимся, с поникшей головой. Слезы струились по его лицу. Рука Сократа лежала на плече молодого человека. Он что-то говорил — тихо, но решительно. Алкивиад вдруг преклонил колени и спрятал лицо в складках одежды учителя. Даже издали мы с товарищем видели, как его плечи сотрясаются от рыданий. Мы сразу же отошли, не желая, чтобы нас заметили.

Несмотря на настойчивое требование немедленного суда, враги Алкивиада постарались сделать так, чтобы заседание было отложено. Они знали, что, если позволить Алкивиаду говорить перед присяжными, тот быстро склонит народ на свою сторону. Недруги желали, чтобы Алкивиад со своим флотом ушел в море. Им хотелось судить его в его отсутствие, когда он ничего не сможет сказать в свою защиту.

На протяжении всего этого тяжелого испытания Алкивиад не переставал следить за собой и за флотом. Каждый день он занимался гимнастикой. Однажды утром я находился в экспедиционной конторе, временно расположенной в доке на складах. Туда явился Алкивиад. Они с тренером пришли прямо из гимнасия, их тела были по-

крыты потом и пылью после занятий кулачным боем в палестре. Алкивиад был явно раздосадован.

— Чего еще хотят от меня люди? Я отдал городу все, что у меня было, я выложил все мое состояние, до последнего обола, а они теперь порочат память моего отца!

Он хотел, чтобы скорее состоялся суд. Пусть демос, народ, осудит его сейчас, а когда он, Алкивиад, будет мертв,— пусть осознает собственную глупость.

— Я больше не могу выносить этого!

Его спутанные волосы были мокры от пота. Он расхаживал взад-вперед, босой, с голой грудью, похожий на Ахилла в палатке перед Троей в ярости от вероломства Агамемнона. Он метался, как зверь в клетке. Наконец он задел плечом стопку глиняной посуды, и несколько плошек упало на пол.

— Пусть меня обвинят и в этом!

Желая отвлечь Алкивиада менее печальным делом, служащий представил ему несколько документов адмиралтейства, требующих одобрения. Однако вид этих документов, подтверждающих готовность флота к отплытию, только усилил его отчаяние.

— Кто виноват во всем этом? — Он провел пальцами по волосам.— Никто, кроме меня. Я один.

Несколько капитанов ввалились через главный вход со стороны причала. Теперь они окружили Алкивиада, заверяя его в своей преданности. Слезы выступили у него на глазах. В какой-то момент показалось, что он не выдержит. Но, увидев на лицах своих товарищей смятение, Алкивиад вдруг обнаружил в этом нечто забавное — и засмеялся.

— Выше голову, друзья мои! Наши враги лишь укололи меня пером. Я истекаю чернилами, но не кровью.

Он быстро вышел на пристань в сопровождении офицеров и прямо с настила нырнул в воду. Раздались одобрительные возгласы. Протянулись руки, ему помогли забраться обратно на пирс. Кто-то накинул плащ ему на плечи. Люди снова окружили Алкивиада.

— К демонам этих шакалов! — воскликнул капитан по имени Эврилох. — Пусть море смоев их ложь с наших спин!

Другой триерарх, Патрокл, горячо поддержал своего товарища.

— Забудь ты об этом суде, — убеждал он Алкивиада, — займись лучше флотом. Ничто так не унимает боль, как победа.

Алкивиад выпрямился. В имени этого человека звучал особенный резонанс. Он напоминал о славном товарище Ахилла.

— Патрокл, друг мой, не является ли твое имя знаменем? Не будет ли мой гнев, как гнев Ахилла, причиной нашей смерти?

На недолгое время повисла напряженная тишина. Потом все как один воскликнули:

— Сицилия!

Алкивиад оглядел их.

— Итак, в путь, братья, а враги пусть остаются?

— Сицилия! — еще более дружно повторили его товарищи.

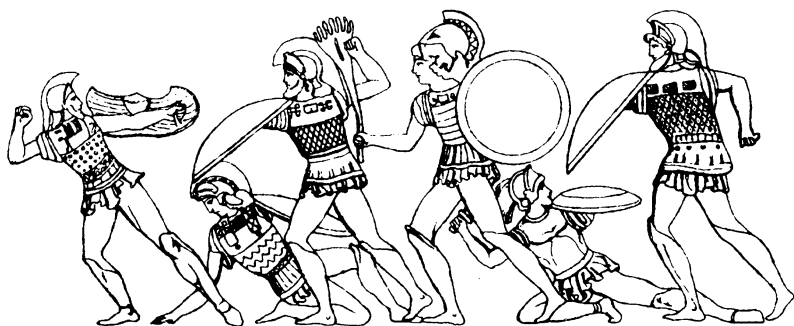
За плечами Алкивиада в ожидании стояли корабли — на стапелях или якорях, линия за линией; они заполняли всю гавань, а он, чья воля призвала к жизни эту армаду, стоял серьезный, взвешивая в душе свое решение, к которому необходимость и судьба принудили его и Афины.

— Сицилия! — кричали офицеры снова и снова. — Сицилия!

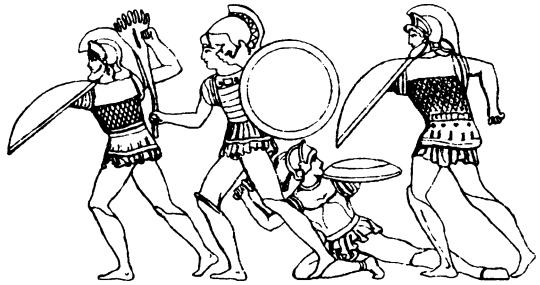
Книга четвертая

СИЦИЛИЯ

НЕУВЯЗКА С ОТЗЫВОМ

До Сицилии, — возобновил свой рассказ Полемид, — я никогда не сражался на море. Я не знал, как должен сражаться моряк. Я ничего не знал о приемах морского боя. Никогда не метал копьё с колена, не бегал по палубе триремы так, чтобы мой вес и вес моих товарищей наклоняли таранное судно и оно могло нанести смертельный удар по противнику ниже ватерлинии.

Здесь, в тюрьме, мне постоянно снится один и тот же кошмар. Во сне я опять на Сицилии, в Большой гавани Сиракуз. Из ста сорока четырех наших военных кораблей, объединенных флотов Афин и Корсики, осталось менее пятидесяти способных сражаться. Эти корабли направляются к прибрежной полосе ниже Олимпия, храма Юпитера Олимпийского, и укрываются за частоколом береговых скал. К нам приближаются боевые корабли Сиракуз и Коринфа. Моряки крушат топорами башни, несущие тяжеловесные массивные «дельфины» для тарана. Мы барахтаемся в воде. Их лучники мечут в нас стрелы с металлическими наконечниками.

А в гавани горят и тонут наши корабли. На берегу поджидает вражеская пехота. На скалах — там, где нахожусь я, — враг. Таран — откат. Таран — откат. Эти сыновья шлюх хороши в бою. Даже после десяти часов непрерывного сражения их клинки жалят одновременно. Меня отбрасывает отливная волна. Поверхность воды вся покрыта стрелами, дротиками, сломанными веслами. Силы мои иссякают. Мимо проплывает корабль. Я иду ко дну — и в ужасе просыпаюсь.

Как правило, в определенные моменты сражения — как вообще в минуты величайшей опасности — на обычную реальность как бы наслаивается некое призрачное состояние, в котором кажется, будто события разворачиваются нарочито медленно, как бы лениво, а сам ты стоишь в стороне, словно наблюдая за собственной гибелью. На все ты смотришь с удивлением, ясно осознавая не только опасность, но и красоту происходящего. Ты обостренно воспринимаешь такие тонкости, как игра света на воде, даже если эта вода окрашена кровью дорогих тебе товарищей или твоей собственной. Ты даже можешь сказать себе: «Я сейчас умру» — и принять это спокойно.

Моего брата восхищало это явление смещения реальности. Стержнем этого явления, как он считал, был страх. Страх настолько всепоглощающий, что он вынимал душу из человека — как это делает Смерть. В такие моменты, полагал Лион, мы действительно мертвы. Душа покидает тело, но она должна вернуться и вновь вселиться в человека. Иногда, говорил Лион, душа не хочет возвращаться. Ей лучше там, куда она ушла. Это было безумие битвы, *mania maches*.

По мнению Лиона, амбиции тоже могут вынуть из человека душу, равно как и страстная любовь, жадность, пьянство, увлечение дурманящими веществами. Он был уверен, что определенные формы правления в состоянии лишить души целый народ. Однако я отвлекся.

Тебе придется быть ко мне снисходительным, друг мой. Воспоминания о тех днях проходят перед моим мыслен-

ным взглядом, как обломки кораблекрушения, плавающие по свободному морю и не привязанные к мертвому якорю времени. Вот так и Сицилия — она то стоит, то дрейфует в моих воспоминаниях, не сон, не реальность, но некое третье состояние, вновь пойманное лишь отрывками. Это подобно сражению на воде, когда наблюдаешь за ним сквозь дым.

Я помню канун отъезда Алкивиада. Это было у города Катана в Сицилии, через три месяца после нашего отплытия из Афин. Мы с Лионом не подчинялись ему непосредственно, но он приказал откомандировать в его личный состав нас и других давних его знакомых. Он хотел иметь возле себя людей, которым мог доверять. Когда он начнет переговоры с городами Сицилии, ему потребуется самый сплоченный отряд единомышленников.

Город Наксос перешел на сторону Алкивиада сразу, Катана слегка поупиралась. Мессену достаточно было слегка подтолкнуть. Алкивиад взял с собой депутацию на четырех кораблях в Камарину — дорический город, который когда-то, в прошлом, уже был союзником Афин. Наши агенты уверяли, что она уже созрела и готова упасть нам в руки. Однако город наглухо закрыл ворота, не позволив нам даже высадиться. Алкивиад приказал своей маленькой флотилии возвращаться в Катану. Когда корабли прибыли туда, государственная галера «Саламиния» уже ожидала нас с приказом снять с Алкивиада командование.

Я находился рядом с Алкивиадом, когда к нам приблизился капитан «Саламинии» в сопровождении двух судебных исполнителей Народного собрания. Оба они были из Скамбониды, родного округа Алкивиада. Они были знакомы. Их нарочно подобрали так, чтобы не спровоцировать Алкивиада на демонстративное неповиновение. Все — без оружия. Офицеры представили документы и повелели Алкивиаду вернуться в Афины, чтобы предстать перед судом по обвинению в нечестивых действиях, профанации мистерий и измене. Все они выражали свое искреннее сожаление по поводу такого поручения. Если Алкивиад пожелает, он

может не переходить на «Саламинию» в качестве задержанного, а следовать за флагманом на своем корабле. Однако не позднее завтрашнего утра он обязан уже подняться на борт.

В ту ночь все говорили только о перспективе внезапного удара. Никий и Ламах вызвали к себе моряков, среди которых были и мы с братом. Нас было по восемь человек на судно. Мы ходили вооруженными по прибрежной полосе.

Годы спустя я служил на «Каллиопе» с молодым Периклом. Помощник Алкивиада Антиох был его руководителем, учил его морскому делу. Перикл потом рассказывал, что Антиох сказал ему следующее. Предвидя его отзыв в суд, Алкивиад в течение нескольких месяцев налаживал дома связи — через почту и союзников. Его цель была изменить формулировку обвинения. Он был крайне озабочен тем, чтобы с него сняли обвинение в профанации мистерий — единственное, которого он действительно боялся, поскольку оно вызывало яростную неприязнь народа. Как подтвердили письма, полученные два дня назад, эта цель достигнута. Против остальных обвинений Алкивиад мог устоять, лично защищая себя перед Народным собранием. Он был уверен в успехе. Теперь, на берегу возле Катаны, судебные исполнители сообщили ему — очевидно, не представляя себе последствий, — что обвинение в профанации остается в силе. Алкивиад был обманут. Слишком поздно парировать удар.

Из советников Алкивиада Мантитей, Антиох и его кузен, которого тоже звали Алкивиадом, неистово ратовали за переворот. Они подстрекали Алкивиада захватить командование экспедицией — здесь и сейчас, арестовав или убив, если понадобится, всех, кто откажется встать на его сторону. На этом радикалы не успокоились. Они предложили сейчас же отказаться от сицилийской кампании и всем флотом плыть обратно в Афины. Пусть Алкивиад при поддержке армии объявит себя хозяином государства. Эвриптолем и Адимант возражали, и Алкивиад присоединился к ним.

— Я хочу Афины не в качестве любовницы, — заявил он, — а в качестве жены.

Над этим замечанием многие посмеялись, сочтя его легкомысленным, поспешным и неискренним. Утверждали, будто Алкивиад согласился с постановлением судебных исполнителей только потому, что верил: в Афинах у него достаточно сторонников, а его агенты уже подкупили власти достаточно, чтобы его оправдали. Я не верю этому. Думаю, он имел в виду именно то, что сказал. Я утверждаю это не в защиту Алкивиада, не потому, что хочу подчеркнуть его благородство или честность (а он был и честен, и благороден). Подумай: такое утверждение говорит о самонадеянности — предельной и поразительной.

Вот как, по моему мнению, он рассуждал. В его глазах Афины были не народом, которому надо служить, а супругой, которую следует завоевать. Получить Афины как-то иначе, не по доброй воле значило бы опозорить город и себя. Он жаждал не любви или власти. Он желал, чтобы его власть была основана на любви.

В то время я ничего этого не понимал. Полагаю, обо всем этом думал Алкивиад. Я смотрел на него — его лицо не выражало ни гнева, ни мстительности, хотя впоследствии он действовал и гневно, и мстительно и проявил эти качества в избытке. Я видел лишь печаль. В этот миг он стоял, отрешенный от самого себя и от собственной судьбы, как человек на пике опасности. Он словно бы воспарил над полем битвы и увидел его целиком. Как мастерский игрок, Алкивиад видел на четыре-пять ходов вперед, и все они сулили несчастье, но он никак не мог найти такого хода, при помощи которого он сам или его город могли избежать конца.

— Что ты будешь делать? — спросил его Эвриптолем.

Алкивиад смотрел прямо перед собой, в одну точку.

— Во всяком случае, не плыть домой, где меня убьют. Это определено.

Глава XIX

ЛЕТОПИСЕЦ РАЗДОРА

Алкивиад сбежал в город Фурии. Говорили, сначала он отправился в Аргос, потом, когда там стало слишком горячо, — в Элиду, опередив государственных агентов и охотников за вознаграждением. Мой брат был в числе военных представителей Афин. На «Саламинии» он преследовал Алкивиада вокруг италийского «сапога».

Он прислал мне письмо.

«Эта хваленая элита государственной галеры — приятная компания, брат. Они поклоняются Аяксу и всем его родственникам и притом охотятся за Алкивиадом, словно он бешеный пес. В Падрасе пронесся слух, что он скрывается в одной из гостиниц. Наша поисковая группа с факелами обыскала всю местность, чуть не подожгла десяток невинных прохожих и даже не задержалась, чтобы предложить им компенсацию. Еще один слух о местонахождении нашего беглеца заставил нас пуститься в очередную напрасную погоню. Эти типы играют наверняка, Поммо. Одного бедного паренька они прило-

жили к сиротерке, хотя тому было не более двенадцати лет. Другой был ловцом килек. Наследники Эврисака взяли его в море за две мили от берега. Сначала они утопили одного его сына, потом другого; за ними последовал и сам рыбак. Такие вещи эти государственные агенты проделывают без единой слезинки, с шуточками.

Они боятся возвращаться домой без результата. И все же это далеко не все. Почему они так ненавидят его — его собственные родственники? Их фанатизм ужасает. Эту записку придется отправить контрабандой. Если мои птички-спутники глянут на нее, они растянут мою кожу на первой попавшейся двери».

Алкивиад оказался не единственным командиром, которому приказали явиться домой и предстать перед судом. Обвинен был и Мантитей, триерарх «Пенелопы», и Антиох, лучший навигатор во всей Греции, а также Адимант и кузен Алкивиада, тоже Алкивиад. Обвинение также было предъявлено еще шести офицерам.

Вот что сообщал мне мой двоюродный брат Симон из Афин:

«“Саламиния” возвратилась. Без Алкивиада. Он сбежал в Италию, услышав, что Народное собрание приговорило его к смерти в его отсутствие. Хотя ты, конечно, знаешь эту новость. Говорят, он сказал: “Афины еще получат повод убедиться в том, что я жив”».

Наступила зима. Вместе с Алкивиадом и его соратниками флот потерял не только самых храбрых и предприимчивых офицеров, но и самых преданных сторонников экспедиции. Командование теперь поделили Никий и Ламах. Сразу ушла вся инициатива. Вместо энергичного наступления на города Сицилии, чтобы отрезать Сиракузы от союзников, Никий предпринял одну нерешительную попытку запугать город, а потом приказал флоту возвратиться на зиму в Катану. Я томился там два месяца, пока «Пандо-

ра» не была милостиво отпущена к мысу Япигий на поиски лошадей для кавалерии. Лион тоже был там — на «Медузе».

Япигия, как тебе известно, — «каблук» италийского «сапога». Там дуют страшные ветра, налетают сокрушительные шквалы. Тамошние жители — не греки — называют их посарелли, «лысые головы». Все суда заходят в Карас. Моряки, переполненные новостями, торопятся излить их поскорее у какого-нибудь очага. Так мы с Лионом узнали о нашем скрывающемся командире от хозяина каботажного судна, которое ходит по Тирренскому морю. А тот слышал все это от одного моряка из Коринфа. Этот коринфянин сопровождал своего капитана до Спарты. Два вечера он провел на празднике Гиацинтии, посвященном Гиацинту и Аполлону. Ему даже позволили стоять в колоннаде апеллы, спартанской Ассамблеи, где иностранцам иногда разрешается присутствовать во время дебатов.

Алкивиад вовсе не сбежал ни в Италию, ни на луну, сообщил наш информатор. Он находится в Спарте.

— И не на виселице, а свободный, в ореоле славы, в центре внимания всего Лакедемона!

Это сообщение было встречено с величайшим недоверием и даже вызвало смех у моряков, заполонивших помещение.

— Этот надушенный пижон, — невозмутимо продолжал каботажный капитан, — который в Народном собрании Афин рядился в пурпур и подметал подолом пыль, этот распутник — короче говоря, этот превосходный афинянин совершенно переродился. В Спарте из него вылупился новый Алкивиад. Его не узнает никто, кто знал его в прежние времена! Этот новый Алкивиад одевается теперь в простую алую одежду спартанца, ходит босиком, кудри до плеч — как у заправского лакедемонянина. Он ест вместе с простым народом, купается в холодных водах Эвроты и каждую ночь ложится на постель из тростника. Он пи-

тается простым бульоном, вино пьет умеренно. На слова скуп так, словно они — золото, а он — скряга. На рассвете его можно видеть в поле — он до седьмого пота занимается бегом. До полудня он в гимнасии или на игровой площадке. Этим делом он занимается с усердием, превосходящим даже старания самых ревностных и опытных спортсменов. Короче говоря, этот человек стал б^ольшим спартанцем, чем сами спартанцы, и они боготворят его. Мальчишки ходят за ним по пятам. Равные соревнуются за право называть его товарищем, а женщины... Как ты знаешь, законы Ликурга поощряют многожние, так что даже чужие жены могут открыто влюбляться до безумия в этот образчик красоты, про которого говорят:

Хоть не второй он Ахилл, но мужчина
И совершенного мужа притом воплощенье живое.

Моряки ответили на это стуком костяшек пальцев по скамейкам. Позднее Лион и я отвели этого тирренца в сторону и расспросили поподробнее. Что сообщил его друг-коринфянин касательно намерений Алкивиада? Ясно ведь, что наш прежний командир обосновался в Спарте не для того, чтобы играть там в мяч или тренироваться в беге.

— То, что я сказал,— это я выдумал, ребята. Я знал, что вы не обрадуетесь.

— Говори сейчас правду, друг.

— Он действует против вас, братья, действует всеми силами. С каким рвением он в прошлом заигрывал с Афинами, с таким же, если не усерднее, готовит их падение. Вы знаете, какие лакедемоняне домоседы и как они медлительны. Алкивиад прожужжал им все уши об афинской угрозе. Его воркотни оказалось достаточно для того, чтобы даже эти тупицы проснулись. Спартанцы считали, что судьба Сицилии не имеет никакого отношения к их интересам. Но Алкивиад убедил их в обратном. Кто, спрашивает он, знает цель экспедиции лучше, чем он сам, ее спланиро-

вавший? А целью экспедиции — так он говорит — является вовсе не Сицилия, не Италия и не Карфаген. Они, завоеванные, послужат лишь трамплином для нападения на Пелопоннес. А конечная цель — захватить Спарту. Алкивиад горячо призывает своих хозяев направить на Сицилию все силы, какие они только могут собрать. Он дает им различные советы, как получше навлечь беду на Афины.

Весной мы вернулись в Катану. Место оказалось еще более мрачным, чем запомнилось мне. Был введен комендантский час. Жалованье задерживали, и выдавали его не монетами, а расписками. В дни выдачи платы разгорались скандалы.

Симон писал о репутации Алкивиада, которая сложилась в Афинах:

«Народное собрание зашло так далеко, что постановило предать его проклятию. Жрецы, потомки Эвмолпа, проклинали его. Как по-гомеровски! Собралось так много народу, что начался мятеж. Это не шутка, Поммо. Несомненно, Алкивиад попытается поднять спартанскую армию против вас. По крайней мере, он добьется, чтобы они прислали первоклассного стратега. Лучше быстрее побеждай там, брат. А еще лучше — возвращайся домой».

Во второй день месяца мунихион армия двинулась на Сиракузы. Лион привел новую женщину — Беренику. У нас было общее хозяйство, и письма мы тоже получали вместе. Когда я закончил читать вслух послание Симона, Береника попросила отдать письмо ей. «Это для истории Лиона». Мой брат вел хронику этой войны.

— А почему бы и нет? Я ведь грамотен не хуже любого другого. Кроме того, эта история стоит того, чтобы рассказать о ней, — говорил мой брат. — Публикация непременно принесет нам кучу денег, прославит автора и внесет какое-то разнообразие в его жизнь после бесполезно потраченных дней наедине с таким человеком, как ты.

Я сказал, что его снедает честолюбие.

— Послушай меня, Поммо. Помнишь у Гомера:

Бойню устроил Ахилл несравненный, Пелея сын
богоподобный...

Или вот это:

...распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам; совершалася Зевсова воля...

А теперь я спрошу тебя, брат. Кем были бы мы с тобой тогда, тысячу лет назад, на том поле боя? Уж всяко не Ахиллами! Мы были бы злополучными убудками, павшими под ударом его меча. А наш некролог? Вшивая строчечка, где мы упоминаемся наряду с пятьюдесятью другими безымянными ничтожествами. И все же это люди, разве ты не понимаешь? Это люди, чью историю необходимо рассказать. Нашу историю! Клянусь богами, мы тоже герои. И разве доброжелательная публика не состоит из таких же, как мы? Они проглотят мою повесть, которую я буду читать в домах и на собраниях нашего города. Я могу даже переложить ее на музыку и исполнять, аккомпанируя себе на лире.

Несколько человек слушали его. С ними были и их женщины.

— И кто же, — поинтересовался Похлебка, — будет Ахиллом твоего Гомера?

— Конечно, Алкивиад! Ведь Илиада, — обратился Лион к своим товарищам, — повествует о гневе Ахилла:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал...

Только представьте себе, друзья. Оклеветанный своим царем и командиром, Ахилл вкладывает меч в ножны и удаляется в свою палатку. Он молит богов: пусть его соотечественники поймут — после всех страданий, которые теперь придется им переносить, — насколько он, Ахилл, лучше их. Пусть они горько оплачут свой поступок, пусть расскаются в том, что позволили обойтись с героем так подло. Разве

положение Алкивиада — не такое же? За исключением того лишь, что современный Ахилл превзошел оригинального. Он не только отказался сражаться на нашей стороне, лишив нас своих талантов и советов; он посвятил себя делу нашего врага, направив свою изобретательность против нас!

Слушатели Лиона стали смущенно поеживаться.

— Но хуже того, братья. Ибо у этого врага, Спарты, никогда не было недостатка ни в доблести, ни в умении воевать. Единственное, чего ей не хватает, — предвидения и отваги, и это обеспечит современный Ахилл. Алкивиад подвигнет Спарту на такие инициативы, на какие та никогда бы сама не отважилась без его понуканий, и обеспечит ее мастерской стратегией, на которую наш враг совершенно не способен.

— Хватит, Лион! — Похлебка воздел руки к небесам.

— Ах, друзья мои, вы все же не можете понять ход моих мыслей. Моя эпическая поэма — в отличие от гомеровской — будет популярна не среди героев, которые и так слишком расплодились, а здесь, в грязи, у сыновей смертных, которым приходится выносить на себе все тяготы войны. На вас, чумазых героев моей поэмы, падает вся ответственность за значимость моего творения. Это Алкивиад будет служить нам и нашей истории, а не мы ему. Вот чем современная война отличается от мифологической.

В то лето я писал моему двоюродному брату:

«...Наконец мы воюем, если можно назвать войной строительство стены. Армия взяла высоты, называемые Эпиполы. Оттуда открывается вид на город. Убитых — несколько сотен, но большей частью со стороны неприятеля. Вот как это выглядит. Мы начинаем строить нашу стену. Сиракузцы в ответ принимают за контрстену под прямым углом к нашей, чтобы отрезать нас от города. Они выходят из ворот и воздвигают частокол. За частоколом отводят контрстену в тыл, потом ставят новый частокол — и так далее. Они работают лихорадочно — им даже некогда отойти отлить...»

Через несколько дней:

«...Отборные части атаковали их стену в полдень, когда жара доводит всех до бесчувствия. Теперь эту стену сносят. Сиракузцы построили вторую, через болото — его называют просто Лихорадка. Болото находится по соседству с гаванью. Наши моряки были призваны на помощь тяжелой пехоте — пехотинцев почти две тысячи. Мы вошли в болото, взяв с собой доски и даже двери, чтобы пройти по ним. В одном месте на болото легли наши парни, и мы пробрались по их спинам. На пике этой мерзости флот, который мы держали на севере, вошел в гавань. Это решило все. Сиракузцы побежали в укрытие. Ламах убит. Теперь командует один Никий. Но сиракузцев мы побили. Нужно лишь достроить нашу стену, выйти в море и завершить осаду города. После этого Сиракузам конец».

Главным архитектором был Каллимах, сын Калликрата — того, кто возвел третью из Длинных стен для Перикла. У него было шесть фабрик по производству кирпича и двадцать кузниц, изготавливающих арматуру. Никий занял мыс Племмирий, отделенный от города горловиной гавани. Мы называли этот мыс просто Скала — из-за отсутствия там воды. Сиракузы были теперь заблокированы с моря. Неприятель больше не осмеливался выступить.

«Разоренная земля к западу от города до нашего появления была очень приятным загородным местом, с храмами и рощами. Там имелась школа для мальчиков, стояли жилые дома, были разбиты площадки для игры в мяч. Теперь остались одни булыжники. Дома, дороги — разрушено все. Камни пошли на строительство стены. Все деревья срублены — для опалубки, скатов, частоколов. На целые мили ни стебелька травы. Единственное здание, оставшееся нетронутым, — мельница. Армия — сто тысяч. Палаточный город — не меньше самих Сиракуз. Улиц нет, есть бульвары. Отхожие места пронумерованы, иначе можно заблудиться.

Через всю равнину тянется линия, выложенная грудой камней. Там будет проложена стена. Перед нами уже выросли траншеи, защищенные частоколами. Ночью полторы мили от моря до гавани освещаются кострами и факелами. Флот стоит на якоре в гавани или занимается маневрами в открытом море. Один город осаждает другой — вот как это выглядит».

Мы с Лионом пришли к Теламону. Он и его ребята из Аркадии располагались у южного края стены. Некогда это был красивый участок парка под названием Олимпий. Один из наемников похвалил литературные потуги моего брата, однако высказывался он с кривой улыбкой, которая пришлась не по вкусу честолюбивому историку. Лион желал знать мнение Теламона. Наш наставник отнесся к Лиону так, словно тот спятил.

Лион попытался объяснить свой замысел. Тема — героизм. Разве массовый героизм менее достоин того, чтобы о нем писали, чем героизм одного человека?

— У меня на родине есть пословица, — сказал Теламон. — «Из героизма можно сварить хорошую песню, но плохой суп». Это значит — избегайте героев. Предмет их страсти — деньги. Лион хорошо поступил, сделав своим героем Алкивиада, ибо это существо само полно страсти и вызывает ее в людях. Он плохо кончит.

Лион попросил пояснить.

— Мы в Аркадии не строим городов. И нам это нравится. Города — рассадники страстей и героев. Кто более совершенное воплощение городского человека, нежели Алкивиад?

— Ты хочешь сказать, Теламон, что ты, профессиональный солдат, не признаешь героизма?

— Героев узнают по их могилам!

Тут я запротестовал. Теламон и сам — герой!

— Ты путаешь благоразумие и мужество, Поммо. Если я сражаюсь в первых рядах, то это потому, что там безопас-

нее. И если при этом я побеждаю... ну, казначею лишние хлопоты.

Теламон высказал все, что хотел, и поднялся, чтобы уйти. Но Лион не отставал от него.

— А как же деньги, дружок? Наверняка тебе нравится, когда платят.

— Я использую деньги, но не допускаю, чтобы деньги использовали меня. Служба за плату отделяет человека от объекта желаний его командиров. Вот правильное применение денег. Получаем добродетель. С другой стороны, любовь к стране или жажда славы объединяет человека с объектом его желаний. Получаем зло. Патриот и дурак служат бесплатно.

— Патриот — потому что любит свою страну, — заметил Лион.

— Потому что он любит себя. Ибо что есть страна для такого человека, если не многократное отражение его самого? И что такое подобное чувство, если не тщеславие? Повторяю, твой выбор героя превосходен, друг мой, ибо кто из всех живущих ныне людей любит себя больше, чем Алкивиад? И кто больше него олицетворяет любовь к стране?

— Но разве любовь к своей стране — это порок?

— Скорее глупость, нежели порок. Но тогда всякая любовь есть глупость. Человек держит в сердце нечто, что не отделяет от себя. Если понимать любовь так, то да, это глупость.

— Тогда по твоим словам выходит, что Алкивиад — раб Афин?

— Никто не превосходит его в приниженности.

— Даже когда он действует против Афин, не щадя сил?

— Та же монета, но с обратной стороны.

— Тогда и сами мы, — сказал Лион, показывая на моряков и солдат, присутствовавших в палатке, — дураки и рабы?

— Вы служите тому, что цените.

— А чему служишь ты, Теламон? Кроме денег, конечно? — В голосе Лиона слышалось возмущение. Он был оскорблен.

Теламон улыбнулся.

— Я служу богам, — сказал он.

— Подожди...

— Богам, я сказал. Им я служу.

И он ушел.

Строительство стены продолжалось. Экспедиция перестала быть войной — если она вообще когда-либо была таковой. Она превратилась в общественные работы, и в этом крылся ее порок. Мужчины, прекратив воевать, перестают быть воинами.

К середине лета это стало очевидно. Солдаты теперь платили своим товарищам, чтобы те постояли за них на часах; они выкладывали денежки, чтобы не работать на строительстве стены. Они нанимали сицилийцев или лагерных учеников, а сами валялись без дела. Даже моряки начали вербовать себе замену. Когда офицеры стали устраивать им проверки, они заменили их командирами, которые, подобно детенышу мраморного лиса, хорошо знали, «из какого соска течет молоко, а из какого — вода».

Безделье породило неудовлетворенность, а неудовлетворенность — бунт. Люди без всякого стыда дремали на вахте. Они слонялись возле палаток цирюльников, набивались в лагерь проституток. Их можно было видеть везде, кроме военного лагеря. Новые командиры никак не могли поднять дисциплину, поскольку и сами были обязаны своим положением презрению к ним подчиненных. Симуляция болезней приняла характер эпидемии. Солдаты уходили без разрешения, а вернувшись, не соизволяли даже извиниться. По ночам подразделения уже не старались держаться вместе. Ночь заставала солдата там, где ему вздумалось. Попасть в неприятность считалось верхом смелости. Проплетало воровство. В ответ росла и настороженность. Люди

были готовы распороть друг другу брюхо за украденный сапог или из ревности к женщине или мальчику.

Где же находился Никий, наш командир? Больной, с нефритом, в своей палатке. Настал его шестьдесят второй день рождения. Люди смеялись над ним, потешались над ясновидцами и гадалками, которые вились вокруг его палатки, как чайки над кучей отбросов.

Предприятие, задуманное умелыми людьми, умеющими действовать эффективно, свернуло с правильного курса. Результат — пагубный. Некогда дисциплинированные солдаты откупились от работы и потратили полученный таким образом досуг на торговлю женщинами, контрабанду и спекуляцию воинским имуществом. И кто же их остановит? Они были деловыми людьми, которые знали, как протянуть ладонь и как ее подмазать. И даже хорошие солдаты, свидетели этой коррупции, которые видели бессилие своих командиров, потеряли всякую охоту сохранять порядок. Солдатские мешки, казалось, так и бугрились мышцами — они были набиты под завязку. О гигиене позабыли. Больных было больше, чем работающих на стене.

Я тоже не устоял перед этим наплывом правонарушений. Поначалу протестовал и добился только того, что меня разжаловали в рядовые. Тогда я занялся охотой. У меня были собаки и загонщик. Во всяком случае, регулярное занятие. Я уходил из лагеря дней на десять, и меня ни разу не хватились. Моряки с «Пандоры» рассеялись. Некоторые вернулись на корабль, считая, что служить на море легче, чем таскать на горбу лоток с известью. Другие уклонялись от работы в мрачных больничных палатках. Я переехал в Олимпию к Лиону и стал жить по соседству с земляками Теламона из Аркадии.

Однажды вечером мы решили прогуляться по холмам, которые назывались Эпиполы. Лион с грустью размышлял о происходящем, стремясь найти причину такого разброда. Теламон в это время мочился — он даже головы не повернул.

— Нет Алкивиада, нет империи.

Наступила ночь. Форт под названием Круг был освещен факелами. Мы гуляли, глядя на город и гавань.

— Никий сделал себе карьеру, — продолжал Теламон. — Он как старая кляча за плугом, которая только и думает о том, как бы поскорее оказаться в конюшне.

Наемник показал на людской муравейник, кипевший под холмами. Он простирался от гавани до моря.

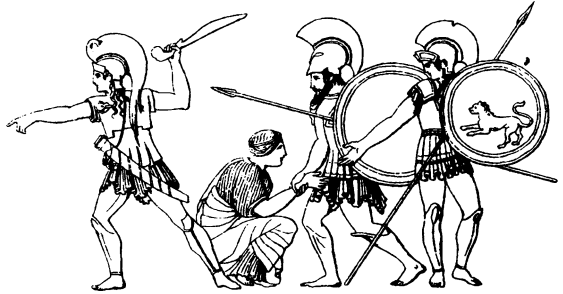
— Взгляните на этот ад. Зачем человек пересекает море, чтобы воевать с народом, который ничем ему не угрожает? Не страх заставляет его делать это, не жадность. Только одна сила толкает его вперед — мечта! А эта мечта ушла. Она дезертировала вместе с Алкивиадом.

Теламон заявил, что мы оказались не на той стороне. Мы обязательно проиграем.

Лион и я засмеялись. Как мы можем проиграть? Сиракузы отрезаны. Местные города перейдут на нашу сторону. Никаких других армий не предвидится. Кто поможет сиракузцам? Сами они определенно спастись не могут. Кто же их этому научит?

— Спартанцы, — сказал Теламон, словно это было очевидно. — Когда Алкивиад переправит своих школьных учителей в Сиракузы, к их соотечественнику Дориану.

ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ ПО ВЕДЕНИЮ ВОЙНЫ

Среди отличий спартанцев от других народов есть следующее. Когда союзник в отчаянии обращается к ним за помощью, они направляют не войска, не деньги, а лишь одного полководца. Этого одного офицера, принявшего командование осажденными, оказывается достаточно, чтобы повернуть дело в пользу терпящих поражение.

Именно это и произошло в Сиракузах. Полководца звали Гилипп. Я знал его по школе в Спарте. Вот его история.

Мальчиком Гилипп был исключительно быстрым бегуном. В десять лет на юношеских Гиацинтиях он победил в беге на дистанции более десяти миль. Самым тяжелым испытанием при этом забеге было вот какое: каждый участник должен набрать в рот воды и не глотать ее во время всего забега. На финише следовало вылить эту воду в приемник — то была бронзовая статуя Аполлона с протянутыми и сложенными в виде чаши ладонями. Выбыли почти все участники. Иногда споткнешься и проглотишь воду рефлекторно.

Гилипп придумал хитрость. Когда судьи не видели, он проглатывал воду и продолжал бежать. Втайне от всех он заранее наливал воду в углубление в камне возле дороги на расстоянии мили от финиша. Опередив к этому моменту других мальчиков, он снова набирал в рот воду и держал ее до конца. Таким образом он победил дважды — в десять и одиннадцать лет. Но однажды ночью, лежа рядом со своим старшим братом Фебидом, Гилипп похвастался секретом. Фебид решил преподать ему урок. В следующем году на бегах старший брат опрокинул заветный камень. Когда Гилипп добежал до него, как всегда опередив всех, он не обнаружил там воды. А сзади его уже догоняли другие мальчики.

Гилипп вихрем добежал до финиша — опять первым. Судьи приказали ему наполнить ладони бога, то есть вылить воду изо рта. Гилипп прокусил себе язык и наполнил рот кровью.

Впоследствии Гилипп служил под командованием Брасида во Фракии. Он не только отличался личной храбростью, но и добился выдающихся успехов, командуя плохим войском — призывниками-илотами, не имеющими надлежащего оружия и почти необученными. Казалось, он обладал духовным родством с этим «подкованным на шипы» норювистым народом. Гилипп сумел превратить их в отборные войска. Эта способность определенно повлияла на решение эфоров направить его в Сиракузы.

Этот самый Гилипп, теперь полемарх, военачальник тридцати шести лет, обладатель трех наград за храбрость, включая Мантинию, прибыл на Сицилию с четырьмя кораблями, двумя секретарями, одним младшим офицером и горсткой освобожденных илотов в качестве моряков. В течение двенадцати месяцев он перевернул в Сиракузах все — начав с адмиралтейства, которое до его прибытия ослепляло разноцветными одеждами, подобными оперенью попугаев. Он запретил все цвета, кроме белого, и публично сжег все эти отвлекающие от дела тряпки. Он провел гимнастику в

дорическом духе в честь Посейдона. Чтобы люди не валялись в постелях, установил порядок жертвоприношений на рассвете и потребовал, чтобы на церемонии присутствовали все командиры. Он запретил носить головные уборы на море — частично для того, чтобы люди не щеголяли друг перед другом, но в основном чтобы они загорели и выглядели почерневшими и мужественными.

Малую гавань, чьи верфи были открыты для нападения афинян, Гилипп укрепил дамбой и частоколом. За частоколом он заставил своих подчиненных работать. До сих пор морские архитекторы и корабельные плотники считались ремесленниками и числились среди низших специалистов. Гилипп изменил это и выдал им почетные значки. Отныне они объявлялись *poleos soter*es, спасителями города.

До появления Гилиппа молодые люди младше восемнадцати не могли внести свои имена в списки граждан, а те, кому было за шестьдесят, независимо от умений и энергии, увольнялись из армии. Гилипп аннулировал и эти законы. Он привлек в ряды кораблестроителей способную молодежь, а опытных стариков назначил учителями. К концу зимы флот Сиракуз обладал почти таким же количеством военных кораблей, сколько было у осаждавших, а сицилийские морские командиры так осмелели, что готовы были к сражению.

Таким же образом преобразовал Гилипп и сухопутную армию. Он провел учения, чтобы узнать, кто служит за честь, а кто за деньги. Первых он назначил офицерами. Все, кто получил должность по знакомству или за взятку, должны были вновь подать заявление. Теперь их судьбу решали сам Гилипп и его новые командиры. Он реорганизовал армию, составив отряды не по родам, а по городским территориям. Он ставил рядом людей, которые соперничали друг с другом, и предлагал награды победителю в честном состязании. Так отряд Гельского района победил своих соперников из Андефузии. Тогда Гилипп объединил их и выставил совместно против других. С помощью таких тренировок каж-

дое подразделение приобретало уверенность в себе, а армия стала сплоченной.

Обнаружив нехватку оружия и доспехов, Гилипп приказал всем, кто имел щит и нагрудную пластину, явиться на центральную площадь. Богачи, разрядившись, продемонстрировали свои позолоченные, ослепительно блестящие доспехи. Увидев, с какой гордостью они красуются, Гилипп поставил рядом свою простую паноплию — полное вооружение тяжелого пехотинца. Все излишества были изъяты и проданы. На вырученные суммы закупили вооружение остальным.

Чтобы поднять доходы, Гилипп применил следующую стратегию. Боясь, что прямые поборы могут настроить против него аристократию, он заставил Народное собрание Сиракуз потребовать от каждого гражданина выступить в определенный день и дать полный отчет о своем состоянии. Теперь каждый собственными глазами мог увидеть, какие богатства накопили его сограждане. Привилегированным стало стыдно, что они внесли в общее дело так мало, а неимущие, которые служили честно, поднялись в общественном мнении выше богатых. Вклады полились рекой. Кавалерия получила лошадей, хранилища наполнились.

Гилипп ввел новые термины. Тяжеловооруженные пехотинцы теперь назывались *homoioi* — «равные», отряды — *lochoi*, крупные соединения — *morai*. Следуя спартанскому обычаю, Гилипп заставил весь воинский состав прекратить обедать дома или с друзьями. Отныне все трапезничают вместе, каждый в своем отряде. Таким способом воспитывался дух подразделения, и все почувствовали себя равными и едиными.

Пьянство Гилипп объявил вне закона. Он объявил, что будут преданы порке те, кто пренебрегает состоянием своей обуви. Он заявил, что большой живот и сгорбленные плечи — преступление для мужчины. Он ввел гимны осмеяния, как в Спарте, и нанял городских ребятишек, чтобы те роем ходили за неряхой и вышучивали его песенкой. Но глав-

ной реформой Гилиппа был он сам. Тот факт, что он прибыл лично, чтобы разделить участь своих товарищей и дать им все, чтобы сохранить их свободу.

Однажды утром, поздней зимой, Гилипп построил свои войска в боевой порядок. Мы поспешили сделать то же самое. Я заметил, что Лион что-то быстро записывает.

— Ты заметил, как дисциплинированно сиракузцы занимают свои места теперь, когда Гилипп перелепил их по собственному подобию?

Я посмотрел на наших союзников, что стояли рядом с нами, — афинян, аргивян, керкирян. Многие опустились на колени или на корточки, Нагрудные пластины лежат на земле, щиты опрокинуты или служат подпорками для задниц своих владельцев. Оруженосцы служат уже по второму, третьему сроку; многие их товарищи давно наняты и работают на стройке. А прямо напротив нас каждый сиракузец стоит в полном снаряжении, щит у колена, оруженосец — слева, со шлемом и кирасой, как заведено у спартанцев.

В тот день они побили нас. К концу лета их контрстена отрезала нашу. С этим надежда окружить Сиракузы рухнула. Во время ночной атаки Гилипп занял Лабдал, форт и склад на вершине Эпипол, что не только прорвало нашу осаду, но и лишило нашего казначея денег. Гилипп укрепил Эвриал — единственную уязвимую дорогу на высоты, и продолжил стену, полностью перегородив подъем на Эпиполы. Даже в море, где нашим морякам не было равных, Гилипп нацелил свой новый флот на нападение. Узнав, что сражение состоится не в открытом море, а в пределах Большой гавани, он укрепил носы и кран-балки своих трирем и выстроил их в три ряда, чтобы таранить в лоб, а не сбоку, как предпочитали умелые афиняне. Мы узнали от него новое слово — букефал, голова быка. Этими «животными» он колотил наши легкие пустотелые корабли, отгоняя нас назад, за волнорезы, к внутренней гавани. Теперь уже мы стали топить сваи для равелинов и водили драгу, чтобы поставить «ежи» и таранные орудия.

К концу осени таранные суда Гилиппа потопили или вывели из строя сорок три наших корабля, а его войска изгнали нас с Эпипол. За нами остался только Круг — форт на Сике. Сиракузский флот очень пострадал — повреждено было более семидесяти кораблей. Однако Гилипп быстро восстановил эти потери, доставив в город свежую древесину по суше и через Малую гавань, защищенную теперь контрстенной.

И вот Гилипп заблокировал нас, причем довольно прочно. Сиракузцы могли позволить себе потерять двух своих за одного нашего, два корабля, две стены. С каждым днем их позиция становилась все более сильной, поскольку все больше сицилийских городов, почуяв нашу кровь, присоединялись к своим соотечественникам.

Никий приказал оставить верхние стены. Мы потеряли возможность атаковать через город и гавань. Что еще хуже, мы лишились мельницы, которая снабжала нас хлебом. Маркитанты, вольнонаемные рабочие и многие женщины куда-то исчезли. Мы кружили, как крысы, южнее Лихорадки — болота в узком проходе гавани. И когда в другую ночь войска Гилиппа изгнали нас из Олимпия, мы потеряли и эту точку опоры.

Мой старый корабль «Пандора» все лето отгонял врага от Племирия. Противник атаковал непрерывно, так что корабль нельзя было вытащить на берег и просушить. Когда наконец он пристал для ремонта, я поднялся на борт, желая навестить старое местечко, где я, бывало, любил вздремнуть перед кран-балкой. Но когда я ступил на центральный бимс, дерево подалось как губка.

Наши корабли сгнили.

Резервы казначея были исчерпаны. Жалование не выдавалось уже три месяца, пошел четвертый. Иностранные моряки начали дезертировать, а слуги и рабы, которыми заменили их, сбегали после первой же порки.

Никий стал еще более немощным. Моральный дух людей пал до нуля. Наемные офицеры не могли больше удер-

живать своих. Теламон потерял пятую часть состава, которая перешла к противнику.

В начале второй зимы пришло письмо от Симона. Он сообщал, что бывшая жена Лиона, Теоноя, снова вышла замуж — за хорошего человека, инвалида войны. Наш кузен повидал моих детей и Эвнику — у них все хорошо, но Эвника все еще злится на меня.

«Мы получаем многочисленные сообщения о Гилиппе и ущербе, который он нам наносит. Афинам некого в этом винить, кроме самих себя. Чего они ожидали от Алкивиада? Благодарности за смертный приговор?»

Наш друг не ограничился тем, что отправил к вам Гилиппа. Он убедил спартанцев удвоить усилия против нас. Таким образом, царь Агис стоит со своей армией под нашими стенами. Уходить они не собираются. Они укрепили Декелею — еще один совет Алкивиада. Двадцать тысяч рабов уже отправлено туда. Каждую ночь уходят по триста человек. Катастрофически не хватает мастеров. Пшеница и ячмень больше не поступают по суше через остров Эвбея. Все припасы приходится переправлять морем, вокруг Суния. Буханка стоит дневное жалованье. Я отнес в ссудную кассу последний нарядный плащ. Мелеагр вычеркнул мое имя из списка всадников. Не могу его винить, ведь у меня больше нет лошади.

К вам на помощь направляется второй флот под командованием героя Демосфена. Расставшись с моей последней голубкой, чтобы задобрить вербовщика, я проник в кавалерийское подразделение безлошадников. Лошадей придется добывать уже в Сицилии. Так уверили нас командиры. Поэтому соберитесь с силами, братьцы! Я скачу (точнее, иду) спасать вас!»

Мы получили это письмо через четыре месяца после того, как оно было написано. К тому времени флот Демосфена уже достиг Керкиры. Еще десять дней — и на нашем

горизонте показались первые корабли. Еще семь — и явилась вся армада: семьдесят шесть судов, десять тысяч человек, оружие, деньги, припасы. Войска Гилиппа отошли к Жирной Заднице и Хламиде Учителя — их третьей и четвертой контрстенам. Их флот перебрался в Малую гавань и укрылся за полуостровом Ортигия.

Военная удача опять повернулась к нам. Когда свежие корабли из Афин вошли в Большую гавань, братья и товарищи вновь прибывших ринулись им навстречу. Моряки прыгали с палуб и, стоя по пояс в воде, обнимались с друзьями. Люди на берегу сбрасывали с себя одежду и плыли к кораблям, они поднимались на палубы, хватаясь за весельные отверстия. Лион и я встретили Симона на прибрежной полосе, отыскав его среди безлошадных кавалеристов. Мы обнялись и расплакались.

Две мучительные зимы минуло с того дня, как экспедиция отплыла из Афин, полная блистательных надежд; два лета тяготы и деградации прошли с тех пор, как мы видели своих любимых и братьев, узнавали новости о родном доме, имели возможность прижать к сердцу тех, кто нам дорог. Да и подкрепление не слишком к нам торопилось.

И каждый из нас, повстречавшись с друзьями и родственниками, хотел своими глазами увидеть Демосфена. Командир шел к берегу по воде, со шлемом под рукой, плащ намок и стлался за ним. Над частоколом его до хрипоты приветствовали войска. Вон он, братцы! Его лицо не желтовато-бледное, как у Никия, истомленного болезнями и заботами, но загорелое, полное силы и решимости. Он не прикажет сразу возвести алтарь и спросить богов о совете. Нет, он тотчас пошел осмотреться и оценить положение вещей. Это Демосфен, ребята! Теперь наконец у нас есть победитель, тот, кого чествовали за Этолию, Акарнанию, Залив, тот, кто пленил спартанцев при Сфактерии!

Первым же приказом Демосфен повелел выплатить нам жалованье. Днем он выложил на столы сорок тысяч новых,

только что отчеканенных монет. Вечером его речь была более краткой, чем у спартамца.

— Люди, я осмотрел эту проклятую дыру, и мне она не понравилась. Мы пришли сюда, чтобы разбить этих ублюдков. Пора начинать!

Его слова были встречены громкими ударами копий о щиты. Армия ревом выразила одобрение.

Три ночи спустя пять тысяч солдат отбили Олимпий. После этого на рассвете силами в десять тысяч сиракузцы были выбиты из гавани. Флот снова занял скалу и заблокировал город. Следующей ночной атакой мы вернули себе целую милю нашей старой стены.

Потери были огромными. За четыре дня они превзошли годовые. Но с потерями приходилось мириться, коль скоро они стали ценой победы. Да и Демосфен не позволит ослабнуть победному движению. Он собрал доспехи с убитых и раненых, превратив в тяжелую пехоту вспомогательные войска и даже поваров. Кавалерийское подразделение моего кузена оказалось среди преобразованных. Симон никогда не служил в пехоте. Такому за один вечер не научишься. Ни ему, ни его товарищам-кавалеристам не будет предоставлена роскошь легкой мишени.

Следующая атака намечалась на Эпиполы. Высоты следует отбить. Без них штурм города невозможен.

ПОРАЖЕНИЕ НА ЭПИПОЛАХ

Во вторую вахту ночи десять тысяч тяжелых пехотинцев и моряков с рационом на четыре дня (нам предстояло не только взять контрстену, но и удерживать ее), с десятью тысячами лучников и пращников для поддержки, двинулись вперед. Защищать периметр от возможной атаки флота не осталось никого, кроме моряков и обычной толпы. Демосфен считал, что рискнуть стоит. Он собрал все, что имел, и бросил это против Гиlippа. Я был уверен, что атака увенчается успехом.

Однако ужас мне внушала тревога за двоюродного брата. Он ведь не был пехотинцем, а на этих скалах случиться могло что угодно, особенно в темноте, в отряде безлошадных кавалеристов, которые не умеют сражаться в тяжелых доспехах и не приобрели надлежащей физической формы. А им предстояло карабкаться с грузом на высоты. Что еще хуже, командиру Симона, Апсефиону, которого мы оба знали по Ахарнам как слабоумного, вообразившего себя героем, удалось сделать так, что

его ребята окажутся на самом жарком участке боя — возле западного прохода через Эвриал. Там склон был самым открытым, а вражеские позиции лучше всего укреплены.

Эта «безлошадная кавалерия» под командованием Менандра будет в третьей волне нападающих. Мы с Лионом находились в первой волне, на левом фланге, позади тяжелой пехоты аргиев и мессенцев, всего тысяча сто человек с четырьмя сотнями легких пехотинцев — метателей дротиков из городов Фурии и Метапонт. В центре соберутся все афиняне, а также части эгестян и леонтийцев — отборные подразделения с собственными пельтастами и поджигателями. На правом фланге — наемники, в том числе из Аркадии, поддерживаемые двумя сотнями моряков с Керкиры в качестве копьеносцев; а затем еще один отборный афинский отряд — «Эрехтей». Связать его с нашим крылом должны четыреста андросских, наксосских и этрусских моряков, вооруженных как гоплиты. Среди них и мой собственный отряд с сотней критских лучников и пятьюдесятью метателями дротиков из Япигии. Тяжелая пехота атакует стены, непосредственно за нею пойдут лучники и пращники, стреляя через головы своих товарищей, чтобы очистить крепостной вал.

«Надводный борт», как называли мы Эпиполы, был высотой пятьсот футов. Рыхлый белый известняк порос низким дубом. С трех сторон холм был отвесным, а с четвертой, западной, он хоть и крут, но позволяет подняться. Там имеется беговая дорожка под названием Полидукей. В этом месте и расположились атакующие войска во время первой ночной вахты. Двести легковооруженных разведчиков уже начали подъем. Их задачей было отгородить фасад и обезопасить обрыв.

Ночь была жаркой и темной, как могила. Весь день войска не сомкнули глаз, были взвинчены до предела и нетерпеливы. Некоторые, наоборот, спали, боясь предстоящей ночи. Каждый нес на себе пятьдесят фунтов — щит, шлем, нагрудную пластину, метательные снаряды и солдатский

мешок, ибо приказ был — взять контрстену и построить свою собственную.

С нами были каменщики и плотники. Люди шли толпой, вытирая пот с лица, равнодушные ко всему. На остановках ложились кто куда, сунув под голову щит или просто камень, а то и устроившись на ногах соседа.

Многие сняли шлемы. Было жарко, в темноте ничего не видно. Другие скинули нагрудные пластины и наголенники. Бог Фобос постепенно вступал в свои права. Через поле можно было различить, как солдаты справляют нужду.

— Попахивает сражением,— заметил Лион.

Появился наш двоюродный брат Симон. Он увидел, как мы проходим, и отпросился повидать нас. Он был в полном облачении, на голове шлем с гребнем из конского волоса.

— Что сейчас будет?

— Мы ждем.

Я познакомил его с окружающими. Он знал Похлебку из Афин, Занозу — еще одного нашего товарища родом из Фегии, неподалеку от Марафона.

— Как это называется? — осведомился Заноза, показывая на гребень Симонова шлема.

— Аффектация, — подсказал Похлебка. Они поддразнивали Симона, сами нервно посмеиваясь.

— Это от жары или от страха? — спросил Симон.

— И то и другое.

Я избавил его от шлема.

— А ты боишься, Поммо?

— Цепенею от ужаса.

Среди записей Лиона есть такое наблюдение:

«Когда солдаты пытаются определить источник своего страха, они редко называют его истинную причину. Чаще всего это некое совершенно постороннее и даже нелепое следствие».

Наш двоюродный брат приходил в ужас от одной только мысли, что Лион и я можем сегодня погибнуть вместо него.

Это будет бесчестно, потому что он заслужил смерти — он, а не мы. Он уже клялся изменить свой образ жизни.

— Но никто не собирается умирать, — заверил его Лион.

— Правильно, — поддержал Похлебка. — Мы ведь бес-
смертны.

Когда прозвучал сигнал, я на прощание обнял кузена.

— Здесь будет жарко, ты вспотеешь. Не пей вина, понял? Только воду. Ешь при любой возможности, иначе не выдержишь. Не стыдись, если обделаешься. К рассвету нам всем придется соскабливать с задниц говно.

По цепочке прозвучала команда собраться. Все должны построиться и выровнять линию.

— С тобой все будет хорошо, Симон. И с нами тоже. А вина мы выпьем позже, за победу.

Раздался второй сигнал. Мы двинулись колонной. Даже в этот час от западной стороны скалы, которая весь день жарилась на солнце, исходило тепло. Были три дороги, каждая шириной для одного человека. Повороты здесь такие крутые, что зачехленным наконечником копья можно стукнуть чей-нибудь щит впереди. Слышны были крики, топот двухсот ног над головой. Раздалась команда прибавить шагу — словно это возможно. Мы продолжали подниматься, держась за веревки. Каждый нес на себе полный ящик с инструментами, а еще солдатский мешок, второй мешок — с арматурой, короткий меч, кинжал, копье в правой руке, воловья шкура с внутренней стороны щита, чтобы застревали железные наконечники, пара кожаных штанов, паек хлеба и вина, кожаный мешок для воды. Пот лил ручьями. Под всем этим снаряжением можно было свариться.

К тому времени как наш отряд достиг вершины, разведчики и передовые части уже выгнали врага из форта Лабдал. Мы хлынули на плоскую площадку, устраиваясь кто где.

— Шляпы снять! — крикнул командир. Мы снимали кизилловые колпачки со стальных наконечников копий —

их нацепляли, чтобы защитить наших товарищей от случайного удара.

Плоская вершина тянулась на три мили с востока на запад. Она была менее двух миль в самом узком месте. Следовало пересечь ее как можно быстрее.

— Выпить воды!

Из первых шестнадцати моряков «Пандоры» за два года мы потеряли девять — из-за болезней и в сражениях. Из десяти пришедших — еще семерых. Наши теперешние одиннадцать вошли в состав отряда этрусков, чей командир, которому хоть и было за пятьдесят, был тот еще драчун с кулаками, как якорные узлы, и ляжками, как у вола. Он мог поднять мула — так говорили, хотя я никогда этого не видел.

— Скоро прольется железный дождь, парни. Теснее ряды, тогда, может быть, уцелеете и завтра поимеете бабенку.

Строй выступил, прикрываясь щитами. Мы очень боялись форта Лабдал, но он пал, едва началась атака. Мы хлынули вперед. Земля была сырая, дорога шла в гору; встречались сухие участки и ущелья. В некотором роде это было даже хуже открытой местности. Ветки цеплялись за щиты, хворост хватал за ноги, невозможно было сохранить строй. Останавливались целые подразделения, чтобы перестроиться. Возникали бреши, заполняемые группами с флангов или с тыла. Впереди мы видели огни и слышали крики.

И вот темноту прорезал свист. Появились три разведчика, произнесли пароль — «Афина Защитница» — и были препровождены к Демосфену, чей походный командный пункт находился где-то справа от нас. Наш brave этруск бросился искать его. Пока его не было, люди жадно пили воду и поглощали пайки. Наконец он вернулся. Первая оборонительная позиция находилась впереди на расстоянии в четверть мили. Это каменное укрепление с частоколом. Были подготовлены бревна и формы для строительства стены. Противник поджег их — это пламя мы и видели. Сухое дерево горело слишком быстро. Оставшиеся бревна наши парни растащили. Но противник не уходил, он ждал. Раз-

ведчики — закаленные ребята с почерневшими лицами, на головах фетровые шапки, в руках колющее оружие и лаке-демонский серп. Они устали, были напуганы, хотели вина. А кто не хотел?

Мы с Лионом построили наши две шеренги по пять и шесть человек. Мы с ним шли впереди. Было очень жарко, пот струйками лился из-под доспехов. Слышно было, как он капает на известняк, словно собачья моча. Когда мы выжимали подшлемники, вода текла, как из губки. Один моряк хотел бросить свой шлем в канаву, но этруск схватил его за руку:

— Охота, чтоб тебе мозги вышибли?

Лион не разрешал нашим людям отвязывать нагрудные пластины. Отдыхать разрешалось лишь стоя на одном колене. Дозволялось пить вино. Мы все нуждались в нем. Теперь к нам подкрадывался страх. Когда мехи с вином передавали из рук в руки, жидкость булькала в их недрах, издавая звук, похожий на плеск воды, разбивающейся у подошвы утеса. Каждый залпом вливал в себя глоток жидкой храбрости, которой никогда не бывает достаточно. От быстроты, с какой вино вливалось в наши глотки, захватывало дух — это ощущение знакомо любому солдату. Они молились богам, перебирая амулеты, подвешенные к внутренней стороне щита, твердили заклинания.

— Что бы ни случилось, не разбегайтесь. Щит к щиту всю дорогу, до вершины.

Лион собрал возле себя наших одиннадцать солдат.

— Кто побежит, сначала пусть увидит меня мертвым.

Он хотел сказать, что после битвы сам убьет всякого, кто дезертирует.

По цепочке добралась до нас команда ускорить шаг. Я услышал, как брат рядом тяжело задышал.

— Что же ты, львенок!

— Убирайся в Тартар!

Строй молча тронулся в путь. Склон теперь был широким, местами его покрывала молодая поросль ели и фен-

хель. Наконец шеренги набрали темп, сохраняя строй. Под ногами хрустели угли. Где же неприятель? Мы уже прошли сотню ярдов. Вдруг сажа от горящей нефти взлетела в темноте и рассыпалась, в нас выстрелило пламенем.

— Вот они! — закричали наши враги.

С криками наш строй рванулся вперед, высоко поднимая щиты. Под ногами пылал огонь, трещали горячие угли и головешки. Волосы на ногах опалились. Страх заставлял прятаться за щит соседа.

— Вперед! — гаркнул Лион.

Теперь каждому пришлось надеть шлем на мокрые от пота волосы, глядя лишь сквозь узкую щель поверх своего щита. Щиты сдвинулись, готовясь встретить стремительную атаку противника. Спереди и сзади было слышно, как со звоном ударяют в щиты первые метательные снаряды. Левое плечо каждого пехотинца упирается в выемку в верхнем крае щита. Правая рука, сжимающая копье в вертикальном положении, хватает пеньковый шнур с правой стороны внутренней поверхности щита. Этот шнур нужно прикрепить двумя железными кольцами к наружному краю, чтобы не трясло. Каждая жилка в теле, от пяток до затылка, при широком шаге натягивается.

Налетел целый шквал камней и свинцовых «желудей».

— Вперед, мальчики! Это всего лишь галька!

— Смелее, парни! Пусть коленки не трясутся!

Иной раз попадешь на марше в бурю с дождем и градом и шагаешь, наклоняясь вперед и втягивая плечи. Вот так мы шли навстречу граду булыжников и свинца.

— Кто у нас смелый?

— Кто первым ударит врага?

Впереди в зареве огня появились лучники.

— Зубочистки!

Железные наконечники стрел ударили в бронзу щитов, они отскакивали от копий, поднятых над головой. Щиты передних рядов, как подушки для иголок, были утыканы древками. Наконечники копий протыкали бронзу насквозь и

застревали в дубовых рамах с внутренней стороны, толстых, как разделочная доска, и таких же непробиваемых. У ног стучали рикошеты, над головой визжали промахи.

— Не останавливаться! — громко крикнул Лион.

Теперь кричали все. Люди призывали небеса и шли под смертельный дождь.

Взошла луна. Впереди стал различим крепостной вал.

— Дротики!

Рядом со мной вдруг вскрикнул и упал лучник. Ветра не было, так что дротики летели прямо в цель, не отклоняясь. От сильного удара рухнул Лион.

— Со мной все в порядке! — И он вскочил на ноги.

Второй удар. На этот раз упал я.

— Вставай, сукин сын!

Строй — вот что самое важное. Никакие ужасы не должны разрушать строй. Никто не должен бежать. Строй — это все. Никто не должен вырваться вперед. Строй — это все. Если строй сохранен — мы живы. Если нарушен — мертвы.

— Я ненавижу его! Я ненавижу его! — орал Лион.

Враг дрогнул, прежде чем мы нанесли удар. Наш строй мигом рассыпался. Люди радостно кричали.

— Молчать! Прекратить стрелять!

Этрусск расставил нашу толпу по переднему краю для круговой обороны в ожидании контратаки. Изнеможение валило нас с ног. Слышно было, как стучат об известняк шлемы, как грохочут щиты при падении.

— Встать! Построиться в шеренги!

Первый форт мы взяли. На взятие второго потребовалось еще два часа. Мы были еле живы от жары и усталости. Из шести выбывших у нас только двое погибли от ран. Остальные — растяжение паха, подколенного сухожилия, сломанные кости, переутомление, жажда, падение в ущелье. Все принадлежности для строительства мы давно выбросили. Потом отправим за ними людей.

По рядам побежали слухи. Наши части, атаковавшие форт Круг, выбиты. Гилипп привел из города еще пять тысяч. Он удерживает контрстену, последнюю позицию, которую мы должны захватить. Правда это была или нет, но сообщение воодушевило войска. Прижать этих педиков — и Сиракузы наши. Мы выпили воду и вино и тронулись в путь.

Этот второй бастион еще не был Меловым Холмом, той серией связанных между собой редутов, которые враг возвел прошлой осенью, когда выгнал нас с высот. Это был новый, обнесенный более высокой стеной. Он стоял на пике крутого холма. Враг сосредоточил там тысячи человек. Его предстояло брать штурмом. Поле огня расчищено до двухсот ярдов. Это пространство покрыто вязанками хвороста, пропитанными смолой. По обеим сторонам — кучи терновника, чтобы оставить лишь узкий проход для нападающих — зону поражения для лучников и пращников. Все это мы подожгли. Сквозь дым светила желтая луна. Приказ был — стоять на месте, пока все преграды не сгорят. Но люди едва сдерживались, всем не терпелось броситься в бой. Они страшились укреплений Гилиппа. Дурное предчувствие зародилось из-за изматывающей усталости. Шеренги беспорядочно кидались в этот ад. Они щитами разбрасывали горящие связки, а враг сосредоточил обстрел на проходах, по которым бежали афиняне, аргивяне и их союзники.

Наш отряд был вторым от передней линии. Первая сотня ударила по стене. Фасад ее был каменным, ошестинившимся колями. Сверху противник бросал булыжники. Мы прикрыли спины щитами, как черепашьим панцирем, и хотели разобрать стену, хватаясь за камни голыми руками, но булыжники были слишком прочно скреплены. За нами шли легковооруженные войска. Слышно было, как над головой свистят их копыта и пращи. Булыжник, брошенный со стены, угодил мне прямо в спину.

— Наверх! — кричали все.

Чье-то тело повалилось на меня. Какой-то сукин сын, пронзенный нашими лучниками. Я попытался подняться — прямо так, с трупом на спине, покрытой щитом. Но этот тип ожил. Я почувствовал, как его пальцы надавили мне на глазницы, а лезвие его меча ищет мое горло. Я нахлобучил шлем, стараясь закрыть зазор между шлемом и кирасой. Ужас придал мне сил, и я поднялся на ноги. Он свалился с меня, простреленный своими же сверху.

— Лезь на стену! — послышался рядом со мной голос Лиона.

Я увидел, как он, коренастый и ловкий, карабкается наверх. Мне стало стыдно. Я начал взбираться рядом с ним. Противник принялся лить на нас горячую смолу, но мы продолжали лезть. Они отступили перед собственным пламенем. Наши копьеносцы обрушили на них копья. Когда я взобрался наконец на стену, передо мной возник человек, размахивающий резаком. Я наклонился и ударил его головой в шлеме. И мы вместе упали. На нем шлема не было. Я со всей силы ударил его по черепу. В этот момент я услышал радостные крики. Люди прыгали вниз на спины убегающих врагов. Я опустился на четвереньки на дымящийся камень.

— Лион!

— Я здесь, брат!

Мы сбросили шлемы, чтобы убедиться, что мы действительно живы. С облегчением, уставшие, мы уселись на землю. Было полнолуние. Люди все прибывали и прибывали, заполняя форт.

— Вставай, вставай!

Мы не должны поддаваться усталости — во всяком случае, пока стоит эта стена и у Гилиппа есть время укрепить ее дополнительными войсками. Уже четыре часа мы штурмуем и деремся. За ночь не стало прохладнее. Солдаты вывешивали языки, как псы.

Донесся говор аргивян. Из темноты вынырнул командир элитной Тысячи. Он замыкал строй.

— Осталось взять еще одну скалу!

Созвали офицеров. Лиона рвало, пошел я. Там был Демосфен. Его отряд выступил к форту Лабдал прежде нашего. И он, и мы были совершенно измотаны. Его командиры отправили людей поесть, но кто мог проглотить кусок хлеба без вина и воды?

Войска истощены, доложил капитан. Третья волна все еще следует за нами, она поднимается со стороны Эвриала. Следует ли остаться здесь или пропустить их вперед?

Демосфен поглядел на него так, словно он сошел с ума.

— Луна взошла. Мы сейчас же возьмем эту дыру в заднице.

Капитан сказал, что не знает, смогут ли его люди сделать это.

— Люди не указывают тебе, что можно сделать, а что нельзя! — заорал Демосфен. — Это ты говоришь им, что им делать, а чего не делать!

Но командир видел, что его офицеры пошатываются. Они выпили слишком много вина. Страх и напряжение почти прошли, но вино отяжелило кровь, словно они предавались двухлетнему пьянству, вызвало слабость в конечностях, и никакая воля не сможет ее преодолеть.

— Соберитесь, братья. — Демосфен разговаривал с офицерами, как со своими родственниками. — Я знаю, что люди обессилены. Неужели вы думаете, что меня это миновало? Но нам нужно взять форт Меловой. Другого не дано. Если сегодня мы не победим, завтра Гилипп скинет нас с высот. Тогда мы окажемся там, где начинали. И что еще хуже, враг поверит, что на свете нет ничего, что было бы ему не под силу. Но если сегодня мы возьмем этот форт, дело повернется в нашу пользу. Контрстена падет. Город будет окружен. Соберитесь, возьмите себя в руки. Мы не должны давать врагу время. Разобьем его сейчас и покончим с этим!

Но Гилипп не стал ждать нашей атаки. Оставив контрстену позади, он повел своих людей прямо на расположение афинян. Мы услышали их гимн и кинулись по мес-

там. Лион уже поднял своих моряков. Я встал в строй, и мы двинулись.

Противника было неисчислимое множество. Мы сомкнули ряды. Армии столкнулись. Началась широкомасштабная свалка, которую с трудом можно было бы назвать боем. Невозможно было даже размахнуться мечом, такая стояла теснота. Копье бесполезно, его бросают за ненадобностью. Вместо него в ход пускают щит, чтобы просто сбить противника с ног или стукнуть его коротким ударом. Любая часть тела, покрытая доспехами, заменяла оружие. Дрались коленом, ударяя врага в пах, целили локтем в горло и висок, пяткой били упавшего. В свалке человек хватался за край вражеского щита и всей своей тяжестью старался свалить его владельца. Попытались выцарапать неприятелю глаза, плюнуть ему в лицо, если удавалось собрать слюну в пересохшем рту, порвать его зубами. Сзади подошло подкрепление, тесня массу дерущихся. Враг дрогнул и побежал.

В том, что случилось потом, виноваты наши командиры, и я в том числе. Мы не смогли удержать людей. Они бросились вперед всей массой, разрывая врага, как звери. Источник их ярости, без сомнения, таился в двухлетнем безделье и разочаровании в Никии. Я считаю, многие боялись, что у них раньше времени кончатся силы. Они сражались уже пять часов без воды и пищи. Они должны прикончить врага прямо сейчас, пока еще полное изнеможение не настигло их.

Тебе случалось быть свидетелем поражения, Ясон. Обычно происходит вот что. Кавалерия гонит перед собой разбитого врага, разя его мечами или пронзая копьями. Вместе с кавалерией самые быстрые из пехотинцев настигают удирающих, валят их на землю и убивают. Раненых приканчивают на месте. Однако здесь, на высотах, у нас не было кавалерии. К этому моменту не осталось и копий. Все давно было брошено в неприятеля или сломано. Вместо этого наши войска в беспорядке набросились на убе-

гавшего в панике противника, рубя его мечами. Так человека не убивают. Рана, нанесенная по касательной, не обязательно смертельна. Она даже не всегда выводит человека из строя. Иногда она приводит раненого в такое бешенство, что даже последний трус остановится, обернется и начнет драться. А получив проникающее ранение, тот же самый человек может подставить спину стреле или праще, и его легко прикончить.

Вторая аксиома сражения вдальбливается в голову новобранца: никогда не биться с врагом один на один, но всегда на пару с кем-то и с разных сторон.

Оба эти наставления были забыты. В передних рядах стало видно, как наша пехота режет у врага подколенные сухожилия, как перерезает горло. Потом, когда эти, в самых задних рядах, упадут, наши набрасываются на следующих. А враг остается раненым, но еще способным сражаться. Кто-то поумнее притворяется мертвым, а потом, когда мимо пробежит следующая шеренга, он — живой и невредимый в тылу у наших. Строй рассыпался по всему полю. Меловой Холм, к которому теперь стремился враг, находился на расстоянии полумили. Путь к нему лежал через неровное, разбитое пространство. Наши уставшие люди рассеялись, а враг укрывался в расщелинах и среди валежника.

Продвижение афинян встретило слабое сопротивление. Раздались радостные крики, когда наши войска, хоть и в беспорядке, покатались к укреплениям, которые окружали кольцом известковую возвышенность, господствующую над контрстенной. Луна стояла за нашими плечами, впереди хорошо был виден враг, массами выходящий из полудюжины ворот. Их щиты и шлемы сверкали, как на солнце. Они выглядели подтянутыми. Гилипп решил не держать своих людей за зубчатыми стенами, на которые будут давить наши войска, восстанавливая порядок простым уплотнением рядов. Вместо этого спартанец решил встретить нас

на открытой местности. Его многочисленные, хорошо отдохнувшие люди — против нас, неорганизованных и измотанных. Все знают, как красиво это закончилось.

Мы с Лионом догнали Похлебку, Занозу и других, оставшихся от разбитых подразделений и примкнувших к нам. Мы продолжали громить врага. Тысяча аргивян с левого фланга уничтожала большое соединение сиракузцев. Мы видели форт Меловой в сотне ярдов от нас.

— Он пал! — услышал я крик аргивянина.

В этот момент человек справа начал валиться на меня. Я поймал его и удержал на ногах: закованный в латы на земле — все равно что мертвый. Затем посмотрел направо и увидел, что противник атакует нас с фланга.

Позднее мы узнали, что это были крупные воинские соединения «Кадм» — добровольцы из Беотии и «Ферпомилы» — часть из Феспий; всего две тысячи. Все прочие дрогнули, а эти держались. Как огромная скала, о которую разбиваются морские волны, они стояли и отбивали все атаки.

Я повалился на землю, опрокинутый их стремительным натиском. Как тут поднимешься, если на тебе пятьдесят фунтов снаряжения! Беотийцы прошли над нами, вонзая в лежащих острия своих копий. Один из наших попытался подлезть под меня, чтобы удар вражеского копья достался мне, а не ему. И я услышал, как удар достался моему соседу. Он пришелся прямо в носовую полость. Оттуда хлынули мозг и кровь. Я остался жив — враг прошел мимо меня. Я освободился от своего мертвого соседа. Лион вытащил меня.

При поражении можно уцелеть, если есть голова на плечах. Просто сбрасываешь с себя лишний вес, уверяешь себя, что будешь бежать быстрее и дольше, чем преследователи. Но здесь, на высотах, этот прием не годился. Темно, бездорожье. Лунные тени превращают мир в хаос. Нельзя понять, где находишься. Бежать вперед — самоубийство. Бежать назад — оказаться среди тех, кто только что тебя разгромил.

Следовало осмотреться. Но теперь нас подстерегала новая опасность — неприятель, которого наши войска обогнали при наступлении. Теперь они превратились в мясников: ходили по земле, усыпанной трупами, и перерезали горло каждому афинянину. Я был с Лионом, Похлебкой, Занозой и еще дюжиной других. Нам удалось перебраться на самый край правой стороны поля. Обрывы здесь крутые, в двести футов глубиной. Похлебка и Лион смотрели вниз.

— Попробуем?

— Ты первый.

Мы прошли по краю пропасти в поисках места, где можно спуститься. С небольшого холма мы с Лионом огляделись. Вдали шел бой.

Сняв шлемы, мы слышали гимн, пэан. Кто его пел, дорийцы или наши? Кто различит? Этот гимн знают все солдаты. Звон и грохот сражения, *othismos*, когда воюющие стороны сходятся врукопашную.

— Я бы прыгнул, — заметил Заноза.

Лион осведомился, что же стало с его желанием прославиться.

— Я потерял его несколько часов назад вместе с содержимым моего кишечника.

Мы спустились по склону. Место боя стало теперь ближе. Внизу люди бродили, как призраки.

— Афиняне?

— Проходите! — крикнул офицер. — Мы собираемся за тем холмом!

Мы пошли за ним, но потеряли ущелье из виду. В низинах стоял туман, свет стал совсем странным — луна светила прямо в глаза и ослепляла. А позади разливалась чернота. Выйдя из расселины, мы увидели несколько сотен пехоты. Офицеры пытались построить солдат и выровнять строй. Мы бросились к ним и стали искать, кому доложиться. Один солдат показал в конец строя. Кто-то что-то сказал соседу. Сиракузский выговор.

Это были не наши войска. Мы попали к противнику.

Сиракузец хлопнул меня по плечу. Симпатичный парень, высокий. Он о чем-то спрашивал меня. Лион одним махом перерезал ему горло. Он рухнул на землю. Кровь брызнула фонтаном.

Мы побежали что было сил. Я крикнул Лиону, чтобы он взял на себя руководство. Я ничего не соображал.

— Как эти педофилы сюда попали?

Мы остановились в овраге, обезумевшие от ужаса, цепляясь друг за друга, как дети.

— Мы что, пошли не в ту сторону? Как они там оказались?

Мы попытались сориентироваться по луне, но в ущелье нельзя было определить, с какой стороны льется свет. Звук! С той стороны, откуда мы только что прибежали, идут люди.

— Это они!

Трое разведчиков вскарабкались на гребень. Мы вылили на них все, что накопилось в душе.

— Афиняне! — испуганно вскрикнули они.

Мы потребовали пароль. Они забыли его. Мы, впрочем, тоже.

— Клянусь Зевсом, вы афиняне?

— Да, да!

Это были наши соотечественники. Через минуту их основные силы появились на гребне, всего человек двадцать. Мы нашли офицера. Лион рассказал о противнике, на которого мы натолкнулись здесь, на северной стороне.

— Это западная сторона.

— Не может быть, посмотрите на луну.

— Это запад, я тебе говорю!

— Тогда где же бой?

— Он закончился. Нас разбили.

— Никогда!

Мы бросились вперед, надеясь отыскать последние очаги битвы. Впереди показались еще люди. Мы быстро построились, страшась встречи с врагом.

— Афина Защитница! — крикнул их дозорный.

Вот он, пароль! Мы ответили условным сигналом. Они поспешили к нам.

— Боги! — Наш самый смелый молодой солдат с облегчением выступил вперед. — Что тут, проклятье, происходит?

Дозорный вонзил копьё ему в живот. С фланга на нас бросились еще. Мы в ужасе кинулись бежать.

Мы не знали, были ли они врагами, узнавшими наш пароль, или же это наши приняли нас за врагов. Одно желание гнало нас вперед: добраться до своих. Не имело значения, выпотрошат ли нас через минуту или оставят пожить еще; мы должны соединиться с нашими соотечественниками. Эта мысль сводила с ума.

Группы людей двигались в темноте, как призраки, то отступая, то наступая в разных направлениях. Они молчали, как и мы, каждый в ужасе шарахаясь от другого. Новый страх овладел мной. Я стал бояться, что встречу двоюродного брата и мы, приняв друг друга за врагов, прольем родственную кровь.

Когда люди прошли, я крикнул:

— Симон!

— Заткнись! — гаркнул Лион.

Но я не мог остановиться.

— Симон! Это ты?

— Ты с ума сошел?

Наконец мы выбрались на плоское место. Миля тяжелейшего перехода — и мы возле форта Лабдал, первого, который взяли наши разведчики и ударные части. Кажется, прошла целая жизнь. А миновала всего одна ночь. Везде были толпы. Мертвых и раненых уносили в тыл. Каменщики и плотники воздвигали подобие Эвриала. Десятки уцелевших в битве, вроде нас, собирались в беспорядочные кучки. Люди были объаты ужасом. Мимо пробегали какие-то солдаты, спасающиеся бегством. Отталкивая друг друга, они старались поскорее спуститься с утеса.

— Что случилось?

— Мы пропали! Все пропало!

— Стойте! — Лион бросился в поток бегущих. — Соберитесь, братья! Где ваше мужество?

При виде бегущих соотечественников мне стало так стыдно, что сила духа сама собою ожила во мне. Я встал рядом с Лионом.

— Что, очухался, Поммо?

— Да.

— Ты меня сильно напугал.

Мы остановили несколько бегущих, таких же смущенных, как и мы, и построили их рядом с собой. Я узнал одного, Кролика, — он был «щитом» и воевал вместе с Телмоном. Схватив его за руку, я увидел, что он плачет.

— Я убил человека, — рыдая, проговорил он.

— Что?

— Одного из наших. Своего.

Он был не в себе и умолял меня перерезать ему горло.

— Боги, помогите мне, я не разглядел... Я думал, что это враг.

— Забудь. Во всем виновата темнота. Займи свое место.

Он вынул меч и приставил его к подбородку.

— Иди в строй! — закричал я на него. — Кролик! Займи свое место!

Он схватил рукоять обеими руками и вонзил клинок себе в голову.

— Кролик!

Он упал, как подрезанная марионетка. Кругом так и ахнули. Мы услышали пэан противника.

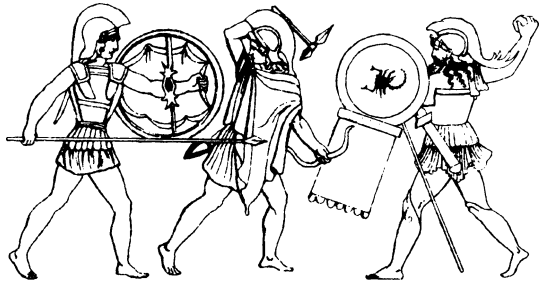
— Стойте! — крикнул Лион нашим товарищам. — Ни с места!

— Почему? — спросил один из них.

Они побежали.

Мы тоже побежали.

НЕБЕСА ОТВЕРНУЛИСЬ

Ты много раз слышал, Ясон, о лунном затмении, которое произошло через месяц после катастрофы на Эпиполах, и об ужасе, в который оно повергло флот и армию. Это случилось как раз в тот момент, когда корабли готовились принять на борт спасавшихся. Люди осуждали Никия и обвиняли войска за то, что отступили перед суеверным страхом в час их спасения, когда они наконец решились покинуть Сиракузы и отплыть домой.

О тех, кто шлет нам проклятия, скажу лишь одно: их там не было. Их там не было, они не ощущали того ужаса, который охватил нас, когда луна спрятала свой лик и лишила нас своего благословения. Я считаю себя довольно практичным человеком. И все же я тоже сильно перепугался, когда стоял на посту и глазел в небо. Это небесное знамение обезоружило меня, лишило мужества.

Со времени Эпипол наши потери составили девять тысяч. В панике многие падали с утеса. В тот первый рассвет я отправился вместе с Лионом искать нашего кузена. Многие, кто спускался с высот, заблудились в поисках

нашего лагеря. Теперь, с первыми лучами солнца, орды си-
ракузцев превращали их в фарш. У подножия утеса мерт-
вые и умирающие покрыли своими телами пространство в
несколько акров. Все это были наши. Некоторые свалились
в панике, когда у края обрыва скапливались тысячи бегу-
щих и каждый, спеша спастись, толкал другого. Многие в
отчаянии сами прыгали вниз, сорвав с себя доспехи и по-
ложившись на судьбу. Теперь на вершине утеса собрались
отличившиеся из числа противника. Они кричали, изде-
ваясь:

— Что же вы, афиняне, такие умные и не умеете летать?

-- Смотрите! — похвалялся враг, швыряя вниз отрезан-
ные руки, ноги, даже головы. — Только так вы покинете Си-
цилию!

В лагере нас ждал Теламон. Он отыскал Симона. Тот
был жив и не ранен, скорее, болен. Я упал, где стоял, и
проспал весь день. Из наших шестнадцати моряков оста-
лось четверо. Требовалось пять взводов, чтобы составить
хотя бы один. Весь день я провел возле «Пандоры» — пи-
сал письма вдовам. Носовая часть нашего корабля полно-
стью сгнила. Корабль, накренившись, лежал в ожидании
бревен для починки. Этот участок солдаты называли Со-
бачий Берег. Лагерь превратился в одну растянувшуюся
грязную яму, ужасно вонючую. Наши палатки были по-
ставлены прямо на болоте, куда загнали нас войска Гилип-
па. Пятьдесят тысяч в луже, которая не шире рыночной
площади в Афинах. При каждом шаге ноги утопают в
жиже. Я спал на двери, положенной прямо на грязь. Эту
кровать я делил с Лионом и Занозой по очереди, как вахту
на корабле. Люди называли эти койки «плотами». Свой
плот следовало стеречь, иначе его украдут.

Иностранные моряки начали убежать. Удержать их было
невозможно. Они просто дожидались темноты и исчезали.
Некоторые даже прихватывали с собой весла. Снабжение
продовольствием прекратилось, отходы не убирали. Не было

оружейников, поваров, врачей. Дважды за десять дней перебранки превращались в бунт. Единственное, что было у войск, — это деньги. Но что на них можно было купить? Ни сухого куска ткани, чтобы преклонить голову, ни чистого дерна, чтобы хорошенько очистить кишечник. Нельзя купить воды — враг перегородил ручьи, которые питали территорию лагеря, отравил единственный родник. Сотни заболели. Больничные палатки были переполнены, и число их росло. В этих адских миазмах раненым на Эпиполах становилось все хуже.

В ходу было словечко *akation* — «поднять малый парус». Ты это понимаешь, Ясон. Это передний парус триремы, единственный, который поднимают в сражении, когда вопрос стоит о жизни и смерти и надо уходить. Никто не хотел поднимать малый парус. Эпиполы настроили Демосфена против экспедиции. В его глазах Сицилия была трясиной. Мы должны вывести наших парней из этого болота или, если не удастся, по крайней мере удалиться в ту часть острова, где можно заполучить продовольствие и надлежащим образом ухаживать за больными и ранеными. Никий наконец принял решение. Он отказывался отступить без приказа афинского Народного собрания.

Однажды вечером я ужинал с моим двоюродным братом и врачом по имени Паллант. Он происходил из семьи Эвктемонидов из Кефисии. Этот Паллант был родственником Никия и лечил его от болезни почек, которая сильно того мучила. Медик обладал длинным языком. Он выложил всю правду.

— Если Никий, жаждавший победить, повезет нас домой, то будет ли благодарен ему народ? Никий знает это, поверьте мне. Те же самые офицеры, что сейчас вопят громче всех и требуют возвращения, оказавшись в Афинах, во всем обвинят его. Надо же им скрыть собственный стыд! Нашему командиру предъявят обвинение в трусости, в измене, в том, что он брал у противника взятки. Речи его об-

винителей вдохновят массы, которые начнут требовать его головы — как требовали они головы Алкивиада. Что бы ни говорили, а Никий — человек чести. Он скорее умрет здесь как солдат, чем позволит забить себя дома, как собаку.

Проходили дни. Армия не двигалась с места.

Гилипп возвратился из поездки по городам Сицилии. Он наwerbовал вторую армию, более многочисленную, чем первая. Десятитысячный лагерь возник возле Олимпия. Второй, в два раза больше, — на полуострове Ортигия. Противник больше не испытывал перед нами никакого страха. При дневном свете сицилийцы усаживались на скамьи перед нашим ограждением и распевали песни. Они дразнили нас, подзуживали, чтобы мы вышли и сразились с ними.

Наконец Никий понял, что самое мудрое решение — уйти. По лагерю пустили слух: этой ночью армию погрузят на корабли. Все возликовали. Укладывая вещи, люди не чувствовали никаких угрызений совести. Они были сдержанны и чувствовали, что небеса опять к нам стали благосклонны. Смирение и благочестие, проявленные хоть и с опозданием, все же избавили нас от окончательной гибели, уготованной нам богами. Боги смилостивились, невзирая на все святотатства нашей экспедиции, начиная с изгнания Алкивиада. Люди задавались вопросом: какое умопомешательство заставило нас оторвать от себя этого человека? Мог ли кто-нибудь поверить, что, командуй экспедицией Алкивиад, наша армия оказалась бы в таком положении? Сиракузы пали бы уже два года назад! Армия уже добралась бы до середины италийского «сапога»! Флот добился бы падения Карфагена и напал на Иберию! Но боги этого не хотели — это очевидно. Возможно, небеса наказали нас за гордыню, за то, что мы решились на экспедицию такого масштаба. Или за то, что мы напали на страну, которая ничего против нас не имела. Возможно, бессмертные прогневались на Никия за его удачу или на Алкивиада за его амбиции. Теперь это утратило всякое значение. Важно было только одно: мы возвращаемся домой.

До тех пор, пока не исчезла луна.

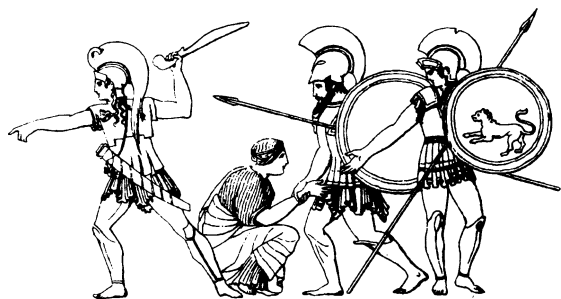
Никогда я не видел такой черной ночи, как эта. Ночное светило, погруженное в черноту, не излучало света. Нет чернее места, чем беззвездное море, нет людей, которые так были бы склонны впадать в ужас, как те, кто рискуют своей жизнью. Знамения оказались ужасны. Предсказатели прочитали их. Первая жертва, вторая, третья не были приняты. Провидцы забивали одно животное за другим в поисках благоприятного знака.

Трижды по девять дней флот должен ждать, говорили предзнаменования.

Трижды по девять дней ни один корабль не должен отплыть.

Глава XXIII

ПРОТИВ СТЕНЫ КОРАБЛЕЙ

Гилипп ударил на двадцать седьмой день. Он напал на наше заграждение силами в тридцать тысяч человек. Семьдесят шесть его кораблей атаковали наш флот в гавани. Стены выдержали, корабли — нет.

Флагманы нашей эскадры, «Клото», «Лаксис» и «Атропа», затонули. Из двенадцати человек нашего нового экипажа, кроме Лиона и меня, пятеро были убиты, четверо покалечены. Вообще мы потеряли сорок кораблей, включая шестнадцать севших на мель в соляном болоте, где люди Гилиппа зажали наших между волнорезами и уничтожили всех до последнего. Захваченные корабли теперь были направлены против нас. «Ариадну» Эвримедона потеряли возле Даскона. Враг прикрепил труп военачальника к носу корабля и прошел парадом перед нашим заграждением, клятвенно заверяя, что заставит нас позавидовать мертвым.

Это было такое же грандиозное поражение, как катастрофа на Эпиполах. Люди не выдер-

жали. Они не могли поверить, что снова разбиты наголову. И было очевидно, что худшее еще впереди. И случится оно довольно скоро.

Враг воздвигал стену из кораблей в устье гавани. Говорили, что мы будем атаковать их. Все — или ничего. Верхние стены лагеря мы оставили, была воздвигнута новая, поперечная стена по касательной к берегу. Наша территория представляла собой теперь прямоугольник со стороны меньше мили. Сплошное болото. Шестьдесят тысяч человек, включая девять с половиной тысяч раненых; сто кораблей. Последних рабов из лагеря выгнали, хотя они доказали свою стойкость и умоляли разрешить им остаться. Хлеба оставалось дней на пять. Это только для солдат и раненых.

Уже не оставалось места, чтобы похоронить умерших. Похоронные команды складывали трупы штабелями, перемежая тела корабельными бревнами, чтобы можно было видеть лица для опознания. По дорожкам между этими могильными холмами ходили братья и товарищи в поисках своих. Такие прогулки убивали душу горем, люди не могли потом ни спать, ни есть. Ни угрозы, ни уговоры не могли заставить их подчиниться приказу. Госпиталь стал таким отвратительным местом, что врачи сами просили пациентов устраиваться где-нибудь на другом участке лагеря, кто где может. Трупы погибших в море скапливались на берегу, как бревна, забивая прибрежную полосу. Тех, кого прилив не приносил к нашему частоколу, враги цепляли abordажными крюками и тащили за собой.

Мы должны прорваться или умереть. Всех, кто мог сражаться, взяли на борт. Шестое боедромиона, праздник Боедромии, день, когда Тесея победил амазонок. Сто пятнадцать трирем были спущены на воду. Двадцать две остались на берегу. У нас больше не было весел. Мы даже не пытались привести корабли в надлежащее состояние, чтобы они могли потом выйти в открытое море. Об этом мы позабо-

тимся позже. Никий произнес хорошую речь, Демосфен произнес хорошую речь. Никто не уклонялся от сражения, как делалось обычно, никто не молился, чтобы сражение отложили хотя бы на несколько часов. До наступления рассвета каждый уже стоял на своем месте. Никого не потребовалось будить. Большая часть армии, около девяти тысяч, защищала оба края лагеря. Еще одна часть обороняла волнорез, выходящий на болото Лихорадка, за которым располагались сиракузцы под началом Гермократа, сорок тысяч человек, которые двенадцать месяцев назад были обыкновенной толпой, а теперь стали отборным войском. На западе — обрыв под названием Плохие Новости, там частокол из камня и дерева. Четыре тысячи наших против двадцати тысяч противника.

Двадцать семь тысяч афинян и союзников погрузились на корабли. Одиннадцать тысяч воинов, шестнадцать тысяч — на веслах. Корабли отошли в темноте, такой непроглядной, что рулевым пришлось выводить корабли по звуку — сигналам офицера, стоящего на носу корабля, или по туманному колоколу. Этот час запомнился навсегда. Каждый сегодня будет сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы снова увидеть своих детей, жену и свою страну. Никто не сказал ни слова, не слышно было ни вздоха. Каждый сделает, что может, или умрет.

Корабли шли колонной к месту сбора, потом выстроились в линию, двадцать пять в ширину и четыре в глубину. В резерве — эскадра из десяти кораблей. Место «Пандоры» — в первом ряду, шестая слева, эскадра под началом Демосфена. Стена вражеских кораблей высилась на востоке, на расстоянии в полторы мили. Мы их не видели. Не видели даже их ламп, так было темно. Все заволокло туманом.

Началось ожидание. То бесконечное затишье, когда корабли выводятся на позицию. Взад-вперед снуют лодки, завершая подсчеты и передавая инструкции. На воде всегда холодно. Зубы стучат. На скамьях гребцы глотают хлеб,

масло, ячмень. Моряки на палубе ежатся в плащах, прячась за боковые экраны. Все молчат. Приказы передаются в двадцатый раз. Для нас жратвы не взяли — забыли.

Наконец строй двинулся. Ни одного постороннего звука, ни голоса, вообще ничего, кроме скрипа весельных уключин и плеска лопастей, погружаемых в воду. И еще отчетливый стук камней, отмеряющий ритм гребли, и одновременный выдох гребцов. «Пандора» рванулась вперед.

Небо стало светлеть. Теперь уже можно было различить наши корабли. Зрелище, которое они собой представляли, не шло ни в какое сравнение с тем блестящим парадом, когда мы отплывали от дома, уверенные в своей победе. А ведь прошло совсем немного времени. Теперь, ничем не украшенные, с облезлой краской на бортах, с эмблемами, призванными лишь отличать их от вражеских, осевшие, как баржи, наши военные суда были нагружены таким количеством вооруженных людей, что становились похожими на паромы. Шкуры и кожи прикрывали щитки на палубе, чтобы защищать от зажигательных стрел, и вдоль ватерлинии, чтобы закрыть гребцов на скамьях. Одетые в этот шутовской наряд, наши корабли казались брошенными за негодностью и дрейфующими в сторону врага по воле волн.

Как и у других, мачта «Пандоры» была оставлена на берегу. Носовые и кормовые штевни срезаны, заменены платформами с боковыми экранами. Их доски поднимались. Рулевой работал, закрытый кабинкой из дерева и шкур.

— Пусть корабль будет безобразным! — Капитан «Пандоры» Борос, шестой со времени отплытия из Афин, понукал команду, трудясь вместе с нею всю ночь. — «Пандора» должна стать воистину ящиком зла для врагов.

Впереди, где был парусный ящик (мое старое, любимое место), носовая часть была усилена бревнами, снятыми с наших погибших кораблей. Таран тройной ширины предназначался для противодействия нововведениям коринфян. Шлюпки с выносными уключинами сейчас стояли пустые, но при сближении с врагом моряки, вооруженные «кош-

ками», пересядут в эти шлюпки. Пехотинцы, сражавшиеся на палубах кораблей, располагались в средней части судна, ближе к корме, чтобы их вес высоко держал нос корабля и голова буйвола не опускалась в воду. Спереди располагался первый из трех тиглей, от которого будут зажигать стрелы и головни. Второй стоял около меня, на середине корабля, а третий — на корме, рядом с будкой рулевого.

С моего места, возле шлюпки, была видна носовая часть. «Пандора» вошла в воду уже так глубоко, что подножные скамьи трюмных гребцов намокли. Солдаты у желоба для стока вычерпывали воду без отдыха, выливая ее в бортовые отверстия для весел и едва не задевая при этом гребцов. Над головами их были проложены дополнительные палубы, чтобы выдерживать вес пехотинцев, лучников, копьеносцев, которые теперь сгрудились там. Многих тошнило.

Мы увидели противника. Его корабли возвышались впереди, как стена. Гавань превратилась в озеро. Сиракузцы воздвигли частокол, затянутый шкурами, чтобы задерживать зажигательные стрелы. Там имелись амбразуры, из которых он намеревался выводить из строя наши метательные орудия. Перед частоколом враг набросал острые брусья и бревна. Была оставлена брешь длиной метров в двести. За частоколом, в открытом море, были видны боевые корабли, свыше сорока. Они построятся в линию глубиной в три-четыре корабля, чтобы закрыть пространство для прорыва афинян. Малые суда противника, около сотни, являли собой заграждение, а с двух сторон от берега вышли еще две эскадры. Они контролировали девять десятых периметра гавани. Армия Гилиппа ждала у подножия холма. Боги, помогите кораблю и его команде, попавшим в зону их поражения.

Строй приближался со скоростью «один-два»; каждый ряд гребцов триремы отдыхал по очереди. Теперь, пройдя полмили, просвистали команду грести в три ряда, и «Пандора» рванулась на волне. На носу корабля Борос кричал

рулевым соседней по правому и левому борту. Каждый выбирал себе противника, которого будет атаковать. Наш капитан отбежал, подпрыгивая от возбуждения.

— Готовь тараны! Быстро к волнолому!

Смеясь, он кинулся на корму, к рулевому. Пришел *prostates*, командир лучников по имени Милон, которого как-то раз поймали в траве с девицей и с тех пор прозвали Розовые Щечки. Он был очень беспокойный, всегда опасался худшего и теперь пробирался по палубе зигзагами, пригнувшись и держа над головой дубовую доску, тяжелую, как он сам.

— Ожидаешь дождя, юноша? — крикнул ему Лион.

Розовые Щечки, прыгая по-лягушачьи взад-вперед, украдкой поглядывал через нос корабля, стараясь определить расстояние до противника. По его сигналу мы должны будем все вместе устремиться вперед и выстрелить, а в это время наш вес в самый критический для вражеского судна момент приведет в движение таран. Во всяком случае, таков был план. В итоге, как всегда, получился хаос.

С расстояния трехсот ярдов на нас из тумана ринулись малые суда противника. Стрелы и головни застучали по палубе. Розовые Щечки вынул острие стрелы из ноги. Спустя миг мы все были у шлюпки, выгружая все, что у нас было. Впереди встала сплошная стена кораблей. Нам ее не преодолеть. Два корабля из первого ряда нацелились на нас. Один — трирема, нос украшен обнаженным женским торсом; другой — галера, превращенная в огромную баржу. Толпа на ее палубе насчитывала человек сто. «Пандора» развернулась носом вперед, прямо ей навстречу. Трирема атаковала нас с борта. У нас на носу моряки бросали на трирему цевочные колеса. Дуги дыма перекинулись через быстро уменьшающееся расстояние. Люди бросали копья с колен, потом падали ничком, прячась за бортовые экраны, когда в ответ летели залпы противника. Обе стороны швыряли банки с веревочными ручками, полные дымящейся

серы. Сиракузцы называли такие снаряды «скорпионами», а афиняне — «привет вам». Уже три судна были охвачены пламенем.

И вот корабли столкнулись. «Пандора» с хрустом ударила в борт трирему, переделанную в грузовое судно. Но угол получился касательным, и оба корабля, сцепившись носами, закружили друг против друга. Наши моряки бросили «кошки», преодолевая пространство, разделяющее нас с врагом. Противник ответил залпом стрел и камней. Этот обстрел сорвал леера и накрыл шкурами весь такелаж. «Кошки» отлетали рикошетом, как фасоль. Те, которым удавалось впиться в древесину, противник выдергивал или обрубал топором. Одного беднягу зацепило крюком за голень, и теперь он висел, пригвожденный к мачтовой лестнице, а четверо наших моряков изо всех сил тянули веревку. Через пару минут «Две Титьки» нанесли удар в борт «Пандоры», а наш «Бесстрашный» стукнул ее в корму.

Противник пользовался булыжниками в тридцать-сорок фунтов, которые он припас на носовой части и вдоль лееров. Вперед выходили самые высокие моряки. Они бросали эти булыжники в наши боковые экраны, разбивая их в щепки.

Атакующую цепь возглавлял самый рослый из них. Ростом в шесть с половиной футов, голый по пояс, этот буйвол двинулся на наш нос, вооруженный одним только камнем фунтов в шестьдесят, который он держал перед собой, сбивая с ног наших моряков. Юноша по имени Элленор срезал ему предплечье до кости, но эта скотина развернулась с ревом и ударила моряка камнем по черепу, а затем тотчас разбила лицо другому. У него были бедра как дубы, и он пинками отправлял противников за борт.

Времени для героизма не оставалось. Я схватил двоих, Метона-Костолома и Адраста, которого называют Лохматым, и потащил их за спину чудовища. Одно копьё мы вонзили ему в печень, второе — в ногу. Лохматый разрубил ему под-

коленное сухожилие абордажным крюком. Великан, заорав, рухнул на колени. Он ни разу не обернулся, чтобы посмотреть, кто это сделал. Только поднял огромный камень и со всей силы швырнул его в днище корабля.

Камень пролетел через беспалубный отсек для гребцов, пробил бревно кильсона. Судно содрогнулось, как от удара тараном. В пробоину хлынула вода. «Пандора» стала тонуть. Теперь уже невозможно восстановить последовательность событий — все происходило так быстро и среди такого хаоса, когда человек мало что соображает, подавленный страхом за себя и своих людей. В какой-то момент некий сиракузец схватил меня за бороду и стал колотить щитом по моему шлему с такой яростью, что я почувствовал, как трещат кости черепа. В ответ я ударил его между ног и вырвался, оставив в его кулаке часть моей бороды. Я перевалился через леер и упал в шлюпку. А Лион подобрался к моему врагу сзади и отрубил ему голову, держа меч в обеих руках. Шлем вместе с головой повалился прямо мне на живот, фонтанируя кровью, стукнул, прокатился мимо мачт и исчез в море.

Еще один аспект морского сражения — бежать некуда. Каким-то образом нам удалось захватить галеру — если можно так охарактеризовать захват массы объятых пламенем сухого, прогнившего дерева, быстро идущей ко дну. Удалось нам это главным образом потому, что баржа тонула кормой и мы, двигаясь от носа, имели преимущество, сражаясь на спуске. Мы прокладывали себе путь, щитами сталкивая противника в воду.

Вторая битва, такая же страшная, как и первая, началась теперь в промежутке между горящими корпусами, когда гребцы с «Пандоры» и «Двух Титек», вынужденные покинуть корабли, сцепились врукопашную и старались утопить друг друга. Топор и абордажный крюк предпочтительней копья и пики. Сломанное весло тоже шло в ход. Моряки рубили друг друга, били дубинками, кололи кинжалами даже в воде, когда палубы уходили у них из-под

ног. К этому времени вторая и четвертая линии афинян достигли заграждения противника и атаковали его эскадрой с помощью лестниц, как наземные войска штурмуют крепость. С тонущей баржи мы перешли на «Бесстрашный». Почти сразу мы тоже полезли на эту стену.

Позже кузен рассказывал мне, как этот спектакль выглядел с берега. Раненые умоляли врачей отнести их к морю. Судьба каждого зависела от исхода сражения. Неизвестность была для них невыносима. Солдаты тоже подходили к берегу и даже входили в воду. И то же самое делали сиракузцы на своем участке, стараясь разглядеть сквозь дым открытое море и там какой-нибудь признак победы или поражения. Далеко на рейде нельзя было разглядеть стену кораблей. Только дым. Черный внизу и серый вверху, поднимаясь, он собирался в грозовые тучи, такие плотные, что казалось, будто вся небесная твердь объята пламенем. У входа в гавань разыгрывалось сражение такого масштаба и свирепости, что его можно было бы назвать эпохальным. Или бойней — кому что нравится. И все же на фоне столкновения такого количества кораблей и людей оно казалось боем второстепенного значения. На кораблях, сражавшихся на открытой воде, сообщил нам кузен, от тактики и маневра давно отказались. Суда сцепились друг с другом — по два, три, даже пять и семь — и вели сражение корпус к корпусу. Поверхность гавани казалась усеянной островами и целыми архипелагами кораблей.

Возле кораблей теснилось неисчислимое множество маленьких сиракузских суденышек — ялики, рыбацьи лодки, даже плоты, на которых находились уличные мальчишки и старики, способные бросить зажигательный снаряд или выбить палкой мозги утопающим. Можно было определить афинские корабли по тучам лодок, кружащих возле них, как стервятники. С этих суденышек протыкали лопасти рулевых весел, бросали снаряды, старались сбить весла.

Когда ход битвы переменился, люди, видевшие это с берега, сначала оцепенели. Наш двоюродный брат рассказывал, что товарищи стали обниматься от радости, увидев, что военные корабли противника обратились в бегство. Теперь всеобщее внимание обратилось на другой сектор. Там картина складывалась совершенно иная. И вот афинянами овладело отчаяние. Печальными песнями они оплакивали свою судьбу, вознося к небесам обычные жалобы, какие чаще всего звучат в подобные минуты.

Однако этой зрительской аудитории оказалось недостаточно. На холмах появились новые люди — жены и дочери сиракузцев. Они наблюдали за происходящим с зубчатых городских стен, которые выходили прямо на арену сражения. Возгласы женщин слышали их герои, сражающиеся внизу. Сиракузский корабль, смело ударивший по афинянину, вознаграждался приветственными кликами, а корабль, осажденный врагом и старающийся удрать, уходил под презрительные выкрики.

Против стены кораблей мы устояли.

Враг выстроил в ряд свыше двухсот судов, это были торговые корабли и баржи, рыбацьи шаланды и галеры, а также военные корабли. Этот строй был соединен веревками и бревнами, так что их фронт представлял собою как бы сплошной бастион, надводными бортами обращенный к атакующим. Против них устремились афинские корабли.

Этот бой отличался от всех других, какие мне только довелось пережить. Нигде на поле сражения не было видно, чтобы какой-нибудь корабль, какой-нибудь человек уклонялся от схватки. Каждая сторона была охвачена желанием получить преимущество. Афиняне — чтобы избежать уничтожения; сиракузцы и их союзники — чтобы отомстить тем, кто развязал против них войну. И еще, наверное, думали о бессмертной славе. Никто даже не пытался сберечь свою шкуру, каждый стремился превзойти другого в умении и храбрости. Ближе к полудню я упал с палубы баржи в трюм, погрузившись по грудь в воду. Похлебка вы-

тащил меня. И мы нашли безопасное место, где он принялся осматривать мою ногу, которую я, кажется, повредил.

— Глянь туда, Поммо, — показал мой товарищ, — ты когда-нибудь видел подобное?

Насколько хватало глаз, море, застланное дымом, было покрыто боевыми кораблями. С левой стороны триера протаранила одно судно в сиракузской стене. Все его три ряда гребцов яростно принялись табанить, чтобы отойти и ударить снова, а сквозь пролом летели камни, стрелы и головы — так плотно, что казалось, самый воздух состоял из железа и огня.

Когда таран афинского корабля высвободился и в пробоину стали видны внутренности вражеского судна, появилась вторая триера, устремившаяся к тому же судну. Ее таран пробил корму, подняв ее над водой. Люди врассыпную бросились с палубы. Пока поврежденное судно висело, как на шомполе, его поднятая корма своим весом заставила афинский таран зарыться носом в воду. Противники обменивались яростными залпами стрел и зажигательных снарядов. Тем временем первый корабль, отойдя назад на длину корпуса, нанес новый таранный удар. Справа три афинские галеры зацепили крюками суда, образующие стену. Моряки так перемешались между собой, что на афинских кораблях было больше сиракузцев, а на сиракузских оказывалось больше афинян. Позади атакующих находились еще три быстроходных афинских корабля. Они прошли медленно, а лучники тем временем приводили в боевое состояние паклю и смолу, чтобы стрелять ими по всей надводной длине борта. Когда горящая просмоленная пакля попадает в корабль, пламя быстро перекидывается на соседний — его разносит ветром или самими людьми. К тому времени, как солнце поднялось в зенит, в сиракузской стене кораблей было проделано с десяток проломов. Лион сказал мне позднее, что увидел, как три афинских корабля прошли бок о бок сквозь стену, ведомые «Непримиримым» Демофена, подавая сигнал «Следуй за мной».

Мы победили. И все же...

Враг все еще сжимал тиски. Городской мыс Ортигия — и Племмирий, Скала, южная часть устья гавани, между которыми стояла стена кораблей. На одном конце — пятьдесят тысяч, на другом — двадцать. Все они ринулись на стену. Туда, где стена кораблей была пробита, рванулись малые суда противника — они запечатали собою брешь. Одни лодки находились внизу, другие протягивали над связками бревен, которые еще удерживали стену. Наступил день. Мы уничтожали противника в таких количествах, что делалось непонятным, как он еще держится.

Существует характерная ошибка в таких сражениях. Ее допускают те, у кого нет военного опыта. Даже такие храбрые люди, как сиракузцы и их союзники. В Спарте это называется «плыть по течению» или «прятаться в крысиную нору». Человек, который сражается таким образом, будет стоять один на один против противника, он будет получать или наносить удары, а потом он и его враг, оба невредимые, переходят каждый к другому сопернику, чтобы приступить к новой серии поединков, и дальше, и дальше, все к новым и новым врагам. Поступать так новичка заставляет страх. Человек ищет, куда бы ему укрыться, он словно отыскивает себе «крысиную нору» среди этой бойни. В Спарте юношей, имеющих такое обыкновение, просто бьют. Их учат бороться честно — пока один из двух противников не убьет другого. Лакедемоняне называют такой бой *monopale* — «один на один». Несмотря на все инструкции Гилиппа, сиракузцы не усвоили этого правила. Теперь, на стене кораблей, начал сказываться превосходящий опыт афинян. Бой на палубе, двадцать против двадцати, сорок против сорока, *parataxis* — «равное число противников», генеральное сражение в миниатюре. Или драка под палубой, по пояс в воде, один на один. Или на стене, часто в огне, где друзья и враги зажаты на узкой полосе массовой резни. Афиняне понимали смысл такого боя. Мы имели еще одно преимущество. Обороняющиеся на море

вынуждены обязательно убивать противника. А это нелегко. Атакующим же нужно лишь все разрушить. Афинские моряки пошли на стену кораблей с огнем и топором. Корабль за кораблем получали пробоины, корпуса пылали, вдоль заграждения осели громады, обгоревшие до ватерлинии.

Я нашел Лиона и Теламона. Объединившись, мы рубили пакет из восьми бревен, связанных железными полосами, который соединял одну секцию вражеской линии с другой. Слишком обессиленные для того, чтобы работать стоя, мы с Лионом оседлали эти бревна, орудуя мечами, как мясницким ножом. Но вот показался противник. Лодки с пращниками повернули к нам от дымящегося судна. Наша группа насчитывала десять человек, среди которых я знал только Теламона, Лиона и Похлебку. Другие набрались откуда-то по одному, по двое. Я даже не знал их имен. Один, с рыжей бородой, кричал на моряков и требовал огня. Пока он вопил, свинцовый «желудь», пущенный пращником, попал ему в горло. Он упал, как мешок с камнями. Радуюсь успеху, стрелок уже размахивал над головой пращей. Я услышал сигнал опасности за спиной. Еще с десятков напали на судно, с которого мы только что перешли. Две лодки с пращниками перекрыли нам путь со стороны моря. Мы были без шлемов. От щитов мы давно отделались. Теперь мы оказались беззащитны. Свинцовые «желуди» свистели совсем близко. Теламон крикнул, что пора уходить. Мы бросились в воду. Через час мы уже находились на другом судне и рубили другую связку бревен. На каждом остался только подшлемник, тело едва прикрывали лохмотья.

А враг все наступал. Сиракузцы сотнями шли из Ортигии и со Скалы, им не было конца. Полные сил, отдохнувшие, сытые. Они не были исполосованы и побиты, у них не было сотрясения мозга. Их копья оставались целыми. Им не приходилось весь день разить или защищаться. Они не устали, как мы, обороняясь по четыре-пять часов уцелев-

шими среди мертвых. Их легкие не вдыхали дым, они не иссушены огнем, они напились свежей воды и могли потеть.

И все же даже при этом положении мы имели бы преимущество, если бы не ветер и прилив. Солнце переместилось и всем жаром обрушилось на берег. Подул бриз. И в довершение ко всему начался прилив. Существует канал под названием Быстрое Течение, он примыкает к полуострову Ортигия. Там вода, сжатая конфигурацией береговой линии и морского дна, при приливе течет с необыкновенной скоростью. И теперь враг открыл брешь в стене своих кораблей. Течение прорвалось, относя нас назад. Что еще хуже, появилось двадцать боевых триер коринфян. Они обходили нас с севера. Подгоняемые крепнувшим бризом, они напали на афинские корабли в открытом море. Атаке подвергся и «Неумолимый» Демосфена. Нас вынудили спастись бегством.

При таком сильном ветре наши гребцы не могли работать. Изнемогающие от усталости, они «ловили леща», ломая весла соседей. Ветер переворачивал лопасти и мешал движению. Приливная волна еще больше осложняла задачу. Те корабли, которым удавалось идти носом к ветру, оказались уязвимыми для атаки с фланга внезапно появившихся коринфян. Теперь сиракузцы в один голос кричали, что боги вняли их молитвам, послав этот штормовой ветер. Я находился на «Аристее», сменив за этот день пятый или шестой корабль. Ее командир приказал развернуться и протаранить одного из приближающихся коринфян. «Аристея» буквально пятилась, настолько сильным был встречный ветер. Коринфянин легко произвел маневр и зашел с борта. Гребцы наружного борта гребли, а внутреннего — табанили, чтобы протаранить нас как раз по центру. Коринфянину мешал ветер, дувший теперь с траверза, и ему удалось нанести лишь скользкий удар по носу «Аристее», но и этого оказалось достаточно, чтобы образо-

валась пробоина, куда могли бы войти мужчина и мальчик, стоя рядом. Море хлынуло внутрь корабля. До берега оставалась одна миля.

Гребцы работали с отчаянием побежденных, зная, что победители не оставят в живых никого. Они слышали, как люди Гилиппа на берегу жаждут крови. Мы стонали, руки и ноги у нас тряслись, как у парализованных. Корабль зашел в тень, отбрасываемую Эпиполами. Было холодно, как утром. Прилив продолжался. Вода уже покрыла сотни ярдов берега.

«Аристея» налетела на частокол. Корабли, раздавленные при бегстве, выбили колья из общей линии или пробили себе корпуса, налетев на бревна. Теперь солдаты морской пехоты и моряки собрались сотнями, чтобы восстановить линию фронта. Лион и Похлебка трудились вместе с остальными. У меня не было ни оружия, ни обуви. Почему только они должны быть такими благородными? Я закричал и бросился им помогать. Тело мое было выжато, как тряпка. И все были такими же. Мы чувствовали близость смерти.

Я видел, как корабли Коринфа и Сиракуз наваливаются на наши укрепления, похожие на огромных хищных птиц. Они приближались. Это было словно во сне. Боги! Они были великолепны! Нырятьщики копошились в воде рядом со мной, стараясь захватить плавающие бревна цепью, которая связывала два утопленных заградительных «ежа». Вес тянул плавучую массу вниз. Люди старались добросить конец веревки до пехотинцев на платформе, но сил им не хватало. Веревка снова и снова шлепалась в воду. Два вражеских корабля направились прямо на нашу брешь. Они приближались так быстро, что первые стрелы их *toxotai*, морских лучников, уже падали в воду рядом с нами. С берега нам на помощь кинулись люди. После ужасных усилий цепь наконец попала в паз и туго натянулась.

С ходу первый вражеский корабль бросился на частокол. Я видел Похлебку, застрявшего в толпе. Наконечник стрелы попал ему в горло. Спасаясь, мы с Лионом нырну-

ли. Мы слышали, как подводные колья вонзились в корпус вражеского корабля, а зубы «ежа» разорвали его брюхо. И все же коринфяне продолжали грести, стремясь проделать брешь, через которую могут пройти другие корабли, несущие огонь и смерть афинянам, потрепанным и разбитым за баррикадой.

Настал самый безумный рукопашный бой за весь день. Афиняне, как муравьи, набросились на пронзенного коринфянина. Мертвые ковром устилали водную поверхность. Наши поднимались на борт, хватаясь голыми руками за весла, подтягиваясь за закрытые шкурами весельные отверстия, а морские пехотинцы врага кидали в ответ копья с палубы и метали в нас зажженную паклю. Мы собирали еще горящие стрелы и отправляли их обратно противнику. Коринфянин тонул, став частью хрупкого бастиона, который еще охранял нас. По ту сторону заграждения еще дюжина боевых кораблей борт к борту стояла в тени. Их лучники бросали в нас абордажные крюки, а их гребцы распевали торжествующие гимны.

Я нашел Лиона в груде тел, плавающих в воде. Похлебка был мертв. Занозу еще раньше зарубили топором. Волны, такие слабые, что едва ли могли сбить с ног малого ребенка, валили нас на колени. Нам приходилось ползти, опираясь о локти и дрожа.

Из этого месива нас вытащил Симон. Он дал нам вина, закутал меня в свой плащ. Другие обернули плащом Лиона и растерли его тело, чтобы разогнать кровь. Со всех сторон неслись отчаянные крики. Огорчение более остро ощущали те, кто в этот день не мог сражаться,— наземные части и раненые, которым оставалось лишь смотреть, не сделав ни одного удара. Я оглядел прибрежную полосу. Так, наверное, выглядит ад.

Несколько моряков трудились, пытаясь вернуть своего товарища к жизни. Но надежды не было. Наконец сдался последний из них. Наступила ночь. По другую сторону поля боя расположились боевые корабли противника. Сира-

кузцы закалывали наших моряков, остававшихся в воде, и кричали нам, что и мы не протянем долго. Лишь несколько моряков, в том числе Лион и Симон, пустыми глазами смотрели на эту трагическую картину.

— Ты видел его там? — с ужасом произнес один. — Он был на тех кораблях, среди врага.

— Он был там, когда они разгромили нас, он командовал ими.

— Никому перед ним не устоять.

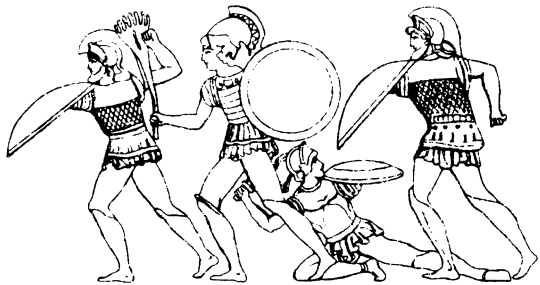
Что за ерунда? Кого они там увидели в волнах — Посейдона или самого Зевса?

— Да о ком вы говорите? — резко спросил я. — Какой призрак вам привиделся, сумасшедшие?

Моряк повернулся и поглядел на меня так, словно сумасшедшим был я.

— Алкивиад, — объявил он. — Мы видели Алкивиада.

РЕЗУЛЬТАТ ПОРАЖЕНИЯ

Позднее, в каменоломнях, кто-то из наших спросил у надзирателя: правда ли, что в том сражении в гавани присутствовал Алкивиад?

Охранник рассмеялся ему в лицо.

— Вы бы, афиняне, придумали что-нибудь получше! Все поверить не можете, что вас побил не один из ваших?

На Сицилии существует преступление, которое не греки называют *demortificare*. Это означает — дать повод кому-то испытать стыд или знать о подобном душевном страдании и ничего не предпринять для его облегчения. Среди некоторых сиракузцев это считается проступком страшнее убийства. Убийство они полагают актом страсти или оскорбленной чести — таким образом, оно осуществляется с согласия богов и прощается ими. *Demortificare* — совсем другое дело. Однажды я был свидетелем, как мальчик, один из наших, работавших в прачечной, был избит своим отцом до потери сознания только за то, что позволил своей двоюродной сестре сидеть в одиночестве во время танцев.

Сиракузцы ненавидели нас по тысяче причин; но больше всего — за то, что мы сдались

им. Лион заметил это, когда нас клеймили. Теперь, не имея возможности записывать, он наблюдал и запоминал разные детали для своей historia. Иногда он рассказывал о ней товарищам, чтобы не совсем пали духом.

Сиракузцы могли оправдать нас за то, что мы напали на них. Они стерпели даже грабежи и убийства. Но они никогда не простят нас за стыд, который они испытали.

Ты — благородный человек, Ясон, ты воин и философ. Я верю, что это так. Знаешь, почему я выбрал тебя в качестве моего защитника? Не потому, что я верю, будто ты сможешь мне помочь. Никто не может. Моя могила уже выкопана. Я возложил эту задачу на тебя из эгоизма. Я хотел тебя увидеть. Я восхищался тобой еще со времен Потидеи. Наверное, тебя удивит, когда ты узнаешь, что я следил за твоей карьерой — насколько это можно сделать на том расстоянии, которое пролегло между мною и городом, где я родился. Я знаю о смерти — или убийстве — твоих дорогих сыновей от рук Тридцати. Знаю, как погибла семья твоей второй жены. Мне известно об опасности, которой подвергли себя ты и твой сын, защищая перед Народным собранием молодого Перикла. Я читал твою речь, и она мне очень понравилась.

И все же я льщу себя мыслью, что делю с таким человеком, как ты, если не честь, то понимание. Вот мое преступление. Признавая его, я притащу на скамью подсудимых всю Грецию. Да, чтобы спасти свою шкуру, я оставил моих товарищей — и на поле боя, и в сердце моем. Однако вниманем в суть сказанного. Я отказался не только от моих братьев, но и от самого себя. Чтобы спасти себя, я от себя отрекся.

Всякий порок возникает в теле. Этому учит твой учитель Сократ, не так ли?

Помнишь, что говорил Агафон, когда готовил речь Паламеда, сам состоя под судом, который грозил ему смертью?

«До какой степени человек ассоциирует представление о себе со своим телом, до такой степени он будет негодяем. Если он ассоциирует себя только с душой, он богоподобен».

Но кто из нас поступает так? Да твой учитель. За это люди его и ненавидят, потому что признать его благородство означает вместе с тем признать и собственную низость, а этого они никогда не сделают. Они ненавидят его так, как огонь ненавидит воду, как зло ненавидит добро.

Мы, отказавшиеся от своих соотечественников, отрекшиеся от собственной благородной природы, мы, кого долгая и жестокая война вынудила к этому поступку, — от кого мы отреклись на самом деле, все вместе и каждый в отдельности? От кого еще, кроме самих себя?

От кого же, как не от Алкивиада! И не один раз, а трижды. Афины оттолкнули его, когда он склонялся перед ними, предлагая им все, что имел. Но что заставило Афины возненавидеть его еще больше? То, что он не согласился признать себя виновным. Движимый своей гордой натурой, в которой он признавался и себе, и своей родине, Алкивиад продемонстрировал нам эту правду своей души: то, что мы изгнали, возвращается, дабы отомстить за себя.

Удивительно, что Афины осыпают бранью, как никого, этих двоих: самого благоразумного из людей, твоего учителя, и самого отчаянного, его друга. И обоих — по одной и той же причине. Каждый из них — один лампадой мудрости, другой факелом славы — осветил то зеркало, где афиняне могли увидеть собственные души. Души, от которых они отказались.

Однако я отвлекся. Возвратимся к Большой гавани, к поражению и его результатам.

Со смертью Похлебки и Занозы «Пандора» потеряла всех своих моряков первого состава, кроме меня и Лиона. После Япигии из наших четырнадцати от ран погибли Метон, прозванный Костоломом, Терей, прозванный Черепом, Адраст Лохматый, Колофон Рыжебородый и Мнемонид. От болезни умерли Агнон Малыш, Страт, Марот и Диагор. Дезертировали Феодект и Милон-пятиборец. Об офицере судят по количеству солдат, которых он живыми возвра-

щает домой; что ж, список моряков с «Пандоры» говорит сам за себя. В свою защиту я могу сказать лишь следующее: никому из командиров не удалось добиться лучшего. Из шестидесяти тысяч свободных граждан, добровольцев из зависимых государств и мобилизованных, включая оба флота, домой вернулись меньше тысячи. И все добирались своим ходом, перенеся ужасные испытания.

Судьба моих людей — это моя вина. Еще мальчиком я был взращен в повиновении, и привычка к послушанию только усилилась годами наемной службы. Я получил слишком суровое, слишком спартанское воспитание, чтобы перекладывать собственную вину на афинян. Особенно на тех неимущих бродяг, которые составили основу последнего набора морских экипажей. Смелостью и инициативой они обладали в избытке. Они были рождены для борьбы и споров, над ними не имел власти никто, кроме них самих. Они были как кошки, стремительные, энергичные, неукротимые. Непобедимые, когда события идут их путем, и неуправляемые, если с неба льет дерьмо. Ни я, ни Лион не могли вдохновить их на подвиг. Это тот тип воина, кто под началом дальновидного и смелого командира послушно идет от успеха к успеху. Однако если они вынуждены в течение длительного времени претерпевать неприятности — не обязательно поражения, просто задержки и бездействие, — то их храбрость и предприимчивость, которые при других обстоятельствах принесли бы им славу, оборачиваются против них же и они начинают грызть себя, как крыса в клетке.

Из наблюдений Лиона:

«Солдат не должен обладать большим воображением. В случае победы оно воспламеняет его амбиции, при поражении усиливает страхи. Храбрый солдат с воображением недолго останется храбрым».

Афинские солдаты и моряки побеждали так часто, что не знали, что такое терпеть поражение. Крах лишил их

мужества, подобно тому как неожиданный решающий удар лишает мужества борца, который прежде всегда только побеждал. Я никогда не видел людей, которые так бросали бы свое оружие и доспехи. Наши сограждане — неугомонные люди, им быстро все надоедает. Они не обладают воинским терпением, да и не стремятся воспитывать в себе это качество. В Спарте так высоко ценят послушание, что человек послушный там считается богоподобным. Для афинян же это равноценно отсутствию видения или нехватке отваги. Одержав победу, они пренебрегают своими офицерами, а при поражении открыто бунтуют. Невозможно было вбить им в головы, что слушаться и отдавать приказы — это две стороны одной монеты. Те одаренные полководцы, которые отдают приказы, для своих подчиненных являются примером таких качеств, как выдержка, стойкость, выносливость (для этих юношей все это ничего не значило). Настоящий стратег должен обладать правом налагать на подчиненных наказания, что в условиях демократии неприемлемо. Лучшее, что можно сказать, воздавая честь этим мертвым, — это то, что они погибли, пока мы еще побеждали. Через две ночи после поражения в Большой гавани армия собралась и ушла — сорок тысяч человек, которые еще могли ходить, — в поисках какого-нибудь места на острове, где можно еще биться за выживание. Больных и раненых оставили умирать.

Мой двоюродный брат не хотел бросать их. Я стал отговаривать его. Ночь стояла темная, но можно было видеть тени покалеченных и изуродованных, хромавших и ползущих к тому месту, где строились их товарищи, готовые уйти. Они умоляли не оставлять их. Меня еще можно тащить, умолял один безногий. Волочите меня, как мешок, пожалуйста! Они обещали по возвращении домой отплатить золотом, отдать все, чем владели их отцы. Они взывали о помощи во имя богов, во имя сыновней почтительности к старшим, во имя юношеской дружбы, клятв, испытаний, через которые мы прошли вместе.

Приказ трогаться. Больные навязывали здоровым свои сокровища — пронеси меня хоть милую, друг! А здоровые оставляли им все, чем владели. Если сможешь — купи себе жизнь, приятель. Отчаяние овладело всеми — теми, кто умолял взять их, и теми, кто им отказывал. Я просил Симона пойти с нами. Какая польза в том, если он останется здесь умирать? Ослабевшие окружили его, уговаривая его уйти. Иди и возьми меня с собой! Другие упрасивали Лиона и Теламона о том же. Вдруг один юноша, пошатываясь, вышел из толпы. Это был Розовые Щечки, офицер с «Пандоры». Он схватил меня за плащ:

— Друг, я могу идти, хоть и хромаю. Умоляю, подай мне руку!

За два года кампании я никогда не позволял себе испытывать ужас или ярость. Но теперь я не выдержал. Я стряхнул с себя руку этого просителя, проклиная и его, и всех больных и увечных. Почему вы все не умрете и не покончите с этим! Я молил Симона не расточать свою жизнь на тех, кто уже был мертв. Он ответил тем, что попросил благословить его. Я обозвал его дураком, заслуживающим Тартара. Он дал мне пощечину.

— Благослови меня!

— Убирайся в Тартар!

Мой брат догнал меня. Мы обняли нашего кузена, не сдерживая слез.

— Проследи за тем, чтобы мой сын получил образование, а у дочери было приданое.

Симон вложил мне в руку свои кольца и талисман из слоновой кости, который получил за пение на празднике Apaturia.

— За «Поворот дороги», — сказал он, имея в виду Ахарны и наш семейный склеп.

Дорога за ограждением пролегала через болото. Неприятель удерживал его на протяжении всего морского сражения, но сейчас путь был свободен. Люди повеселели, ускорили шаг.

— Он нас боится, — сказал кто-то, имея в виду Гилиппа.

Сиракузцы находились за стенами своего города. Они праздновали победу. Слышны были цимбалы и барабаны.

Мы должны соединиться с союзными сицилийцами, потом необходимо идти в Катану, это двадцать миль на север. Окружной путь. Мы не посмели обходить Эпиполы. Нам предстояло идти вверх по каменному склону, чтобы выбраться из гавани. Армии полагается идти квадратом, поместив гражданских в центр. Однако лагерные жены разбредались кто куда в поисках мужей. Рядом с нами шагали Береника, подруга Лиона, и ее сестра Герса. Шли мы очень медленно. Строй растекался по обе стороны дороги. Каждый раз, когда армия подходила к стене, скапливалась толпа и все останавливались.

Перед рассветом нас догнали вражеские разведчики. Они были верхом. Мы слышали, как они перекликаются в тумане. К ночи вся их армия нападет на нас. Теперь женщинам следовало уйти. Лион на ходу расстался с Береникой, положив ей в мешок пакет своих записей и все деньги, какие у него были. Другие желали друг другу удачи при расставании. А были и такие, кто не прочь заняться на прощание любовью. Тебе приходилось видеть такие картины: пары, сцепившись, валяются в грязи или трудятся, прислонясь к деревьям.

Возле дороги рос каменный дуб. Кто-то повесил здесь *kypridion* — полоски шерсти, перевязанные особым узлом, знак Афродиты-невесты, который женщины прикрепляют на счастье к притолоке в комнате новобрачных. Кто мог оставить этот талисман на кровавом дереве, чьи цветы содержат алый пигмент, которым красят военные плащи Спарты и Сиракуз? Она теперь была нашей невестой, эта девушка по имени Смерть.

В полдень колонна достигла первой реки. Сиракузцы, должно быть, прокляли ее, а может быть, просто отвели ее русло. Она была сухой. Мы узнали об этом за несколько миль, от кавалеристов противника, которые поджигали под-

лесок по обе стороны от нашей колонны. Они кричали также, что наш лагерь в их руках. Раненые и те, кто за ними ухаживал, убиты до последнего человека. Вне себя от горя я опустился на обочину и, должно быть, оставался там очень долго, потому что Лион и я снова расстались со своим отрядом — уже третьим или четвертым за время отступления.

— Вставай! — тянул меня брат. — Поммо! Нам нельзя отставать от колонны.

Дорога шла через подлесок. Вражеская кавалерия запалила его, все застилало дымом.

— Вот почему Гилипп открыл ворота! — воскликнул один солдат у нас за спиной. — Зачем атаковать нас за стенами, когда он может просто загнать нас сюда, где жажда сведет нас с ума?

Наконец показался всадник. Наши люди копали в сухом русле колодцы в поисках подземного потока.

— Почему вы остановились? — крикнул он. — Быстрее идите вверх по течению! Там, где противник, — там вода!

Всадник сообщил мнение нашего военачальника: кустарник слишком плотный, а дальше может быть еще хуже.

— За два дня я ни капли из себя не выжал, приятель. Что может быть хуже?

Конница напала на нас, когда мы вышли на равнину. Их было немного, потому что главные силы неприятеля ушли вперед, чтобы преградить нам путь. Колонна продолжала двигаться, как это обычно делают большие формирования на марше, — то растягиваясь, то сжимаясь. Мы приблизились к какому-то хозяйству, где была ключевая вода. На этом участке до нас уже побывала тысяча людей. Тем не менее мы брали пропитанную влагой глину и, держа комок над открытым ртом, старались выжать из него хоть несколько капель, как сок из граната.

Ко второй реке колонна подошла уже ночью. В колодцах стояла грязная жижа. Но все равно каждый набрал по чашке. И мы продолжили путь.

Люди самовольно уходили в кусты, по двое, по трое. Нас догнал Теламон. Время сменить флаг. Как мы — не хотим присоединиться к нему? Лион ответил, что наш флаг — Афины.

— Уважаю, друзья. Но пошла она, ваша страна, знаете куда?

Мы рассмеялись. Он пожал нам руки. Он не любил долгих прощаний.

Два рассвета спустя наша колонна достигла широкого плато. Несколько оврагов прорезало ее с юга на запад. Обхода не было. Противник удерживал высоты. Мы должны преодолеть это, иначе никогда не увидим Катану. Мы с Лионом попали в отряд под командованием словоохотливого капитана, чьего имени так никогда и не узнали. По всему было видно, что его любят. К полудню мы подошли к краю оврага. Люди стали подниматься наверх — и умирали. И ничего поделывать было нельзя. Наш отряд отошел за спешно сооруженное ограждение. Наступала наша очередь идти вверх.

Позади нас растянулась колонна. Сиракузская кавалерия наскакивала на нее в сотнях мест. На много миль ничего не было видно, только вздымаемая лошадьми пыль над кустарником. Под нашими ногами была потрескавшаяся глина. Мы должны найти воду или умрем. Лион определил зону поражения за нашим ограждением, куда дождем сыпались вражеские стрелы и камни.

— Иди, встань туда — и решишь все свои проблемы.

Дважды наш отряд поднимался на холм. Проход сузился до ширины повозки. Противник запечатал его стеной. За нею нас ждали солдаты — строй в двадцать человек в ширину и сто в глубину. Еще тысячи воинов покрывали склоны утеса. Они кидали в нас копья и камни. После полудня они позволили атакующим приблизиться к стене, где наши невольно сбились в толпу. И тогда сиракузцы начали стрелять. Каждый вал атакующих получал свою порцию. Ко-

гда убитых и раненых накапливалось достаточно, отряд откатывал назад, а на его место приходил другой. Дорога получила название Кровавая Река, хотя это название было неправильным: никакой реки, вся жидкость сразу уходила в засохшую грязь. Открытые врагу, мы, как ящерицы, прижимались к камням или приседали за любым укрытием, мы прятались в щелях, а в нас все летели камни и стрелы. Видны были щиты упавших — большие груды, оттащенные назад их товарищами или скатившиеся вниз сами по себе. Их дубовые рамы были разбиты в щепки, надписи и эмблемы исчезли под слоем крови и пыли.

Дорогу в гору покрыли борозды глубиной до икры, искрошили подошвы и колени штурмующих отрядов, эту землю просолили мочой и потом, а потом вновь умяли спинами и пятками, когда другие, поднявшиеся, чтобы заменить павших, скидывали их трупы вниз. Наши отряды штурмовали этот холм весь день. И следующий день. Мы научились ломать вражеские копья, которые те в нас бросали, потому что каждый раз, когда мы отступали, враг подбирал их и снова бросал. Людей повергали в ужас даже не сами пики и не вероятное попадание, а звук летящего копья. Но камни и булыжники были еще хуже.

К нам приблизился один офицер, который набирал добровольцев. Он сообщил, что Гилипп с пятью тысячами напал на задние ряды колонны. Он воздвигает другую стену, чтобы запереть нас и вырезать до последнего. Лион и я сразу вызвались. Все, что угодно, лишь бы вырваться из адского ущелья.

В конце колонны наши десять тысяч атаковали пять тысяч Гилиппа. К ночи враг отступил. У него кончились снаряды и камни. Один из отрядов взял стену. Люди хватили оставленные врагом мешки, но воды нигде не нашли. Нашему отряду и еще двум другим приказали остаться, чтобы похоронить мертвых и укрепить периметр лагеря на ночь. Мы забрались на стену, грязные, как из ада, и стали

смотреть на усталые, отходящие назад соединения. С нашей выгодной позиции мы видели вражескую кавалерию и поднятую ею пыль. Численность конников определить было невозможно. Дальше, за равниной, клубилось еще одно облако пыли — это колонны пехотинцев, приходивших с севера и востока, сотня тысяч, две сотни тысяч. Они собирались там, чтобы убивать.

Армию мучила жажда. Проклинали Никия и Демосфена, да и Алкивиада тоже. Его даже больше, потому что он отказался от нас. Я тоже ненавидел его — за нашего кузена, за всех погибших, но больше всего за то, что его не было здесь, чтобы сохранить нас.

Дважды верхом приезжал Никий. Следует отдать ему должное. Хотя его мучила болезнь, он, казалось, не ведал усталости и разъезжал по всему строю, не думая о хворях. Я слышал его на пятый день, через час после наступления темноты. Две тысячи солдат окружали его.

— Братья и товарищи, долго говорить некогда. У нас нет воды, поэтому очень тяжело и нам, и животным, которые несут наше снаряжение. Сегодня ночью мы разворачиваемся и уходим к морю. На пути к Геле есть реки побольше этой, противник не сможет перекрыть их. Будьте стойкими, друзья мои, будьте решительными. Знайте: сорок тысяч нашей армии — это не только грозная сила; это целый город, больший, чем любой другой на Сицилии, кроме Сиракуз. Мы можем пойти в любом направлении, мы можем выгнать жителей любого города и остаться на их месте. Мы отыщем воду и пищу. Мы выстроим корабли и доберемся до дома. Помните об этом и не падайте духом. А что касается вынужденных отступлений — не теряйте мужества. Судьба не всегда будет безразлична к нам. Даже самые суровые из бессмертных должны быть тронуты нашими бедствиями. Ответственность за решения, которые поставили нас в такое критическое положение, я беру на себя. Вы ни в чем не виноваты. Ваш боевой дух всегда

оставался на высоте, однако упрямство богов и дурное командование свело на нет все ваши старания.

Лион внимательно смотрел на слушавших. Как он сказал позднее, его поразила та сосредоточенность, с которой солдаты внимали речи стратега. Они напомнили моему брату театральным зрителям. Сейчас, казалось Лиону, они оценивали Никию, как оценивали бы актера, и классифицировали его как инертного, медлительного и второсортного. На лицах слушателей было написано: да, Никий — благочестивый, храбрый, даже благородный. Но одного в нем нет: он — не Алкивиад. Да и Демосфен тоже, несмотря на всю его храбрость и умение. В каком бы отчаянном положении ни находилась сейчас армия, мог ли кто-нибудь сомневаться в том, что Алкивиад — будь он нашим командиром — сумел бы найти достойный выход? Никий был прав в одном: даже сейчас наша армия представляла собой грозную силу. И все же мы были побеждены и сознавали это. И тем более я ненавижу Алкивиада. Никто не мог заменить его. Наши сердца были разбиты.

— И последнее, друзья мои, помните: вы — афиняне, аргивяне и ионийцы, сыновья героев и сами герои. В этой войне вы покрыли себя славой и, если позволит судьба, добьетесь еще большего. Помните ваших отцов и то мужество, с которым они переносили беды. Сплотитесь, братья. С помощью небес и нашими усилиями мы вынесем все, лишь бы снова увидеть наши дома и семьи, которые мы любим.

Пришел приказ зажечь как можно больше огней. Факелы запалили и раздали по колонне. К рассвету мы достигли дороги на Гелу — как раз того места, откуда мы начали путь. Но теперь мы быстро двинемся на юг, отыщем речку и пойдем в глубь острова, чтобы описать круг и снова попытаться добраться до Катаны.

Два следующих дня сиракузская кавалерия совершала набеги на колонну. А у нас не было ни лошадей, ни лучни-

ков. Оставалось только терпеть. Враг атаковал отрядами в пятьдесят и сто человек. Мы могли бы выставить вдвое больше людей, но так обессилели, что еле передвигали ноги. А неприятель метал в нас залп за залпом. Сначала самые молодые из нас пытались отбивать атаки, подрезая ноги лошадей или протыкая им животы копьями. Но пеший — легкая мишень. Сходятся два-три всадника, и, если человек упал, его загаптывают или пронзают копьями. Приходилось спасаться бегством. С каждой вражеской атакой падали еще двое-трое. Сломанная рука, проткнутое бедро, сотрясение мозга. Здоровым приходилось нести раненых. Сильные тащили слабых. А когда слабели и эти, их несли другие. Офицер хотел набрать ослов из обоза, чтобы создать нечто вроде кавалерии. Но животные так были ослаблены и напуганы, что с ними было не совладать. Мы прошли мимо убитого мула. Томимые жаждой солдаты слизывали с него кровь.

Теперь колонна вышла на открытое пространство. Здесь не было никакого спасения от солнца. Тело уже не способно потеть, кожа поджаривается. Среди солдат на марше это называется «одуреть от солнца». Колонна тащилась с трудом — процессия обреченных. Перед глазами возникали миражи. Кто-то громко выкрикивал имена своих детей, а его товарищи, не обращая внимания, продолжали тащиться вперед. Наконец кто-нибудь, не в силах больше выносить, прикрикнет на кликушу, чтобы тот заткнулся, и он очнется, как ото сна, и даже не поймет, что только что громко кричал. Пытались запеть что-нибудь «солененькое», чтобы взбодрить товарищей, но даже до второго куплета не доходило. Грызли веточки, клали под язык камушки.

— Опять идут!

Новая атака, новая волна ужаса, уносящая еще больше сил. Как следствие — еще трое раненых, еще трое, кого надо нести.

Теперь уже никто не жаждал командования Алквиада. Теперь его ненавидели за его отсутствие. Это он на-

слал на нас кару, виной всему его гордыня. Он, который противопоставил себя государству, он, который останется жить и процветать, отправив в ад нас, своих братьев! Боги, сохраните меня, кричал человек небесам, спасите меня, чтобы я мог увидеть, как он расплатится за все! Позвольте мне жить хотя бы до тех пор, пока я не увижу его мертвым.

Два дня спустя, сходя с ума от жажды, наша колонна дошла до реки Ассинар. Мы находились в задних рядах и рассказ о случившемся услышали потом.

Противник не перекрыл эту реку. Вместо этого он занял противоположный берег колонной в две тысячи в ширину и десять тысяч в глубину, с пятитысячной кавалерией на флангах. Они колоколом окружали нашу колонну, пока она приближалась. Сиракузские лучники и копьеносцы стояли впереди, на расстоянии менее сотни футов. Они начали стрелять, когда мы находились еще на расстоянии двухсот футов от реки. Никий и командиры пытались удержать людей, но солдаты вбегали в реку под стрелы. Они умирали, продолжая отталкивать друг друга за глоток воды. Тысячи падали в воду. Многие убегали, а их настигали, чтобы потом превратить в рабов. С тыла отряды Демосфена настигла колонна в пятьдесят тысяч — те самые солдаты, которых мы видели еще с холма. Нас разбили в пух и прах. Из Большой гавани выступило сорок тысяч, а осталось меньше шести.

На следующее утро Никий сдался. Еще через две ночи мы уже были в каменоломне. Вот как они клеймили нас. У них было четыре загона, как на овечьей ферме. Нас подводили шеренгами. В конце каждого загона имелась стойка с зажимом, которым удерживали голову. Я слышал, как человек с клеймом инструктирует ученика:

— Это же не буйвол, парень! Это человеческая кожа, а не шкура коровы. Аккуратно, как будто целуешь любимую... вот так!

Я помню, как встал на ноги и начал искать глазами что-нибудь блестящее, чтобы посмотреть на себя и клеймо — Q, коппа. Но зеркало было необязательно — одного взгляда на товарищей достаточно.

В каменоломнях надежда на лучшее слаба. Многие рассуждали, что, поскольку сиракузцы не убили нас, они, в конце концов, должны заставить нас работать или продать. Другие надеялись на выкуп. Лион поставил себе задачей пресекать подобные разговоры, поскольку чувствовал, что они только деморализуют нас еще больше. Мы должны настроиться на то, чтобы умереть как мужчины. Те, кого мы оставили в Большой гавани, напомнил он, уже сделали это.

В каменоломне скопилось шестьдесят восемь тысяч, все афиняне, аргивяне и свободные союзники. Пятнадцать тысяч были убиты на дорогах. Тысяч пять взяли для продажи в рабство. Из оставшихся тринадцати — наемников, механиков, обозников — огромное количество было уже уничтожено. Остальных продали.

Каменоломня была известковая — печально знаменитые *sprelaion*, карстовые пещеры, которые раскалывают склон утеса. Остальные выходят на поверхность, их глубина достигает тридцати футов, а кое-где — более ста. Участок непосредственно примыкал к городу и находился рядом с Теменитом, где был храм Аполлона. Наши надзиратели спускали нас по лестницам, которые затем убирали. Когда человек умирал, его не хоронили. Трупы собирали в кучи, издающие невыносимую вонь. Тех, кого хотели наказать, а иногда просто для смеха, тащили наверх за ноги. Несчастный прикрывал затылок локтями, потому что при этом голова стучала о камни.

Дневной рацион — чашка зерна, сырая похлебка и немного воды в бочках, слишком громоздких даже для двух человек, так что удержать их было трудно. Их нарочно спускали на веревках в таких местах, где стена была круче, чтобы те, кто принимал воду, рисковали жизнью. Над-

смотрщики имели обыкновение мочиться в воду. У нас не прекращался понос. Нас называли «пони» — из-за лошадиного клейма на лбу. В первый же день нас переписали по отрядам. Мы должны были проходить перекличку по восемь раз в день. Вставали мы до рассвета, присесть не могли дотемна. Пойманного забивали камнями или же на веревках поднимали наверх, чтобы «покататься на пони». Возвратившиеся после подобных забав долго не жили.

Сиракузцы решили сломить наш дух и ликвидировать всех офицеров. Тех командиров, которых они опознавали, поднимали к краю ямы и подвергали пыткам — так, чтобы товарищи внизу могли слышать. Пытки выдерживали два-три дня. Таким способом узнавали имена других офицеров, которых потом так же зверски терзали. Мертвых сбрасывали обратно вниз. В тех, кто пытался оказать им честь и похоронить тела, стреляли. Расправа продолжалась до тех пор, пока не извели всех командиров, кроме некоторых младших офицеров.

Однако это был еще не конец. По незнанию или просто по злобе наши надзиратели объявили, что трое офицеров еще не сдались. Они приказали этим троим признаться. Подразумевалось, что, не дождавшись признания, они станут безжалостно убивать людей наугад.

Однако вперед сразу же вышли трое. Это были Пифодор, сын Ликофрона из Анафлиста, Никагор, сын Мнесикла с Паллены, и Филон, сын Филоксена из Оа. Памятник этим трем героям стоит на склоне, напротив Элевсина. Когда сиракузцы связали их и потащили наверх ногами вперед, мы запели гимн Победе:

С истины покров срывающая,
В тяжких трудах рожденная,
Долгожданная Ника, дочь радости,
Хвалу воспеваем тебе.
Непреклоннейшая из бессмертных,
Будь милосердна к храброму,
К тому, благая, ты склонись,
Кто отважен душой.

Этот гимн вызвал такие чувства, что казалось, они вещественно заполнили собою всю огромную чашу каменоломни, как будто были жидкостью. Эхом отзывалось, отражаясь от стен:

Дочь Громовержца переменчивая,
Вступая в твои владения,
Тебе, Сияющая, или гибели
Мы вверим нашу судьбу.

Конец лета на Сицилии — это дни обжигающей жары и ночи жгучего холода. Нам не разрешалось иметь постель или разжигать огонь. Наша каменоломня была открыта всем стихиям. У многих не зажили раны, другие страдали от болезней. Из-за резких перепадов температуры люди совсем ослабели. Наступило состояние, называемое *arhydrosis*, при котором из-за недостатка воды перестают функционировать органы. Мозг засыхает, прекращается выделение мочи, ухудшается зрение. Отнимаются руки и ноги.

Из города стали приводить экскурсии. Дети в сопровождении педагогов приходили посмотреть на тех, кто приплыл, чтобы поработить их. На побежденных их храбрыми отцами. Пленных поднимали наверх, и дети молотками выбивали у них зубы. Каждую ночь в каменоломнях умирали десятками. И все же такова природа человека — любое место, даже ад, со временем становится его домом. Люди привыкают ко всему. Холм становится Пниксом, впадина — театром. У нас в каменоломне были рыночная площадь, гимнасий Ликея, Акрополь и Академия. С помощью такой воображаемой географии все приобретало определенность. Люди собирались на рыночной площади. Потом шли в гимнасий. Чтобы время проходило быстрее, мы учили один другого. Кто-то, например кузнечный мастер, открывал соседу премудрости своего ремесла. Другой делился своими познаниями в столярном деле, математике, музыке. Лион преподавал кулачный бой. Показывать приемы он не мог — это привлекло бы внимание часовых. Поэтому он шепотом

читал лекции ученикам, жарясь, как и они, под палящим солнцем.

Они все-таки поймали одного учителя — хормейстера — и отрезали ему язык. Это сильно помешало преподаванию. Но отчаяние не могло быть вечным.

Лион возобновил занятия. Он учил гимнастике и изометрии, показывал упражнения для концентрации, для тренировки выносливости. Он рассказывал об основных соках человеческого организма, например о крови и насыщении тканей, о состоянии, в котором должен поддерживать себя атлет, чтобы выработать выносливость, необходимую для участия в Играх. Для этого можно использовать ходьбу, греблю, бег на длинные дистанции. Ландшафт при беге — это то, что тренеры называют «территория боли».

— Мальчиком мне говорили, что там, в этом тайном месте, обитает молчаливая богиня. Ты узнаешь это место, когда боль станет невыносимой. Имя богини — Победа. Посмотрите вокруг, братья. Сейчас мы находимся именно в таком месте. И эта богиня сейчас с вами. Даже здесь, друзья мои, мы можем вверить себя ей, и она поднимет нас на своих крыльях.

Кто-то донес на него. Мы так и не узнали, кто это сделал. Сиракузцы на веревках подняли Лиона наверх и пытали его три дня. Я никогда не скажу, что они с ним делали. Скажу только, что настоящий ужас наступил потом.

Они спустили его вниз. Я оставался с ним всю ночь. Другие пытались согреть его телами. Через пять дней он снова решил учить, но никто не пришел.

— Тогда я буду преподавать воздуху!

И он учил воздух. Я приблизился к нему и сел. Это единственный поступок в моей жизни, которым я горжусь. Другие тоже подошли, зная, что этим они подписывают смертный приговор — ему и себе.

Сиракузцы снова подняли Лиона наверх. Когда они спустили его к нам, я был уверен, что он мертв, и прижал его к

груди. Наши товарищи принесли все тряпье, какое могли собрать. В какой-то момент после полуночи он шевельнулся.

— Сколько неприятностей причиняет это тело. Было бы легче отделаться от него.

Он проспал час, потом вдруг сразу проснулся.

— Ты должен продолжить мою историю, Поммо. Ты — единственный, кому я доверяю.

Я заснул, так и не выпустив его из объятий. Когда я проснулся, он уже остыл.

Мальчишками мы со своими друзьями играли в шары на том поле, которое называется Аспид, за стенами города, по соседству с храмом Афины, покровительницы моряков. Ты знаешь это место, Ясон? На Транспортной дороге есть уклон, где возчики набирают скорость, чтобы въехать на подъем западнее ворот. Мне было тогда девять лет, а Лиону — шесть. Он очень просил нас взять его в игру. Вдруг мяч полетел в сторону дороги. Лион побежал за ним. С другого конца поля я смотрел, как он бежит. В отличие от других мальчиков, которые в подобных случаях несутся сломя голову, он отлично понимал, куда бежит. Просто он не знал, что такое страх. Он стрелой вылетел на дорогу как раз перед повозкой, ее массивные дубовые колеса громыхали на спуске. Я бросился через поле и выхватил его из-под колес. Под ругань возчика я поставил брата на ноги и сильно ударил его, излив на его голову поток страшной брани — за то, что он напугал меня до смерти. Когда в тот вечер отец спросил его о происхождении синяка под глазом, он меня не выдал. Тем не менее меня выпороли, и еще раз — на следующий день вечером, когда с невинных губ моего братца слетела блестящая копия моей тирады в его адрес. Но здесь, в каменоломне, я не мог спасти Лиона от его мужества.

Я похоронил его, как сумел, в самом глубоком месте того участка, где обитала богиня. Его скорбная песнь не нуж-

далась в многословии. Достаточно перечисления его подвигов. Он был самым храбрым солдатом и самым замечательным человеком, какого я знал.

На следующее утро я услышал, как выкликают мое имя. Меня за ноги вытащили наверх. Как ни стыдно признаваться, но смерть все еще страшила меня. Но больше всего меня огорчало то, что я не смогу отомстить Алкивиаду.

— Боги, не допустите, чтобы я назвал имена.

Чья-то рука выволокла меня на край ямы. Землю усыпали сотни человеческих зубов. Мухи тучами вились над пятнами крови или отрубленными пальцами рук и ног. Я видел скамьи, к которым были привязаны несколько человек. У них были распороты животы, но они еще жили. Рядом стояли грубо сколоченные столы, где были разложены орудия пыток — как у хирурга. Я узнал большие ножи и костоломы; назначение других инструментов я даже предположить не мог. Далее стояли столбы для экзекуций, сейчас они пустовали. Они были черны, и вокруг вились мухи. И известняк у их подножия весь был черен от крови. Позади белели палатки и каменный круг, на котором обедали охранники, а сбоку имелась небольшая площадка, где людей забивали, как скот, и где куры и голуби находили себе пищу. Страшное соседство людей и птиц показалось мне поразительной нелепостью, и я громко рассмеялся.

Охранник сильно ударил меня по почкам и толкнул вперед. Другие потребовали назвать мое имя. Приходилось повторить его несколько раз, пока они искали в списке.

— Полемид, сын Николая из Ахарн, да?

— Да.

— Сын Николая?

— Да.

— Из Ахарн?

— Да.

— Это тот самый человек. Я его забираю.

Последние слова произнес кто-то незнакомый. Я повернулся на голос и увидел юношу крепкого сложения со шрамом земляничного цвета, следом копья на спине и лакедемонским серпом у бедра. Он был оруженосцем у спартанцев. Он протянул мне деревянную чашу, на дне которой плескалось немного вина, и ячменную корку.

— Не пей сразу, не то умрешь. Макай в вино хлеб.

Мне развязали руки, с ног сняли кандалы.

— Кто ты? — спросил я юношу.

— Ешь, — приказал он.

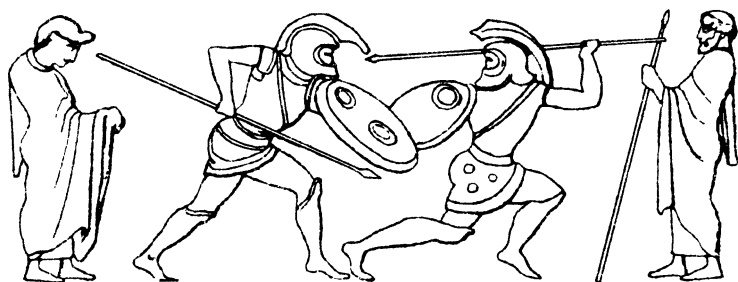
Я всмотрелся в его лицо. Я был уверен, что видел его раньше, но вспомнить не мог. Юноша безучастно осматривал меня, оценивая, сколько сил во мне еще осталось и что от меня можно потребовать.

— Я служу полемарху Лисандру, — произнес он наконец. — Милосердием богов ты освобождаешься и будешь сопровождать меня в Спарту.

Книга пятая

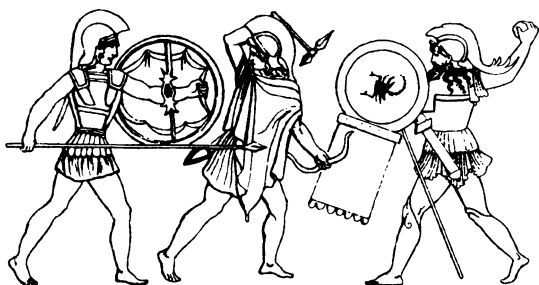

АЛКИВИАД
В СПАРТЕ

Глава XXV

СОЛДАТ ЗИМОЙ

Только через полгода я попал в Лакедемон. Дважды мое здоровье ухудшалось — на подходе к Регию и на пути из Киллены. Я должен был поселиться в усадьбе Эндия на севере долины реки Эврот.

Всю зиму я провалялся в постели с жалованием в кулаке, как говорят лакедемоняне. Кожа на груди стала тонкой, как папирус, из зеркала на меня смотрел скелет. С острова Сицилия ноги мои привезли двадцать семь незаживающих ран — уколы, подсечки, содранная кожа. Ребра были переломаны в десяти местах. Когда мне сбрили волосы, чтобы обмыть щелоком рану на голове, показалось багровое пятно. Кожа отслаивалась с головы, как луковичная кожура. Мне было велено есть и спать, есть и спать. Мои благодетели, пожилые люди — владельцы этой земли, поселили меня в бывшей комнате своего сына.

Днем я лежал на солнце, во дворе, выходящем на южную сторону, а вечерами — у огня, закутанный в необъятный плащ сельского жителя. Там была собака по кличке Кикер. Когда силы немного вернулись ко мне, я гу-

лял по зимним холмам с этим псом. Я привязывал его к посоху, и он тянул меня, помогая идти.

Ночи были длинными. Мне часто снились сны. Я чувствовал себя старым — древним, как Крон. Перед моим взором проходили тени, и одной такой тенью был я сам. Я видел отца и сестру, Лиона и Симона, мою жену и ребенка. С ними я разговаривал всю ночь. Эти разговоры были настолько содержательными, что должны были бы навсегда изменить мою душу. И все же стоило проснуться, как они рассеивались, словно призрачный дым. Я ничего не мог удержать в памяти. Ночная тьма и солнечный свет были для меня равноценны. Видения вторгались в мой разум самочинно, и даже самый ясный день не мог их развеять. Я снова видел раненых в Большой гавани и умирающих, которых мы бросили, когда войско уходило. Я устало тащился в колонне к Ассинару. Сотни ночей я просыпался в ужасе и снова сталкивался с одним и тем же обвинением: я остался жить, когда другие погибли. По чьей милости я задержался на этой земле, когда столько людей — и большинство их лучше меня — навсегда укрыты могилой?

Однажды в полночь передо мной возник Алкивиад. Его явление было таким реальным! Я видел даже фибулу в виде волчьего клыка, которой он был награжден за Потидею. Я был уверен, что он пришел ко мне во плоти. Мне уже сказали, что это он, а не Лисандр способствовал моему освобождению. Я не поблагодарил его, наоборот, осыпал бранью:

— Почему ты спас меня? Почему меня, а не моего брата?

— Твой брат не приехал бы в Спарту.

Истина этих слов резанула меня, словно бритвой по животу. Я хотел наброситься на моего мучителя, задушить его, чтобы он больше не мог произнести ни звука. Но мои руки не слушались меня. Сердце мое пронзила такая боль, что я не мог пошевелиться.

— Мне нужен кто-то, — произнес Алкивиад, — кто прошел через те же ворота, что и я.

При дневном свете я мог оправдать мою трусость и даже смягчить ее. Но ночью меня покрыл холодный пот, словно я был в суде. Я видел себя во Фреаттоне в Пирее, где тот, кого обвиняют в убийстве, совершенном за морем, должен защищать себя, стоя в лодке, поскольку законы запрещают ногам, запятнанным чужой кровью, ступать на землю Аттики. Во сне я хотел принести жертву, но жрецы всегда отвергали мое приношение. Всю ночь напролет я сам убивал жертвенных животных и читал в их сердцах проклятия. Я не растерял страха перед небесами — напротив, я стал одержим ими. Я как будто оказался на пустынной земле, через которую проходят одинаково и смертные и боги, где они смешиваются и где, как утверждает Кратер, обитают живые и мертвые, не рожденные и те, кто скоро должен умереть.

Горькую там разделяют они меж собою трапезу,
Песни печальные вместе поют за общим столом.

Одна только память о детях, казалось, могла быть якорем моего спасения. Я вызывал в памяти их лица и цеплялся за эти образы, как потерпевший крушение на море хватается за обломок мачты. Но я не имел на это никакого права. Какое наследство я им оставляю? Я не смогу оставить им даже имя. Меня позвала война, и я пошел. А теперь меня тошнит от войны.

Усадьба, где я набирался сил, была тем, что они называют «пожизненная аренда». Вольноотпущенник и его жена выращивали груши. Я следил за привоями, теплицами. С какой мучительной остротой отзывались в моем сердце эти мирные домашние хлопоты! Я больше не хотел, чтобы меня будил звук трубы. Я хотел просыпаться от пения жаворонка, мне нужно было слышать звон детского смеха. Пусть кто-нибудь другой займет мое место в строю и прокричит во время переключки «Здесь!». Из моих тридцати восьми лет девятнадцать прошли на войне. Хватит.

Каждый день увеличивал мой долг Спарте и Лисандру. Мог ли я бежать? Но куда? Дыхания моего едва хватало, чтобы задуть свечу. Чтобы вернуться на постели, мне приходилось помогать себе обеими руками. Лисандр все равно найдет меня. Меня выследят его агенты, которые за плату отыщут свою жертву даже у ворот ада.

Той весной я увидел Алкивиада. Он выступал на открытом собрании перед царями, эфорами, Корпусом Равных. Гилипп со славой возвратился из Сиракуз. Подсчитали потери, понесенные Афинами. Моя родина и ее союзники лишились двадцати девяти тысяч воинов, двухсот отличных боевых кораблей, бесчисленного множества торговых и транспортных судов. Дань в талантах золотом была определена в четыре тысячи. Это должно было опустошить казну государства. Но более губительным для духа афинского народа было то, что грандиозная экспедиция потерпела полное поражение. Все корабли, все войско, все вооружение.

Алкивиад начал:

— Граждане Спарты, вы потребовали, чтобы сегодня я рассказал вам о состоянии дел и дал совет на дальнейшее. Вы желали, чтобы я выступил перед этими высокими людьми. Подчиняюсь, хотя повод для выступления не доставляет мне радости. Мои соотечественники потерпели злополучное поражение. Люди, которых я знал и любил, погибли. Большая часть вины за их испытания лежит на мне. Совет, который я вам дал, способствовал их разгрому.

Спартанский Акрополь назывался Высокий город. Он был таким невысоким, что дети называли его «Город по колено». Но там невероятная акустика. При своей скромности он имеет довольно величественный вид. Корпус Равных, почти восемь тысяч человек, собрался в полном составе. Были делегации от нескольких иностранных государств, в том числе и от Афин. Еще десять-пятнадцать тысяч спартанцев более низкого статуса гражданства и даже маль-

чишки и женщины расположились на склоне, обращенном к полям для игр и храму Артемиды. Каждую фразу говорящего глашатаи передавали по цепочке.

Прошло две зимы с тех пор, как я в последний раз видел Алкивиада. Как и раньше, красота этого человека меня поразила. Он уже приближался к сорока годам. В его медных кудрях появились серебряные нити. Но это не уменьшило его привлекательности — наоборот, придавало ему еще больше внушительности. Подобающая случаю скромность была достигнута с помощью простого спартанского платья. Он смотрел на воинов и атлетов, которые окружали его, сохраняя пристойную сдержанность. Ни один народ не может по красоте сравниться со спартамцами. Простое питание, строгая система управления, самый воздух и вода их страны неиспорченных нравов — все это сделало их прекрасными образцами гармонического физического развития. Всегда можно найти в толпе дюжину несравненных атлетов с идеальными чертами лица и великолепным сложением. И все же если перевести взгляд с них на Алкивиада — все равно что сначала посмотреть на луну, а потом на солнце. Он превосходил их всех.

— Я благодарен вам, спартамцы. Когда вы предоставили убежище мне, беглецу из своей страны, приговоренному к смерти, я обещал себе и вам: я буду говорить правду, и пусть небеса решают, станете ли вы меня слушать. Я не питал иллюзий насчет того, что нравлюсь вам или что вы будете терпеть мое присутствие, если оно повредит вашим интересам. Что касается вреда, который мой совет нанес Афинам, то я оправдываю себя тем, что это больше не моя родина. Афины, которые я некогда любил, теперь изменились. Это не тот город, которому я клялся в верности. Против этих новых Афин я, не колеблясь, направлю свои усилия. Но я не упомянул об одном. Тот полис, напасть на который я подстрекал вас и ваших союзников, — это не абстракция, это живые люди, которые проливали реальную

кровь и умирали реальной смертью. Вы, люди Спарты, предъявили мне суровое требование. Я должен опять дать вам совет, как уничтожить моих соотечественников. Однако я связал свою судьбу с вашей. Поэтому — да будет так. То, что я сейчас вам скажу, это лучшее, что способен изобрести мой ум. Прежде всего, не слишком радуйтесь той катастрофе, в которую вы ввергли ваших противников. Медведица становится особенно опасной, когда заперта в клетку. Афины потеряли флот. Два, если угодно. Но Афины все равно остаются самой могущественной морской державой в Греции. Характер же Афин таков, что они непременно воскресят былую мощь, причем быстро и любыми средствами. Сейчас, по вашей просьбе, я буду говорить о том, что вы должны делать, чтобы победить вашего соперника. Но сначала — зная ваше пристрастие к спорам — я прошу прощения за отступление. Ибо способ, который я предлагаю, беспрецедентен. Ваша первая реакция на него будет отрицательной. Вы сразу же захотите отвергнуть его. Но подумайте вот о чем, спартанцы. Тот образ жизни, который вы ведете, был хорош когда-то. Когда Ликург ввел свои законы, это было так давно, что теперь никто уже не может сказать, кем он был, человеком или богом. Никакое другое государство даже помыслить не могло о чем-либо подобном законам Ликурга. Кто слышал о таких вещах: запретить деньги и казнить тех, у кого они есть; отменить все различия по рождению или состоянию и объявить всех людей равными; запретить рискованные предприятия за границей и препятствовать проникновению в страну иностранных обычаев; запретить все виды занятий, кроме войны; и бесчисленное множество других правил, включая запрет на косметику для ваших женщин. Все эти меры Ликург ввел, а вы приняли, чтобы превратить Спарту в непобедимую машину войны. Это было беспрецедентно, друзья мои. И это отвечало духу времени. Ваши предки считали Ликурга гением и следовали его закону. Вот что

принесло вам успех. Точно так же, когда во времена наших дедов возникла персидская угроза, ваши цари Клеомен и Леонид проявили дальновидность и ввели новые методы ведения войны. Они заставили разрозненные города Греции заключить союз и отразить натиск внешнего врага. Более того, вы вооружили илотов и позволили им сражаться рядом с вами. Их численность даже превосходила вашу! И это тоже содействовало успеху. А теперь, если вы хотите победить Афины и завершить эту войну, вам следует призвать на помощь весь свой ум и измениться еще раз. Вы должны создать империю и ввести в оборот деньги. Вы должны научиться пользоваться тем и другим и не презирать ни то, ни другое.

При этих словах собрание взорвалось. Яростный вой заставил Алкивиада прикусить язык. Спартиаты кричали, что империя — это деградация, что иноземный образ жизни унижает их достоинство, а алчность ведет ко всеобщей коррупции. Коммерция порождает соперничество между гражданами, а корыстолюбие заставляя людей домогаться богатства вместо того, чтобы воспитывать в себе добродетели. Протесты были такими яростными, что на миг показалось: сейчас оратор пострадает. Наконец не без помощи магистратов волнения стихли.

— Деньги сами по себе не зло, — возобновил речь Алкивиад. — Но, как меч или копье — а вы умеете пользоваться мечом и копьем и не относитесь к ним пренебрежительно! — деньги могут нести добро или зло в зависимости от применения. Во время войны деньги — это оружие. Но поскольку вы так яростно восстаете против них, позвольте предложить вам вот что: пользуйтесь ими только за морем. Не разрешайте пускать их в оборот у себя дома. Но пользоваться деньгами вы должны, а для этого я даю вам второй совет. Вы должны стать морской державой. Вам нужен флот. Не несколько лоханок для любителей, которыми вы обладаете теперь, а первоклассный флот, способ-

ный бросить вызов Афинам в той стихии, которую они считают своей. Я не предлагаю вам отказаться от щита и копья и сесть на скамьи гребцов. Вы скорее отрубите себе правую руку, чем согласитесь на такое. Но вы можете научиться сражаться на палубах кораблей. Вы можете командовать.

Второе предложение Алкивиада тоже было встречено с возмущением, но яростных криков оказалось меньше. Слышался лишь приглушенный шум. Высказывались опасения, что, став морской державой, Спарта ослабит систему правления, возвысит ничтожных и поощрит их требовать себе равенства с теми, кто выше их по положению. Иметь флот — значит получить демократию, а этого спартанское общество не допустит никогда.

Алкивиад вновь подождал, пока шум утихнет.

— Подчиненные Афинам города-государства уже обращались к вам, граждане Спарты, умоляя помочь им скинуть имперское ярмо. Теперь время пришло. Афины пошатнулись под бременем сиракузской катастрофы. Но как вы можете помочь этим потенциальным мятежникам против афинского господства? Ведь это островные государства и города Малой Азии! Ваша армия не может отправиться туда вплавь. Вам потребуется для этого флот. Помните: каждое зависимое от Афин государство, которое вы вовлечете в бунт, призовет других, ибо все они, боясь репрессий в случае провала, будут искать союзников, чтобы те разделили с ними риск. А каждый отделившийся полис уменьшает дань, получаемую Афинами, и обедняет их казну. Незыблемо: пока Афины господствуют на море, победить их нельзя. Однако очевидно и противоположное. Уничтожь флот Афин — и ты уничтожишь Афины. Теперь я перехожу к третьему, и последнему, совету. И этот совет вы отвергнете с еще большей яростью, чем предыдущие два. Поэтому можете кричать. Но признайте неизбежность того, что я предлагаю. Ибо без осуществления этого третьего совета первые два становятся спорными. Вы должны вес-

ти переговоры с варварами. Вам следует вступить в союз с персами.

К моему удивлению — да и к удивлению самого Алкивиада, судя по выражению его лица, — этот последний совет не вызвал ожидаемого шторма. Реакцией слушателей стало оцепенение, если не молчаливое согласие. Всем пришлось признать, хоть и не явно, что такая политика была эффективной многие годы, осуществляемая тайно и довольно неуклюже.

— Только Персия обладает богатством, достаточным для того, чтобы купить корабли вместе с командами, — корабли, которые побьют Афины. Вы, спартанцы, должны подавить в себе гордыню и добиться этого союза. И не так, как вы делаете это сейчас, с презрением и неприязнью, — нет, искренне и честно. Вы должны найти в своей среде людей, которые смогут выполнить эту задачу и которых варвары не смогут перехитрить, ибо коварство персов широко известно. Не отстраняйте своих греческих союзников, которые называют вас, как вы сами утверждаете, «освободителями Греции».

Союз с мидийцами, сразу же объяснил Алкивиад, не означает, что следует забираться в постель в персидской пижаме. Им следует пользоваться до тех пор, пока это на руку Спарте; как только это обернется против ее интересов, от союза можно будет отказаться.

— Как бы ни претил мой совет вам, сыновьям Леонида, чей героизм спас Грецию от мидийского ига, исторически он неизбежен. У Персии есть золото. Великий Царь боится Афин. Его казна оплатит корабли, которые принесут вам победу. Единственное, что потребуется, — это ваше желание командовать флотом.

Алкивиад остановился. Он ни разу не взглянул на афинских представителей, хотя, конечно, понимал чудовищность того, что только что произнес. Он в точности определил курс, следуя которому спартанцы унижат его народ. Вот что он сделал. Его слушателей охватил почти благоговей-

ный ужас. То, что предлагал Алкивиад, было предательством такого масштаба, что само его озвучание вызывало ужас и жалость, словно мы присутствовали при постановке великой трагедии в театре. Никогда я так не боялся кары небесной, как в тот момент. Я повернулся к Алкивиаду, стараясь разглядеть на его лице хотя бы малейший признак этого страха. Ничего. Изгнанник занял территорию, на которую никто, кроме него, ступить не смел.

— Вы потребовали дать вам совет, граждане Спарты, и я дал вам его.

Мне припоминаются два обмена мнениями, произошедшие в тот день. Первый — сразу после речи Алкивиада. Изгнанник сошел с возвышения и начал пробираться сквозь толпу, когда его путь преградил воин по имени Калликратид. Позднее он необыкновенно отличился в том самом деле, которое сейчас проклинал. Признавая выгодность предложенного Алкивиадом предприятия, он спросил соотечественников, может ли быть их целью победа любой ценой.

— Что станет с нами, братья, когда мы, следуя этой программе бесчестья, с победой поднимемся на афинский Акрополь? Какими людьми мы станем, заключая союз с тиранами, чтобы поработить свободных людей? Наш гость научился одеваться, как мы, говорить, как мы. Но говорят, что хамелеон может менять окраску на любой цвет, кроме белого. — Он повернулся к Алкивиаду. — Что же это за новый тип государства? Во что ты хочешь превратить Спарту, Алкивиад? Я назову это одним словом: Афины!

Раздались крики одобрения. Калликратид продолжал:

— Приняв твой совет, не превратимся ли мы в жадных афинян? Не станем ли мы хвалиться, что в свою очередь поработим всю Грецию? И кто будет править этими псевдо-Афинами, которые ты нам предлагаешь? Этой демократией?

Он с презрением указал на Лисандра, Эндия и нескольких их спутников, чьей поддержкой, несомненно, заручился Алкивиад. Те молчали, предоставляя отвечать своему сообщнику.

— Понимаю. Я ждал от тебя этого, Калликратид. На твоём месте я мог бы сказать то же самое. Но пойми вот что. То, что я предложил, я предложил не ради собственной выгоды, ибо что я с этого буду иметь? Я просто дал совет другу для его же пользы. Мне лично претит то, что я предложил вам. Но это голос бога. И имя этого бога — Необходимость. Будучи мудрыми и дальновидными, вы согласитесь со мной охотно; не будучи ни тем ни другим, вы согласитесь со мной просто в силу обстоятельств. Но вы это сделаете, иначе погибнете.

Почти сразу же состоялся другой разговор. Я подслушал его, когда попытался приблизиться к Лисандру, пробравшемуся сквозь давку. Я ещё не имел возможности пообщаться с ним. Эфор Анталсид, шестидесяти лет, отличившийся в сражениях при Мантинее и Амфиполе, приблизился к молодому человеку и потянул его в сторону для разговора.

— ...Я всем сердцем желаю, дядюшка, — говорил Лисандр, употребляя это почтительное и ласковое обращение, принятое при беседах со старшими, — чтобы варианты были четко определены, как во времена наших дедов. Но здесь не Фермопилы, и мы не Леониды. Сегодня Лакедемон — как корабль, подгоняемый штормом. И назад не повернуть, и не остановиться. Единственный шанс для него — продолжать путь вперед на всех парусах.

— А «паруса», стало быть, — заметил Анталсид, — это сделки с деспотами, унижение нашего достоинства, обман и двуличие?

— Там, где нельзя растянуть шкуру льва, следует поместить шкуру лисы.

— Храни нас боги, Лисандр, когда такие люди, как ты, приходят к власти в Лакедемоне. Ты и этот афинский негодяй, чье проклятое имя противно даже произносить, — парочка порождений Тартара, достойная править в эти адские времена!

— Времена изменились, — холодно ответил Лисандр. — И что заставило их измениться, если не воля богов? Скажи мне, старик! Разве смертные не почитают небеса, когда изменяются сами вместе с переменами времени, разве не оскорбляют они богов, бездумно цепляясь за старое?

— Лисандр, ты богохульствуешь.

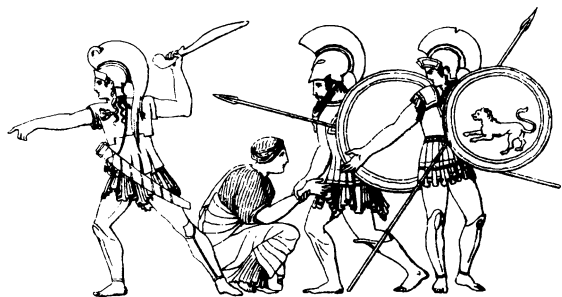
— А чего бы ты хотел от нас, Анталсид? Чтобы мы собрались на берегу моря и распевали там гимны ушедшей славе, пока будущее проносится мимо нас быстрее многовессельной триеры?

Старик заметил Алкивиада, который приближался к Лисандру. Анталсид посмотрел на одного, потом на другого, словно воспринимая их как единое целое — как представителей чуждого ему государства, называемого «новым поколением».

— Благодарю богов, Лисандр, за то, что не доживу до того времени, когда в Спарте будут править ты и тебе подобные.

Глава XXVI

СРЕДИ СЫНОВЕЙ ЛЕОНИДА

В то лето Алкивиад подолгу отсутствовал, действуя агентом Спарты в Ионии и на островах. В свое время его деятельность принесла Афинам союзничество таких великих государств, как Аргос, Элида, Мантинейя. Теперь он на вербовал для Спарты Хиос, Эретрию и Клазомены, убедив их отойти от Афин. Затем поплыл в Милет и тоже сделал его союзником Спарты. И наконец главный трофей: союз Спарты с царем Персии. Алкивиад убедил Тей снести свои стены, а Лебед и Эрес — восстать. Он проделал все это один, при поддержке только командующего-спартанца и пяти кораблей. Он направил хиосян на Лесбос, чтобы поднять мятеж и там. Восстали крупные государства Митилена и Метимна. Спартанская армия двинулась на Клазомены, чтобы удержать за собой этот город и захватить Киму.

Тем временем Алкивиад одержал победу над еще одной суверенной провинцией — над сердцем Теми, супруги спартанского царя

Агиса. Она сделалась любовницей афинянина, как говорили все служанки и все уличные мальчишки Лакедемона, и к тому же была от него беременна.

Мое выздоровление проходило медленно и трудно. Наступило лето, а я все еще не мог подняться на холмы острова Фера, не то чтобы взбежать на них! Солдаты говорят, что человек умирает тогда, когда его любимые больше лежат в земле, нежели ходят по ней. Вот это как раз про меня. И все же дыхание — это река, которую не остановить, а рассвет — побудка, которую трудно не заметить.

Прежде чем уехать, Алкивиад передал мне сундук с полным обмундированием, алый плащ *phoinikis* и десять мин золотом — огромная сумма. Как раз столько я мог бы накопить, если бы экспедиция на Сицилию увенчалась успехом. Меня поместили в гостевых помещениях в Лимнах. Мне была отведена отдельная комната. Я получил статус *xenos*, друга-гостя — это почти то же самое, что посол, — и это радовало меня. Питаться я мог вместе с людьми Эндия, в Амфиктионе. Мне разрешалось тренироваться в гимнасии или охотиться, если пригласят. Жертвоприношения дозволялось совершать в любом храме, кроме тех, что предназначены для не-дорийцев. К тому же я пользовался привилегией бывать в имениях Эндия и его брата Сфродиаса. Это означало, что в моем распоряжении были лошади и собаки; я даже имел в услужении илота. Я мог брать воду из любого ручья или общественного колодца. Единственное, в чем мне было отказано, — это ношение оружия и самосожжение. Последние инструкции моего благодетеля были таковы: я должен молчать, пока он не вернется.

Действительно, это Алкивиад вынудил Лисандра заступиться за меня. Об этом я узнал от старых друзей, с которыми учился в спартанской школе. Сейчас мы возобновили знакомство. Беседуя с ними, я как бы заново знакомился с лакедемонянами.

Город сильно изменился за те годы, что я не видел его. Меня пригласили на охоту. Загонщиком служил мессен-

ский раб по прозвищу Редиска. Когда он и его помощники напали на след, наш хозяин по имени Амфиарий велел ему прибавить скорость.

— Я и так стараюсь, как могу, — ответил тот, задыхаясь, и не прибавил «господин».

Лет десять назад такое неуважение стоило бы бедняге головы. Теперь же хозяин лишь пожал плечами и отпустил какую-то шутку.

Везде было заметно влияние *neodamodeis* — «новых граждан», которые получили свободу за службу в армии, и *brasidioi* — освобожденных за отвагу, проявленную под началом прославленного стратега Брасида. Ни один илот, какое бы низкое положение он ни занимал, не считал свое унижение непоправимым.

— Надежда — опасный напиток, — отметил в своем обращении к эфорату мой спаситель Лисандр. Речь его произвела такое впечатление, что была записана и ходила по рукам — неслыханное явление в Лакедемонии. — Война откупорила эту флягу, и ничто уже не сможет запечатать ее вновь.

Лисандр и Эндий назначили себя покровителями непривилегированных — или, по крайней мере, признали неотвратимость включения их в списки граждан государства. Ни один из них не был альтруистом, и уж тем более они не были демократами. Подобно Алкивиаду, они были реалистами. Эти двое примирились с ним, как мне сказали, или оценили мудрость взаимной выгоды. Эндий обеспечил своему другу разрешение находиться в Лаконии, а Лисандр как полемарх поручился за него.

«Все великие государства, — гласила записанная речь, — возмутились. Отсюда и их решительность, и их уязвимость. Причина крушения Афин — в демократии. Положительная сторона демократии заключается в том, что этот образчик излишней вольности стимулирует предприимчивость граждан, невиданную в государствах с более замкнутой системой управления. А эти энергии могут подвигнуть народ

на беспрецедентное обогащение. Ее несчастье — зависть, царящая в органах управления. Демократия развращает молодежь. Чем выше поднимается человек, тем ревностнее стараются его товарищи спровоцировать его падение. Иной деятель, занимающий и без того высокое положение, взлетает на недосыгаемую высоту. Государство может использовать его, а потом отдать толпе, которая тотчас привяжет его к столбу и разожжет костер у его ног. Что касается Лакедемона, то наше заблуждение заключается в том, что мы поработили илотов. Мы думаем, что пот наших рабов создаст нам ту самую мощь, которая позволит нам подчинять их себе. Но кто кем управляет на самом деле? Мы ложимся в постель, приготовленную теми, кто ночью готов сожрать нас заживо, и еще удивляемся, почему это мы все время ворочаемся во сне! А наша армия, несмотря на всю свою хваленую непобедимость, опасается уйти в поход и собирается очень медленно, поскольку страшится повернуться спиной к тем кухонным ножам, которые остаются дома. Во время кампании мы более боимся тех, кто нам прислуживает, чем неприятеля. Массы не освобожденных нами рабов — это меч, благодаря которому мы или процветаем, или гибнем. Мы должны схватить его обеими руками, иначе он поразит нас».

Лисандр хотел, чтобы у Спарты был флот. Он хотел экспансии, присоединения других государств. Но древняя конституция не разрешала никаких покупок, способствующих проведению реформ. Ничто не могло измениться. Ничто и не изменится. Но перемены необходимы, и молодые люди понимали это.

Было еще одно тревожное явление — политические клубы. Их называли «масло и тряпки», поскольку они складывались вокруг борцовских школ. Раньше таких рассадников волнений в Спарте не было. А теперь они созрели и доминировали надо всем.

В спартанских школах, с помощью которых система управления государством сохранялась на протяжении ше-

сти столетий, гениальным было то, что молодежь на весь период обучения находилась под влиянием ветеранов-учителей. Ветераны были везде. Ни один клуб, ни одна группа не оставалась без надзора старших. А политические клубы разрушили эту традицию. Там была одна молодежь — нетерпеливая молодежь. Они смотрели в будущее. Их лидеры — Лисандр и Эндий, Халкидей и Миндар. Гилипп, как и Брасид, состоял членом «Кольца». Короче, этот лагерь включал в себя самых блестящих и амбициозных спартиатов, независимо от их состояния и происхождения.

Самым богатым был Эндий. Его поместье, расположенное на севере долины, производило изумительное вино, называемое meliades, «сладкое, как мед». Оно давало хорошие урожаи ячменя, фиг и сыра. Это позволяло Эндию содержать не менее четырех десятков разжалованных офицеров, которые уже не могли сами оплачивать свое членство в офицерском сословии. Эндий выложил за них взносы и восстановил их статус спартиатов. К тому же он был поручителем нескольких mothakes, незаконных сыновей Равных. Он финансировал их обучение в школе. Теперь все эти люди были преданы Эндию больше, чем государству. Учитывая илотов, можно было сказать, что Эндий располагал личной армией, которая уступала только царской.

Защита Алкивиада послужила ему только на пользу. Его влияние возросло. Каждый успех его друга за морем в Спарте оборачивался успехом Эндия. Его конюшни в Крании занимали сто десять акров. На этом участке он устроил «теневой штаб» для своего компаньона. Туда же накануне спешного отъезда Алкивиада на восток со своей губительной миссией меня привезли прислуживать ему и нескольким его товарищам — Равным и тем афинянам, которых изгнали вместе с ним. Когда я прибыл, как раз заканчивались соревнования юношей в конном спорте. Алкивиад и Эндий устроили церемонию награждения — ко всеобщему удовольствию. Затем последовали жертвоприношения и угощение. Во время пирушки не было ска-

зано ни слова, которое могло бы выдать их озабоченность. Наконец уже за полночь гости перешли в помещение, где жил Алкивиад. Он усадил меня на скамью возле себя.

— Расскажи про Сицилию, — потребовал он.

Эта комната была его кабинетом. Повсюду, где только можно, лежали копии протоколов заседаний Народного собрания, судебных слушаний, административных распоряжений — из Афин, Аргоса, Фив, Коринфа. Видны были документы морского ведомства, рекомендации по строительству, приказы по флоту, протоколы полевого суда, зашифрованные донесения *skytalai*, всевозможные образчики военной и политической информации. От пола до потолка громоздились соломенные корзины, переполненные личной корреспонденцией. Судя по адресам, письма рассылались во все города Греции, на острова Эгейского моря, в Ионию и на азиатский материк.

— Ты обо всем уже слышал.

— Но не от тебя.

Я ему рассказал. Мой рассказ занял всю ночь. Эндий и другие гости входили и выходили, устраивались где-нибудь в углу и храпели. Алкивиад даже не пошевелился. Он слушал внимательно, не отвлекаясь, прерывая меня лишь тогда, когда я, по его мнению, преждевременно переходил к другой теме.

Он желал услышать все, в том числе и самое худшее. Как только я называл чье-то имя, он немедленно требовал подробностей о судьбе этого человека. Ни одна деталь не представлялась ему лишней. Как шутил тот человек, кто была его женщина, как он умер. Алкивиада не интересовали ни топография, ни стратегия. Контуры Эпипол, флотские маневры — все это он оставил без внимания. Он не проявлял никаких эмоций. Только глаза иногда реагировали. И еще мышцы под подбородком, которые всегда приходят в движение у человека, находящегося под пыткой.

— Ты устал, Поммо? Может быть, продолжим потом?

— Нет, давай уж закончим сейчас.

— Я уже дозевался до слез,— вставил Эндий.

— Тогда иди спать.

— Сколько раз мы должны это слушать?

— Пока мне не будет достаточно.

Алкивиад заставлял меня снова и снова повторять рассказы, где приводились примеры индивидуального героизма — не только афинян, но и союзников и даже рабов. В каждом случае его секретари записывали имена и города. Меня переспрашивали по нескольку раз, чтобы не было ошибки.

— Перестань ходить взад-вперед, Эндий, или ступай спать!

Беседа закончилась лишь к рассвету. Алкивиад за ночь не шевельнулся.

— Вот и все,— сказал я и поднялся.

Я вышел на паддок, площадку для выгула лошадей. Усадьба только-только начала просыпаться. Я смотрел, как конюхи идут на работу. Площадка была уже опрыскана водой, выровнена граблями. На паддок выводили лошадей для разминки. Я почувствовал, что Алкивиад стоит у меня за спиной, в тени. Но не обернулся, словно не знал о его присутствии.

— Я никогда еще не чувствовал такой ненависти,— заметил он.— Никто не ненавидел меня так, как ты.

— Не лести себе. Многие ненавидят тебя еще больше.

Он хмыкнул.

— Ты приехал сюда, чтобы убить меня. Почему же не убил?

— Не знаю. Возможно, нервы подвели.

И я обернулся. Я никогда не видел у него такого взгляда. Он производил впечатление человека, абсолютно одинокого под небесами. Человека, который никому не мог довериться, даже богам. Меньше всего богам. Видно было, что собственная его смерть ничего для него не значила. Скорее, его поддерживала та упорная гениальность, которая позволяла ему — лучше всех из его поколения — осознавать

веления времени и наделила способностью страстно и убедительно формулировать императивы эпохи. И все же его соотечественники больше не рассчитывали на то, что он еще послужит своей стране. Они были уверены, что он станет служить отныне лишь врагам. А те ненавидели его тем больше, чем больше от него получали.

Каждый второй офицер имел какую-нибудь должность. Он высказывался или отдавал приказы от имени какой-либо власти. Только Алкивиад оставался в одиночестве, не имел положения, не обладал званием. У него не было даже подобающей одежды. Вот он стоял, без родины, обделенный, изгой среди своих худших врагов. И все же он, полагаясь лишь на свою волю и предприимчивость, манипулировал ходом войны больше, чем кто-либо другой из числа спартанцев или афинян.

Позднее, уже среди персидских знамен, меня однажды охватила непонятная паника. Это состояние не было похоже ни на что. Как мог мой благодетель облегчить эти страдания? Есть ли граница еще более отдаленная, чем та, на которой он уже стоял? Какие еще преступления он мог совершить? Сколько еще он мог получить? И все же он жаждал большего. Нет, не богатства, не славы, как утверждали его враги. Я считаю — даже не искупления своего греха. Скорее всего, он сражался с судьбой или с небесами, с той губительной гениальностью, которая сводила на нет все его усилия и приносила разрушения и зло всем, кому он желал лишь успеха.

— Простишь ли ты меня когда-нибудь за то, что я спас тебя, Поммо?

Взгляд мой упал на фибулу, которая скрепляла его плащ на плече. Это был «волчий зуб», знак отличия за Потидею. Я вдруг пережил тот момент, называемый спартанцами «призраком», когда человек вновь погружается в событие, случившееся давно.

— Почему ты спас меня, а не моего брата? — услышал я свой голос.

— Твой брат не приехал бы в Спарту.

Это было произнесено без злобы. Простая констатация факта, ясная и правдивая.

— А почему я здесь?

— Мне нужен рядом человек, прошедший через те же ворота, что и я.

Эта фраза была точным повторением той, которую я слышал в моем лихорадочном сне. Неужели я рассказывал ему об этом? Но зачем?

— И что же это за ворота? Куда они ведут — в ад?

Он не ответил. Сразу сделавшись ироничным, но сохраняя на лице печальное выражение, он протянул руку к фибуле и расстегнул ее. На ней была надпись «За храбрость». Он приколот ее к моему плащу.

— Есть еще одна причина, по которой я отсрочил твою смерть.

За горой Парнон посветлело небо. Он повернулся в ту сторону. Я ждал.

— Когда меня будут убивать, я хочу, чтобы это сделал человек, который ненавидит меня по-настоящему. — Он обернулся и посмотрел мне прямо в глаза. — Ты подсчитал, сколько продолжалась эта война, Поммо? Мы были детьми, когда она началась. А те, кто родился в тот день, сейчас уже взрослые люди.

И спросил, не надоела ли мне война.

— До смерти надоела.

На противоположной стороне поля видно было, как илоты-уборщики отправляются на работу.

— Скоро тебя позовет Лисандр. Ты должен выполнить все его инструкции.

— Почему?

— Ради меня.

Я почувствовал его руку на моем плече. Твердую, как рука друга.

— Не осуждай себя так сурово, Поммо. Иногда тяжелее жить, чем умереть. Кроме того, у тебя нет выбора. Небеса

избрали тебя для своей цели. Как и меня — для того, что я сделал в этой жизни.

И он со смехом отнял руку.

— Разве ты еще не понял, друг мой? Мы с тобой, ты и я, вместе до самого конца.

Лисандр прислал за мной в ясный солнечный день спартанского месяца карнея, после полудня. Город был украшен для праздника в честь Аполлона. Все армейские учения были отложены. Я встретился с ним возле площадки для игры в мяч, которую прозвали «Островок».

— Ты служил на корабле.— Лисандр приступил к делу сразу, без лишних слов.— Ты снова станешь моряком.

— Ты хочешь сказать, что я не буду убийцей?

— Не умничай, сукин сын. Решаю я. Иначе ты до сих пор гнил бы на каменоломне. И не воображай, будто твой друг избавил тебя от этого из любви к тебе. Он собирается удрать. Поэтому ты здесь. Он считает, что ты на его стороне.

— Я должен это сделать?

— Ты видишь эти небеса только потому, что я разрешаю тебе их видеть. Без моего дозволения ты ни вдоха лишнего не сделаешь.

Физически Лисандр был не очень силен. Он был лишь на полголовы выше меня, не слишком широк в плечах. И все же мне не стыдно признаться в том, что он сильно пугал меня.

— Если ты так уверен, что он предаст тебя,— сказал я,— то почему бы не убить его сейчас?

— Сейчас он полезен мне, а я ему. На данный момент мы братья.

Стоявший рядом с ним Земляника шевельнулся. За нами следили. Лисандр отошел под акации, растущие перед беговой дорожкой, к небольшой бронзовой статуе бога Смеха. Мы пошли по дороге на Амиклы, к Ленте — той прямой тропинке, где тренировались босые девушки в коротких хитонах.

— Остановимся здесь.

Лисандр показал на место под терновыми деревьями. Там была трава, где можно было пустить лошадей пастись.

— Ты должен понять, что произойдет. Спарта заключит союз с Персией. Ценой будут греческие города в Азии. Мы их продадим Дарию в обмен на золото и флот, чтобы покончить с Афинами. Это сделает для нас Алкивиад. Ни один спартаец, включая меня и Эндия, не в состоянии осуществить такое. Когда это будет сделано, Алкивиад предаст нас. Он будет вынужден это сделать — и он это сделает. Он перевернет небо и землю, лишь бы вернуться домой и реабилитировать себя в глазах своих соотечественников. А теперь — самое сложное. Три силы желают его смерти. Во-первых, афиняне, которые ненавидят Алкивиада; во-вторых, его враги в лагере спартанцев; в-третьих, дальновидные персы, которые поймут, что Алкивиад ведет двойную игру.

Лисандр повернулся ко мне.

— Ты проследишь, чтобы он был жив, Полемидас, — сказал он, называя меня моим спартанским именем, — ты и те моряки, которых я найму и которых ты будешь обучать.

— Ты хочешь сказать — он должен оставаться жив, пока ты не потребуешь его смерти.

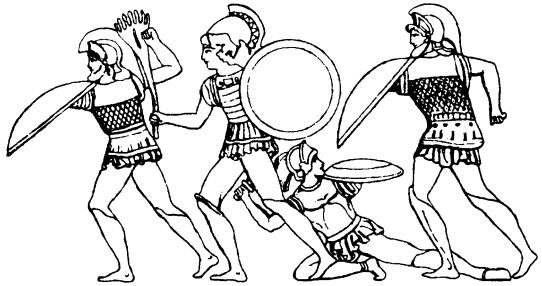
На этом спартаец закончил разговор. Ни я, ни моя дутая праведность его не интересовали — это было ясно. И все же вопрос требовал ответа. На краткий миг его каменное лицо смягчилось. Он понял, что я — не столько человек, которому он может доверять, сколько представитель более широкого круга людей. На секунду он встретился со мной взглядом.

— Это не я потребую смерти нашего друга, Полемидас, а тот единственный бог, которому он сам поклоняется.

— Что же это за бог?

— Необходимость.

У ПРИЧАЛА НА САМОСЕ

В этом месте повествования Полемиды,— заметил мой дед,— произошел неожиданный поворот всей истории. Мои сыщики, Мирон и Лада, ворвались однажды вечером ко мне в комнату вне себя от возбуждения.

— Господин! Мы нашли ее! Женщину!

— Какую женщину?

— Эвнику! Женщину твоего подопечного! Убийцы!

Это действительно была неожиданность, поскольку Полемид считал ее умершей. Она здесь, настаивал Мирон, со своими детьми. Она согласилась поговорить — за некоторую плату.

*Разговор был организован и состоялся в моем городском доме в Пирее. Но результат оказался невелик, если не считать одного открытия, сделанного по счастливой случайности: она проговорилась, что ее, Эвнику, знал тот Колофон, сын Гестиодора, который и потребовал смерти Полемиды. Более того, Эвника подтвердила, что сама была свидетельницей убийства, произошедшего в *karaleion*, грязной таверне на острове Самос, на два-*

дцать третьем году войны. Хотя я очень давил на нее, она больше не произнесла ни слова и ушла так поспешно, что даже плату не взяла. И никто не явился за этими деньгами.

Об этом я рассказал Полемиду на следующий день в тюрьме. Он даже не удивился, узнав, что мать его детей — здесь, в Афинах.

— Никакое известие о ней меня не удивит.

Хочет ли он повидать сына и дочь? Может быть, я смог бы убедить Эвнику, даже заплатить ей, чтобы вновь соединить Полемиду с семьей? Реакция заключенного привела меня в замешательство.

— Ты сам видел детей? Утверждала ли она категорически, что они с ней?

Когда я ответил отрицательно, он что-то проворчал и больше об этом не заговаривал. Из его умолчаний — более, чем из его показаний — я сделал вывод, что мальчик и девочка в последнее время находились на его попечении, а не у их матери. Вероятно, они жили в Ахарнах, в родовом имени Полемиды «У поворота дороги». Я настойчиво продолжал расспросы. Если я действительно смогу найти детей, будет ли он рад видеть их?

— Не надо, чтобы они видели меня в этом месте.

В камере не было окна, но в потолке имелось отверстие, и прямоугольник солнечного света падал на северную сторону. Полемид отвернулся к этому пятну, до которого мог дотянуться несмотря на кандалы, а потом опять обратился ко мне. И я сразу вспомнил, как много лет назад увидел его — в такой же позе, с тем же выражением лица. Он стоял среди лучников в баркасе, когда тот коснулся причала. А затем ступил на пирс. Там было не протолкнуться. Тысячи моряков и солдат сгорали от нетерпения в ожидании сражения. Полемиду сопровождали трое. Один шел впереди, двое сзади. Прикрываясь ими, на пристань сошел Алкивиад.

— Ты был его телохранителем, Полемид, — сказал я, вспомнив эту сцену. — Я помню тебя. На пристани Самоса, в тот день, когда он вернулся.

Узник не отозвался. Я чувствовал, что он поглощен мыслями о своих детях, теперь, без сомнения, уже взрослых. Наверное, беспокойство за их судьбу терзало его. Однако я, потрясенный внезапно возникшим видением прошлого, ощущал себя так, словно опять попал в то далекое утро и нахожусь на Самосе.

Тогда флот стоял у Самоса. Война шла уже двадцать первый год. Вероятно, семь, может быть, восемь месяцев прошло после того разговора, состоявшегося в Спарте, на котором остановился рассказчик.

Позволь мне кратко поведать о событиях, произошедших за этот период.

Алкивиад действительно приплыл из Лакедемона в Ионию. Он и спартанец Халкидей, теперь наварх Пелопоннесского флота. Этот флот состоял из разномастных устаревших трирем и пентеконтер, отданных союзниками Спарте — в основном Коринфом, Элидой и Закинфом, — и нескольких галер, построенных в Гифее и Эпидавре Лимере. Команды набирались из добровольцев, большей частью рыбаков и уклонявшихся от призыва. В общей массе не было ни одного Равного.

И тем не менее в течение двух месяцев Алкивиад и Халкидей подняли против Афин не только Хиос с его эскадрами военных кораблей (который, в свою очередь, привлек Анаю, Лебед и Эрес), но и Эритрею, Милет, Лесбос, Тей и Клазомены, а также Эфес с его большой гаванью — позднее бастионом Лисандра. Этими удачными ходами Алкивиад лишил Афины трети той дани, что они получали. А деньги были Афинам критически необходимы — после Сиракуз. И что еще хуже, эти оплоты, теперь находившиеся в руках неприятеля, угрожали путям транспортировки зерна из Понта. А без этого Афины не выживут.

Поступали сообщения о том, что Алкивиад наладил контакт с персидским сатрапом Тиссаферном и совершен-

но очаровал его. Тиссаферн был сатрапом Лидии и Карию при Великом Царе Дарии. В дополнение к безграничным богатствам он располагал военным флотом Финикии, состоявшим из двухсот тридцати трирем — в то время как Афины могли выставить немногим более сотни — с командами, набранными из сидонян и тирийцев, лучших моряков востока. Если Алкивиаду удастся побудить своего персидского покровителя склонить их на сторону Спарты, гибель Афин predetermined.

Единственная новость, которая звучала для афинян чуть более оптимистично, касалась лично Алкивиада. Это были слухи о том, что он соблазнил и сделал беременной Тимею, жену спартанского царя Агиса. Утверждали, что благородная женщина даже не скрывала этой связи. Хотя прилюдно она называла плод своей любви Леотихидом, наедине она звала его Алкивиадом. Она совсем потеряла голову от любви к этому человеку.

Почему это ободрило нас, афинян? Потому что в этом заключалась надежда на то, что Алкивиад еще не оставил прежних привычек и непременно погубит себя, навлекши гнев Агиса и тех спартанцев, которые были противниками соглашения с персами.

Именно это и произошло. За пять месяцев он ухитрился добавить новый смертный приговор — на сей раз от Спарты — к старому, полученному в Афинах.

И тогда он снова бежал — в Персию, ко двору Тиссаферна в Сардах, где снова восстановил свое высокое положение. Теперь он расхаживал не в грубом плаще спартанца, а в пурпурных одеждах восточного придворного. Тиссаферн настолько подпал под его влияние, что, по слухам, сделал Алкивиада своим «наставником во всем» и даже назвал свой любимый парадиз (так у персов именуется их оленьи парки) в его честь Алкивидейоном.

Афины были разграблены. Все здоровые люди призывались на флот. Только старики и эфебы остались защищать стены города. Мужской эрос, чувственная любовь,

эта основная сила нации, выдохлась. Постели жен были лишены ее.

Из системы управления государством исчез герой. Истощенная почва порождала лишь ростки зла, чахлые и уродливые. Их появление на политической арене сразу же выявило их карикатурность и заставило народ сокрушаться о потере цвета двух поколений, выкошенных чумой и войной. Выросшая в ослабленном государстве молодежь дичала и не соблюдала больше ни законов, ни приличий.

Куда-то ушла благовоспитанность. Новое поколение игнорировало моральные обязательства. Молодые люди уклонялись от призыва в армию. В театрах поэты-комики демонстрировали кипучую энергию, понося тех шутов, которые осмеливались стать государственными деятелями. Те немногочисленные лица, обладающие высокими качествами, которые могли бы хорошо послужить государству, колебались, предоставляя поле деятельности другим — тем, чье стремление занять высокое положение странно гармонировало с полным отсутствием совести.

Вот теперь вспомнили Алкивиада. Вот теперь Афины очень хотели вернуть его.

Они вновь переживали воспоминания о каждом этапе войны. И каждый эпизод демонстрировал храбрость Алкивиада и его дальновидность. Еще в юности никто не мог превзойти его в смелости. Когда он командовал войсками, то громил войска, как никто другой. Исход однодневного сражения при Мантинее поставил вопрос о выживании неприятеля. Одна лишь предприимчивость Алкивиада вызвала к жизни величайшую армаду в истории. С ним мы не потерпели бы поражения на Сицилии. Если бы он сейчас был с нами, нас не разгромили бы на востоке. Даже то зло, которое он причинил своей стране, давая советы ее врагам, не считалось уже преступлением или предательством. Нет, это коварство рассматривали как свидетельство его искусного руководства и отваги. В этих качествах город отчаянно нуждался сейчас и нигде не мог

их найти. Лишь во флоте оставались подобные люди — Фрасибул, Ферамен, Конон и Фрасилл. Это были личные друзья Алкивиада или офицеры, которых он финансировал в самом начале их карьеры. Каким бы греховным ни было его поведение, народ видел в нем титана среди карликов. В парикмахерских и борцовских школах простые люди вспоминали, что Алкивиад не по доброй воле связался с противником. Мы сами подвели его к этому выбору! В своей глупости мы стали подлецами, ревнуя к достоинствам Алкивиада и ради этой ревности лишив государство героя, — героя, в котором оно сейчас нуждается больше всего!

Мы с женой смотрели комедию Эвола, в которой актер, экстравагантно разодетый, представлял Алкивиада. Автор хотел сделать этого павлина смешным. Но вместо этого зрители вдруг взорвались, выкрикивая его имя. На улице актера окружила толпа. На руках его отнесли домой.

На стенах по всему городу появились надписи: «Верните его в Афины!»

Прошел еще год, внучек, и наконец его позвали на самосский флот, пообещав золото Тиссаферна и союз с Персией.

Вот об этом моменте я и вспомнил в камере Полемиды. То мгновение, когда баркас ткнулся в бревна Самосской пристани и в окружении двадцати тысяч матросов и солдат из Афин Алкивиад прошел к платформе, называемой Погрузочной, куда подъезжали с уловом сардин возницы и вокруг которой теперь собрались толпы вооруженных корабельных команд. Люди забирались на плоские крыши и перголы, они устроились на перекладинах мачт и у подножия Дельфиньего холма, с надеждой и трепетом ожидая, что скажет им вернувшийся на родину изгнанник.

Глава XXVIII

ДЕЛЬФИНИЙ ХОЛМ

Дважды он начинал, и дважды голос отказывал ему, так он был потрясен открывшейся перед ним картиной. Когда и в третий раз у него ничего не получилось, из передних рядов раздались голоса.

— Давай, давай! — кричали ему люди, и эти призывы, подхваченные тысячами глоток, свидетельствовали о том, что толпе понравилось увиденное. Когда шум стих, Алкивиад начал снова — сначала так тихо, что глашатаи, стоявшие на расстоянии друг от друга, чтобы передавать его слова стоящим на холме, должны были обращаться к тем, кто находился поближе, чтобы расслышать.

— Я не... — начал Алкивиад, и голос снова предал его. Глашатаи тотчас подхватили:

— Я не...

— ...не тот человек, каким я был...

— ...даже несколько минут назад, когда поднимался на эту платформу.

И снова слова полетели вверх, на холм, от одного глашатая к другому. Наконец Алкивиад обрел голос и, жестом попросив своих помощников подняться выше, продолжил:

— Я хотел выступить в роли спасителя. Я, сегодняшний, стоящий перед вами, — тот, кто принес для вашего спасения союз с народом, чьи богатства и мощный флот обеспечат вам победу. Без их поддержки вы не достигнете успеха. Я предполагал обратиться к вам как командир и получить от вас заверения в верности... Что вы приложите необходимые усилия... Но, увидев вас... — Голос его опять дрогнул. — Ваш вид, мои соотечественники, разрывает мне сердце. Я сгораю от стыда. Это не вы должны давать торжественное обещание, а я. Не вы должны служить мне, а я вам. Те Афины, которые изгнали меня...

Ему снова пришлось остановиться, чтобы собраться с мыслями. Он схватился за стойку платформы.

— Те Афины, которые изгнали меня... Об этих Афинах я больше не вспоминаю. Вы — мои Афины. Вы и вот это. — Он показал на корабли, на море, на небо. — Вам и всему этому я клянусь в верности.

Из центра толпы донеслись радостные возгласы, похожие разом и на рыдания, и на крики одобрения. Как круги по воде, они разошлись во все стороны. Намеренно или нет, но Алкивиад выразил в словах то, что чувствовали по отношению к своей родине и другие. И эта родина казалась им, как и их вернувшемуся лидеру, далекой, словно Океан, разлученной не только с ними, ее сыновьями, но и с их душой, позабытой в чужом, неведомом месте.

— Если я оскорбил богов — а я оскорбил их! — то в вашем присутствии умоляю их простить меня. Поверив в меня, вы оказали мне честь, в чем я усматриваю несомненную милость богов. Клянусь, что ни воля небес, ни желание земли, ни стремления армии, ни прихоти самого ада — ничто не остановит меня в решении отдать вам все, что я имею. Мою кровь, мою жизнь. Все, что я есть и чем владею, — все я отдаю вам.

Он отступил назад и отошел к офицерам, толпившимся на платформе.

Амфитеатр одобрительно загудел. Теперь заговорил Фрасибул, за ним выступили стратеги Диомедон и Леон. Захотели выступить и люди из павтай и пехоты. У всех еще кипела кровь от успехов и поражений, которые сотрясали Самос несколько дней назад, как в зеркале отражая процесс гибели их государства. Все знали, что в Афинах демократия пала. Акты террора и убийства запугали народ. Правительство, именуящее себя «Четыреста», изгнало из политической жизни всех, кроме себя. Слухи о грубых нарушениях закона, оскорблениях, которым подвергались свободные граждане, о незаконных арестах и казнях, конфискации имущества, отмене законов Клисфена и Солона вызвали волнение на флоте. Те, кто находился на Самосе, боялись за свои семьи, оставшиеся дома, за само государство, которое эти тираны — как говорилось в последних сообщениях — сговорились продать врагу ради спасения собственной шкуры.

Теперь, радуясь возвращению Алкивиада, люди требовали действий, жаждали крови. Плыть в Афины! Вырезать всех автократов! Восстановить демократию!

Пехотинцы топали ногами, матросы на кораблях колотили по палубам и шпангоутам. Топот ног на пристани эхом разносился по всей гавани. Даже мальчишки и женщины подняли такой шум и гам, что не слышно было ничего, когда кто-то захотел восстановить порядок.

Поднялись два таксиарха, но им не позволили говорить. Диомедон старался перекричать их своим громовым голосом. Даже Фрасибул, кому позволили взять слово, потому что любили его, не в силах был остановить это безумие. Пехотинцы бросились к оружию, составленному в козлы. Толпа двинулась к кораблям, словно бы готовая немедленно погрузиться. Все как один требовали Алкивиада. Командуй нами! Веди нас домой!

Безрассудство этого порыва было очевидно для более трезвых голов офицеров. Но порыв оказался таким страстным, что ни один человек даже не попытался остано-

вить его. Теперь Алкивиаду предстояло противостоять этому умопомешательству, причем не имея опоры в заслуженном доверии, добытых совместно победах, достигнутом уважении. Ему следовало надеяться только на собственные силы.

— Люди, если мы поплывем сейчас, то легко свергнем наших врагов дома и установим правительство, послушное нам и нас удовлетворяющее.

Вновь одобрительные возгласы. Он поднял руку, успокаивая своих слушателей, и попросил выслушать его до конца.

— Но что мы оставим после себя здесь, в Эгейском море? Подумаем же об этом, братья! И если мы найдем решение, которое вы посчитаете мудрым, то ни часу не задержимся здесь!

Шумное, радостное одобрение, приветственные крики.

Алкивиад вновь призвал собрание к порядку. Именно эту фразу он подготовил заранее, и она произвела ожидаемый эффект. Он добился, чтобы каждый человек своим необузданным сердцем ощутил ту внутреннюю независимость, которая отличает свободных людей от рабов, и воскресил в себе того, кем был, — здравомыслящего человека, способного на обдуманые, взвешенные поступки. Теперь, решил он, попробуем поставить себя на место наших врагов.

— Допустим, что мы — это Миндар, спартанский командующий в Милете, который узнал, что мы решили отплыть домой. Вспомните, друзья, что в этой толпе наверняка есть его соглядатаи. Они немедленно сообщат ему обо всем, что мы сейчас говорим.

Хладнокровно и разумно Алкивиад поведал о тех возможностях, которые получит враг, как только мы уведем флот. Он сказал, что тот ухватится за эти возможности. Алкивиад обращался к слушателям не как стратег к своим войскам, но как офицер, советующийся со своими

коллегами, как государственный деятель в дискуссии перед *ekklesia*.

Эгейское море останется беззащитным. Спартанцы захватят Геллеспонт, а с ним отрежут все пути для зерна, поступающего в Афины. Враг удерживает города Лампсак и Кизик. Византий перешел на его сторону. Спартанцы завоюют Ионию и захватят все стратегически важные пункты в проливе. И мы должны будем немедленно покинуть дом — просто для того, чтобы сохранить то, что мы только что завоевали. Что же будет ожидать нас по возвращении сюда? Не тот враг, что сегодня, на море, где у нас имеется преимущество; но тот, что окопается на суше. Нам придется выбивать спартанцев из их укреплений. Алкивиад спросил, готовы ли они сражаться со спартанцами на суше при возвращении сюда. Кстати, где же мы сможем высадиться? Первое, что захватит враг, будет Самос. Эти самые камни, на которых мы сейчас стоим.

Затем он обрисовал самые разрушительные последствия ухода. Как отреагируют персы? Как перс, наш благодетель, от которого все мы зависим, ответит на этот неожиданный уход? Будет ли он считать нас надежными союзниками, которым он может доверять? Тиссаферн расправится с нами, как орел с гадюкой, и вновь пойдет на союз со Спартой. Он вынужден будет это сделать — хотя бы из страха перед ее новой мощью, больше не сдерживаемой нами. Просто из страха, что Спарта может напасть на Персию и свергнуть его, Тиссаферна.

— Помните об этом, братья. Афины будут нашими, как только мы решим вернуть их. Но Афины — это не кирпичи и камни и даже не сама земля. Афины — это мы. Вот что такое Афины. Враг находится там, — он жестом показал на восток и юг, где располагались оккупированные города Ионии и оплот спартанцев в Милете. — Я пришел, чтобы сразиться со спартанцами и пело-

поннесцами, а не с моим народом. И клянусь богами, я и вас заставляю сражаться с ними!

Ропот раскаяния пронесся по толпе, которая наконец осознала не только собственную глупость в противоположность здравому смыслу своего нового командира, но и способность Алкивиада отвлечь войска от пути, ведущего к катастрофе. Уже в первый час своего возвращения он сохранил государство. Более того, люди теперь увидели такую железную хватку, которая продемонстрировала им: Алкивиад способен справиться с ними в одиночку. Никто другой не посмел бы этого сделать. Обстановка изменилась, когда люди наконец опомнились, почувствовав уверенность своего лидера и ту тонкую грань, что отделяла их от крушения.

— Но если ваши сердца настроились уходить, братья, то плывите домой сейчас. Однако сначала взгляните туда, на ту часть волнолома, которую самосцы называют Крюком. Ибо я поставлю свой корабль в том самом месте и, клянусь Никой и Афиной Защитницей, ударю, как гром, по первому же кораблю, который попытается выйти в открытое море! И по следующему — и буду бить и бить, пока вы не убьете меня на этом самом месте. Корабли обязательно уйдут в Афины, но только через мой труп.

При этих словах поднялся такой шум, что предыдущий не шел ни в какое сравнение с этим. Сразу же вперед вышел Фрасибул и распустил собрание, приказав людям вернуться к своим обязанностям, а всем триерархам и навархам немедленно сообщить обо всем командованию флотом.

Штаб располагался там, где раньше была таможня. Туда набилось полно офицеров. Тут были и хозяева судов, и командующие пехотой, и флотские капитаны. Вновь прибывшие, включая Фрасибула, Фрасилла, Алкивиада и таксиархов, устроились, после некоторого замешательства, в соседнем помещении, на бывшем складе контрабанды (теперь это было хранилище для запасных мачт, парусов, колец для корабельных корпусов, навесных и деревянных

механизмов). Несколько командиров были заняты разговором о неотложных делах. Протомах требовал немедленной выплаты жалованья — люди и так уже совершенно деморализованы. Лисий говорил, что следует продолжать учения. Эрасинид говорил о кораблях и их годности или негодности для плавания. Другие шумно требовали выхода в море. Казалось, это никогда не кончится. И каждый требовал своего настойчивей соседа. Алкивиад переступил с ноги на ногу, так, чтобы люди заметили. Гвалт сразу прекратился. Офицеры замолчали все как один и невольно повернулись в сторону того, кто считался лишь третьим в тройственном союзе командиров, а теперь был признан верховным командующим.

— Я согласен со всем, что здесь говорилось. Флот нуждается во многом, и неотложно. Однако есть одно, первоочередное, и это мы должны дать людям обязательно.

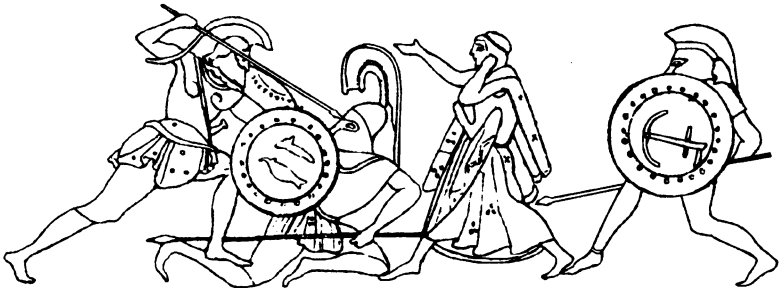
Алкивиад сделал паузу, как поэт или актер на сцене, своим молчанием заставляя слушать еще более внимательно.

— Мы должны добыть победу.

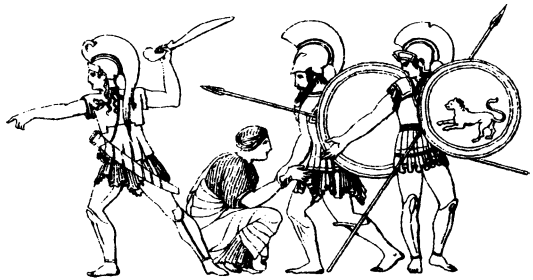
Книга шестая

ПОБЕДА
НА МОРЕ

КОГДА СТАЛКИВАЮТСЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА ВОЛИ

Когда боковые экраны подняты, не так-то просто заглянуть через нос мчащегося во весь опор военного корабля. Брызги летят через передний концевой отсек. Кронбалки окунаются в море при каждом нырке. Судно кренится до самой воды. Его дифферент настолько рискован, что на палубного матроса, переместившегося даже на шаг, обрушиваются проклятья, потому что это дестабилизирует весь корабль. Гребцы развернуты спиной к носу — они тоже ничего не видят. Гребцы верхнего яруса смотрят на палубных матросов, стремясь избежать столкновения с другим кораблем на траверзе, когда наш ныряет в волны.

В Кизике флагманом Алкивиада стала «Антиопа» — это случилось после того, как «Решительный» затонул у Тея. Гребец с верхнего яруса рядом со мной был из Ахарн. Его прозвали Древесный Уголь. Я знал его по Ленаеа — зимнему празднику Диониса, где он участвовал в хоре. Тогда мы были мальчиш-

ками. Это был известный гурман. Он учил меня готовить угря на угольках. Корабль мчался к береговой полосе под названием Плантации. Два десятка спартанских трирем принесло туда при бегстве. Их эпибаты — солдаты морской пехоты и моряки, свыше восьми тысяч человек, спешили вытащить суда на берег и переправить их за защиту бастиона. Как раз в этот момент «Антиопа» во главе двух эскадр по шестнадцать кораблей в каждой обрушилась на них. Такой деликатес нельзя испортить излишне острой приправой, заметил Древесный Уголь, выбирая весло. Обыкновенный базилик и маринад на масле подчеркнут свойственную мясу нежность. Именно так он и сказал: «свойственную». Теперь мы находились среди волнорезов. Морские пехотинцы на палубе с колен бросали липкие от соли копья, собранные с поверхности моря после сражения.

— Я запишу тебе рецепт! — крикнул Древесный Уголь.

И в этот миг острие копья пронзило ему шею. Весло его упало, а вслед за веслом — и он сам.

Стена набережной защищала чьи-то земельные угодья. На ее верху обороняющиеся разожгли огромный костер, а корабли внизу застряли в грязи. Враг швырял камни и копья, а также обоюдоострые дротики, которые беотийцы называют «щипцы для орехов», а спартанцы — «булавки». Две такие штуки попали мне в бедро, и меня охватила ярость при мысли о том, что я порезан этой кухонной утварью. Вдруг чей-то кулак заставил меня вскочить.

— Что ты здесь делаешь? Прячешься?

Это был Алкивиад. Он бросился к носу корабля вместе с телохранителями из нашей группы — Тимархом, Макном и Ксеноклом. Я вместе с ними был обязан защищать его. Эпибаты в доспехах оседлали обе кран-балки и вельсы на водорезе. Труба просигналила: «Противотечение!» Гребцы уперлись в подставки для ног и подняли весла. Пехотинцы прыгали с носа и обоих планширов. Алкивиад соскочил на берег, крича, чтобы взяли «кошки».

Лакедемоняне находились прямо над нами. Их поддерживала пехота Фарнабаза и толпы торговцев из Магнесии — этих можно было узнать по бородам, черным как чернила, разделенным на две половины и спрятанным в сетки. Враг обрушил на нас град огня. Наши головы защищали лишь фетровые шапки. Приходилось отклоняться, но сквозь летящий прямо в лицо пепел ничего невозможно было различить. Афиняне поднимались на холм с трудом, увязая в песке. И тут спартанцы набросились на них. Развернутый строй с грохотом пронесся по всему берегу. Я услышал, как рядом со мной яростно ругается Макон. А где же Алкивиад?

Он прорывался самостоятельно. Мы видели, как он карабкается вверх по склону, пробираясь в нейтральную зону между выбежавшими спартанцами и вытащенными на берег кораблями. Не узнаешь, что такое ярость, пока не побудешь телохранителем человека, который стремится к победе любыми средствами. Алкивиад был без шлема, лишь со щитом и морским топором. Он добежал до первого корабля и зацепил его «кошкой». Двое неприятелей пытались отцепить его. Первого он огрел по голове щитом, второго — топором, после чего принялся рубить нос вражеского корабля. Теперь мы, его охранники, должны были делать, как он. Нужно быть чрезвычайно искусным, чтобы увильнуть от брошенного в тебя копья, особенно когда одновременно с этим своим телом ты обязан прикрывать другого. Я никогда не проклинал ни одного из моих командиров. Но на Алкивиада мы кричали, мы бросали в его сторону камни, а он ничего не видел.

Три с половиной года спустя, перед Византием, я присутствовал на ночной пирушке. Кто-то задал вопрос:

— Как командуют свободными людьми?

Алкивиад ответил сразу:

— Надо быть лучше их.

Участники пирушки захохотали. Даже Фрасибул и Феррамен, наши полководцы.

— Надо быть лучше их, — продолжал Алкивиад, — и вынудить их соревноваться друг с другом.

Он был пьян, но это было незаметно. Разве что выразалось в том, что он мог заговорить о чем-то близком его сердцу.

— Когда мне не было еще и двадцати, я служил в пехоте. Среди моих товарищей был Сократ, сын Софрониска. Во время сражения враг обнаружил нас и ринулся на наши позиции. Я испугался и готов был бежать. Но когда я увидел его, моего немолодого друга с сединой в бороде, твердо стоящего на земле... Он прикрывался щитом и ждал врага. И тогда нечто вроде егос, жизненной силы, захлестнуло меня, точно прилив. Я вдруг позабыл об осторожности, сбросил щит и встал рядом с ним.

Роль командира — демонстрировать своим людям arete, совершенство. Не обязательно подгонять их к достижению подлинного величия. Главное — чтобы величие было перед их глазами. Натура сама обяжет их следовать примеру.

По всей длине прибрежной полосы афиняне провели канат и проволоку. Алкивиад оттащил первый корабль, потом второй, третий. Войска Миндара держались, как могли. Ими командовал один спартанец. А афинян возглавлял Ферамен. И еще была кавалерия. Разыскивая командира-спартанца, Алкивиад трижды падал. Наконец ранили и Миндара. Когда враг дрогнул и побежал, Алкивиад стал преследовать его. За ним побежали и остальные. И вот Алкивиад рухнул. Все бросились к нему и подняли его с земли, больше всего страшась, что какое-то роковое копье пронзило их героя. Но то была лишь усталость. И я тоже — я, который всего несколько сезонов назад давал торжественное обещание убить его, — я не мог больше помнить его преступления. Я забыл даже о смерти моего брата. Все исчезло в этом пламени, которое он нес для нашей страны. Пламени, которое вело Афины к триумфу.

Я хочу напомнить тебе об одном эпизоде морского сражения. Это случилось в тот же день, только раньше. Я рас-

сказываю об этом не для того, чтобы петь Алкивиаду панегирик, но чтобы показать пример животной храбрости, которая встречается в нашей жизни примерно так же часто, как грифоны и кентавры.

Ловушка на море захлопнулась. Сорок трирем Алкивиада появились, как он и планировал, и заставили шестьдесят вражеских кораблей преследовать их. Спартанцы думали, что наши сорок — это вся боевая сила афинян. То был Самосский флот. Он был настолько хорош, что, убегая — точнее, делая вид, что убегает, — сохранял такой порядок, что рулевым приходилось кричать на гребцов, дабы те гребли похуже и изображали панику понатуральнее. Рулевым Алкивиада был Антиох. По его сигналу строй выполнил самосский *anastrophe* — контрмарш, при котором корабли ложатся на другой галс по очереди. Последние в строю становятся первыми. Корабли поворачиваются один за другим, как колесницы вокруг поворотного столба на скачках. Алкивиад приказал выполнить этот необычный маневр, чтобы вывести противника из равновесия и дать ему понять, что он поддался обману и теперь расплатится за это.

Триремы Фрасибула напали на спартанцев с кормы. Они показали из-за мыса в четыре колонны по двенадцать. Они гребли, как поется в матросской песне, каждым шестом, даже деревянным фартуком шкипера. Они отрезали Миндара от гавани. На волнах появились тридцать шесть кораблей Миндара, блокируя все пути отхода на север. Алкивиад кричал, требуя флагман Миндара и торжественно обещая впередсмотрящему талант, если тот найдет ему этот корабль.

Спартанцы кинулись к берегу, отстоявшему на две тысячи ярдов. Эскадра Алкивиада преследовала их с флангов, «кляя» строй, чтобы добраться до самого первого судна. Это и был корабль командира спартанской эскадры. Тот, увидев эмблему наварха на «Антиопе», решил дать ему бой.

На расстоянии двухсот ярдов противник развернулся левым бортом, обошел два своих корабля, чьи весла спутались, и двинулся на нас. Антиох подпустил его на милю, пройдя у него под носом с такой скоростью, что спартанский рулевой, стараясь определить, куда бы ударить афинянина, направил корабль на своих же. Корабли стали давать задний ход, чтобы пропустить его. Антиох почти шутя протаранил два корабля, но при ударе третьего в середину корпуса таран «Антиопы» врезался в борт вражеского корабля и застрял. Движение убежавшего корабля застопорилось, и оба судна как бы срослись бортами и сцепились веслами. Когда древесина хрустнула, спартанцы полетели с палубы вместе со всем, что у них было. Наши бросились в укрытия, когда огонь пронесся по палубе «Антиопы». Я услышал яростный рев и посмотрел вверх. Один, ничем не защищенный, Алкивиад стоял посреди урагана стали, рыская глазами по морю в поисках убежавшего соперника.

— Миндар! — кричал он. — Миндар!

На Макестской равнине есть насыпная дорога — просто сельская дамба. К ней-то и побежали спартанцы, ища спасения от поражения на берегу. Пыль, поднятая их ногами, стояла столбом. Подбавила и охрана сатрапа Фарнабаза, которая появилась из Даскилия. Столкновение произошло в месте, узком, как ширина повозки. А вокруг бой шел на топких полях, в жиже. Противник сам пустил туда воду, чтобы препятствовать продвижению афинян. Лошади вязли по брюхо. Всадники тащились медленно, так и умирая верхом, если лошадь застревала в трясине.

Алкивиад прискакал к этому тупику с берега. Впереди была горловина. Три эскадрона нашей кавалерии и свыше тысячи пехотинцев застряли в месте, где сходились дамбы. Метрах в двухстах впереди показалась вражеская конница с легкой пехотой. Работники сельских хозяйств, подгоняемые кнутами господ, держали в руках вилы и грабли. Если мы не сможем пробраться, эти селяне нас уничтожат.

Можно было обогнуть дамбы с востока и юга, но на это не было времени. Если даже дюжина врагов доберется до места соединения дамб, никакого прорыва не получится.

Алкивиад ехал на лошади по кличке Горчица, которая принадлежала адъютанту Фрасибула Агасиклу, погибшему в морском сражении. Лошадь сама, без понукания всадника, знает, как пробраться через трясины. Алкивиад бросил поводья и, взяв с собой примерно сорок конников и двести пехотинцев, отправился через болото. Горчица срезала тысячу ярдов — от объезда по насыпной дороге в тылу врага. Оттуда Алкивиад напал на спартанскую пехоту, убил ее командира Амомфарета, сына Полидама, победителя при Немее. До сих пор, если отправиться в Элевсин в Афинах, можно увидеть слева бесподобную бронзовую статую лошади, размером не больше человеческой руки, с надписью: «Я вела — победа шла следом».

В тот день был убит Миндар — спартанский полководец, которому не было равных. Из девяноста кораблей противника затонули пятьдесят восемь, а двадцать девять мы захватили. Пехота Лакедемона и Пелопоннеса была разбита наголову на равнине Макестоса. Их победили Фрасибул и Алкивиад, которых поддерживали торговцы и персидская кавалерия. Через день Алкивиад уже владел Кизиком. Он созвал возниц, чтобы погрузить контрибуцию. За двадцать дней до Перинфа и Селимбрии он получил еще больше денег и усилил Хрисополь, чтобы закрыть пролив и брать десятину со всех проходящих кораблей. Деньги ему требовались для того, чтобы финансировать флот. Вот перехваченное донесение спартанцев:

«Корабли затонули. Миндар убит, люди голодают. Мы не знаем, что делать».

Нет смысла перечислять тебе, Ясон, все победы Алкивиада. Ты там был. Ты заслуженно получил награду за храбрость при Абидосе. А ты знаешь, что это я писал тебе рекомен-

дацию на награждение? В те дни это была моя обязанность. Вижу, ты покраснел. Не буду больше смущать тебя.

Для молодых солдат и моряков, которые пока что ничего не извели, кроме этих побед, одержанных под началом Фрасибула и Алкивиада, наш триумф казался демонстрацией вполне заслуженного преимущества. Эти победы только подтверждали их право называться афинянами по рождению. Но для тех из нашего поколения, кто успел стать благоразумным, кто приобрел жизненный опыт на чуме и катастрофах, каждое завоевание, стремительно следующее за предыдущим, казалось сновидением. Нет лучшего болеутоляющего, чем победа, говорит пословица. И хотя мы, отмеченные шрамами после Сиракуз, сначала не могли заставить себя поверить в эти победы, наступающие одна другую, — Ведьмина Могила, Абидос, Метимна, бухта Шутовской Колпак, Клазомены, Ямы, Хиос, Девятимильная бухта, второй Хиос и Эритрея, — мы тоже начали верить, что бегство врага не было результатом одного удачного удара или счастливой случайности. Просто Афины обладали такими кораблями, командами и командирами — не считая восставших из Тартара сыновей, — что оказались непобедимыми.

Творилась история. Это было видно даже слепому. Чтя желание Лиона, я стал продолжать его хроники. Во всяком случае, собирал и хранил в своем рундуке документы, которые, как я полагал, когда-нибудь опубликую от имени моего брата. Я даже пошел дальше. Я сам стал записывать и даже делать зарисовки. Только позднее я понял, что подробное изложение хода боевых действий или тактики не интересно ни мне, ни кому другому.

Что всех нас поражало — это не то, что делал наш командир, но как он это делал. Было очевидно, что он манипулировал некоей силой, к которой другие доступа не имеют. Хотя в некоторых случаях он пользовался превосходством своей власти, он никогда к ней не прибегал, чтобы превзой-

ти врага. Он всегда проявлял милосердие к побежденным. Он не хотел преследовать тех, кто действовал против него. Так он поступал не из чувствительности или альтруизма, а просто потому, что считал подобные действия подлыми и лишенными изящества. Вот что он писал Тиссаферну, которого называл другом, несмотря на печальный арест в Сардах и на то, что перс потребовал десять тысяч дариков за его голову:

«...Не обладание силой дает победу, но ее проявление. Способный командир манипулирует не армиями, а восприимчивостями».

В другом месте:

«...Назначение дисциплинированного движения в бою — создать в уме друга убеждение, что он не может потерпеть поражения, а в уме неприятеля — что он не может победить. Для этого прежде всего должен быть порядок».

Алкивиад был ужасно неграмотным. Работая допоздна, он мог разбудить любого, кто оказывался рядом:

— Кирпич, встань. Как пишется *epiteichismos*?

Он ненавидел писать письма. Его секретари шутили, что он даже писал шепеляво. Таким образом многие незавершенные послания закончили свой путь среди мусора, а оттуда попали в мой сундучок.

В записке, адресованной его большому другу Аниту в Афинах, — на самом деле Алкивиад предполагал, что она будет разослана во все политические клубы, — Алкивиад стремился умерить страхи тех, кто способствовал его приговору и ссылке. Многие опасались, что он, возвратившись во главе непобедимого флота, будет мстить им.

«Мои враги обвиняют меня в том, что я хочу влиять на события своей волей ради славы, или ради богатства, или же в интересах тех, кто признает меня патриотом.»

Это ошибочно. Я не верю в персональную волю. Я не верил в это с самого детства. Все, что я пытался сделать,— это следовать диктату Необходимости. Вот единственный бог, которому я поклоняюсь и который, по моему мнению, единственный из богов существует на самом деле. Человек попадает в затруднительное положение только в одном случае: когда он находится в точке пересечения Необходимости и свободы воли. Фемистокла и Перикла отличал их дар понимать веления Необходимости прежде других людей. Как Фемистокл видел, что Афины должны стать морской державой, так и Перикл видел, что преимущество на море — это прообраз империи. Подобная линия поведения индивида или целого народа, сообразуемая с Необходимостью, должна доказать свою неоспоримость. Хитрость заключается в том, что каждый момент содержит в себе три или четыре необходимости. Более того, Необходимость похожа на игру. Когда завершается один вариант, возникает новая необходимость. Что погубило мою карьеру? Я понимал Необходимость, но не смог убедить своих соотечественников действовать в силу этой Необходимости. Теперь же я надеюсь на тебя. Помогите мне. Я надеюсь, что мы наконец-то сможем поступать как зрелые политические деятели».

Фрасибул писал своему человеку, стратегу Ферамену, обеспокоенному тем, что его звезда меркнет рядом с солнцем Алкивиада:

«...Я посчитал весьма полезным относиться к нему не столько как к человеку, сколько как к природному явлению. Я беспокоюсь лишь об Афинах. Я возвратил его из ссылки и тем самым положил свою голову на плаху. Сталкиваясь на море с непревзойденным неприятелем, человек может призвать на помощь шторм. Встретив такого же врага на суше, он в душе молится о землетрясении».

Из того же письма:

«...Помни, друг, что сам Алкивиад не осознает своего дара. Этот дар управляет им. Его нескромность, как бы она ни раздражала тебя, — объективная данность. Алкивиад превосходит всех, к чему скрывать это? Другая линия поведения была бы для него лицемерием, а он — самый искренний из людей».

И еще:

«...Хотя его враги считают его великим обманщиком, фактически он не способен быть двуличным и обо всем, что когда-либо делал, всегда предупреждал заранее».

Люди любили Фрасибула, боялись и уважали Ферамена, но к Алкивиаду они прикипели сердцем. Они относились к нему с необычайной заботливостью и вниманием, как к какому-то волшебному ребенку. Спал ли он? Ел ли он? Раз по пятьдесят в день матросы и морские пехотинцы подходили ко мне справиться о самочувствии их полководца, словно он был лампой чародея и они боялись, чтобы небеса из ревности не задули ее пламени. Телохранители стояли на ушах, заслоняя нашего командира — теперь уже не от беды, а от чрезмерной любви его же людей.

И еще женщины. Они осаждали его тучами. И это были не только hetairai, куртизанки, и pornai, обычные шлюхи, но свободные женщины, девушки и вдовы, сестры, которых приводили их собственные братья. Не раз я вынужден был прогонять какого-нибудь парня, который являлся с собственной матерью. И что же мамаша?

— А как тогда насчет тебя, дружочек?

Подхалимы были в отчаянии оттого, что командир отвергает их.

Что касается самого Алкивиада, то соблазн устраивать кутежи поутих. Его больше не интересовал блуд. Он победил. Он изменился. Скромность шла ему. Она облегла его

плечи в виде простого плаща морского пехотинца — правда, застегнутого золотой фибулой. Он стал новым Алкивиадом, и это ему нравилось. Я никогда не видел, чтобы человек так радовался победам своих товарищей, был настолько чужд зависти, и особенно к тем, кого можно было бы счесть его соперниками, — Фрасибулу и Ферамену. Когда для него освободили виллу на мысе Пеннон в Сесте, он не согласился поселиться там, не желая выселять прежних жильцов. Он продолжал спать в палатке рядом со своим кораблем, не позволяя даже настелить там пол, пока плотники не сделали этого самочинно в его отсутствие. Алкивиад стал прост и непритязателен — порой даже слишком.

В день он отсылал по сотне писем. Вся охрана была занята этим. Секретари сменяли друг друга, часто всю ночь и все утро. Это была нудная работа по сколачиванию коалиции. День за днем следовало распространять свое влияние, применяя лишь силу убеждения.

— Как ты можешь выдерживать это? — спросил я его однажды.

— Что выдерживать? — переспросил он.

Ему это нравилось. Эти письма были для него не тяжелой работой, а живыми людьми. Для него это была симфония, а он наконец-то стал дирижером событий.

Имелись и другие послания, по сути главные. Их он диктовал потом или писал сам. Это были «вдовьи» письма, благодарности покалеченным или павшим — десять, двадцать, тридцать в день. Он адресовал их лично самому получателю, если тот был жив, но часто послания направлялись отцам, матерям, женам. В таких случаях человек, которого Алкивиад хвалил, даже не знал об этом. Можешь представить себе, Ясон, какую гордость приносили эти благодарности тем, кто боялся за своих сыновей и мужей? Уже потом я встречал немало таких людей. Они хранили эти письма, вынимали их с благоговением, чтобы прочитать детям и внукам о храбрости их отцов.

Когда Алкивиад желал отметить флотского, то посылал угощения и вино с поздравлением товарищам этого офицера по столу. Других сажал за свой стол. Но тем, кого он хотел отметить особо, он посылал не благодарения, а испытания. Он назначал их для выполнения самых опасных поручений. На такие задания, говорил Алкивиад, уходят младшими офицерами, а возвращаются старшими.

— Во всем, что он делает, присутствует политика, — заметил Эндий.

Алкивиад вел за собой не приказом, а примером. Вместо того чтобы посылать командиров совершенствовать свою выучку, он сам выходил в море и начинал. Все маневры, которые предстояли флоту, его собственные эскадры проходили первыми. Чтобы достичь необходимого уровня, флоту приходилось сначала превзойти корабли Алкивиада.

Алкивиад не приказывал флоту быть готовым к отплытию до рассвета. Просто капитаны, проснувшись, видели, что их кораблей уже нет — они выполняют маневры.

Своему другу Адиманту командир эскадры писал:

...Если к подчиненному требуется применить силу, необходимо, чтобы она была минимальной. Если я приказываю тебе: «Подними чашку!» и при этом приставляю к твоей спине острие меча, ты подчинишься, но в этом случае ты не возьмешь на себя никакой ответственности за свои действия, сославшись на то, что у тебя не было выбора. Однако если я только предложу, а ты согласишься, тебе придется взять на себя ответственность за данное тобою согласие. И если уж ты согласился — не отступай.

Позднее, когда он взял Византий, характер осады был — если можно употребить такое слово — бодрый. Люди приступили к осаде по своей воле, без притворства и недовольства. И даже противник при капитуляции оказался не подавленным, а полным оптимизма.

Правильный способ овладения городом — предоставить врагу выбор альтернатив настолько многочисленных, что ему придется в конце концов выбирать: сдаться или стать союзником, но не по принуждению, а по доброй воле. От принятого таким образом решения нельзя будет потом отказаться. Такой новый союзник не оставит нас в будущем, если нас постигнет несчастье.

Когда обсуждался план взятия Кизика, Ферамен представил командирам блестящую схему осады, при которой противник будет отрезан со всех сторон. Алкивиад в целом одобрил ее, однако внес следующее изменение: он предложил оставить неприятелю пути отхода.

— Не для того, чтобы он мог убежать, а чтобы знал, что струсил. А мы не только разобьем их, мы навсегда отобьем у них охоту встречаться с нами впредь.

Таким же образом он устанавливал дисциплину на флоте. Он никогда не отдавал распоряжений о телесных наказаниях. Он лишь исключал такого человека из круга общения. Алкивиад считал, что подобные исправительные меры щадят моральные силы провинившегося, а с другой стороны, могут побудить его возвратиться в строй с удвоенной решимостью и волей. Если кто-либо совершал один и тот же проступок дважды, его ссылали в тыл, к обозу и трусам. Подобными мерами Алкивиад заменил позорные столбы.

Я стал свидетелем таких акций в отношении младшего Перикла, уже отличившегося командира эскадры. Он говорил мне с ужасом:

— Это посредственность, Поммо, ты понимаешь? Алкивиад этого допустить не мог. И люди готовы скорее умереть, чем снизить требования. Помнишь ночь, когда мы делали промеры возле Элеи? Я готовил отчет, пытаюсь составить его как можно лучше. Он не произнес ни слова. Только посмотрел на меня. Боги, я скорее пройду сквозь строй, чем снова почувствую на себе этот взгляд. Этот взгляд говорил: «Я так много ждал от тебя, Перикл, а ты подвел меня».

Результатом принципа приложения минимальной силы стала минимизация надзора. Когда Алкивиад знакомил командиров с планом сражения, он обозначал лишь цель, давая офицеру возможность самостоятельно найти способ достижения этой цели. И чем сложнее была работа, тем меньше вмешивался он в нее. Я никогда не видел, чтобы он отдавал приказы, сидя за рабочим столом.

Всегда давай человеку задание труднее, чем он способен выполнить согласно его собственной оценке своих возможностей. Заставь его мобилизовать все силы. Таким образом ты вынудишь его искать в себе свежие ресурсы, в себе и своих подчиненных, тем самым повышая способности каждого и заставляя всех рисковать ради славы.

Письмо Адиманту:

Мы заставляем наших противников признать свое поражение; точно так же мы должны заставить наших друзей признавать их победы. Чем меньше ты даешь человеку, чем больше он преуспел, несмотря на минимум твоей помощи, — тем дороже ему его достижения. Помни, поднять флот мы можем лишь двумя способами: либо набирая лучших людей, либо улучшая тех, кого имеем. Даже если бы можно было осуществить первое, я бы от этого отказался; нанятый человек может перейти на другой корабль, а тот, кто овладел мастерством, останется преданным кораблю и командиру до конца.

Был один гребец с корабля «Мнемосина» по имени Лисики. Он не умел плавать. Его товарищи перепробовали все средства, но научить не смогли. Узнав об этом, Алкивиад однажды зашел с ним в море ярдов на пятьдесят от берега, где на якоре стояло его судно. Зрелище было необычное. Собрались сотни моряков — поглазеть, что будет. Алкивиад несколько минут что-то спокойно говорил своему спутнику.

Тот зажмурил глаза и плюхнулся в пенистые волны. Когда он это сделал, весь берег взорвался восторгом.

Что же сказал Алкивиад тому человеку?

— Он сказал мне, что я могу это сделать, и заставил поверить ему.

Когда «Пенегирис» и «Аталанта» были сильно повреждены в Девятимильной бухте и их триерархи, вина во всем себя, пали духом и были неутешны, Алкивиад вызвал их в свою палатку. Раздевшись, он велел им осмотреть многочисленные раны на его теле.

— Для меня лучше тот, кто в схватке с врагом заработал несколько шрамов, чем вся бронзово-великолепная регата. Капитанов без шрамов я могу отыскать везде. Но где я найду таких смелых людей, как вы и ваши ребята?

А вот что он писал молодому Периклу и его офицерам, когда те попросили дополнительных кораблей:

Никогда не забывайте: вы командуете афинянами. Нельзя определить, что именно делает наших соотечественников великими. Отвага и ум, приспособляемость и твердый дух. Дайте это мне, и я достану вам столько кораблей, сколько потребуется.

Он наказывал людей, лишая их общения с собой, он награждал их, допуская их до себя. Он любил, когда его офицеры находились рядом, особенно в поздний час, когда он работал.

— Не забывайте, друзья мои, что доступ к вашей персоне — это мощный стимул для тех, кто ниже вас по положению. Улыбка, доброе слово, даже прозвище, произнесенное с любовью. Вспомните, как мальчишками мы гордились, если наши отцы сажали нас на колени. Приглашение отобедать с командиром делает легковыполнимым самое трудное задание. Не отгораживайтесь от простых солдат. Деньги не могут заменить награды вниманием, и люди это знают.

Он учил своих капитанов мыслить в масштабах эскадры, не ограничиваясь одним кораблем, и всегда иметь в виду

флот как целое. Сколько эскадр, где и как быстро можно поставить их на якорь; как быстро твой корабль сможет прибыть им на помощь. Алкивиад с гневом реагировал на доклад о судах, покинувших боевой порядок. Фраза «в поддержку» содержится во всех его приказах. В любой схеме сражения первый его вопрос был: «Кто обеспечивает поддержку?»

В наступлении он требовал, чтобы корабли следовали борт к борту и каждый черпал силы в близости своих товарищей. На море он день и ночь поддерживал сигнальную связь, добиваясь того, чтобы все корабли превратились в единое целое. Когда с моряком происходил несчастный случай, он отказывался изолировать раненого. Раненых должны были отправлять в тыл в сопровождении их товарищей по кораблю, независимо от количества носилок на палубе и следов крови на спинах гребцов. Каждый должен знать, что его никогда не оставят, что товарищи унесут его.

— Никто так не боится смерти, как моряк, ибо пехотинец падает на землю, с которой его можно поднять и вылечить. А моряк падает в пустое и безжалостное море.

Вот что он написал младшему Периклу, когда услышал, что тот кричал на гребца:

Пехотинец может сражаться без своего капитана. Он в состоянии убежать от него. Но моряк вступает в бой в связке со своим капитаном, и ничто не отделит его от ада, кроме веры в тебя и свой корабль.

Алкивиад без устали тренировал флот. Он учил, как представлять себя; как малому числу выглядеть большим, а большому — малым. Он практиковал использование мысов для маскировки нашего присутствия и количества кораблей. Он приучил людей выходить в море в любую погоду, ибо штормы и шквалы не только обеспечивали скрытность, но и помогали ввергать врага в ужас. Победу при Кизике он добыл тем, что спрятал флот под ливнем, которого ждал

несколько месяцев. Разведка на суше определила, что в этот час этого сезона можно рассчитывать на такую погоду.

До появления Алкивиада люди имели обыкновение разделяться по специальностям. Морские и сухопутные пехотинцы презирали *nautai* — гребцов и матросов. Гребцы верхнего яруса пренебрежительно относились к трюмным гребцам, а кавалерия считала себя выше всех. Алкивиад уничтожил это различие — не поркой, а славой. Позднее, когда Фрасибул вышел из Афин с тысячей тяжелой пехоты и пятью тысячами матросов, обученных как копьеносцы, но потерпел поражение при Эфесе, люди Алкивиада не позволили им вступить в лагерь. Они, которые никогда не были биты, презирали своих соотечественников, позволивших врагу одержать над ними верх. Алкивиад прекратил это, выставив их бок о бок против главных сил спартанцев. Победа ликвидировала все различия.

Алкивиад старался держать свежими те эскадры, которые не участвовали в кампании или рейдах, используя их, чтобы очаровать гражданское население. Слух об афинском военном корабле, стоящем на якоре в бухте, привлекал людей издалека. Не отталкивая этих простаков, Алкивиад разрешал им подняться на борт. Пусть увидят, что такое боевой корабль и боевая команда. Он подбирал людей специально, чтобы произвести впечатление, ибо юность заставляет искать себе героя и образец для подражания. «Они нам все расскажут». Сведения о приливах, течениях и погоде Алкивиад ценил выше серебра. Рыбаков, которых спартанцы презирали, он объявил фаворитами. Не было ни одного обеда, на котором не присутствовал хотя бы один представитель этой профессии. А потом Алкивиад подробно расспрашивал того об особенностях пролива и канала, о штормах и сезонных сменах погоды.

Под обстрелом я не могу читать карту; это делает навигатор за моим плечом, который говорит, что надо идти туда, где зыбь.

Часто он сам проводил рейды, возникая из темноты, чтобы напасть на гавань, или появившись при дневном свете. Он приводил население в больший ужас, чем целый гарнизон, оккупировавший город. Ему нравилось поднимать магистратов с теплых постелей. Этих он часто допрашивал лично и возвращал домой с подарками. Его целью было лишь поразить местных жителей мощью своего флота. Ведь если человека внезапно разбудить ночью, он на все будет смотреть расширенными от страха глазами, а потом станет говорить о непобедимости того, кто захватил его.

Алкивиад стремился не муштровать свой флот до оупляющего единообразия, но оживить его индивидуальностью и предприимчивостью.

...В каждом бортовом коридоре и эскадре нужно поддерживать желание отличиться в чем-то, показать свое умение, свой талант, нечто, благодаря чему они превосходят всех и чем могут гордиться. Пусть каждый бортовой коридор имеет вдвое большее количество морской пехоты, пусть они тренируются в использовании «кошек», пусть учатся управлять быстроходными шлюпками. Пусть другие строят свои крамболы коринфского стиля и называют себя «молотом» или «тараном». Когда матросы разных эскадр встречаются в таверне, я хочу, чтобы они оскорбляли друг друга. Я хочу, чтобы возникали драки. И чем больше, тем лучше, потому что после таких драк люди сближаются еще больше.

Вот как он набрал кавалерию. В результате рейдов в поддержку флота он познакомился с Фракией, узнал орды ее конников и ее жестоких властителей. Особенно близко он познакомился с двумя: Севтом, сыном Майсада, и Медоком, правителями одрисов. Фрасибул и Ферамен убеждали его, что он должен им понравиться. Армия может приобрести кавалерию только здесь, и нигде больше. Но Алкивиад

действительно понимал этих диких конников. К ним нельзя приблизиться без подарка, и предложение дружбы должно быть обставлено эффектно и величественно.

У Алкивиада было два любимых триерарха, братья Дамон и Несторид, из его родного круга Скамбонида. Они были самыми молодыми на флоте, одному двадцать три года, другой на год моложе. Помнишь скандал в Афинах, в юношеском хоре? Это случилось за десять лет до Сиракуз. Аксиох, дядя Алкивиада, финансировал хор безбородых юнцов на празднике Панафиней. На праздновании их победы Алкивиад забрал юношей в свое поместье на всю ночь, вместо того чтобы вернуть их домой, к их отцам. Дав своим гостям впервые в жизни отведать вина, он пригласил к ним целую когорту пленительных *hetairai*.

Он совратил мальчиков. Это вызвало ужасный переполох. Был подан иск в суд за грубое нарушение прав человека, *hybris*. Это было в те времена, когда Мелет издал свой знаменитый вердикт «Привлекать к ответственности не шлюх, а их хозяев». Алкивиад, конечно, считал, что награда стоит риска. Он увидел в этих парнях цвет города, будущих командиров и стратегов. Управляя переходом их во взрослое состояние, он пытался произвести самое неизгладимое впечатление на их молодые души, привязав их к себе нерасторжимыми узами.

А теперь братья Дамон и Несторид прибыли из Афин. Алкивиад определил их к эпибатам. Для командования флотом они были слишком неопытны и могли вызвать мятеж среди старших офицеров.

Вот как он дал им корабли. Сначала он отправил этих парней как морских пехотинцев в несколько разведывательных рейдов, чтобы собрать сведения о строительстве спартанских кораблей в Абидосе. Десять дней они наносили на карту верфи и подходы к ним. Они сообщили, что ремонтируется четыре корабля, почти готовые к отплытию.

— Приведите один — и вы будете командовать им, — обещал он.

В дождливую ночь юноши сошли на берег с тридцатью сопровождающими. Антиох ждал на воде с четырьмя быстроходными триремами. Они оттащили не один, а два корабля, назвав их «Пантера» и «Рысь». И эти котята принялись наводить ужас на всех. Они покрасили корпуса в черный цвет и нарисовали кошачьи глаза на носу каждого корабля. Они совершали набеги по ночам, что повергало в смятение каждого второго капитана. Эти пареньки, которым не исполнилось и двадцати четырех, оборвали цепь в Абидосе, открыв гавань для вторжения, в результате которого сгорела половина территории пристани, убиты десяток магистратов и администраторов; а секретарь Фарнабаза был похищен прямо из постели своей любовницы. Вместе с секретарем украли и все его записи. Но главным подвигом «котят», в результате которого флот получил кавалерию, был угон четырехсот женщин.

Это были две партии рабынь, по сто пятьдесят в каждой, чьи передвижения выследили братья-афиняне. Алкивиад приказал держать их под наблюдением по всему берегу у подножия горы Коппий. Женщины были пленницами из фракийского народа одрисов. Они занимались ирригационными работами. Алкивиад отправил братьев в сумерки с двенадцатью кораблями. Женщины выбежали к ним навстречу, они входили в воду, крича от радости, а их хозяева-персы в беспорядке побросали в эллинов копья, а потом, как сумасшедшие, бросились бежать в долину реки Каик.

«Кошачьи глаза» привели девушек обратно в Сест, думая, что Алкивиад хочет продать их держателям борделей. Но вместо этого их командир приказал им вымыться, умастить себя благовониями. А матросам велел относиться к пленницам как к благородным женщинам. Это был подарок властителям одрисов.

Сначала он послал ребят сообщить этим варварам, что Алкивиад хочет встретиться с ними и просит назначить место и время. Он сам усадил женщин на четыре галеры

и дал в сопровождение дюжину военных кораблей. Девушки были наряжены невестами, чтобы стереть стыд пребывания в плену. Теперь они смогут стать законными женами тех, кого им выберут в мужья властители. Он доставил их на ничейную полосу Салмидесса, где и представил их Медоку, Бизанту и Севту.

Клянусь Кастором и Полидевком, эти шлюхины сыновья умеют быть благодарными! Они тут же предложили Антиоху и парням по женщине, не принимая отказов, и привели пятьсот лошадей — подарок для Алкивиада. Ты когда-нибудь видел пятьсот лошадей, Ясон? Это зрелище! Мы, из сопровождения, хотели только одного: загнать животных в загон и убраться до того, как дикари передумают.

И вот теперь ударил гром. Алкивиад отвергает дары одрисов. Он не принимает лошадей. Еще хуже: он сообщает Севту, что тот оскорбил его, предложив ему животных вместо того, чтобы подарить нечто иное. Ему самому должно быть известно, чего жаждет его гость. Стояла глухая ночь. Горели сотни костров. Корабли ждали, вытасценные на прибрежную полосу. Повсюду скакали фракийцы, вдрызг пьяные, мужчины и женщины; а армия, в тысячу раз превосходящая нашу группу, заполняла всю долину. И еще более зловецкая фигура — наш хозяин Севт, сумасшедший седец, нализавшийся до одури, как все привыкли в этой стране. Они не верят решениям, пока не напьются. И как все фракийцы, он считал делом чести превзойти в щедрости любого, кто предложит что-то первым. Если он не может отдариться богаче, чем мы оделили его, то что же остается, кроме кровавой бани? Алкивиад повторяет, что своим подарком властитель оскорбил его. Он поворачивается к нам, двум десяткам своего эскорта, и приказывает немедленно подняться на борт и исчезнуть.

Севт не допустил этого. Он приказывает привести лошадей и начинает расхваливать перед гостем и своими соплеменниками великолепные качества этих животных, в

которых — и это все знали — так отчаянно нуждались Афины. На губах одриса уже появилась пена. Что это за человек, вопрошает он Алкивиада, что это за командир, который отвергает такое богатство — если не для себя самого и своей славы, то хотя бы ради доблестных воинов, ему доверенных?

Алкивиад стоял, качаясь, такой же пьяный, как и его хозяин. Он объявил, что фактически он будет самым богатым человеком на востоке, если получит от Севта желаемое.

— Да что же это такое? — строго вопрошает одрис.

— Твоя дружба!

В одно мгновение Алкивиад протрезвел, став таким хладнокровным и сосредоточенным, что было понятно: он ни на секунду не отвлекся, его взгляд не упустил ни одного из бандитов, что резвились возле костра. Если сейчас я приму этих лошадей, объявляет он, то уплыву с великолепным подарком, но сам останусь бедняком. Если же я оставлю лошадей вам, их хозяевам, и уеду, унося с собой вашу дружбу, — и тут он приближается к Севту, который тоже протрезвел, — тогда я буду считать, что в число моих богатств включены не только эти храбрые животные. Ведь я могу попросить их у моего друга в любой момент, когда пожелаю. И не только их, но и могучих воинов, которые будут сражаться, оседлав их. Ибо мой друг не пришлет мне одних лошадей, оставив меня с пустыми руками перед моим врагом.

Но Севт — не дурак. Он знает, что человек, стоящий перед ним, спланировал это в тот самый миг, когда увидел женщин на берегу. Он признает гениальность хода. Алкивиад знал все это заранее. Знает афинянин и то, что Севт все это понял и признал. Да, Севт тоже желает быть гением. Он понимает, что сейчас получил наставника, который сделает его своим другом, который будет советовать и учить, который научит его быть гениальным. Властитель одрисов обнимает Алкивиада, его соплеменники вопят и улюлюкают. Мы наконец-то переводим дыхание.

И он пришел со своими лошадьми, этот Севт. И лошадей было не пятьсот, а две тысячи, когда флот и армия взяли Халкедон и Византий, закупорив проливы. То был самый черный период войны для спартанцев. Но я забежал вперед. Мне следует вернуться к одному поворотному моменту истории.

Спустя месяц после великой победы при Кизике, когда мы проходили проливы, флагманский корабль был встречен курьерским тендером с Самоса. Ночь была лунная. Тендор послал нам световые сигналы. Суда сошлись на середине канала. Государственная галера «Парал», сообщили с тендера, прибыла из Афин с новостью! Спартанский посол обратился к Народному собранию с запросом о мире! Эта весть была встречена бурной радостью. Все хотели поскорее узнать условия мира, которые заключались в том, что военные действия прекращаются, каждая сторона уходит с чужой территории, все пленные возвращаются домой. Снова крики радости. Команда кричала, что скоро они пойдут по домам.

— Спартанцы сейчас в Афинах? — крикнул Алкивиад курьерам.

— Да!

— Кто возглавляет посольство?

— Эндий!

Снова возгласы одобрения.

— Лакедемоняне оказали тебе честь, Алкивиад. Иначе зачем было посылать Эндия, твоего друга? — Это сказал Антиох, навигатор Алкивиада, один из тех, кто делил с ним ссылку и был в Спарте. — Это свидетельствует о том, что хоть они и считают тебя изгнанником, но все же чтут в тебе выдающегося афинянина.

Корабль Фрасибула «Стремление» подошел с подветренной стороны и теперь находился в пределах слышимости. Его рулевой крикнул:

— Что, мы вправду можем идти домой?

Алкивиад не ответил. Он стоял неподвижно, спрятавшись от лунного света в тени ахтерштевня.

— Это не предложение мира, — спокойно сказал он офицерам на юте и кормовым гребцам, — а уловка, чтобы отрезать вас и меня от народа и уничтожить нас всех.

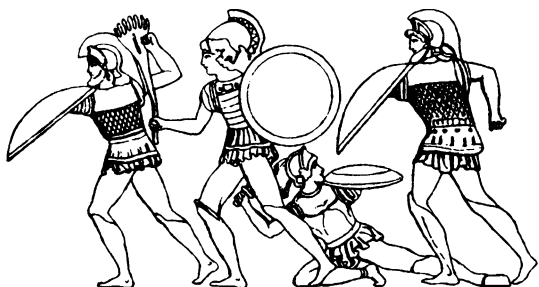
Он повернулся к своему навигатору:

— Просигналь всем: плывем к Самосу. Фрасибулу: следовать за нами по одному.

Потом — к Антиоху, стоявшему у руля:

— Плыви-ка теперь вон туда, к могиле Ахилла.

Глава XXX У МОГИЛЫ АХИЛЛА

Долина реки Скамандр сегодня такая же иссушенная ветрами, как и тысячу лет назад, когда Троя пала под тяжестью Ахиллова копья. На береговой полосе, куда гомеровские ахейцы вытащили свои пятьдесят беспалубных кораблей, сегодня афиняне и самосцы ставят свои двести, украшенных бронзой. Тот пресноводный ручей, возле которого Диомед преследовал Сарпедона, все еще течет, и вода в нем холодная и приятная на вкус. Десятки раз мы проводили здесь ночи, плавая по Геллеспонту туда-сюда, но никогда прежде наш командир не приводил нас к этим курганам.

Их всего восемнадцать. Семь высоких — для ахейцев, микенцев, фессалийцев, аргивян, лакедемонян, аркадийцев и фокийцев; одиннадцать поменьше — для отдельных героев; и наконец пара соединенных курганов — Патрокла и Ахилла.

Сегодня ночью холодно. Ветер клонит траву на неухоженных склонах могил. Овцы топтали на них ступени. Мы спросили у не-

скольких мальчишек, под каким курганом спит Ахилл. Мы предложили им пару монет за эту услугу. Они непонимающе посмотрели в ответ:

— Кто?

На этой равнине, заметил Алкивиад, люди Запада принесли войну людям Востока и победили их. Наш командир мечтал повторить это. Заключить союз со Спартой и напасть на Персию.

— Пока я был на флоте, — заговорил он, — мы считали, что должны привлечь Персию на свою сторону и с ее помощью победить спартанцев. Призрак ли это? Верю, что призрак. Персия никогда не станет союзником Афин. Наши амбиции на море находятся в непримиримом конфликте с ее амбициями. Она никогда не позволит нам победить в этой войне. И хотя мы разбили армии ее сатрапов по всему берегу, богатства империи снова пополнились. Персидское золото делает спартанцев непобедимыми. Мы уничтожаем один их флот, они строят другой. Мы не в состоянии патрулировать каждую бухту Европы и Азии.

Фрасибул выразил протест. Ему надоела война, он очень хотел бы принять предложенное перемирие.

— Враг оказывает тебе честь, Алкивиад. Единственное, что требуется, — это пожать его руку, и мир наш.

— Друг мой, намерение спартанцев — не оказать мне честь, а с помощью этой уловки заставить наших соотечественников бояться моих амбиций. Они благосклонны ко мне потому, что желают вызвать у афинян страх передо мной. Я вернусь с победами, которые одерживал этот флот, и назначу себя тираном. Вот чего должны опасаться люди Афин. Если сейчас спартанцы победят — то есть подстрекут народ сместить меня, — это и будет настоящей победой Спарты. Вот их цель, а вовсе не мир. Мы должны одержать еще больше побед, — сказал Алкивиад. — Еще и еще, пока наш флот не станет абсолютным властелином Эгейского моря, всех проливов, каждого приморского города. Мы долж-

ны установить полный контроль над путями транспортировки зерна. До тех пор мы не можем вернуться домой.

Люди, сидевшие вокруг костра, легко могли представить себе бастионы Селимбрии, Византия и Халкедона — каждый из них взять не проще, чем Сиракузы. Какие испытания мы должны пройти, чтобы завладеть ими? Фрасибул бросал недовольные взгляды на тлеющие угли.

— Ты хочешь сказать, что ты не возвращаешься домой, Алкивиад. Но я-то вполне могу вернуться.

Он поднялся, пошатываясь, — ноги моряка, не привыкшие носить его по суше, плохо повиновались.

— Сядь, Кирпич.

— Не сяду. И не приказывай мне.

Он был пьян, но говорил отчетливо и отдавал себе отчет в своих словах.

— Ты можешь не возвращаться домой, дружище, до тех пор, пока не покроешь себя такой славой, что никто не посмеет даже срать на расстоянии двухсот метров от тебя. Но я могу уйти. Мы все можем. Все, кому опротивела эта война, кто больше не хочет сражаться.

— Нельзя уходить никому. И тебе — в первую очередь, Кирпич.

Люди смотрели на них, не зная, чью сторону принять. Алкивиад видел это.

— Друзья мои, если ваши глаза не могут разглядеть веления Необходимости, прошу вас довериться моим. Разве я не вел вас только к победе? Спартанцы размахивают перед вашим носом мирным договором, а вы хватаете его, как голодные лисы зимой. Мир для них означает передышку, чтобы подготовиться к новой войне. А мы? С каких это пор победитель покидает поле боя, имея меньше, чем вначале? Как можно уйти, если мы в силах взять еще больше? Посмотрите вокруг, друзья! Боги привели нас в эту долину, где греки покорили троянцев, чтобы направить нас своей волей туда, где нам предназначено сыграть роль судьбы!

Неужели мы умрем в теплых постелях, восхваляя мир, этот призрак, которым обманывают нас наши враги, которые не в состоянии победить нас на море? Я презираю мир, если он означает наше поражение, и я призываю в свидетели кровь, пролитую этими героями.

Он встал, обращаясь к Фрасибулу.

— Ты обвиняешь меня, друг мой, в том, что я жажду славы ценою преданности нашему народу. Но здесь нет противоречия. Слава — это судьба Афин. Афины были рождены для славы, а мы — сыновья их. Не обесценивайте себя, братья, считая себя хуже этих героев, чьи тени слушают нас сейчас. Они, как и мы, были людьми — не больше. Мы одержали такие же победы, если не большие, и будем побеждать и впредь.

— Те, с кем ты призываешь нас состязаться, мертвы, Алкивиад, — промолвил молодой Перикл.

— Никогда!

— Мы ведь расположились лагерем возле их могил.

— Нет, они никогда не умрут! Они живее нас, они не на полях Элизия, куда, как говорит Гомер, «не могут последовать ни боль, ни горе», но здесь, в этой ночи и в нас самих. Мы не можем вздохнуть без их дозволения или закрыть глаза и не увидеть перед собою их наследие. Они — это мы, они больше, чем кости и кровь. Они делают нас теми, кем мы являемся. Да, я встал бы в их ряды и взял бы вас с собой. Не в смерти и загробной жизни, но во плоти и с триумфом. Ты требуешь, Кирпич, чтобы я посмотрел на сидящих вокруг костра. Я смотрю. Но я не вижу смиренных и кротких. Я вижу храбрых и живых, людей, которым можно доверить войска, людей, которые с этими войсками будут непобедимы. Я вижу почти сроднившихся собратьев, которые скажут — когда придет смерть, как приходит она ко всем, — что они выпили свою чашу до дна, не оставив ни капли. Сегодня мы сплочены, как братья. Что может быть лучше? Оказаться в таком месте среди храб-

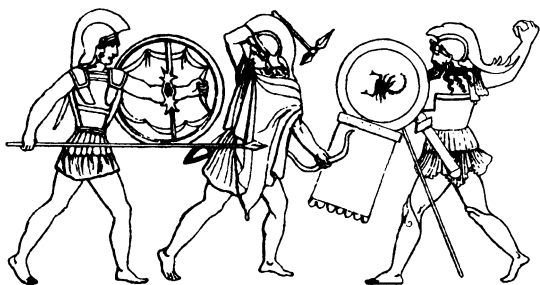
рых, великолепных друзей! Найдутся ли более великие, чем те, кто жил давным-давно? Стоять среди них — большая честь! Но нельзя влиться в их ряды ценой лишь смертельного ранения железом. Пошлина при входе — вечная слава, завоеванная ради того, что любишь, ценою риска всем, что любишь. Я заплачу такую пошлину с радостью. Давайте поделим трапезу, братья, с теми, кто принес пламя войны на Восток и объявил его своим.

Фрасибул стоял, глядя на уголья, которые разворотил его товарищ так, что они вспыхнули.

— Ты поражаешь меня, Алквиад.

Глава XXXI

БОЖЕСТВЕННОЕ БЕССТРАШИЕ

Я находился в Афинах,— продолжал дед,— когда Алкивиад захватил Халкедон, Селимбрию и Византий. Он говорил, что должен сделать это,— и сделал.

Халкедон он окружил стеной от моря до моря, а когда Фарнабаз напал на него со своими войсками и кавалерией и одновременно с тем Гиппократ, командир спартанского гарнизона, обрушился на него из города, Алкивиад разделил свои силы и разгромил обоих. Гиппократ был убит. В Селимбрии Алкивиад сам поднялся на стены вместе с ударной группой. Тайные сторонники афинян внутри города сговорились сдать город. Но когда одному из них не хватило мужества, другие подали сигнал преждевременно. И Алкивиад оказался отрезанным от остальных войск. С ним была лишь горсть людей. Защитники Селимбрии обрушились на него. Он приказал трубить в трубы, а потом, в полной тишине, велел населению сдать ору-

жие в обмен на милосердие. Это было сказано достаточно повелительно, чтобы заставить врага поверить в уже свершившееся падение города. Фракийцы требовали разграбить город до основания. И население согласилось сдаться, если Алкивиад отзовет своих псов. И он сдержал слово. Ни с кем не обошлись плохо, только потребовали, чтобы Селимбрия снова стала союзником Афин и от имени Афин открыла проливы.

Византий он окружил осадными сооружениями и заблокировал его с моря. Затем дал знать, что его отзывают неотложные дела, и, явно напоказ, посадил всех осаждающих на корабли и отплыл. В ту же ночь он возвратился под покровом темноты, чтобы обрушиться на охрану, которая ничего не подозревала.

Теперь Алкивиад выполнил все, что обещал. Он обезопасил Геллеспонт и разбил все силы, что были направлены против него. Он покрыл себя такой славой, что мог наконец вернуться домой.

Я уже говорил, что в то время я находился в Афинах. Дважды костоправы кроили мои ноги, и каждый раз происходило нагноение неиссеченной ткани. Моя жена едва не умерла от страха за меня. Мне-то было легче. Я был герой. Те, кто обеспечил Алкивиаду изгнание, и те, кто своим молчаливым согласием содействовали этому, теперь искали союза со мной и другими офицерами, имеющими отношение к его победам, а также с теми, кого Алкивиад, Фрасибул и Ферармен продолжали в качестве поощрения посылать домой на отдых. Вскоре и эти трое тоже отправятся домой. Афины ждали их, как невеста любимого.

Оказалось, что и мой подзащитный тоже ненадолго показался в Афинах. Об этом эпизоде следует рассказать, поскольку его последствия оказали влияние если не на самый ход войны, то, во всяком случае, на направление, в каком она могла бы пойти, если бы события развивались по-другому.

Полемид возобновил свой рассказ двадцать восьмого гекатомбэона, в день Афины. В этот день его сын — названный Николаем в честь его отца — появился на пороге моего дома, умоляя взять его с собой в тюрьму. Но здесь следует остановиться. Возвратимся к Геллеспонту и рассказу Полемиды.

Весть о миротворческой миссии Эндия, — возобновил повествование Полемид, — достигла пролива за два дня до того, как корабли Алкивиада возвратились от могилы Ахилла. Многие праздновали. Верили, что теперь-то войне конец. Я тоже принял довольно, но веселье было прервано. Меня позвали. От имени Алкивиада Мантитей велел мне упаковать свой рундук, никому ни слова не говоря. Позже, когда уйдут секретари, я должен был явиться на командный пункт.

Я вспоминаю эту ночь еще и потому, что встретил Дамона по прозвищу Кошачий Глаз. Должен сказать, что лично Алкивиаду я уже не служил. Я попросился уйти и был отпущен. Я не мог выносить сводничества. Теперь я служил у молодого Перикла на «Каллиопе».

Дело было так. Многие соревновались, кто доставит больше женщин своим командирам и у кого женщины будут лучше. Некоторые офицеры превратились в профессиональных сводников. Они привозили женщин даже из Египта. Любую красавицу, на какую только наткнутся в поле, заталкивали в мешок и доставляли начальству. Иногда нашему командиру требовалось две-три на ночь, просто для того, чтобы потом заснуть. Вот таким делом он занимался. Но я больше не мог стоять у его порога, отгоняя отвергнутых любовниц, готовых покончить с собой. Когда я попросил отпустить меня, он засмеялся.

— Удивляюсь, что ты продержался так долго, Поммо. Наверное, ты любишь меня больше, чем я думал.

В эту ночь, вернувшись после ухода секретарей, я встретил этого Дамона. С ним была девушка — его невеста, как он сказал. Он хотел показать ее Алкивиаду. Можно ему войти первому?

Одного взгляда на девушку оказалось достаточно, чтобы понять: она красива, хотя и не милевиднее любой из десятка предыдущих. Дамон и девушка вошли, я ждал. Наступила моя очередь.

Помещение было пусто. Ни одного младшего офицера, ни одного матроса.

— Сегодня утром я отправляю к Эндию посольство на «Парале», чтобы передать официальный ответ стратегов на предложение спартанцев о мире. Ты будешь неофициальным послом. Только от меня.

Алкивиад сказал, что никаких письменных документов у меня не будет. Ни на одной границе я не должен отмечаться. Я передам его сообщение лично Эндию. Если меня будут спрашивать, зачем я приехал, я могу придумать все что угодно. Алкивиад спросил, знаю ли я, почему он посылает меня, а не кого-нибудь другого.

— Эндий поверит тебе. Тебе не надо ничего делать, Поммо, просто будь самим собой. Солдат, отправленный по поручению солдата.

Послание заключалось в следующем: если Алкивиад сможет убедить Афины, сможет ли Эндий, в свою очередь, убедить Спарту на самом деле закончить междоусобную войну и бороться сообща против Персии?

Он засмеялся.

— Ты даже не моргнешь, Поммо?

— Я тебя давно знаю.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно. После Сиракуз, когда мы уничтожили Миндара, я ожидал, что спартанцы пошлют вместо него Эндия или Лисандра — они намного

более способные командиры. Тот факт, что они отправили Эндия в качестве миротворца, означает поражение его партии. Лисандр откажется от него, если уже не отказался. Не трать времени на то, чтобы убеждать Эндия в мудрости моего предложения. Он знает об этом уже много лет. Однако отнесется все равно с подозрением. Он решит, что я хочу командовать этой коалицией. Скажи ему, что я уступаю лидерство ему или любому, кого он назначит. И если он засмеется, — а он будет смеяться и скажет, что знает: мол, я уже задумал сместить любого сукиного сына, который перейдет мне дорогу, — засмейся тоже и скажи ему, что он прав. Но это случится потом, и у сукиного сына будет время подготовиться. Скажи ему, что эфоры перехитрили самих себя, когда выбрали его миротворцем. Теперь я не могу возвратиться домой, пока не очищу море от врагов моей страны. Он будет знать об этом. Дело в том, что тогда будет уже поздно. Если он сможет убедить Спарту, то делать это надо скорее, иначе афинский народ, воодушевленный моими победами, выдвинет такие требования, на которые Спарта никогда не согласится. Если Эндий спросит тебя о Персии и ее уязвимости, сообщи ему все, что видел своими глазами. Никакой персидский флот не устоит перед кораблями Афин, и никакие сухопутные силы не сравнятся с армией Спарты. Дарий хворает. Последующие распри разорвут его державу на части. Когда ты скажешь это, Эндий подумает, что одновременно с посольством к нему я отправил людей ко двору Персии, предлагая варварам заключить союз с нами, так как я знаю, что посланцы Спарты уже на пути к Великому Царю. Скажи только, что я должен действовать в своих интересах, как он — в своих, но последнее слово пусть останется за Необходимостью. Иногда следует доверять друг другу. Если богам угодно, такое доверие да будет между ним и мною. Разузнай, что можешь, о партиях Лакедемона, но не слишком нажимай. Эндий будет знать, что можно сделать, а нам этого знать не

надо. Спроси, однако, о возможности привлечь Лисандра или даже Агиса. Я согласен на любого или даже на обоих. Эндий поймет, конечно, что подобный союз между нашими городами вызовет новую войну между нами. Скажи ему, что я скорее приму участие в той войне, чем в этой, которая может уничтожить нас обоих. В таком случае восторжествуют наши враги.

Я спросил: а что, если Эндий потребует, чтобы я вернулся с ним в Лакедемон и повторил все это перед другими сторонниками из его партии?

— Поезжай. Мне нужно, чтобы ты разузнал как можно больше. Нигде не показывайся. Если тебя увидят в каком-то городе, наши враги узнают, что ты явился от меня, они выведают, к кому я тебя послал. Дерзость удара дает шанс на успех. Малейший преждевременный намек обрекает все на провал.

Он дал мне денег, назвал пароли, сказал, на каком корабле я поплыву до Пароса, откуда должен буду добираться самостоятельно. Я приготовился уходить.

— А ты действительно этого хочешь, Алкивиад? Или я буду рисковать собой ради какой-то уловки?

Когда он смеялся, то молодец на глазах.

— Когда мы вернемся домой, Поммо, — а мы это сделаем! — когда придет время, Афины сами преподнесут мне себя на блюде. И тогда никакая опасность не будет нам грозить. Будет наведен такой порядок, что их разочарование покажется им катастрофой похуже Сиракуз. Ты знаешь, почему я называю людей и флот Чудовищем? Потому что их необходимо кормить каждый день, а если их не кормить, они пожрут тебя, меня, а потом и друг друга.

Он произнес это легко, как игрок, давно уже спустивший свой дом и богатство и теперь поставивший на кон свою жизнь. Я понял тогда и верю сейчас, что его бесстрашие было не человеческим, а божественным.

— Победа над врагом — это детская игра по сравнению с кормлением Чудовища, что само по себе — ничто по срав-

нению с народом Афин, Верховным Чудовищем. Особенно когда он сильно возбужден. А таковым он сделается при нашем возвращении со славой. Ты понимаешь, друг мой? Мы должны предложить этому Чудовищу предприятие, соответствующее его аппетитам.

Он опять засмеялся, словно мальчишка.

— Вот как действует судьба. Как сегодня, когда сталкиваются Необходимость и свобода воли.

Я услышал шорох, доносящийся из соседнего помещения. Повернувшись, я заметил в тени силуэт женщины.

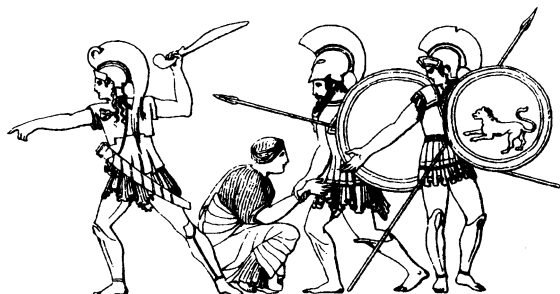
— А теперь ступай, старина, «чтобы рассвет не застиг тебя, гонимого вечнобурливым морем».

Проходя мимо таверны под названием «Морской угорь», я заметил Дамона — одного, уже пьяного. Он продолжал пить. Я спросил, где его девушка.

— Я кретин, — объявил он, — и заслуживаю то, что полагается кретину.

Глава XXXII

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ СТОРОНЕ ЖЕСТОКОСТИ

Ту девушку звали Тимандра. Всего через несколько лет в ее одежды будет завернуто тело Алкивиада — за неимением ничего другого, что можно было использовать в качестве савана.

Тогда, на проливе, ей было двадцать четыре года. Она попала ему в руки, и с тех пор ни одна женщина не могла заменить ее. Она была тем, что ему требовалось. Оба поняли это сразу. Других женщин не могли отвадить даже вооруженные солдаты, а эта девушка оказалась застенчивой. Я никогда не слыхал, чтобы Алкивиад защищал женщину, разве что шутя или с иронией, — за исключением его жены, пока та была жива. А теперь его глаза темнели от такого гнева при малейшей непочтительности по отношению к этой девушке, что капитаны приближались к ней на цыпочках, опустив взгляд, как мальчишки. Она была как голубка Трапезунта, отданная орлу и сама ставшая орлицей. Много беззакония твори-

лось в личной жизни Алкивиада, из-за чего недруги говорили, будто он готов поиметь угря, если тот ненадолго перестанет извиваться. Ты знаешь Эвнику, Ясон. Она не угорь, но однажды ночью он взял ее к себе в постель. А может, она пошла добровольно. Это случилось на Самосе, за год до появления Тимандры. Таким способом Эвника старалась побольнее ударить меня за отсутствие внимания к ней и ее детям. В этой измене виноват был, конечно, я сам. Я не мог винить ее. Она была беспомощна перед бурей, бушующей в ее сердце,— как любая из женщин. Но я должен был встретиться с ним. Он понимал, какие чувства случившееся вызовет даже в таком человеке, как я. Пусть я не обладаю большими достоинствами, но, по крайней мере, не боюсь встретиться лицом к лицу ни с кем. Не то что я думал, будто мой командир употребит власть. Он никогда не опускался до такого. Но в силу обстоятельств он мог полезть в драку. Алкивиад был необыкновенно одаренным атлетом и страшным противником. Я чувствовал, что в поединке у меня мало шансов, хотя я был вооружен, а он безоружен. Конечно, ничего подобного не произошло. Улучив момент, пока он находился один возле недостроенного корабельного корпуса, я потребовал от него объяснений. А он вдруг стал таким печальным, что гнев мой мгновенно улетучился и, веришь или нет, мне стало жаль его. Ибо его неспособность управлять своими аппетитами была единственным недостатком, который заставлял его чувствовать себя смертным.

— Она сказала мне, что она больше не твоя женщина, что ты выгнал ее. Она пришла ко мне под предлогом получить от меня денег.

Он посмотрел мне в глаза.

— Я знал, что она врет, но это меня не остановило. Такая уж я собака.— Потом, опустив руки, добавил: — Вот, раздави меня здесь, на этом месте, Поммо, и я не скажу ни слова.

Что мне было делать? Ударить здесь, на верфи, команду-ющего нашим флотом?

— Ведь ты даже не помнишь, как ее зовут?

— Дорогой мой, я не помню ни одного имени.

Спустя два вечера я был у волнолома, когда Мантитей промчался мимо, как гоночная восьмерка.

— У тебя есть чистая зелень? — крикнул он на ходу, имея в виду зеленые плащи для морских пехотинцев. — Нас приглашают в гости!

Так я познакомился с моей второй женой. Вернее, меня ей представили. Она была дочерью нашего тогдашнего самосского хозяина. Ее звали Аврора. Я сразу влюбился по уши, но мы с ней прожили лишь год, а потом небеса забрали ее. Такова уж моя судьба. Я так и не узнал, что именно говорил обо мне Алкивиад ее отцу или что рассказывали ему другие, но с того момента, как этот господин приветствовал меня и Мантитея на пороге своего дома, ко мне относились как к персидскому принцу.

Ты понимаешь, как подготавливал Алкивиад свое преступление? Это был порок развития его судьбы, да и наших тоже. Он так много напридумывал всего для нас!

Тимандра не могла изменить его, но она взяла его в руки. В проливе они не делили одну комнату. Она не соглашалась на это без брачной церемонии. Не соглашалась она и на такой союз, хотя он очень просил ее об этом. Он должен был приходиться к ней, а потом удаляться к себе, если она не разрешала остаться. Не хотела она жить рядом с ним. Она выбрала себе противоположное крыло. У нее были собственные средства, которыми она распоряжалась. Главная ее роль в его жизни заключалась в том, чтобы облегчать его действия — конечно, не в делах войны, но в смысле его благополучия и эффективного функционирования.

Однажды посланцы персов Митридат и Арнапес зашли к Алкивиаду в его дом на мысе Собачья Голова. Тимандра

встретила их и приветствовала на безупречном арамейском языке. Ее приняли за переводчицу стратега или за его любовницу. Они молча прошли мимо нее, направляясь в его комнаты. Она приказала морским пехотинцам остановить их. И когда послы выразили крайнее неудовольствие и потребовали объяснений, она объяснила.

— Я наблюдала за людьми, которых называют великими. К ним можно обратиться лишь одним из двух способов: либо с целью услужить им, либо желая чего-либо от них добиться. Ни в одной из этих двух категорий собеседников великий человек не найдет того, с кем может поделиться своим сердцем. Вот эту услугу я и оказываю нашему командующему, а вы, в чей круг знакомств входит немало великих, в состоянии судить о том, насколько это ценно. — Она улыбнулась. — Но я слишком поспешила, задержав вас силой. Считайте себя свободными и проходите, пожалуйста.

Послы отвесили ей тот почтительный поклон, который персы называют ауана и который полагается лишь принцу или министру.

— Мы всегда к твоим услугам, госпожа. Пока мы не найдем более существенного способа выразить наши сожаления по поводу нашего поведения, прими, пожалуйста, поклон.

С девичества Тимандру преследовали ухажеры, предлагая через ее мать, куртизанку Фрасикею, целые миры и вселенные за право обладать ею. В юности точно так же мужчины преследовали Алкивиада. Вероятно, это связывало их. Понимание. Можно было бы сказать, глядя на них, что они держались так целомудренно, словно были братом и сестрой. И при этом было ясно, что они страстно преданы друг другу.

Тимандра «одомашнила» Алкивиада — если можно употребить такое слово — и привела в порядок гениальные,

часто хаотические замыслы, которые он держал в голове. Но ее клинок имел также и тайное лезвие. Появление в эпицентре войны этой женщины, обладающей таким влиянием, внесло в атмосферу вокруг Алкивиада привкус царственности. Кем же она была? Царицей? Царским при- вратником?

Но надо сказать, что кто-то должен был охранять его от соблазна развлечений, которые отвлекали его от забот о флоте. Ибо Фрасибул и Ферамен никогда не испытывали такого ощущения своей знаменитости, хотя по рангу командующих были равны Алкивиаду. Они могли выходить, и их не преследовала толпа просителей, за ними не бегали охотники за чинами, чья назойливость так досаждала их товарищу.

Но вернемся к моему посольству к Эндии. Понадобился месяц, чтобы добраться до Афин, следуя тому пути, который наметил для меня Алкивиад. К этому времени миссия спартанцев уже отбыла, отвергнутая Клеонимом и демагогами. Я сразу же отправился за ними, но они уже пересекли перешеек. Мне предстояло попасть в Пелопоннес самостоятельно. Наконец я нагнал посольство у пограничной крепости Кари.

Эндий внимательно, не прерывая, выслушал мой пересказ послания Алкивиада. На рассвете следующего дня появился Длинная Рука. Он принес письмо для Алкивиада, написанное Эндием. Как он с горечью заметил, отправка подобного послания является либо актом чрезвычайной преданности, либо обыкновенным безрассудством. Опасаясь серьезных неприятностей для своего господина, которые возникнут, если письмо будет перехвачено, Длинная Рука отказался уйти. Я сломал печать и сам уничтожил письмо, выучив его содержание наизусть. Я тоже хотел обезопасить этого лакедемонского аристократа, которого я всегда уважал, но к которому и по сей день не питаю нежных чувств.

Эндий Алкивиаду. Приветствую тебя.

Друг мой, пишу тебе, зная заранее, что содержание этого письма может стоить мне жизни. Ты прав. Я не могу оспаривать мудрость предложенного тобой плана, но и помочь не в состоянии. Не то что наша партия свергнута — она еще пользуется влиянием; но сам я смещен. Теперь во главе всего стоит Лисандр. Я больше не могу контролировать его.

Послушай, что я скажу тебе. Лисандр сделал себя наставником молодого Агесилая, брата царя Агиса и будущего царя. Пользуясь влиянием младшего брата, он сделал старшего своим покровителем, а Агис ненавидит тебя, и ты знаешь почему. Агис согласен на твою голову или пень, больше ни на что.

Лисандр без устали интригует, пытаясь стать навархом. Он считает, что может справиться с персом — не в пример прочим адмиралам, которые не могли скрыть своего презрения ни к варвару, ни к самим себе за подхалимство ради его золота.

Ты сам знаешь, каков характер Лисандра. Для него ложь и правда — одно целое. Он воспользуется чем угодно, если это поможет достичь цели. Справедливость в его понимании — это тема для изящного словесного упражнения. Личная гордость — роскошь, которую воин не может себе позволить. Он считает дураками тех своих соотечественников, кто не склоняется перед персом — как сам он склонялся перед Агисом, когда каждое проявление покорности вело к его возвышению и усилению его влияния. Лисандр видит человеческую натуру насквозь — не в пример тебе, который не может понять самого себя и не догадывается, какой может стать эта натура. За то, чем сделался Лисандр, можешь похвалить самого себя, ведь он учился у тебя и не забыл ни одного урока. Все спартанские командиры перед ним как дети, поскольку знают только одно —

как драться — и ни в чем другом не разбираются. А все остальное понимает Лисандр. Он понимает суть афинской демократии, ему ясно непостоянство народа. Он считает, что ты способен завоевать всех, кроме своих соотечественников. Они уничтожат тебя, вот его мнение. Они уничтожат тебя так, как уничтожали прежде все, что их превосходило. Другими словами, Лисандр тебя не боится. Он хочет борьбы. Он верит, что победит.

Лисандр обладает твоим талантом видеть ход войны и просчитывать шаги в дипломатии. Но у него есть еще одно достоинство: он жесток. Он может приказывать убить, пытать, устроить массовое побоище. Это для него — лишь инструмент достижения цели, так же, как нарушение клятвы, взятка, подкуп. Он не постесняется вселить ужас в своих союзников. Как тиран Поликрат, он считает, что его друзья будут более благодарны ему, если он вернет им то, что у них забирал, чем если бы он никогда ничего не отнимал. Победа — его единственное знамя.

И последнее. Он считает, что знает тебя. Он понимает твой характер. Он изучал тебя все то время, пока ты был в Спарте, потому что знал: однажды вы встретитесь лицом к лицу. Не жди справедливой борьбы. Он будет колебаться, пространно рассуждать, у него нет никакой воинской гордости, а потом он возникнет из ниоткуда и разобьет тебя.

Пусть это послужит слабым утешением, но я считаю, что план, который ты предложил, — союз всех греков против Персии, — Лисандр не прочь был бы инициировать и сам. Если бы в данный момент это было ему выгодно.

Предлагаю тебе отрывок из его наставлений: «Не недооценивай жестокости и применения главных сил». Твой стиль — тщательно избегать принуждения, поскольку, как ты полагаешь, это унижает и того, кто принуждает,

и принуждаемого и в конце концов обернется против самого насильника.

Будь осторожен. Может быть, в этом человеке ты встретил себе ровню.

Война за Геллеспонт продолжалась. Победы Алкивиада множились. Ни в тот год, ни в следующий Лисандру так и не удалось сделаться навархом.

Что касается меня, я служил на море с молодым Периклом и в береговых частях — в основном под командованием Фрасибула. Я ухаживал за Авророй, радостью моего сердца. Я писал ей письма, а иногда мы встречались, когда мне случалось бывать на Самосе. Со временем я ближе познакомился с ее отцом и братьями и полюбил их — как раньше любил Лиона и моего отца.

Я вернулся в эскадру Алкивиада как раз ко времени капитуляции Византия. Это была самое ожесточенное сражение во всей Геллеспонтской войне. Мы бились против пограничных спартанских войск, против аристократов и периэков Селассии и Пелланы, усиленных торговыми судами Аркадии и беотийской тяжелой пехотой полка «Кадм» — того самого, который скинул нас с Эпипол. В одном месте тысячная фракийская кавалерия напала под Византием на четыреста спартанцев. Они сражались у стен всю ночь. Спартанцы изрезали их на куски — и людей, и лошадей.

Когда наконец враг под напором наших превосходящих сил сдался — к тому времени византийские союзники оставили спартанцев, — Алкивиаду потребовались все силы, чтобы лично, со щитом в руке, сдержать фракийских владык. Те порывались уничтожить всех пленных до последнего. Алкивиаду пришлось приказать нашим войскам гнать спартанцев в море, словно он хотел утопить их прежде, чем кровожадные племена, которые боятся зимы больше, чем мы с тобой боимся ада, уступят ему.

В ту ночь наши корабли стояли на якоре. На них погрузили мертвых и раненых противников. Я помогал спартанскому врачу. Несколько раз я по ошибке назвал его Симоном.

Утром пролив закупорили дымящиеся бревна и тела, плавающие в волнах. Алкивиад приказал очистить канал и зажечь на обоих берегах костры. Византий на европейском берегу, Халкедон — на азиатском. Афины завладели обоими, а вместе с ними контролировали теперь и Геллеспонт.

Алкивиад наконец-то командовал на Эгейском море. Наконец он мог вернуться домой.

Книга седьмая

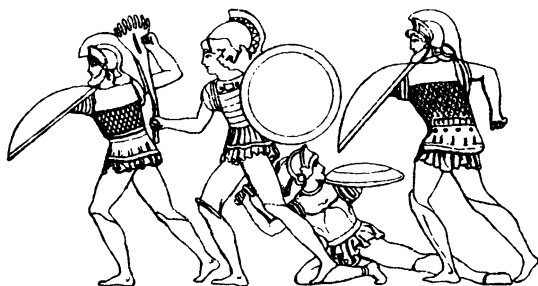

КОРМЛЕНИЕ ЧУДОВИЩА

Глава XXXIII

БЛАГА МИРНОГО ВРЕМЕНИ

Эту главу я должен вставить от себя, внук мой, поскольку рассказанное в ней оказало очень большое влияние на моего подзащитного, хотя сам он решил эти события из своего рассказа исключить. Он считал их слишком личными. Они касаются девушки Авроры, дочери Телекла. Алкивиад устроил, как ты помнишь, необычное знакомство с нею для Полемида, чтобы отплатить тому за его неблагодарное поведение по отношению к Эвнике.

Полемид женился на этой девушке. Это случилось сразу после Византия. Все пребывали в упоении победой, все ждали возвращения Алкивиада в Афины. И как и в случае с невестой своей юности, Фебой, Полемид предпочел умолчать об этом. Те сведения, которые мне удалось собрать, я получил от других, а по большей части извлек из переписки, найденной позже в сундуке Полемида.

Официальный указ афинского архонта, предоставляющий афинское гражданство Авро-

ре, супруге Полемида (через несколько лет это гражданство получат все самосцы за их неизменную службу нашему делу). В другом пакете — золотая брошь, когда-то принадлежавшая матери Полемида; очевидно, свадебный подарок от его двоюродной бабки Дафны из Афин.

В письме к Дафне он рассказывает о свадьбе, с гордостью описывает нового тестя и шуринов — оба офицеры флота, и он уже чувствует к ним дружеское и родственное расположение.

«...И наконец, дорогая моя, хотелось бы мне, чтобы ты увидела ту, которая — лишь небеса знают почему — согласилась стать моей женой. Она в два раза умнее меня, красота ее и страстна, и целомудренна, а характер у нее настолько силен, что моя воинская гордость выглядит рядом с ним пустым мальчишеским тщеславием. В ее присутствии во мне вспыхивают такие надежды, каких я не смел лелеять в сердце с тех пор, как ушла моя Феба. Желание иметь детей, спокойно жить в своем доме. Я думал, что больше никогда не почувствую этого. Только тебе и ей могу я признаться. Ввести невинные существа в мир — такой, каков он сейчас — кажется не только безответственным, но и безнравственным деянием. И все же достаточно было только взгляда на это милое девичье лицо — еще не прозвучало ни одного слова, я не слышал даже ее голоса, — как отчаяние, которое я носил в душе столько лет, ушло, словно его никогда и не было. Действительно, надежда вечна, как говорят поэты».

С флота, к своей жене на Самос:

«...До встречи с тобой мне казалось, что следующей вехой на жизненном пути, которую я перешагну, будет смерть. Я ожидал ее в любой момент и не переставал удивляться тому, что еще жив. Все, о чем я думал, все, что я делал, бы-

ло продиктовано просто желанием оставаться до конца хорошим солдатом. Я был стариком, я был трупом. А теперь, после чуда твоего появления, я снова молод. Даже мои преступления очистились. Я вновь родился от твоей любви, от одного только желания жить с тобой вдали от войн».

Аврора забеременела. Она писала ему на флот:

«Очень хорошо, что ты не можешь меня увидеть, любимый. Я толстая, как поросенок. Уже месяц я не вижу пальцев своих ног. Я хожу, как утка, переваливаясь с боку на бок и держась за стены, чтобы не упасть. Отец перенес мою кровать вниз, опасаясь моей неуклюжести. Я пожираю сладкое и ем двойные порции. Даже маленькие девочки вокруг хотят быть беременными и прилаживают к животам подушки. Вокруг меня все болеют этой болезнью. Наша с тобой радость заразилась и их...»

Еще письмо от молодой жены:

«...Где ты, любовь моя? Я терзаюсь, не зная, где сейчас плывет твой корабль. И даже если бы знала, все равно бы мучилась. Ты должен беречь себя! Будь трусом. Если тебя заставят сражаться, беги! Я знаю, что ты не победишь, но хочу этого... Пожалуйста, будь осторожен. Никуда не вызывайся добровольцем!»

Из этого же письма:

«...Ты теперь должен относиться к своей жизни как к моей, потому что, если тебя убьют, я умру вместе с тобой».

И еще:

«Если бы у кормила власти стояли женщины, война окончилась бы завтра. Безумие! Все хорошее получается только в мирных условиях — почему же люди стремятся к войне?»

Опять из ее письма:

«Жизнь казалась мне такой сложной. Я чувствовала себя животным, которое мечется в своей клетке и видит только решетку и стены. Но с тобой, любовь моя, все вдруг стало просто. Просто жить, любить, быть любимой! Кому нужны небеса, когда у нас сейчас такая радость?»

Полемид отвечает:

«Как доказать, любовь моя, что я тебя достоин? Меня это пугает. Смогу ли я когда-нибудь сделать это?»

Он принимает меры, чтобы расстаться с Эвникой. Он отписал половину жалованья ей и ее детям, он подал заявление на предоставление им гражданства, указав годы своей службы и те трудности, которые Эвника и ее дети переносили рядом с ним. Он организовал для них транспорт до Афин и обратился к своим старшим родственникам с просьбой позаботиться о них до его возвращения.

Письмо от жены:

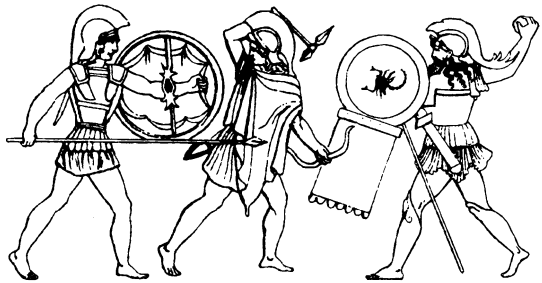
«Я узнала от отца и братьев, что поведение человека на войне нельзя мерить по меркам мирного времени. Конечно, не такого человека, как ты, чья юность и взрослая жизнь прошла на службе, вдали от дома, при постоянной опасности для жизни. То, как ты жил до нашей встречи,— это твоя жизнь. Я не могу судить ее. Я хочу только помочь, если бы это было возможно. Я не хочу делать своим счастьем несчастными других. Я знаю, что дети той женщины, Эвники,— независимо от того, твои они или нет,— получают поддержку из наших средств, твоих и моих, а также из средств моего отца».

Полемид мечтает о восстановлении отцовской усадьбы «У поворота дороги» в Ахарнах, чтобы поселиться там с женой и ребенком. Мир или победа, в результате кото-

рой спартанцев выгонят из Аттики,— сейчас это для него все. Он пишет своей тетке, желая и ее вернуть на землю, к тем арендаторам, которые находились там, когда был жив отец. Он даже приценивается к семенам и заказывает по недорогой цене железный плужный лемех у торговца в Метимне. Все это он грузит на фрахтовое судно Эндия, направлявшееся домой вместе с эскортом флота Алквиада. Полемид снова на флагмане «Антиопа», поскольку его командир со славой возвращается в Афины.

СТРАТЕГ-САМОДЕРЖЕЦ

Алкивиад хотел вернуться с наступлением зимы, но выборы в Афинах были отложены. Ему пришлось остаться за границей, проводя рейды по спартанским верфям в Кифее и убивая время в других подобных делах. Наконец пришло сообщение. Оно не могло быть лучше. Алкивиад снова избран в коллегии десяти стратегов. Избрали также Фрасибула, который привез его домой из Персии, Адиманта, его собрата по ссылке, и Аристократа. Другие стратеги были либо нейтралами, либо людьми независимых взглядов. Клеофонт, лидер радикальных демократов и самый ярый противник Алкивиада, был исключен и заменен Алкивиадом, головорезом, но ответственным человеком и поверенным Крития, близкого друга Сократа.

Фрасил был уже в Афинах с основными силами флота, команды которого были готовы поддержать своего командира во всем. При этом смертный приговор Алкивиаду отменен не был. У него имелись предчувствия касательно того, что народ встретит его плохо. Двоюродный брат Алкивиада Эвриптолем дал хо-

роший совет. Из Афин сообщили, что перед прибытием флагманской эскадры из двадцати кораблей ожидаются галеры с зерном (двадцать семь галер ждали у Самоса и еще четырнадцать должны были выйти из Понта). Это известные корабли видных семейств — особенно тех, кто больше всех пострадал от вторжения спартанцев. Нагружены они зерном для города, чтобы напомнить ему: это дар на стол Афин от сына, отвергнутого Афинами. Всего лишь хорошие манеры, как отметил в письме Эвро. Ведь неприлично явиться на праздник с пустыми руками.

Итак, галеры были отправлены. Они вошли в порт Пирей за два дня до эскадры в сопровождении быстроходного курьера с инструкциями возвратиться с сообщением о прибытии зерна. Но появление торговых судов вызвало в порту огромное воодушевление при известии о том, что следом идут корабли Алкивиада. Народ не позволил отплыть тендеру, пока не будет организован надлежащий прием. Тем временем эскадра приближалась, ничего не зная о том, что ее ожидает. На кораблях уже начали побаиваться. Огибая мыс Суний при резком западном ветре, ведущие корабли обнаружили десяток трирем, идущих против солнца, так что различить их эмблемы было невозможно. Молодой Перикл, командовавший авангардом, развернул корабли по фронту, чтобы обороняться. Но затем стало очевидно, что приближающиеся суда не несут опасности. Они были украшены гирляндами. На них находились родственники моряков и знатные люди города. Они приветствовали возвращающихся домой.

Но Алкивиад все еще боялся предательства. Под плащом у него была не легкая нарядная кираса, а боевая бронзовая нагрудная пластина. Он повторял группе морских пехотинцев распоряжение быть начеку и оставаться возле него. Корабли, двигавшиеся двумя колоннами, рассеялись по одному, приближаясь ко входу в гавань Эйтионею. «Антиопа» находилась в колонне седьмой, готовая сразу развернуться в случае предательства. Теперь мы видели бас-

тионы. Блестели железные наконечники копий, оружие большого числа пехоты. На флагмане подняли боковые экраны. Но когда корабли рассыпались по всему фронту бастиона, люди увидели, что блестит не оружие, а женские украшения и детские игрушки. Вверх взмыли облака венков. Юноши запустили конфеты, свисающие с еловых волчков, которые старики на пристани вырезают ножом. Такие волчки могут долго парить в восходящих потоках воздуха. Теперь они летели над головами, стуча о корпуса судов и разбрызгивая воду среди весел.

Прорвалось вперед небольшое судно, приветствуя героев. Казалось, празднует весь город. Корабли двигались теперь параллельно Хоме. Некогда там собрались перед apostoleis триерархи флота, чтобы получить благословение Совета и разрешение отплыть на Сиракузы. На мол сразу хлынула такая толпа, что покрыла его полностью. «Аталанта» приблизилась к нашему правому борту, скрывая свои преимущества. Сквозь такелаж нашей кормы мелькнула фигура Эвриптолема. Он сверкал лысым черепом. Одной рукой он обхватил себя, словно стараясь сдержать порыв, другой приветственно размахивал соломенной шляпой.

— Неужели это ты, брат? — прошептал Алкивиад, наклоняясь вперед, словно встретил видение, и неуверенно помахал в ответ. Впереди возвышался фронтон Бендидия, а внизу была видна наклонная булыжная мостовая перед храмом Артемиды Фракийской. «Кратиста» и «Алкиппа» уже выполняли разворот. Украшенные гирляндами эфебы стояли на берегу в ожидании «Антиопы». По палубе разлился звон металла — народ бросал монеты. Мальчишки свешивались с планширов и дрались со сверстниками, подбирая деньги.

Там, где Северная стена примыкает к Транспортной дороге, этому скорбному пути, по которому я шел много лет назад, возвращаясь из Потидеи, там, где во время чумы лепились лачуги обреченных, — там была теперь аллея радости. Конники ждали командиров. Подковы лошадей топта-

ли ковер лаванды. Хотя прочие стратеги ехали отдельно, толпа не обращала на них внимания. Все повернулись, чтобы посмотреть на Алкивиада. Отцы показывали его сыновьям и женщинам, пожилым и молодым, а те цеплялись за них и падали в обморок.

Его на руках вознесли на Пникс, склоны которого были усеяны жрецами. Люди сидели даже на деревьях, как птицы. По пути провели церемонию перед Элевсином. Здесь, в час изгнания Алкивиада, архонт поднимался перед толпой, дабы отдать распоряжение вычеркнуть имя изгоя из *katalogos* граждан и воздвигнуть стелу позора, которая не позволит народу забыть о его вероломстве и измене. Теперь, дрожа, приблизился новый *basileus*, чтобы передать этому же человеку восстановленное право на его владения в пределах города и на конюшню в Эрхие, которая была конфискована во время его ссылки, а также на доспехи. Он вручил Алкивиаду опоздавшую награду за храбрость, проявленную при Кизике. Архонт сказал, что стелу разрушили и бросили в море.

Во время всех этих ритуалов Алкивиад держался сурово и отстраненно, чтобы вызвать в зрителях нечто вроде благоговейного страха. Ибо человек, перед которым они теперь так униженно вытанцовывали, уже больше не был аристократиком, которого реабилитировали по прихоти народа. Он был командующим, одержавшим множество побед, получившим множество боевых ранений. Он вернулся во главе такого флота, что одним лишь словом своим мог взять государство в свои руки и всех их уничтожить. Собрание следило за каждым движением его бровей, ожидая грома и молний, как дети ожидают беды от учителя, стоит тому взять в руки палку. А когда всенародное публичное покаяние он встретил с выражением нетерпения и даже пренебрежения на лице, сразу отдавая адъютантам все награды и перечни своих заслуг, даже не взглянув на них, в толпе стало возрастать беспокойство.

На площади перед храмом Амазонок процессию догнали триумфальные повозки. Они несли эмблемы и боевые штандарты противника, их тараны, щиты, доспехи их военачальников. В этой давке понадобились бы часы, чтобы добраться до Акрополя, где все эти трофеи будут посвящены Афине. Поэтому Алкивиад жестом — голос в таком гвалте не слышали бы — приказал остановиться здесь. Такое предусмотрено не было, однако получилось так, что весь груз славы нашел себе приют у мраморного постамента Антиопы, матери дочерей царя Поэра, чьим именем назван его флагман. Там были начертаны стихи, посвященные Тесею:

С дарами возвратясь, пришел он к тем,
Чья ненависть его из дома изгоняла.

У ног статуи Победы ему были представлены его сыновья и сыновья его родственников, одетые в белые одежды взрослых мужчин, с ветвями ивы в руках, с миртовыми венками на головах. Народ ожидал, что это зрелище уж конечно смягчит суровое выражение его лица. Но получилось наоборот. Алкивиад увидел тех, чье детство прошло без него, ибо его ссылка длилась восемь лет. Это лишь усилило его отчужденность и тяжесть утраты. Сколько было других, отсутствующих, потерянных! Его семья давно мертва: мать, отец, жена, дочери-младенцы, брат и сестры, погибшие от чумы и во время войны, старики, умершие в его отсутствие. Теперь ему представляют новое поколение. Когда он видел город в последний раз, эти дети еще не родились; жены с собственными младенцами на руках были тогда юными девушками, а мужчины помнились ему безбородыми юнцами. Большинство из них он не мог ни узнать, ни назвать по имени. Когда глашатай выкликал новое имя, сердце Алкивида молчало,

Как и у тех, что, стоя пред ним, не могли
Вспомнить объятья его, разговоры, уроки.

Вперед выдвинули дочь его кузена Эвриптолема. Ей было шестнадцать лет, она была уже замужем и держала на

руках недавно родившегося сына. Эта женщина, украшенная гирляндой из тиса и рябины, изображала богиню Афину, а ее ребенок, облаченный в пурпур, представлял собой воплощение Афин. Оказавшись перед такой массой народа, молодая женщина разнервничалась, не смогла вспомнить приветственные стихи, покраснела и заплакала. Взяв ее за локоть, чтобы поддержать, Алкивиад и сам расстроился и не смог удержать слез.

И сразу все, что сдерживало сердца людские, рухнуло. Плотина прорвалась, каждый стал свидетелем капитуляции соседа. В конце концов никто не смог противиться нахлынувшему чувству. Народ, который боялся не то амбиций Алкивиада, не то его мести, — другими словами, думал лишь о себе, — теперь смотрел прямо в лицо своего выдающегося современника, видел, как тот поддерживает плачущую девушку, вспомнил о том горе, которое Алкивиад пережил за все эти годы, пока находился вдали от тех, кого любил. Они забыли зло, которое он причинил им, и помнили лишь добро. Этот миг стал кульминационным в примирении города и его сына, которые наконец воссоединились. Личные заботы покинули каждое сердце, уступив место симпатии к изгнаннику и радости взаимного освобождения от былой ненависти. Под шумное одобрение Народное собрание назначило его *strategos autocrator* — верховным главнокомандующим на суше и на море и наградила золотым венцом.

Он заговорил, не сдерживая слез:

— Когда мальчишкой я жил в доме Перикла, то в дни, когда проходило Народное собрание, я с товарищами тайком влезал на листовницы, растущие на боковом выступе Пникса, и весь день слушал разговоры и диспуты, пока мои приятели не начинали хныкать и звать меня домой или поиграть. В конце концов я оставался на своем посту один, внимательно запоминая аргументы и контраргументы. Еще до того, как я сумел облечь свое открытие в слова, я чувствовал силу города. Афины представлялись мне боль-

шой львицей или мифическим животным. Я поражался предприимчивости такого множества людей, таким несопоставимым, конфликтующим амбициям. И механизм всего этого — город, который путем алхимической возгонки соединял все со всем и в результате выдавал нечто целое, и это целое оказывалось больше, чем все его оставляющие. Сутью этого города были не богатство, не сила оружия, не архитектурная или художественная красота — хотя всего этого имелось в избытке, — но некое неуловимое качество духа, в основе которого лежали отвага, бесстрашие, предприимчивость. Те Афины, которые отправили меня в изгнание, не были теми Афинами, которые я любил. Это были другие Афины, лишённые мужества, они испытывали благоговейный страх перед демонстрацией собственного величия. Жители этого города сами себя изгнали из моих Афин, как некогда изгнали они меня. Эти Афины я ненавидел, ради унижения этих Афин я приложил все силы. Я был неправ. Я нанес большой ущерб городу, который люблю. Сегодня здесь присутствуют многие, чьи сыновья и братья погибли из-за действий, предпринятых мною лично или по моему совету. Я виноват. Мне не оправдаться. разве что сказать, что какой-то злой рок преследовал меня и мою семью. Эта злая звезда увела меня от Афин, а Афины отдала от меня; по своему злему умыслу она ослабила нас обоих. Пусть этот корабль возьмет на себя наши проступки, мои и ваши, и унесет их в небесные моря.

Эта фраза вызвала такие возгласы и такой взрыв топота и рукоплесканий, что площадь задрожала. Казалось, зашатались колонны храма. Народ снова и снова выкрикивал его имя.

— В течение нескольких лет мои враги пытались посетить в ваших сердцах страх передо мной, мои соотечественники, утверждая, что моя цель — править вами. Нельзя и придумать более злой клеветы. Я никогда к этому не стремился, друзья мои, я только хотел заслужить вашу похвалу

и доставить городу такие благодеяния, которые побудят вас воздать мне должное. Нет, это неточное выражение. Ибо я никогда не считал город неким безжизненным сосудом, в который я, его благодетель, сливал бы свои благодеяния. Это не только дерзко, но и позорно. Я бы хотел, как командир, идущий в бой впереди своих солдат, служить городу факелом, стимулом, вызвать его к активной жизни своей верой в него, в его рождение и возрождение. Пусть этот город меняется в силу Необходимости, но всегда движется к тому, что является его сутью. Это — инструмент славы, каким он был, есть и должен оставаться. Это — образец свободы и предприимчивости, на который весь остальной мир должен смотреть с благоговейным страхом и завистью.

Оглушительные крики заставили его на несколько мгновений замолчать.

— Я возвращаюсь в Афины, одержав великие победы, и вот стою перед вами как командующий с непобедимой армией. И все же в моем сердце это остается на втором плане — если вообще что-либо значит. Нет, я возвращаюсь в Афины как сын, который долго отсутствовал и вот теперь входит во двор своего дома и там, увидав ожидающую его мать, плачет от радости. Он протягивает к ней руки, обнимает ее, благодарит небеса, он падает перед нею на колени, прячет лицо в складках ее одежды, он готов сгнуться на месте, если того захотят боги, лишь бы увидеть наконец ее дорогое лицо.

Теперь Алкивиад плакал открыто, голос его прерывался, и не было ни одного человека, оставшегося равнодушным.

— Злой рок преследовал меня, это так. Я чувствовал, что подчиняюсь чьей-то воле, словно в каком-то адском соревновании, чьи правила изменяются в зависимости от обстоятельств, переворачивая все. Было ли это воздаянием? Но за что? За дурные поступки — мои собственные, моих предков? Не знаю. Я не думал, что все выйдет именно так.

При этом повороте фразы взрыв веселья потряс толпу. Алкивиад наконец окончательно сбросил с себя маску тор-

жественности. Он засмеялся и поднял руки, призывая к тишине.

— Граждане Афин, вы оказали мне такие почести, за которые один человек не в силах отплатить вам. Поэтому разрешите мне позвать на помощь.

Он подал знак, и вперед вышли его товарищи, командиры, которые до тех пор молча стояли справа и слева от него.

— С гордостью я представляю вам, мои соотечественники, ваших сыновей, чьи боевые подвиги приблизили этот славный час. Позвольте мне назвать их имена. Любуйтесь их победоносной мужественностью. Фрасибула здесь нет, но вот перед вами Ферамен, Фрасил, Конон, Адимант, Эрасинид, Тимохар, Леонт, Диомедонт и Перикл.

Каждый названный выходил вперед и, подняв руку или поклонившись, вызывал такой каскад благодарностей, что казалось, это никогда не кончится.

— Они стоят перед вами не только благодаря своим личным заслугам. Они представляют тысячи моряков, находящихся сейчас в море, тех, чья мощь изгнала врага из наших вод.

Одобрительный рев, который встретил эти слова, превзошел все предшествующее. Алкивиад терпеливо ждал, пока шум прекратится.

— Но не будем слишком переоценивать ситуацию. Наши враги заняли половину государств нашей империи. Благодаря персам их казна в десять раз богаче нашей, их боевой дух вовсе не ослаб, а благодаря нашим победам даже вырос. Но теперь, братья мои, Афины обладают сплоченностью и волей противостоять им и победить их. Будем лишь самими собой, и тогда мы не сможем потерпеть поражение.

Теперь от крика черепица падала с крыш. Кто-то заорал:

— Пусть он увидит свой дом!

И сразу людской поток затопил платформу, подхватив героев, стоящих на ней. Все отправились к Скамбонидам, бывшему поместью Алкивиада, которое теперь было по ре-

шению Народного собрания ему возвращено. Там даже кое-что подновили в ожидании героя. Толпа заполнила всю площадь, такой огромной она была, а ворота, достаточно широкие даже для процессий Панафиней, не выдержали натиска и рухнули под ее напором. На пике этого торжества появился афинянин лет шестидесяти. Он крикнул Алкивиаду:

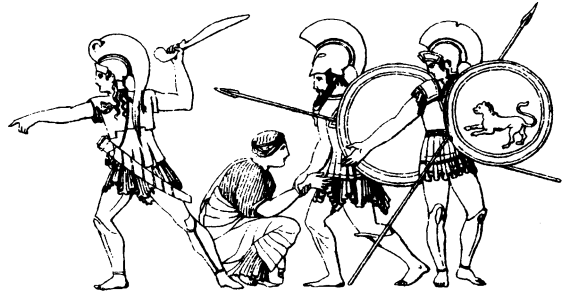
— Где те, кто пал под Сиракузами, ты, предатель, негодяй?

Сердитые голоса приказали старику замолчать.

— Здесь нет их душ, чтобы приветствовать тебя, ты, безбожный отступник!

Старика поглотила толпа. Можно было видеть только, как поднимаются и опускаются кулаки. Потом старика стали пинать ногами — беззащитного, простертого на земле. Я повернулся, чтобы посмотреть, как реагирует на это Алкивиад, но не увидел его — его заслонили другие. Возле меня появился Эвриптолем. На его лице я заметил выражение горя и дурного предчувствия, такое мрачное, что оно, казалось, могло затмить солнце в безоблачный день.

НЕДОСЯГАЕМЫЙ ДЛЯ ЗАВИСТИ

Пять дней спустя *prytaneis* созвали Народное собрание. Совет подготовил множество тем для рассмотрения: казна, которая была почти пуста; пересчет сумм, получаемых в качестве дани от государств империи; налоги с проливов; дела флота и армии; награждения за храбрость, полевые суды, обвинения в служебных проступках и казнокрадстве; вопрос о дальнейшем ведении войны. Список дел, назначенных к слушанию, был огромным, но никто не хотел высказываться первым. Собрание лишь гудело, пока не появился Алквиад. Едва он возник, народ обратился к нему столь елейно и с таким подхалимством, что ни о какой работе не могло быть и речи. Всякий раз, когда выдвигали законопроект или предлагали какие-либо меры, кто-нибудь непременно прерывал оратора и вновь начиналось шумное чествование героя. Все это не прекращалось ни назавтра, ни в последующие дни, ибо как только *epistates* — председательствующий — пытался подвести хоть какой-то итог, все го-

ловы поворачивались к Алкивиаду в ожидании замечаний от него или его сторонников. И все кричали «да», если видели, что он голосует «за», или «нет», если замечали, что он нахмурился.

Собрание было парализовано. Все затмевалось блеском его самого знаменитого члена. Это уклонение от правильного пути не ограничилось публичным спором. Даже частных лиц — таких, как Эвриптолем и Перикл, — осаждали раболепствующие просители, а также друзья и товарищи по оружию, наперебой предлагавшие свои услуги лишь потому, что эти люди, как считалось, обладают каким-то влиянием на Алкивиада.

Народное собрание состояло только из сторонников Алкивиада. Оппозиции не было. Даже когда он просил коллегия голосовать «против», не опасаясь его недовольства, все ораторы поднимались лишь для того, чтобы поддержать предложения, выдвигаемые самим Алкивиадом или его сторонниками. Они предлагали только то, что, как предполагалось, вызовет одобрение Алкивиада. Когда Алкивиад отсутствовал, надеясь, что хотя бы это стимулирует дебаты, собрание просто расходилось по домам. Какой толк быть там, если Алкивиада нет? Когда он удалялся пообедать, народ разбредался по сторонам. Он не мог даже просто встать, чтобы сходить по нужде, поскольку вся коалиция тотчас вскакивала и занимала места рядом, освобождая свои мочевые пузыри.

Далее следовал Элевсинский триумф. Некогда путь священной процессии Элевсинских мистерий по суше прекратился из боязни многолетней спартанской осады и проходил только по морю, уже не так торжественно. Теперь Алкивиад вернул мистериям былую пышность. Его кавалерия и пехота сопровождали служителей богинь и посвященных на их двенадцатимильном пути. Противник совершал свое «вооруженное паломничество», держась на почтительном расстоянии, бессильный вмешаться. Я был там и видел лица женщин, которые старались пробиться

поближе к своему спасителю. Они вытирали слезы и зывали к Деметре и Коре, ведь проявленная к ним несправедливость была источником всего зла. Они хотели видеть сильную руку, защищавшую их; они жаждали воздать почет Алкивиаду. Теперь казалось, что он был в фаворе не только у людей, но и у богов.

Предполагалось, что безумие со временем утихнет, но не тут-то было. Повсюду Алкивиада окружали толпы, причем в таком количестве, что Самос и Олимпия выглядели детскими играми. Когда Алкивиад шел по аллее, по которой можно приблизиться к Круглой палате сзади, он и его спутники оказались в такой толпе, что Диотима, Адиманта и их жен прижали к стене в узкой улочке. Люди напирала с такой силой, что женщины в ужасе закричали, боясь задохнуться. Эскорт из морских пехотинцев вынужден был прокладывать себе путь через чей-то личный дом, извиняясь за вторжение. Дипломаты и их жены убегали через заднюю дверь, а домохозяйки, разинув рты, глазели на Алкивиада, который сидел во дворе на скамье, закрыв лицо руками. Всеобщая истерия доконала его. Нервы его не выдержали.

Наиболее назойливых мы выгоняли из отхожих мест, с крыш домов, из склепов их предков. Обожатели приходили ночью и пели под окнами. Через стену летели камни и куски дерева, обернутые в прошения и поэмы, иногда — в таких количествах, что слугам приходилось уносить подальше все бьющиеся предметы, а детям приказывали играть в помещениях, дабы свидетельства обожания не пробили им голову. Кругом торговали изображениями Алкивиада на тарелках и подставках для яиц, на медальонах, головных повязках, вымпелах и бумажных змеях. На каждом углу были выставлены картины под названием «Ловцы удачи», маленькие кораблики с мачтой и гротом и буквами N и A («Ника» — «Победа» и «Алкивиад»). Модели «Антиопы» продавали за обол. Простодушные сердца повсюду воздвигали молитвенные алтари. Через открытые двери мож-

но было заметить мишурные украшения, разложенные как на алтаре полубога.

К нему приходили делегации от братств и племенных советов, от культов героев и предков, ассоциаций ветеранов, гильдий мастеров, от товариществ проживающих в Афинах иностранцев, представителей женщин, представителей стариков, представителей молодежи. Одни обращались с просьбой удовлетворить жалобу, другие заверяли в своей преданности. Какая-то секта торжественно преподнесла нелепую вещицу, на которую морские пехотинцы попросту прикрепили ярлык, положили в ящик и отнесли на склад. Но в основном приходили просто так, без всякого повода, просто чтобы увидеть его, побыть рядом. Делом чести сделалось прийти вдруг, без предварительного объявления. И все равно каждый визит попахивал алчностью или личным интересом. Плотники на рассвете, «Сыновья Данаи» — с открытием рынка; потом — кураторы морского арсенала, продавцы гончарных изделий, и все напыщенные, и все униженные, и все в восторге от собственного поступка. Критий, который сам однажды станет тираном, даже сочинил по этому поводу стих:

То предложенье, которым назад возвращен ты в отчизну,
Сам я составил, прочел и в исполненье привел.
Но мой язык запечатан; об этом сказать я не смею...*

Нигде нельзя было отыскать теперь того, кто голосовал против Алкивиада. Куда-то расточились члены суда, вынесшего Алкивиаду приговор. Наверное, отправились к гиперборейцам или в Тартар. Еще не отзвучали последние панегирики, когда вдруг из толпы послышались крики: «Диктатор, диктатор!» Они хотели, чтобы Алкивиад управлял государством, не подчиняясь законам, а вечером более сдержанные братства высказались в поддержку этого мнения. То были гоплиты, всадники, флотские люди и торгов-

* Перевод Е. Озерецкой.

цы. Они умоляли Алкивиада поставить себя вне досягаемости для тех, кто ему завидует. Каждый круг лиц со своей стороны предупреждал его о непостоянстве народа. «Они» отвернутся от него, «их» преданность непрочна. Когда настанет час, предупреждали эти приверженцы Алкивиада, власть его должна быть абсолютной, ведь вопрос стоит о выживании нации.

На двенадцатый день вечером в доме Каллия, сына Гиппоника, собралась самая серьезная и влиятельная компания в Афинах. Возглавлял собрание сам Критий. Если Алкивиад согласится, то завтра утром он внесет это предложение перед народом. И оно будет одобрено. Наконец-то город преодолет свои колебания, столь для него разрушительные, и утвердится в постоянной привязанности. Войну можно будет продолжить и выиграть.

Алкивиад молчал. За него высказался Эвриптолем:

— Но, Критий,— заметил он сдержанно,— такое предложение будет противоречить закону.

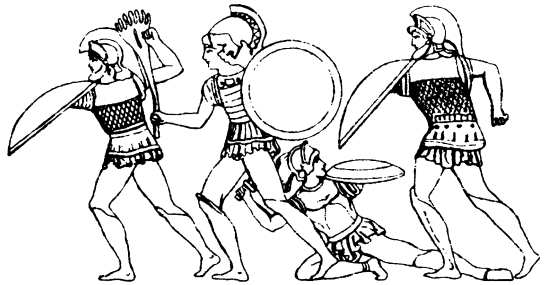
— Demos творит закон, друг мой. Что он говорит, то и есть закон.

Но Алкивиад продолжал молчать.

— Правильно ли я понял,— обратился Эвриптолем к Критию,— должны ли мы согласиться, что этот самый demos, который в противоречии с законом осудил и изгнал моего двоюродного брата, может теперь, столь же незаконно, назначить его диктатором?

— Тогда народ действовал в припадке безумия,— убежденно ответил Критий.— Теперь же он поступает разумно.

ИСКАЖАЮЩЕЕ СТЕКЛО

Как тебе известно, Алкивиад отклонил предложение Крития, приведя наставление поэта:

Тирания — прекрасный насест и удобный;
Но нету ступени, чтобы удобно с него низойти.

Когда эта цитата дошла до народа, популярность Алкивиада взметнулась до беспрецедентных высот.

Враги его недолго думая воспользовались этим. Интересно было наблюдать за Клеофонтом, Анитом, Кефисофонтом и Миртилом, приверженцами олигархов. Они прямо-таки сиганули в объятия радикальных демократов и теперь рьяно защищали ту политическую линию, которая вероятнее всего понравится сторонникам Аликивиада. Другими словами, сделались его наиболее ревностными и услужливыми лизоблюдами. Их стратегия, как потом объяснили поэты, заключалась в том, чтобы «переалкивиадить» народ, пока он не поселится в их желудках, и вот тогда-то они начнут им блевать.

Никто не понимал этой опасности острее, чем сам Алкивиад. Теперь он окружил себя друзьями юности и боевыми товарищами — это были Эвриптолем, Адимант, Аристократ, Диотим, Мантитей. Он чувствовал, что они любят его таким, каков он есть, и не воспринимают его, говоря словами поэта Агафона, через искажающее стекло собственных страхов и надежд. Я тоже оказался в числе лиц, которым он доверял.

Он поручил мне распределение растущего импорта. Меня направили к тем, кто потерял близких на Сицилии; я вошел в комитет, который должен был определить место для мемориала. В качестве официального лица я присутствовал на жертвоприношениях; я представлял морских пехотинцев на торжествах; я развлекал возможных союзников и пытался подкупить или запугать потенциальных врагов. Все эти обязанности были для меня мучительны, и я попросил освободить меня от них. Он захотел знать причины.

— Они приветствуют меня не как человека, не как Полемида. Они принимают меня за какого-то воображаемого «Полемида» и обращаются ко мне так, словно я и есть «порождение войны».

Он засмеялся:

— Теперь ты политик.

До этого времени мне удавалось держаться в стороне от политики. Теперь это стало невозможно. Политикой сделалась самая жизнь. Встреченного на улице человека нельзя было приветствовать просто как приятеля; теперь надлежало оценивать его — союзник он или противник. Любое взаимодействие исходило из прогноза: что может данный человек сделать для нас сегодня, сейчас, пока он еще на нашей стороне. Не стало разговоров, были только переговоры; люди не общались, а представляли позиции. По любому поводу заключали соглашения. Казалось, человек живет только для того, чтобы заключить соглашение. Но все это выглядело неуловимым, как дым. Ибо многие могли ска-

зять «нет» и только один — «да», а без «да» ты ничего не получал. Ценность каждого человека то возрастала, то падала, как на барана на рынке домашнего скота. Мерилом стоимости служила не монета, а влияние. Я никогда не улыбался так много, я никогда не встречал столько «друзей», для которых я был ничем. Во всех делах восприятие преобладало над сутью вещей. Нельзя требовать ответственности от других или давать свое поручительство любому предприятию, каким бы тривиальным оно ни было. Всегда должны иметься варианты, отходные пути — до последнего момента, когда все ставки уже сделаны. Если ты дал другу слово, ты можешь нарушить его по приказанию другого «друга», и вот ты уже хватаешь этот главный шанс как можно проворнее.

На рассвете я стоял с гирляндой, совершая жертвоприношение богам. К вечеру я разрывал соглашение с какой-нибудь марионеткой. Все это было не для меня. Я это презирал. В довершение всего подобные дела были слишком рискованными, так что следовало думать и думать. И я действительно думал — не только о том, как наша партия может одержать верх над оппонентами, но и о том, как можно отойти от нее в кризисной ситуации. Я тосковал не только по жене, но и по ее братьям и отце, я скучал по честной жизни землевладельца. Теперь, вдали от моей семьи, я понял, как дорог мне этот очаг.

А меня уловили в политические сети.

Я поселился у моей тетки в Мелите. Ей я доверил свой план уйти со службы и поселиться с женой и ребенком в поместье «У поворота дороги». Моим самым горячим желанием было взять к себе и тетку. Я построил бы ей домик. Она стала бы патриархом и заправляла бы у нас всем. Она заявила, что всегда мечтала жить в поместье в домике. Я взял ее руки в свои. Казалось, осталось только одно, последнее препятствие между мною и моим счастьем.

Я отправился к чиновнику, чтобы зарегистрировать мое намерение построить нечто на нашей земле в Ахарнах. К моему крайнему удивлению, мне сообщили, что против этого имеется возражение. Что это, шутка? Регистратор показал мне документы. Некий Аксиомен из Колона, о котором я никогда не слышал, подал прошение на бесхозное поместье, ссылаясь на мою смерть где-то за морями, на кончину моего брата и отца. Он претендовал на это имущество. Он даже внес *parakatabole* — десятую часть стоимости поместья.

Рассвет застал меня перед служащим архонта, который составлял *diamartyria*, слушания, на котором известные суду свидетели подтвердят, что я — действительно сын моего отца и законный наследник земли. Это должно положить конец безумию, подумал я. Но когда в полдень я выехал в поместье, то обнаружил на участке рабочих. Трое сыновей этого Аксиомена как раз прибыли на место. Они держались с недопустимым высокомерием. Они показали какие-то документы и приказали мне уйти с моей собственной земли. Я был в солдатской одежде и, кстати, с мечом. Вероятно, мною овладел злой демон. Я схватился за эфес меча, и хотя я одумался и не обнажил клинка, самый факт и выражение моего лица заставили наглецов попятиться в страхе. Они удалились с проклятиями и обещанием разгромить меня в суде.

— И не беги к своему покровителю Алкивиаду! — пронзительно крикнул самый старший. — Даже он не выше закона!

Политик сразу ухватился бы за скрытый намек. Но я не сделал этого. Я был в отчаянии. Я посоветовался с несколькими друзьями, включая и моего командира — молодого Перикла. А тот, будучи таким же бесхитростным, как я, проводил меня в дом Аксиомена. Я извинился перед ним и, стараясь сдерживаться, объяснил ситуацию. Меня не убили на войне. Эта земля — моя. Покончим же со

скандалом. Я возьму убытки и извинюсь за злополучную вспышку гнева.

— Да уж конечно, возместишь, — ответил этот негодяй. Он уже выдвинул обвинение против меня.

— Обвинение в чем?

— В измене!

Он постарался, этот мошенник, и раскопал подробности моего освобождения из каменоломни в Сиракузах. Я был, как гласило обвинение, *eisangelia*, «агент и орудие Спарты». Упоминалось мое обучение в спартанской школе, мое возвращение в Лакедемон после Сицилии, моя служба у Алкивиада в Азии «в союзе с врагами Афин» и даже происхождение моего имени и имени моего отца — наряду с другими лжесвидетельствами, клеветническими утверждениями и обыкновенной ложью.

Дело было серьезное. Обвинение вело к смертному приговору, однако целью такого заявления было взять меня под арест. Я глаз не мог сомкнуть без страха, что враги проткнут меня ножом.

Однако я решил уладить все, не докучая Алкивиаду. Он услышал обо этом сам и вызвал меня к себе. Это произошло на его конюшнях в Эрхие, где он ранним утром ездил верхом, чтобы освежить голову.

— Все это нацелено не на тебя, друг мой, — сразу сказал он, — а на меня. И это не единственный случай.

Он сообщил, что за последние одиннадцать дней подано уже около сорока исков. И все они направлены против его коллег. Тема одна — связи с врагом. Общий эффект, как надеялись оппоненты, — породить недоверие к Алкивиаду и представить его тайным сообщником Спарты. Мой случай — мелочь. Этот Аксиомен — подхалим Эвтидема из Кидатенея, дяди Антифонта и члена культа Геракла того округа, ультраолигархического политического клуба. А есть еще десяток других — и все они решили свалить Алкивиада, пылая к нему ненавистью.

— Мне жаль, что твои дела оказались замешаны в мои, Поммо. Но наши враги неразумно нанесли нам удар в более важной игре. Ты веришь мне, старый друг?

Он может воспользоваться мною, если я соглашусь.

Алкивиад хотел наложить запрет на прошение о вакансии на поместье, подав *dike pseudomartyrou*, иск по поводу ложного свидетельства; после чего намерен назначить временным управляющим поместья любого родственника, кого я назову. Он будет следить за этими землями до моего возвращения.

— Возвращения? Откуда?

— Но ты, Поммо, не должен оспаривать другой иск — обвинение в измене. Тебе придется действовать так, словно это правда. Ты должен бежать.

Я мог думать лишь о жене и тетке. Как я объясню им это? Как я смогу заботиться о нашем ребенке? Если я скроюсь, Аврора и ребенок не приедут в Афины. Что касается меня, то разве своим бегством я не подтверждаю свою виновность? Я рискую оказаться в изгнании навсегда.

— Разве когда-либо мне не удавалось защитить тебя, Поммо?

Алкивиад уверил меня, что до тех пор, пока он остается у власти, ни один человек, ни один закон не причинит зла ни мне, ни моей семье. Он все сделает как надо и с выгодой для меня.

— Наши враги хотят представить тебя сторонником Спарты. Очень хорошо. Мы не возражаем.

Он хотел, чтобы я перешел на сторону врага. Поехал вместо него в Эфес, оплот спартанцев в Эгейском море. Там теперь находится Лисандр. Он наконец-то сделался навархом. Прежнее знакомство Алкивиада с Лисандром да еще эти обвинения в связях со Спартой откроют передо мной его двери. Я буду представляться частным лицом, но, когда Лисандр позовет меня, чтобы порасспросить — а это случится обязательно, — следует открыть ему, что я —

личный посланник Алкивиада. Я должен подтвердить добросовестность намерения установить дружеские отношения со спартанцами. Если Лисандр пожелает обменяться с Алкивиадом сообщениями, то я послужу курьером. Что касается любого приговора, вынесенного мне в Афинах, то Алкивиад своей властью *strategos autocrator* просто издаст указ о помиловании.

— Ну так сделай это для меня сейчас,— потребовал я.

Мой командир замолчал. Наши взгляды встретились. Его глаза не были ни холодными, ни злыми, просто упрямыми.

— Сейчас делаются большие дела, Поммо.

— Это твои большие дела.

— Я так же ограничен ими в своих действиях, как и ты.

Он отметил еще одну деталь. Дней за десять до этого из Халкидики доставили несколько групп военнопленных. Среди них был мой старый товарищ Теламон. Я освободил его. Он находился теперь в госпитале, излечиваясь от ран. Об этом я не поставил в известность ни Алкивиада, ни кого-либо еще, считая это дело мелким, недостойным их внимания. Конечно, Алкивиад знал об этом.

— Вызволи твоего человека из лап костоправов. Договорись с ним. Действуйте сообща, демонстрируйте вашу полезность в качестве убийц. Это укрепит доверие Лисандра к тебе. Он даже может попробовать использовать тебя в таком качестве против меня.

Я согласился поехать. Что еще я мог сделать?

— Мне жаль, что я пользуюсь твоим трудным положением, Поммо. Но крайние обстоятельства требуют крайних мер. Я знаю, тебя это мало волнует. Но если эта тяжелая задача будет решена успешно, то изменится судьба не только Греции, но и всего мира.

— Ты прав,— сказал я.— Мне все равно.

В этот момент с прогулки по холмам как раз возвратились Эвриптолем и Мантитей. Они заметили, что я в за-

труднении из-за поручения командира. Любыми средствами мне следует заглотив обвинение в измене, сказал Эвриптолем. Я не должен допустить, чтобы меня поместили за решетку. До суда пройдет не один месяц. Кто может предсказать настроение народа? Было бы сумасшествием искушать судьбу, представ перед судом афинян. Особенно ввиду того, что мои защитники должны будут довольно скоро отправиться на войну.

— Гляди веселей, Поммо, это разнообразит твою биографию.— Двоюродный брат нашего командира засмеялся, положив руку мне на плечо.— Разве ты не знаешь, что нельзя считать себя истинным сыном Афин, если ты не побывал в ссылке и не был приговорен к смерти?

Глава XXXVII

ОХОТА НА ПАРНАСЕ

Мое положение было еще одним, и не самым главным, следствием хитрого плана Алкивиада, который он запустил за несколько дней до этого. Кампания тяжбы с законом была лишь элементом ответа его врагов. У тебя есть родственники и коллеги, Ясон, которые присутствовали при происходившем в тот вечер. Нет сомнения, ты помнишь его. Я расскажу тебе, насколько мне позволяет память.

Через несколько дней после своего возвращения в Афины, почти сразу после триумфа в Элевсине, Алкивиад организовал охоту на склонах Парнаса. Он пригласил туда не только своих сторонников, но и несколько личных и политических противников, включая Ани-та и Кефисофонта, будущего тирана Крития, а также Лампонта, Гагнонта и твоего дядю Миртила. Последние трое представляли крайнее правое крыло партии Хороших и Истинных. Они были самыми злобными из обвинителей Алкивиада во время слушания дела о мистериях. Клефонт и Клеоним представляли приверженцев радикальных демократов. Был приглашен также Харикл. Вместе с Пи-

сандером он настраивал народ против Алкивиада. В те дни резкость их выступлений содействовала разжиганию вражды. Во время разгула террора, среди прочих мер, они предложили аннулировать закон, запрещающий пытки граждан. Эта охота на Парнасе, как объявил Алкивиад, была способом протянуть оливковую ветвь мира бывшим врагам. Он хотел дружбы с ними.

Сама охота была показательным жестом хозяина, поскольку в семи милях к востоку, в районе форта в Декелее, все еще находились значительные силы спартанцев. Смелость Алкивиада произвела впечатление на город, поскольку даже самые искусные охотники уже несколько лет не решались охотиться в тех горах. Спартанцы настолько считали это место своим, что в сезон охоты лакедемонская конная охрана оставляла в охотничьем домике кирки, лопаты. Они даже переложили каменную печь, когда та накренилась. Там же имелась и кладовая для мяса. Нельзя было ответить отказом на подобное приглашение. Весь город гудел. Добровольцы из числа конницы взялись обеспечить охрану. Конечно, все хотели узнать, что задумал Алкивиад.

Стихия разгулялась. Дожди не переставали лить два дня. Охотники все вымокли. Но охота была грандиозная, и, надо сказать, никто не жаловался. Они возвратились в хижину, сняли намокшие туники и развесили их перед огнем. От одежды повалил пар. Грелись в огромных чанах с горячей водой, натирались теплым маслом, а потом отдыхали, не отказывая себе в удовольствии полакомиться красным виноградным вином, грушами, фигами и сыром. Всем также пришлось по душе куропатка, оленина и жареный гусь. Наконец гости, уставшие и сытые, расположились на лужах в большом зале, где четыре медных колокола служили дымоходом для двух разожженных очагов. Ловчие, загонщики, псаря и слуги были отпущены. Осталась только личная прислуга — на молчание этих людей можно было положиться. Всего осталось около тридцати человек.

Среди друзей нашего хозяина были Эвриптолем, Ади-мант, Мантитей, Аристократ и молодой Перикл. Ферамен, Фрасил, Прокл, Аристон и его партия представляли умеренное крыло; имена оппозиционеров я упоминал раньше. Такое разграничение способствовало усмирению враждебности. Все, казалось, смягчилось, когда хозяин, одетый в охотничий плащ, встал рядом с очагом и начал говорить.

Без всяких предисловий он сразу предложил закончить войну и заключить со Спартой мир. Пока гости в недоумении таращили глаза, Алкивиад продолжал: следует совместно со Спартой двинуться на Персию. Цель этой новой войны заключалась не только в освобождении греческих городов Малой Азии, но и в захвате Сард, Суз, Персеполя. Другими словами, он планировал захватить всю Персидскую державу вплоть до Индии.

Безрассудная смелость такого предприятия выглядела настолько захватывающей, что одни гости, обрета наконец дар речи, расхохотались, а другие спросили, не сошел ли с ума их дорогой хозяин.

Алкивиад сначала обозначил практические выгоды. Самая первая — спартанцы уйдут из Аттики и к нам возвратятся все наши поместья. Одно только это совершит чудо: успокоит враждебность богатых и ослабит их интриги против демократии. Верните им их виноградники и лошадей — и вот они уже не хотят никаких переворотов. Доходы от такого предприятия получит не только аристократия. Обогатится также и *demos*. И не только наши собственные неимущие граждане, но также и метэки — иностранцы, проживающие в Афинах и не имеющие права голоса на выборах; и даже рабы, большинство которых стремится к действию даже больше, чем полноправные афиняне. Предоставь им возможность участвовать в войне, сулящей выгоду и славу, причем не грек против грека, а грек против варвара, да еще против такого варвара, с которого просто капает золото, — и прощай недовольство.

— Это я и называю «кормлением чудовища». Это значит обеспечить для беспокойных слоев нашего народа цель, достойную их стремлений, цель, которая не делает их врагами, но напротив — примиряет между собой их личные цели, зачастую коренным образом отличающиеся друг от друга. Сейчас таким чудовищем стала вся Греция, ибо последняя война соскребла мох с каждой эллинской задницы. Все они стали афинянами, даже спартанцы.

Он предложил провести резкое разграничение партий в Лакедемонне. Экспансионистская фракция, возглавляемая Эндием, ухватится за эту идею, если только убедится в ее осуществимости, равно как и Калликратид, и старая гвардия, которые ненавидят варвара и возмущаются низкопоклонством перед его золотом. Партия Агиса и Лисандра будет противостоять нам, но не потому, что они не верят в это предприятие (они в любом случае начнут рваться к лидерству, если решат, что это послужит их интересам), но потому, что их амбиции слишком тесно связаны с кошельком принца Кира. Личные посланцы, поведал Алкивиад, давно подали сигнал обеим партиям. Чего нельзя добиться убеждением, то можно купить золотом.

Непобедимость персов — миф, продолжал Алкивиад. Их армия, составленная из солдат, которых мобилизовали из подчиненных государств, разбежится даже перед второсортными спартанскими силами, как это случилось во время войны на Геллеспонте, а их флот окажется бумажным при встрече с афинскими кораблями. Алкивиад описал персидскую систему управления: независимые сатрапы и расставленные между ними барьеры. Здоровье Дария плохо. Борьба его наследников потрясет всю Азию. А наши стремительные удары разнесут всю его империю в клочья. Алкивиад произнес это настолько убедительно, что стало казаться, будто все это неотвратимо. Особенно если эллины будут действовать в союзе с македонцами и фракийцами, а ведь фракийские владыки хорошо расположены к Алкивиаду. Следует также привлечь греческие города Ионии, которые

всегда стремились к независимости. Они все как один встали под знамена объединенной родины.

Все слушающие Алкивиада были профессиональными политиками и знали, чем отличается замысел от воплощения. И именно об этом заговорил теперь Алкивиад.

— Рассмотрим трудности, с которыми столкнутся спартанцы в результате этого предложения. Они объединили союзные государства лозунгом «свобода», что означает не более чем возможность отделаться от нас. Теперь мы силой возьмем эту высоту, поставив их перед выбором, который потрясет их до основания. Далее, рассмотрим реакцию независимых греческих городов-государств. Каждое избегает следовать за кем-либо, будь то Спарта или Афины, боясь, как бы его не сожрали и не поработили. Каждое боится, что греческая федерация нанесет ему поражение. Но присоединиться к союзу этих двоих против не-греков представляется им значительно менее пугающим выбором. Если дела пойдут не так, такое государство всегда может поддержать одну сторону против другой. Если предприятие вообще не удастся, государство рискует только людьми и кораблями, но не своим суверенитетом, а в случае успеха оно может обогатиться и прославиться. И наконец, подумаем об эффекте, который наше дело окажет на перса. Спартанцы — его союзники. Даже если они отклонят наше предложение, мидийцы не могут всем этим не интересоваться, поскольку каждый новый адмирал — выходец из Спарты. Им важно знать, каковы его взгляды, насколько ему можно доверять. Так что даже если нам придется продолжать эту войну, мы уже посеем раздор между нашими врагами, причем без всяких затрат с нашей стороны.

Теперь настал черед главного удара.

— Я хочу, чтобы это предложение выдвинули вы, Клеофонт, Анит и Харикл. Оно не может исходить лично от меня. Такое предложение должно быть озвучено моими противниками. Выслушайте меня, пожалуйста, и взвесьте следующие соображения. Если я или любой из моих сторонни-

ков объявит этот план перед нашим народом, то вся эта идея будет воспринята как безответственные бредни, очередное порождение Алкивиадовой гордыни. Меня обвинят в том, что я действую в интересах Спарты из-за моих прошлых связей с ней. Или, того хуже, заподозрят, что спартанцы дали мне взятку. За этим последуют весьма предсказуемые обвинения в измене, завышенных амбициях, личном интересе и так далее. Вы же сами, несомненно, и выдвинете эти обвинения. С другой стороны, если ваши партии, чья враждебность по отношению к спартанцам не вызывает сомнений, выдвинут те же самые предложения, к ним сразу же отнесутся с доверием. Более того, их будут приветствовать как смелые и дальновидные. Доверие к вам укрепитя еще больше. А я поддержу вас всем, чем могу.

Он говорил все это не дуракам. Все они сразу поняли гениальность этого плана. Особенно умно придумано доверить оглашение новых идей Алкивиада его врагам. Если Анит и Харикл, представители олигархов, или Клеофонт, представитель радикальных демократов, последуют совету Алкивиада и выдвинут его предложение от своего имени, он действительно достигнет своей цели — если это в самом деле является его намерением. Но еще более вероятно, что Алкивиад ведет со своими противниками двойную игру. В таком случае он может объявить этот проект изменой, а своих политических оппонентов — предателями, сказать, что никогда не слышал о подобном плане, потребовать строго осудить его создателей. С другой стороны, если враги Алкивиада попытаются опередить его, выдав его детище, они рискуют привлечь к нему *demos* и оказаться отвергнутыми из-за собственных трусости и вероломства. А он, Алкивиад, предстанет великодушным и заботливым государственным деятелем, который даже своим врагам предоставил шанс добыть себе славу, от которой они столь близоруко отказались. Или безупречным патриотом, получившим удар в спину от тех же негодяев, которые некогда

лишили Афины его гения. Оппоненты Алкивиада выйдут из этой ситуации невредимыми только в одном случае: если народ не примет план Алкивиада. Но кто станет рисковать этим теперь, в час его наивысшего восхождения?

Поднялся Харикл.

— Зачем прибегать к таким экстравагантным приемам, чтобы погубить нас, Алкивиад? Почему бы тебе просто не перебить нас? Мы бы так и поступили.

Алкивиад засмеялся:

— Нет, так неинтересно!

Затем сделался серьезным и с каменным лицом повторил, что совершенно не шутит относительно своего плана.

— Смело! — согласился его противник. — Готов встать рядом с тобой в аду перед Персеподем.

И он замолчал.

Дебаты продолжались до глубокой ночи. Очень много говорили Критий, Клеофонт, Анит. Точки зрения у всех были очень разными. Критий, как и ожидалось, был за союз со Спартой, но опасался реакции народа. Анит критиковал план как «не афинский» и фактически предательский. Он считал, что Алкивиад топчет родной город, как простой камень, чтобы достичь своих далеко идущих целей. Фактически его не волнуют Афины, разве что как «еще одна побрякушка в своей короне». К чести Анита, он разговаривал со своим врагом откровенно, не подбирая слов и не стесняясь в выражениях.

После полуночи я удалился с молодым Периклом в комнату, которую мы с ним делили. Некоторое время из зала еще доносились голоса. Наконец все затихло. Хотя после такого совещания сон не мог быть спокойным. Проснувшись голодными, мы с Периклом тихо спустились вниз посмотреть, что можно найти в кладовой. К нашему удивлению, Алкивиад не спал. Он сидел на кухне и что-то диктовал своему секретарю.

— Мои дорогие Поммо и Перикл! Что привело вас сюда, поздний ужин или ранний обед?

Он сразу поднялся, придвигая скамьи к большому столу, и настоял на том, чтобы обслужить нас в качестве ученика повара. Он приготовил для нас холодное мясо и хлеб, отпустил уставшего секретаря и, справившись о нашем благополучии и наших семьях, приступил к своей задаче.

— Я не мог отважиться спросить в присутствии других, — улучив момент, заговорил родственник нашего хозяина, — но неужели ты был серьезен, когда говорил об этом персидском предприятии?

— Серьезен, как саван, друг мой.

— Конечно, ты не можешь ожидать, что это ночное собрание останется в секрете. Я не удивлюсь, если по дороге в Афины уже скачут гонцы с известиями.

Алкивиад улыбнулся.

— Сегодняшнее секретное совещание предназначалось для множества аудиторий, Перикл, и менее всего — для тех, кого собрали, дабы они слышали все из первых уст.

Алкивиад помолчал и обратился к нам доверительным тоном, в котором невозможно было заподозрить неискренность. Он говорил с нами как учитель со своими последователями, как верховный жрец с мистами.

— Победа над Спартой, поймите, — это химера. Ее армия остается непобедимой, с золотом персов или без него. И никто не захочет уничтожить ее, даже если и сможет это сделать. Уничтожение спартанской армии, как говорит Кимон, означает, что

Греция станет хромой, а Афины,
Утратив собрата в упряжке, тяжелый
Плуг повлекут в одиночку.

Что же в таком случае возможно? По крайней мере, не мир. Этого Греция никогда не знала и никогда не узнает. Скорее более почетная война. Война, которая не только отвратит Чудовище от пожирания самого себя, но поднимет его на сцену такого масштаба, которая позволит самому посредственному гражданину возвыситься до видного по-

ложения. Что до великих граждан Чудовища, то они взойдут к высотам неувядаемой славы.

Алкивиад подал нам мясо и хлеб. Мы оба поражались смелостью его видения и необычности его притязаний.

— Замысел твой понятен. Но если говорить честно, ты уверен, что такое предприятие осуществимо?

— Оно может быть осуществлено. И будет успешно проведено в жизнь.

Потом он сел и, заметив на лице Перикла недоверчивое выражение, опять пустился в рассуждения — настолько необычные, настолько разумные и глубокие, что, возвратившись домой, я постарался записать все дословно — насколько смог запомнить. В моем рундучке сохранились эти записи.

— Большинство людей верят, — начал Алкивиад, — что мы существуем только тогда, пока бодрствуем. А сны, по их мнению, — это нематериальные видения, посещающие нас ночью, когда мы погружаемся в легкое небытие. Дикая племена за пределами Фракии утверждают обратное. Для них люди по-настоящему существуют именно во сне, а жизнь в часы бодрствования они считают призрачной, иллюзорной. Они могут предсказать на основании снов, в каком месте появится дичь. Эти специальные сны, как они утверждают, призываются перед наступлением ночи. Я охотился вместе с ними и верю этому. Они говорят, что входят в сон и выходят из него по собственному желанию и ничего так не боятся, как умереть во сне. В то же самое время смерть наяву для них ничто, это просто вечный сон, даже если нет того сосуда, в котором происходят сновидения.

— Какая чушь! — воскликнул Перикл. — Если ты умираешь во сне, ты не просыпаешься мертвым. Но умри в реальной жизни — и ты уж не увидишь никаких снов!

Алкивиад лишь улыбнулся.

— Человек ощущает мир, отличный от этого. Это не именно сон, но возможность. Мир, которого еще нет, но который может быть. Мы можем призвать этот еще не осу-

ществленный мир. Например, мальчик лежит на траве на берегу ручья. Он может сунуть руку в воду, чтобы взять со дна камушек. Этот человек живет, не так ли? Животное видит лишь грубую материю, а человек видит сны. Я питался снами. Я питался ими не один, чтобы только поддерживать силы, но угощал ими других. Вот как великие узнают друг друга. Вот как командир, обладающий видением, ведет за собой свободных людей. Однако не каждый сон — пророческий, — продолжал Алкивиад. — Нужен тот единственный, тот, который давно уже намечен, как камушек в ручье. У этого камушка есть имя. Его зовут Необходимость. Необходимость — это сон. Тот, который стремится воплотиться и призывает всех, кто может помочь ему в этом. Еще мальчишкой я часто наблюдал это у старшего Перикла. Он мог, с помощью каких-то потусторонних сил, определить настоящее и будущее — не только для себя, но и для других. Он мог сказать людям, что они видят, он мог заставить их увидеть это. И они начинали воспринимать происходящее уже не своими, а его глазами. Таким способом он держал в повиновении город и мир. Любители оказывают такую услугу друг другу, старшие помогают младшим, обучая их тому, чем владеют сами. Ибо все мальчишки и большинство взрослых глубоко несовершенны — не только сами по себе, но и в своих желаниях. Их стремления заурядны, суетны, эгоистичны. Такой дар преподнес мне Сократ. Он хотел возвысить мои стремления, и я понял, что сила, которой я обладаю, — это высший дар человека своим товарищам, а также самый мощный способ осуществления своих стремлений. Ибо что может более возвысить человека в глазах его соотечественников, нежели подаренное им счастье и процветание? Сократ, — продолжал он, — считает политику ниже философии, и в этом я с ним согласен. И какой образованный человек не согласился бы? Но философия не может существовать без политики. Если судить по этой мерке, то политика — самое благородное занятие из всех, ибо она делает возможным все. И как определить политику, если

не как рождение видения для народа, того видения, которое является его судьбой и которое он сам ощущает несовершененно и частично?

— Но такой человек, Алкивиад,— это не политик, это пророк!

— Пророк видит истину, Перикл, а политик озвучивает ее для своих соотечественников. И часто он провозглашает ее перед лицом своих ярых противников.

— А в случае Афин,— вставил Перикл,— перед нашими подданными и врагами.

Здесь у меня возник вопрос.

— Предположим, Алкивиад, что за этим столом восседает Правосудие. И вот оно прерывает тебя и говорит: «Друг мой, ты забыл упомянуть обо мне. Ибо то, что ты называешь Необходимостью, другие назовут Несправедливостью, Подавлением и даже Убийством». Как бы ты ответил этой богине?

— Я бы напомнил Правосудию, друг мой, что Необходимость старше его. Необходимость уже существовала, когда еще не было Земли. Правосудие, как ему хорошо известно, не может главенствовать даже на небесах. Так почему же оно должно занимать первенствующее место среди смертных?

— Это жесткая философия, Алкивиад.

— Это философия власти и тех, кто обладает ею. Это философия империи. И мы все принимаем ее, ибо она удерживает подчиненные нам государства, а также спартанцев, персов и афинян. Иначе все они разбежались бы. Но тогда мы падем, потерпим поражение, и судьба наша будет незавидной. Это, по-моему, значительно более серьезное преступление, нежели несправедливость. Мы обеспечиваем подчиненным большую безопасность и большее материальное благополучие, нежели они сами способны обеспечить себе без нас. Но вот что является главным, друзья мои. Наши так называемые подчиненные нам государства не являются подчиненными в строгом смысле — в том смыс-

ле, что мы покорили их силой. Их вынудили следовать за нами на пике нашей славы. Они добровольно подчинились нашему превосходству. Иначе почему их сыновья стремятся в наш город, на наш флот — даже в самые трудные его времена? Их судьба связана с нашей, неразделима с ней — как и судьба всех тех государств, которые до сих пор не решились занять чью-либо сторону. Их армии с радостью соберутся под нашими знаменами, когда мы вместе выступим против Азии.

— В таком случае ты предвидишь события не только для Афин, но и для наших подданных, и даже для наших противников?

— И для всего мира! — вставил Перикл.

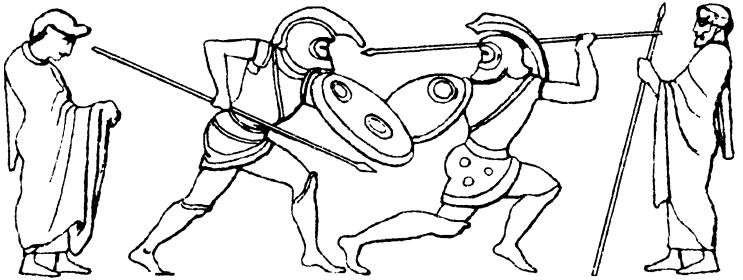
Алкивиад ответил с иронией, легкой, как морская пена. Он показал на тарелки и деревянное блюдо с фруктами.

— Я лишь обслужу господ и скромненько отойду в сторону.

Возвращаясь в нашу комнату, мы прошли мимо помещений, которые занимали Анит, Критий и Харикл. Те не спали и о чем-то шептались. Противники Алкивиада обдумывали, как можно свалить его. Они не знали, что тот агент, который уничтожит и его, и их самих, уже в этот час сходит на берег в Кастоле в Ионии в сопровождении конницы персидского принца Кира.

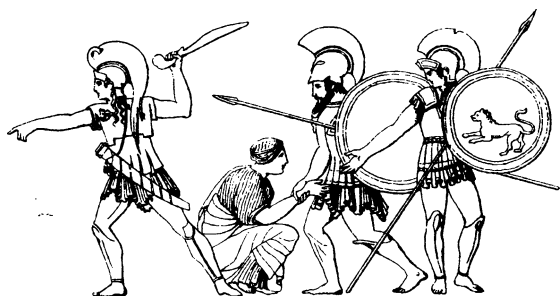

ТРИЖДЫ
ПО ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Глава XXXVIII

ТЯЖЕСТЬ ЗОЛОТА

Ты когда-нибудь видел повозку, груженную золотом, Ясон? Выглядит не очень внушительно. Просто два слитка, завернутых в руно, не больше бревен для очага. Но они очень тяжелые, как сказали нам служащие, сопровождавшие меня и Теламона. Они разрешили нам взглянуть на них, когда их принесли из эфесской казны. Их пришлось грузить с помощью лебедки. Каждый слиток следовало положить строго над осью повозки, иначе под их тяжестью повозка сломается. Такой груз могут стронуть с места лишь волы. Тягловые лошади и мулы могут тащить повозку только по ровной дороге, но с подъемом они не справятся.

Кир Персидский привез в Кастол девять таких слитков. С ними он доставил инструкции своего отца, персидского царя Дария: обеспечить спартанцев всем необходимым, чтобы уничтожить афинский флот. Более того, сообщалось в донесениях, принц обещал ради этого отдать личное состояние и даже поклялся разбить свой золотой трон. Все это составило сумму в пять тысяч талантов — в десять раз

больше всей афинской казны. А ты спрашиваешь меня, друг, о том, что выиграло войну для Лисандра.

Афинские моряки получали по три обола каждый. Лисандр платил по четыре. Афинская команда на три четверти состояла тогда из иностранцев. На некоторых кораблях оставалось всего двадцать человек граждан. Вербовщики Лисандра дорого могли купить этих парней. И спартанцы каждый месяц выплачивали им полное жалованье, а не треть, как платили мы, удерживая прочее до времени возвращения в родной порт.

Именно в этом месте — я вспоминаю это, потому что мои записи обрываются на полуслове, — Полемида прервало волнение на Железном дворе. Появился тюремный надзиратель с сообщением, что какая-то женщина уверяет, будто она — жена узника. Она прорвалась к тюремщику и ругается самыми скабрезными словами, требуя, чтобы ее пропустили к заключенному. Это могла быть только Эвника.

— *Что мне сказать ей?*

— *Что я занят.*

Мы слышали ее брань. Она ругалась почище боцмана, когда привратник уводил ее со двора.

— *Единственная привилегия заключенного, — заметил Полемид, — это уединение.*

Однако ход его мысли был прерван. У меня имелись еще другие обязанности, и мы остановили нашу беседу. С этого момента, внук мой, я могу продолжить рассказ Полемида, основываясь на документах, которые у меня сохранились.

Это записи в вахтенном журнале молодого Перикла — в то время командира «Каллионы». Их отдали мне на хранение во время суда над стратегами на Аргинусах. Это краткие записи времен первой кампании против Лисандра.

8 гекатомбэона. Пролив Микала. Осада Педагога (прозвище Лисандра). Вырваться ему не удастся.

12 гекатомбэона. Блокада Эфеса. 76 кораблей Педагога не высунут носа против наших 54.

27 гекатомбэона. Рейд по деревням восточнее Элеунта. Взяты 60, по большей частью женщины, стоят около 100 драхм. 6 раненых, 4 тяжело. Жалованье: задолженность за 40 дней.

3 метагитниона. Остров Имброс. Преследовал 2 эскадры по 6 и 8 кораблей весь день до порта Мирина. Они вытащили корабли на берег и разбежались.

11 метагитниона. Река Эн, Фракия. Грабеж, 4 раненых. Жалованья нет.

14 метагитниона. Еще деревни. Жалованья нет.

2 боседромиона. Самос. Прибыл «Неукротимый». Алкивиад с тремя эскадрами преследует Лисандра от Аспенда. Никаких боевых действий.

Это был ответ спартанского наварха на высшую степень готовности, которой к тому времени обладал наш флот. Он отказался вступить в бой. Он отказался от сражения.

Перикл пишет своей жене Хионе:

«Среди командиров преобладает одно стремление: они хотят освоить стратегию Лисандра и терпеливо ждать, пока она сработает. И еще одно — ознакомить с нею людей. Ведь наши подчиненные срывают досаду не на Лисандра, а на нас».

А вот что он пишет своему сыну Ксантиппу, знакомя парня с тяжелыми обязанностями командира:

«...Деньги — это бич для морского офицера. Ничто, даже коневодство, не съедает столько денег, сколько корабль, и ничто не пожирает их так жадно, как трирема. Замена одной доски на гнездо-шип требует, чтобы судно было под креном. Опоясывающее корабль крепление должно быть снято. Часто возникает необходимость заменить целую секцию корпуса. А такая сложная работа требует мастерства корабельных плотников, не говоря уже о том,

что необходима определенная древесина определенного возраста и нужных размеров. А где все это взять, когда возникает такая необходимость? Но главные поглотители денег — это люди, которые радуются любой полоске земли. И кто может винить их, когда они гнут спины в любую погоду, постоянно рискуя при этом жизнью? Попробуй сказать им после десяти дней восемнадцатичасовой гребли, холодной пищи, бессонных ночей, когда кругом враждебные берега, что ты не можешь наравне с ними участвовать в веселье!

Триерарх тратит капитал доверия к себе всякий раз, когда его люди сходят на берег. Он мучительно желает, чтобы они верили ему потом, когда после этого будут сражаться. И если он богат — а он обязан быть богат (во всяком случае, именно так о нем думают, иначе город не доверил бы ему командовать боевым кораблем), — тогда вечно ворчащие гребцы хотят знать, почему он ради них не пороемся в своем кошельке, ведь потом он может выставить счет казне. Конечно, многие именно так и поступают, а потом они разоряются. Ибо если капитан хоть раз заплатит команде из собственного кармана, он больше никогда уже не сможет сказать им «нет». Он перестает быть их командиром и становится их рабом.

Самой важной способностью Алкивиада была его способность так долго сохранять флот, почти обанкротившийся. Он умел выжимать деньги из города или сельской местности. Поверь мне, эти сельские владельцы в состоянии закопать свое добро куда глубже, чем ты сумеешь дорыться в своих поисках. Один только Алкивиад умел заставить их раскошелиться по доброй воле. Он очаровывал или обманывал их, он писал свои печально знаменитые «гарантии компенсации». У флота нет больше никого, кто умел бы совершать такое колдовство. Наши офицеры не умели делать это сами. У Алкивиада не оставалось времени командовать, ему приходилось добывать и добывать деньги. Это, как кислота, разъедает моральное со-

стояние людей, но у афинского флота нет выбора, и Лисандр знает об этом.

Находясь в трудном положении, наши командиры должны знать, что такое грабеж. Основной вред грабительских набегов — риск, которому подвергаются люди. Физическим сложением и тренировками моряки совершенно не подготовлены к военным действиям на суше. Они чувствуют себя не в своей тарелке. Те, кто на корабле лидируют, стараются отойти в задние ряды по мере того, как колонна удаляется от берега, в то время как громилы и подлецы рвутся вперед. Гребцы не умеют штурмовать заборы, уводить овец или сгонять в одно место уличных мальчишек и старух, чтобы потом сбывать их оптом работороговцам. Если деревня сопротивляется, человек спокойный и правильный отказывается атаковать. Если неприятель уступает, они уже не владеют собой. Начинаются зверства. Офицер больше всего боится этого. Каждая изнасилованная девушка означает еще одну деревушку, преподнесенную врагу на блюдечке. Еще бо́льшая беда — родственники убитого, которые поклялись отомстить. Это ускоряет наше возвращение на корабль. А в задние ряды колонны летят стрелы и камни, конники бросают в нас копья, а саму добычу, ради которой мы, собственно, и рисковали шкурой, приходится выбрасывать, чтобы легче было удирать.

Из такого набега отряд всегда возвращается с ранеными, а это плохо отражается на всем корабле. Стоны даже одного пострадавшего дурно сказываются почти на всех. Еще хуже, если он ослеп или обгорел. И упаси нас боги от стрел, попадающих между ног. Его товарищи в ужасе, и только бой, немедленный бой, когда надо спасать себя, удержит подстрекателей от мятежа. Ты можешь пороть людей, можешь разрешить морякам выбрать кого-то для примера. Но военный корабль приводится в действие трудовым потом и движением сердца. Люди должны любить друг друга, иначе всему конец».

КРИКУНЫ И ПОЛЗУНЫ

В тот день у меня были еще другие дела, — продолжал дед. — Некоторые касались Сократа. Вечерней звезде осталось появиться на небе четыре раза — и настанет день его казни. Уже далеко за полночь я возвратился домой. К моему удивлению, на переднем дворе меня поджидала Эвника, совсем одна, от холода завернувшись в плащ. Она провела там весь день с того самого часа, как покинула тюрьму. Моя жена накормила ее ужином и дала ей в распоряжение слугу, чтобы тот проводил ее домой. Однако Эвника заявила, что у нее неотложное дело ко мне, поэтому она останется. Она обязана переговорить с Полемидом. Нельзя откладывать.

Я очень устал и ничего так не желал, как выпить чашу вина и улечься в теплую постель. Но вдруг почувствовал, что у меня появился случай докопаться до сути происходящего.

— Кто выдвинул против Полемиды обвинение в убийстве? — спросил я резко. — Не тот, кто указан в обвинительном акте, — я знаю, что это ложь, — а настоящий обвинитель? Кто скрывается за этим и почему?

Эвника вскочила. С возмущением стала заверять, что ничего не знает. Она нервно расхаживала взад-вперед, что-то бормоча, потом полился поток богохульств.

— В каком доме ты остановилась? — строго спросил я, употребив слово не «oikos», а «oiketа» — подразумевая «бордель».

В доме Колофона, ответила она сердито, сына Гестиодора из Коллита. Я знал его, он был племянником Анита, который обвинил Сократа и являлся самым ярым врагом Алкивиада. Андрон, брат Колофона, был обвинителем. Он присягнул, что происходит из одного рода с жертвой, и получил разрешение на отсрочку, чтобы предъявить обвинение через некоторое время.

— А с этим Колофоном ты и постель делишь?

Женщина резко повернулась.

— Я в суде? С каких это пор меня судят?

— Кто хочет, чтобы твой муж был мертв, Эвника? Ведь не этот же мошенник и его брат, которым достаточно его земли? Они удовольствовались бы его ссылкой. С ним хочет покончить кто-то другой. Кто?

Она посмотрела на меня так, что я никогда не забуду этого взгляда. Я запнулся, как человек, который, говоря словами Гермиппа, «наступил на истину».

Это была она сама. Как? Я настаивал. Сделав своим любовником могущественного человека? Или ты искала тех, у кого, как ты знала, были достаточно веские причины стремиться ликвидировать твоего мужа и потребовалось только преступление, чтобы его арестовали?

Она заплакала.

— Ты не знаешь, что значит быть женщиной в мире мужчин...

— Таким образом ты оправдываешь убийство?

— Дети — мои. Он не отберет их от меня!

Она опустила на скамью, все еще плача. Наконец она заговорила. Все дело в ее мальчике, Николае, названном в честь отца Полемида. Парню шестнадцать. Как и все в

этом возрасте, он ищет приключений. Как и все мальчишки, которые растут под приглядом чужих мужчин, сменяющих друг друга в постели его матери, Николай стал идеализировать отца. Он лишь изредка бывал в его обществе. Более того, близость родителя к большим событиям сделала его еще более пленительным в воображении подростка. Этого обожания не уменьшил даже арест за убийство.

Эвника рассказала, что парень дважды убежал и вербовался под вымышленным именем. Задержанный охраной арсенала, он убежал вновь в Пирей, где его отец делил постель с вдовой товарища по флоту. До этой гавани Эвника выследила сына, но не смогла заставить его вернуться домой. Какой-нибудь корабль, где не хватает людей, возьмет его. Это только вопрос времени. Он отплывет навстречу своей смерти. Только отец мог его разубедить. Я должен помочь, должен!

Крик женщины привлек сторожа. В этот день им оказался мальчик повара, смысленый парень по имени Гермон. Было поздно и холодно.

— Ты должна поесть, женщина. Войдем в дом.

Я велел мальчику разжечь огонь. Я привел Эвнику на кухню, дал ей руно, чтобы она согрела ноги, и поставил кресло для нее возле жаровни. Ты знаешь эту часть нашего поместья, внучек. Это уютное местечко. Стоит растопить жаровню древесным углем — и сразу становится очень тепло.

В моем рассказе я, наверное, забыл отдать должное этой женщине. Она пробудила во мне сочувствие. Ее речь была груба, но выражалась она откровенно. Стоило хотя бы поразиться ее способности к выживанию. Одним небесам известно, какие трудности приходилось ей преодолевать, чтобы вырастить своих детей среди варваров где-то на краю земли. Даже ее теперешнюю цель — уберечь сына от войны — можно было бы назвать благородной, если не знать, к каким средствам она прибегла. Она не была урод-

ливой, надо сказать, и обладала той похотливостью, которая иногда проявляется у женщин, чья пора расцвета уже миновала. Дань, выплаченная тяжелой жизнью, примирила ее с тем, как она выглядит. Матрос сказал бы, что пока еще все было при ней. И я сам ощутил к ней симпатию. Я мог представить их с Полемидом вместе. Вероятно, даже сейчас не в моих силах было примирить их. Признаюсь, глядя на нее, сидящую у огня, я пожалел, что не знавал их в ее лучшую пору — и в «курятнике», и в гавани.

Эвника прервала молчание.

— На чем он остановился? — спросила она, имея в виду его рассказ.

Я сказал, что он говорил про Самос и Эфес. Она мрачно хмыкнула.

— Много я отдала бы, чтобы послушать эту байку.

Паренек принес хлеб и вареные яйца. Это подкрепило Эвнику. Казалось, ее подозрительность и враждебность поуменьшились.

— Что, если бы я могла отозвать обвинение? — спросила она. — Я переспала бы ради этого с любим. Кроме того, у меня есть деньги на взятку.

Слишком поздно. Дата суда уже назначена.

— Полемид все это время знал, да? Он знал, что за обвинением стоишь ты?

Взгляд женщины подтвердил мое предположение.

— Он не испытывает к тебе ненависти, Эвника, я уверен.

Я обещал приложить все усилия, чтобы помочь ему. Я верил, что это удастся. Но печаль омрачила ее лицо. Я был тронут, и мне захотелось ее утешить.

— Можно я задам тебе один вопрос?

— Да ты только это и делаешь, капитан.

Я спросил о ее жизни с Полемидом. Какие моменты в их совместной жизни были самыми лучшими? Когда они были счастливы вместе?

Она поглядела на меня скептически. Я что, издеваюсь?

— Самое лучшее время для нас было тогда же, когда оно наступило для Афин. Самос и проливы. Когда Алкивиад одерживал свои победы.

Она села, положила руно на колени таким образом, чтобы огонь жаровни согревал одну сторону, а шерсть — другую. Отпила вина и начала рассказывать.

— На Самосе у нас был дом. Поммо привез нас из Афин, меня и детей. Это было красивое место, оно называлось Террасы. Дома выходили на улицу — богатые дома. Все мужчины служили на флоте. Это были превосходные дни. Отличные мужчины. Дом стоял на склоне холма, и огород у нас был лесенкой, потому место и называлось Террасы. Мы выращивали арбузы, большие, что твоя голова, и цветы. На печной трубе были ptera из железного дерева, такие крылья, они поворачивались под ветром. Когда дул ветер, в трубах слышалось тихое гудение. Я и сейчас ровно слышу тот звук. Он разрывает мне сердце. Ты никогда не видал так много молодых мамаш. Все женщины были беременны или только что родили. Под ногами повсюду крикуны и ползуны. Хотелось родить как можно больше детей, потому что никто из нас не знал, как долго пробудет с тобою твой мужчина. Они были красивые, капитан, я не говорю о моем Поммо, хотя в то время он находился в самом расцвете. Я говорю обо всех. Такие красивые, такие храбрые. И все раненые. Позор, если ты ни разу не был еще ранен. Мужчина будет грести даже со сломанной ногой, ослепший от удара, с «морской звездой» от удара копья поперек живота — ты ведь знаешь это, капитан. У них закон — товарищей подводить нельзя. Раны на голове они называли «головной болью». Я помню совет доктора одному косоглазому с сотрясением мозга: «Сиди». На нашей улице стоял глиняный горшок. Мы клали туда деньги. Кому нужны были монеты, тот брал оттуда, а потом возвращал, когда денежки у него появлялись. Этот

горшок можно было оставить на ночь, никто не крад. Если человек умирал, хоронили на те же деньги, из горшка. Не было никаких банд. Все были друзьями. Нам не требовались никакие развлечения. Достаточно того, что мы вместе, с такими людьми. Никто не жульничал, ничего не присваивал. У нас было все, что нужно человеку, — молодость и победы. Корабли, наши мужчины, Алкивиад. Разве этого мало, капитан? Разве это недостаточно хорошо?

Эвника очистила яблоко и бросила кожуру в огонь. Кожура зашипела.

— Но только не для Полемида из Ахарн. Не для него. Он нашел себе другую женщину. Он рассказывал тебе? Не проститутку. Благородную девушку. Правильно. Он женился на ней, а мне прислал кучу денег, чтобы я не мешала их свадьбе. Что ты на это скажешь? Он будет мне платить, видите ли, как будто этим все решается. Мальчик и девочка, его дети. Он бросает их, даже не сказав «прощай». Он собирается стать господином, землевладельцем, как его отец. Смех да и только! Он пытался работать на земле, когда жил со мной, и не мог отличить свиной навоз от свиной сосиски. И теперь он мне заявляет, что это, мол, его мечта. И что на сей раз он заставит землю приносить доход. Ради него я убила топором одного человека. Он рассказывал тебе об этом, капитан? В Эритрее. Разрубила башку этому сукиному сыну. Он наклюкался и стал приставать к Поммо. Сейчас бы я этого не сделала.

Она замолчала и долго сидела неподвижно. Одной рукой она прижала яблоко к щеке, а другой обхватила себя, словно ребенка.

— Зачем я все это вспоминаю? Эта женщина, его жена, под землей, и скоро он присоединится к ней. Они убьют его за Алкивиада, и на сей раз ему не вывернутся.

Я спросил, любила ли она Полемида.

— Я всех люблю, капитан. Не могу не любить.

Час был поздний. Ясно, что Эвника устала не меньше моего. Я заверил ее, что поговорю с Полемидом о его сыне и сделаю все, что смогу, чтобы устроить ее встречу с ним. Я напомнил о плате, которую она так и не взяла, и предложил удвоить ее. Уверена ли она, что хочет выйти на улицу в такой час? Я могу приказать приготовить для нее комнату. Она поблагодорила, но отказалась. Она не хочет, чтобы беспокоились те, у кого она остановилась. У ворот я дал ей провожатого с факелом и не смог удержаться от вопроса:

— Ты можешь что-нибудь сказать мне об Алкивиаде? Какое впечатление производил он на тебя — не как стратег или исторический деятель, но как мужчина?

Она с улыбкой повернулась.

— Мы, женщины, тоже жаждем славы, капитан, как и вы, мужчины. Но в чем источник нашего величия? Не в том, что мы побеждаем других мужчин, но в том, что мы их рожаем.

Я сказал, что хотел бы понять спартанскую царицу Тимею, которая не только допустила, чтобы ее соблазнили, но даже похвалялась своей неверностью.

Эвника не видела в этом ничего непонятного.

— Нет в мире женщины, будь то Тимея спартанская или сама Елена, которая могла бы стоять перед этим человеком и не слышать повеления богов, исходящего из его лона. Каких детей дало бы мне его семя! Каких детей!

Женщина завернулась в плащ, подняла капюшон, постояла немного и обернулась.

— Ты действительно хочешь знать о Поммо?

Я серьезно заверил ее в этом.

— В юности его сердце разрывалось дважды, — проговорила она, глядя мимо меня. — Его сестра и его жена. Когда чума забрала их, он похоронил их кости, но не память о них. Какая женщина могла состязаться с ними, капитан?

Даже она, Эвника, не могла поспорить с мертвыми.

— Вот он какой. И еще Афины. Чума и война лишили сыновей Афин надежды. И тебя тоже, если только я правильно читаю по твоим глазам.

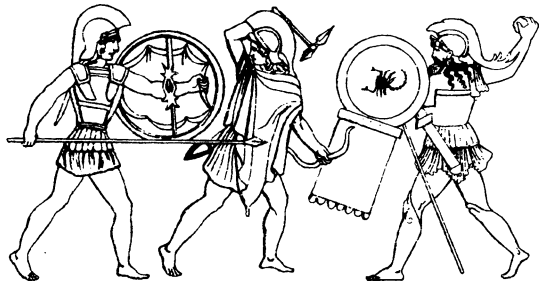
Я был поражен ее правотой.

— Если тебе что-нибудь понадобится, приходи, не стесняйся. Я сделаю все, что смогу.

Она накинула капюшон на голову и хотела уже уйти.

— А Алкивиад дал им надежду, не так ли, капитан? Они чувствовали это своим нутром, как мы, женщины, глядя теперь на все его ошибки и преступления. В нем ощущался Эрот. Он сам был Эрот, бог любви. Ничто меньшее не могло завоевать город и переделать его заново.

КРАСНАЯ ТРЯПКА СПАРТЫ

Уже наступила осень, — возобновил рассказ Полемид, — когда Теламон и я достигли Милета, пройдя через Аспенд и по Прибрежной дороге через Карию. Теперь я считал дни по-другому. У меня был иной календарь. Счисление времени велось не днями, а сроком Авроры до родов. Она должна родить через сорок три дня, согласно зарубкам на древке моего копья. Я предупредил моего товарища, чтобы он не очень рассчитывал на меня. Когда настанет час, я буду на Самосе, рядом с ней.

— Надежда — преступление против небес, — упрекнул меня Теламон, пока мы шли по дороге, обдуваемой ветром. Круглые сутки громыхали по ней вражеские караваны, везя припасы, палатки, оружие. Мимо шагали пехотинцы, пылила пехота. Все участки находились под охраной, каждый участок суши покрыт крепостями. — Когда-то ты был великолепен, Поммо, потому что презирал свою жизнь. А теперь надежда сделала тебя некудышным. Я должен расстаться с тобой. И расстался бы, если бы жизнь не свела нас.

В прибрежных городах по всей области Кария были спартанские гарнизоны. Города изменились, и больше всех — Милет. Когда он принадлежал Афинам, то отмечал праздник Флагов. Все домохозяйки украшали улицы флагами. Братства толпились на площадях. Всю ночь в городе веселились, на улицах плясали, устраивали бега с факелами. Теперь ничего этого не стало. Фасады домов стояли безжизненные, пустые. В доках люди занимались только своей работой. На всех имелось что-нибудь красное, какой-нибудь кусок ткани или платок, чтобы продемонстрировать верность Спарте. Приветствовали уже не словом «Артемиды», как бы передавая благословение богини, но словом «Свобода» — свобода от тирании Афин. Это приветствие также было обязательным.

В спартанских гарнизонах судили полевым судом; был введен комендантский час. Городские дела передали в компетенцию Десятков. Это были политические комитеты, состоящие из зажиточных граждан, землевладельцев. Они были ответственны не перед Спартой, а лично перед Лисандром. По афинским правилам, гражданские дела должны слушаться в Афинах, где судебные стервятники догола обирали жителей колоний. Теперь те же стервятники выглядели образцом милосердия. В судах Лисандра любой гражданский проступок считался военным преступлением. Нарушение контракта считалось посягательством на долг, лень — предательством. Даже если Десятки и хотели быть справедливыми, например в случае пограничного спора между землевладельцем и арендатором, мягкий приговор мог быть расценен как проявление симпатий к демократии и неравнодушие к Афинам. Наказание непременно должно быть жестоким.

Вся Иония превратилась в военный лагерь. Все прочие занятия Лисандр пресек. Он также не выносил нарушения дисциплины. Господствовали телесные наказания. На каждом причале были воздвигнуты столбы для экзекуций. То и дело слышался окрик боцмана: «Стойте! Будьте свидетелями наказания!» На улицах раздавался свист березовых

розог и щелканье плетей. На причалах уклоняющиеся от повинностей приговаривались к работе в ошейниках весом в двадцать фунтов и с кандалами на ногах. Правонарушители весь день стояли по стойке «смирно» с железными якорями на плечах. К таким были немилосердны. Это были негодяи, предатели дела свободы. Мальчишки дразнили их, хулиганы норовили избить.

Однажды мы видели Лисандра. Он проскакал мимо нас по Прибрежной дороге, южнее Клазомен. Его сопровождали десять человек, а впереди ехала персидская конница — люди Кира. Все встречные были обязаны приветствовать Лисандра, иначе конники их били. Теламон восхищался Лисандром. Лисандр добился того, что толпа гражданских лиц превратилась в корпус бойцов. Он научил их бояться своего командира больше, чем врага. «Свобода!» — так мы приветствовали друг друга на улицах с красной тряпкой на шее.

Лисандр переместил свой опорный пункт в Эфес. Место было великолепное. Теламон разыскивал своего старого командира Этимокла, на чьей службе он формально еще состоял. Однако срок этого офицера уже вышел. Вместо него был назначен Телевтий, который позднее так блестяще совершит налет на Пирей.

— Вы шпионы? — был первый вопрос этого командира.

— Только он, — ответил мой товарищ.

— Проклятье! Я надеялся проткнуть вас обоих.

Телевтию приходилось гоняться за другими лисами. Он отправил нас прямо к Лисандру. Наварх, как оказалось, знал про оба наших дела, включая мое осуждение и побег. В Афинах я был приговорен, сообщил он мне. Я этого не знал. Он засмеялся.

Я совсем забыл, как он красив. А его самоуверенность, которая столь ярко выражалась еще в те дни, пока он занимал низкие должности, возросла в десятки раз теперь, когда он наконец стал главнокомандующим.

— Вас послал Алкивиад, — заметил он беззлобно. — С каким поручением? Убить меня?

— Засвидетельствовать истинность его призыва к союзу против персов и честность его попытки примирения со Спартой.

— Да,— промолвил Лисандр, продолжая просматривать какие-то документы,— я подробно знаю об этом от Эндия и двух других тайных посланников вашего хозяина.

Лисандр впился взглядом в мое лицо, стараясь заметить, не оскорбило ли меня слово «хозяин». Усилием воли я сдержался и не показал вида. Что касается Теламона, оскорбление не подействовало на него настолько, чтобы он потерял самообладание.

Какая плата нам назначена? Лисандр быстро написал записку. На персидском языке он приказал своему адъютанту-персу устроить нас по шестому разряду — для офицеров.

— Послезавтра состоятся игры в честь Артемиды. Я выступлю с обращением к армии. Вам необходимо присутствовать там. Послезавтра Алкивиад получит ответ.

Как ты знаешь, Эфес — одна из самых крупных гаваней на востоке. Эта массивная дамба, названная Птерон, Крыло,— чудо света. В то время было возведено восемьсот из тысячи ее ярдов. Она была широкая — там могли проехать две упряжки рядом. Строительные леса покрывали ее по всей длине. На расстоянии пятидесяти футов от берега все море было усеяно белой каменной пылью.

Таковы были плоды режима, установленного Лисандром. Кошельки плоские, моральное состояние на высоте. Дисциплину, которую насаждали спартанцы, признали даже те, кто вынужден был выносить ее как неизбежное зло. Он и себя не щадил. Командующего можно было увидеть усердно занимающимся в гимнасии еще до рассвета. Вечерами он работал допоздна, как и Алкивиад. Он вел себя так, словно победа была у него уже за пазухой, а сам он — не командующий, а завоеватель. Солдаты говорят, дерьмо катится с горы все быстрее. В этом дерьмо сходно с самоуверенностью. Это заметно даже у низших чинов.

Новый театр западнее *temenos* Артемиды, выходящий на море, был грандиознее афинского театра Диониса. Пока

или игры, там собрались все моряки. Пятнадцать тысяч в самом театре, еще двадцать тысяч — на склонах. Глашатаи передавали в толпу речь командующего. Принц Кир сидел рядом с навархом. Поблизости находились телохранители и компаньоны. С двух возвышений театра, «ушей», были видны афинские эскадры под командованием Алкивиада. Они блокировали гавань.

Лисандр заговорил:

— Спартанцы, пелопоннесцы и союзники, сегодня вид вашей мужественной силы доставил радость не только тем городам, за свободу которых вы сражаетесь, но и богам, которые превыше всего ценят смелость и преданность. И все же я признаю, что многие среди вас проявляют нетерпение. Вы видите боевые корабли наших врагов. Они безнаказанно приблизились к самым цепям, надежно запечатавшим вход в нашу гавань, и вы горите желанием дать им бой. «Почему мы должны постоянно тренироваться?» — спрашиваете вы своих офицеров. Ежедневно на нашу сторону переходит все больше и больше отличных гребцов. Каждый вечер наши ряды пополняются, а ряды нашего противника тощат. Вы кричите: «Давайте атаковать! Сколько еще ждать?» Я отвечу вам, товарищи, напомнив вам о различии между нашим, дорическим, родом и ионическим родом наших врагов. Мы, спартанцы и пелопоннесцы, обладаем храбростью, а наши враги обладают смелостью. У них — *thrasytes*, у нас — *andreaia*. Обратите внимание на это различие, братья. Вот где кроется глубокое и непримиримое разграничение. Эти свойства характера отражают враждебные и несовместимые понятия о надлежащем отношении к богам. Этим они предсказывают и предопределяют нашу победу. В доме моего отца меня учили, что нами управляют небеса и следует относиться к ним с благоговейным страхом, почитать их волю. Вот так поступают спартанцы, дорийцы и пелопоннесцы. Наш род не диктует богам свою волю. Нет, мы стремимся узнать волю богов и исполнить ее. По нашим понятиям, идеальный человек — тот, кто благочестив, скромнен и старается

держаться в тени. Наше государственное устройство — гармонично, постоянно, оно основано на общине. Мы считаем, что богам наиболее всего нравятся мужественность людей, их умение переносить трудности и презрение к смерти. Вот что делает нас непревзойденными в сухопутных сражениях, ибо цель пехоты — удержать за собою землю. Мы не индивидуалисты, потому что для нас внимание к себе — это гордыня. А *hybris*, гордыню, мы презираем. Мы считаем, что место человека — ниже небес. Мы не оспариваем главенства неба. Спартанцы мужественны, но не безрассудно смелы. Афиняне смелы, но они не мужественны. Я подробно опишу вам, друзья и союзники, характер нашего неприятеля. Остановите же меня, если я солгу. Заглушите меня криком, братья. Но если я буду говорить правду, тогда призовите мои слова, дайте мне услышать ваши голоса! Афиняне не боятся богов, они сами хотят быть богами. Они считают, что небеса не обладают властью, что все дело в популярности. Они говорят, что боги распределяют свое одобрение. Вот что поражает смертных страхом и заставляет их соперничать друг с другом. Афиняне стремятся убожить небеса, слепив себе глиняных божков. Афиняне отвергают скромность и неприметность как качества, недостойные мужчины, сделанного по образу и подобию богов. Небеса благоволят к смелым. Они верят, что их опыт подтверждает это. Дважды смелые действия спасали их от персов, дали им возможность создать империю и удержать ее. Афиняне — непревзойденные моряки, потому что именно там, на море, побеждает дерзкая смелость. Военный корабль в строю должен ударить по врагу. Смелость — могучий двигатель, друзья, но она имеет предел, и всегда найдется скала, на которую она наскочит. И эта скала — мы.

Бурное одобрение прервало речь Лисандра. Сначала волна покатила от первых рядов, где слышали самого Лисандра. Затем к ней добавилась вторая, когда глашатаи донесли слова командующего до тысяч сидевших на склоне холма. Третья хлынула после того, как задние ряды наконец узнали, что именно произнес Лисандр.

— Наина скала — это мужество, братья, о которое смелость афинян разобьется и отступит. Thrasytes потерпит поражение, но andreia выдержит. Усвойте эту истину и никогда не забывайте ее. Смелость нетерпелива. Мужество, напротив, долготерпеливо. Смелость не может вынести трудности или промедления. Она алчна и ненасытна, она должна питаться победами, иначе она умрет. Смелость зиждется на воздухе, она прозрачна и призрачна. А мужество твердо стоит на земле и черпает силы из священного источника богов. Храбрость предпочитает командовать небесами, она распоряжается рукой божества и называет это добродетелью. Но мужество чтит бессмертных и желает, чтобы небеса руководили им; оно действует только для того, чтобы проводить в жизнь волю богов. Послушайте, братья, что же это за человек с такими противоречивыми качествами. Смелый человек одержим гордыней, он бесстыден и амбициозен. Мужественный человек — спокоен, богобоязнен, надежен. Смелый человек стремится разделить. Он желает, чтобы все принадлежало только ему. Он оттолкнет собственного брата, лишь бы самому захватить добычу. А мужественный человек — не эгоист. Он придет на помощь товарищу, зная, что то, что принадлежит всему обществу, принадлежит и ему тоже. Смелый человек домогается чужого, он таскает соседей по судам и интригует. Мужественный человек довольствуется своей долей, он уважает волю богов и принимает ее смиренно, как и положено слуге небес. В тяжелые времена смелый человек мечется, страдая и жалуясь на судьбу всем встречным и поперечным, как женщина, ибо у него нет силы характера. Он не в состоянии найти выход из положения и не тащить за собою в пропасть других. Но посмотрим, как ведет себя мужественный человек. В черные дни он сносит все молча, не жалуясь. Почитая круговорот времен года, порядок, установленный небесами, он невозмутимо выполняет свои обязанности, поддерживая в себе уверенность в том, что умение терпеливо выдерживать несправедливость — это признак благочестия

и мудрости. Это то, что касается человека мужественного и человека смелого. А теперь поглядим, что такое — смелый город. Превыше всего смелый город ставит расширение власти. Он не может смириться со своим теперешним положением, он обязан совершать походы в другие государства и грабить другие города. Смелый город облагает данью империю. Презрительно относясь к небесам и закону, он — сам себе закон. Свои стремления он ставит выше справедливости и оправдывает любые преступления, совершенные в его интересах. Нужно ли называть этот город? Афины!

Овация, как гром, пронеслась над театром и гаванью. Ее было слышно даже на кораблях, стоящих на рейде.

— Взгляните на море, братья, посмотрите на эскадры противника, которые выставляют напоказ свое предполагаемое превосходство у самого порога нашей цитадели. Они знают о нашей неопытности на море и осмотрительности в действиях. Они считают это нашим недостатком, слабостью, благодаря которой рассчитывают сокрушить нас. Но они не принимают во внимание собственные нетерпение и упрямство — а ведь это их недостаток, причем фатальный. Наши недостатки можно компенсировать учением, тренировками, самодисциплиной. А их недостатки — у них в крови, они неизгладимы, неизлечимы. Алкивиад полагает, что заблокировал нас. На самом деле это мы его заблокировали. Он думает, что мы умрем от голода, но это мы морим его голодом. Мы морим его победой, которую он должен одержать, победой, которая столь необходима демосу Афин, ибо он не обладает мужеством. И если вы сомневаетесь в истинности этих слов, друзья мои, то вспомните Сиракузы. Мир знает, как окончилась та война. Наши враги роковым образом заблуждаются в своем понимании правильного отношения человека к богам. Они не правы, а мы правы. Боги на нашей стороне, потому что мы почитаем их и боимся их кары. Боги не на стороне афинян, потому что они рвутся на Олимп, расталкивая всех на своем пути, потому что они желают обитать там, где живут боги, потому что они жаждут сами стать богами.

Лисандра прерывали так часто, что он вынужден был останавливаться почти после каждой фразы и ждать, пока шум стихнет.

— Наш род, братья, поставил своей целью узнать, что такое мужество. Мы познали его источник. Мужество рождается от подчинения. Это результат братства и любви к свободе. Смелость же — порождение неуважения и вызывающего поведения. Она — побочное дитя непочтительности и пренебрежения к закону. Смелость чтит лишь две вещи: новизну и успех. Это ее пища, без этого она умирает. Мы лишим наших врагов этих продуктов, которые заменяют им хлеб и воздух. Вот почему мы постоянно тренируемся. Мы потеем не ради пота и учимся грести не ради гребли. Мы учимся действовать сплоченно, чтобы воспитать в себе *andreia*, чтобы поселить в наших сердцах уверенность в себе, в своих товарищах, в командирах. Говорят, будто я боюсь встретиться с Алкивиадом. Меня упрекают в трусости. Да, я действительно опасаясь его, братья. Но это не трусость, а осторожность. Встретиться с ним корабль к кораблю — не храбрость, но безрассудство. Ибо я признаю мастерство нашего противника и вижу, что в этом мы пока уступаем ему. Дальновидный командир с уважением относится к силе своего соперника. Его умение — не в том, чтобы нанести удар превосходящей силе, а в том, чтобы отыскать слабое место и ударить именно туда. И не тогда, когда враг будет готов. И не туда, где враг ожидает нападения. Нужно выждать момент, когда противник будет расслаблен. А слабое место афинян — время. *Thrasytes* можно победить. Это как фрукт — ароматный, когда спелый, и воняющий до небес, когда сгнил. Поэтому наберитесь терпения, братья. Я говорю вам: я рад, что мы еще не готовы. И даже если бы мы были готовы, я искал бы предлог удержать вас еще на какое-то время. Ибо каждый час, что мы не даем нашему врагу одержать над нами верх, действует против него, лишает его силы. В своем безбожном тщеславии Алкивиад льстит себе, полагая, будто он — второй Ахилл. Ну что ж, если он

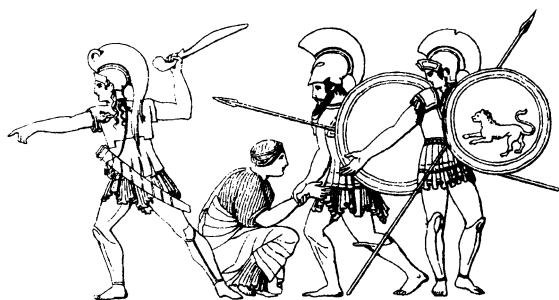
действительно второй Ахилл, то смелость — его уязвимая пята, и, клянусь небесами, мы ударим его в пята и повергнем его!

Оглушительные, непрерывные возгласы одобрения.

— И наконец, люди, позвольте мне рассказать об Алкивиаде то, что я знаю о нем. Храбрые люди дрожат при одном упоминании его имени, так много побед добыл он своему народу. Но скажу вам — клянусь в этом своей жизнью! — что он исчезнет с лица земли, от руки ли богов, от рук ли своих соотечественников, не знаю. Но он должен исчезнуть. Его собственная натура призывает такую судьбу. Ибо что он за человек, если не наивысшее воплощение афинской *thrasytes*? Его победы — результат его смелости, не имеющей ничего общего с мужеством. Позвольте ему вселить в вас ужас — и вы сами отдадите ему в руки победу. Но будьте тверды, братья, и не бойтесь, что бы он ни бросил против вас, — и он сломается, и его народ вместе с ним. Я знаю этого человека. Он ночевал под моей крышей в Лакедемоне, когда бежал к нам, осужденный своими соотечественниками за поругание небес. Я ненавидел его тогда и презираю сейчас. Перед богами клянусь: если они поставят этого человека перед носом моего корабля, я собью с него спесь и освобожу Грецию от его богохульства и Афины от его тирании. Я верю в вас, братья, в наше оружие и наше мужество. Но превыше всего я верю в богов. Я не принимаю желаемое за действительное, но соблюдаю божеский закон, ибо я считаю богов достойными доверия, как море, и неизменными, как движение звезд. А божеский закон таков: *thrasytes* приводит к *hybris*; *hybris* вызывает *nemesis*, а *nemesis* отбирает *thrasytes*. Мы — *nemesis*, братья. Мы призваны гневом небес обрушиться на гордыню этого тирана и высокомерие его города. Мы — правая рука всемогущих богов, и никакая сила между небом и морем не одолеет нас.

Глава ХLI

ОГОНЬ С МОРЯ

Во время третьей вахты объявили тревогу. Я крепко спал в доме, где Теламона и меня разместили вместе с десятком других офицеров и их женами. Сейчас они, пошатываясь, выходили на улицу.

— Это учения? — крикнул кто-то с террасы.

Гавань находилась в четверти мили отсюда. Видны были брандеры, идущие над перегораживающей гавань цепью. По прикрытием огня афинские триремы мчались в две колонны. Их катапульты разбрасывали огонь во всех направлениях.

Мы схватили оружие и бросились вниз с холма. Ты знаешь этот город, Ясон. Гора Коресс нависает над городом, ее плечи как бы охватывают предместья. Огромная дамба Птерон перекрывает устье гавани. За ее основанием простираются торговые причалы, Эмпорий, а за ними — застава, внутренние укрепления и морской бастион «Капюшон Охотницы». Река Каистр, полная ила, течет между фортом Махаон и большой площадью Артемисия, на южной стороне простирается болото. За стенами — предместья. На реке работает земле-

черпалка. Предместья все раскинуты на холмах. Они были объяты пламенем.

Всем, кто знал нрав Алкивиада, было ясно: это его ответ на речь Лисандра. Он воспользовался тем, что здесь присутствовал принц Кир. Пользуясь полномочиями стратега, он мог высадить все войска, какие у него были, и даже призвать своих фракийцев — а уж в этом случае помогите боги всем, кто с ними встретится.

— Мне это не нравится! — крикнул я Теламону сквозь шум прибоа. Я не собирался умирать ни за Спарту, ни за Афины. — Давай найдем какую-нибудь дыру и пересидим наскоки этого сукина сына.

Мы кинулись в какой-то склад по соседству с улицей Оружейников. Оттуда видны были брандеры, освещающие все кругом, как днем. Покинутые командами галеры зарылись носом в берег и горели, как Тартар. Я никогда не присутствовал в битве одновременно с Алкивиадом, но на стороне его врага. Это было как оказаться оглушенным громом. Пелопоннесцы мочились от страха и не могли сдержаться. Двенадцативесельные баркасы тащили зажигательные трейлеры, боковые экраны кораблей были подняты, чтобы защитить гребцов от огненных стрел защищавшихся. Впрочем, почему-то никто не стрелял. Спартанцы бросились наперерез ведущему баркасу. Мы видели, как оборвался лень. Две шестерки ударили по баркасу как раз в тот момент, когда его брандер, теперь уже не привязанный, вышел на рейд, где на якоре стояла дюжина спартанских трирем. От столкновения с треском разлетелись зажигательные снаряды. Груз смолы и серы опрокинулся на вражескую территорию.

Теперь в бой вступила вторая линия брандеров. Появление их, до сих пор незамеченных, вызвало среди пелопоннесцев паралич.

— Не толпитесь, как безмозглые бараны! — в толпу ворвался спартанский офицер. — Снимайте корабли с якорей, чтоб вам провалиться в Тартар!

В этот момент на коне появился сам Лисандр, окруженный телохранителями. Мы увидели, как офицер бросился к нему, чтобы доложить о своем приказе. Лисандр отменил его. На место сражения прибыла пелопоннесская пехота. Афинские баркасы продолжали обстреливать корабельные эллинги, швыряя в них цевочные колеса и «приветы».

— Будем атаковать Птерон? — крикнул офицер Лисандру. Он предполагал двинуться к дамбе, чтобы предотвратить высадку неприятеля.

Лисандр отклонил и эту идею. Следует отдать негодяю должное. Любой другой не думая ввязался бы в бой, готовый победить или найти славную гибель. Лисандр так не сделал. Как он ловил на крючок Алкивиада, так теперь Алкивиад пытался поймать его. Но Лисандр не клюнет. Он стал пробираться к Артемисии — большой парадной площади перед городом.

— Отходите! Идите на площадь!

К этому времени по приказу Лисандра уже были воздвигнуты стены, отделявшие жилую часть Антенора от верфей. За это его критиковали даже его офицеры. Они полагали, что это — очередная глупость, придуманная для того, чтобы занять людей работой. Только теперь они поняли гениальность замысла. Крепостные валы направят атакующих — тех, которые наступали от Птерона, что и делали сейчас афиняне, — на дорогу массовых мероприятий, с одной стороны которой была пристань, а с другой — стена. Здесь имелось отгороженное место для закалывания жертвенных животных. Лисандру оставалось только ждать.

Место, где прятались мы с Теламоном, стало нейтральной зоной. Со стороны моря кинулись афиняне с союзниками. По суше маршировали спартанцы и пелопоннесцы. Они столкнутся в окруженной скалами котловине перед нами — и нашим войскам устроят бойню. Однако все заранее подготовленные схемы во время военных действий становятся совершенно бесполезны. Сразу же все испортил тот, от кого

Лисандр меньше всего ожидал подвоха. И единственный, с кем он не мог спорить, — принц Кир. Он рвался в бой.

Мы услышали стук копыт по улице Оружейников. Вскоре показалась персидская конница. Она галопом пронеслась в направлении к площади Артемисия. Сбившиеся в кучу пелопоннесцы в страхе разбежались по сторонам, давая конникам дорогу. Кир осадил коня перед Лисандром. Этому парню было только семнадцать. Худой как палка, гордящийся знатностью своего рода и горячий нетерпением превзойти подвиги своих предков. Казалось, он сам объят пламенем.

— Там враг, Лисандр! Почему ты медлишь? Встреть его! Атакуй!

Принц резко повернулся и вонзил шпоры в бока коня. Его охрана бросилась за ним. Пелопоннесцев и союзников было не сдержать. Они хлынули на дорогу массовых мероприятий. Наш склад находился как раз на их пути. Афинские передовые части, так далеко зашедшие им в тыл, теперь развернулись и забросали горящими головешками каждый карниз, каждый переулок.

Мы с Теламоном огляделись. Краска. Наша дыра оказалась складом смолы. Нам удалось выскочить оттуда, когда все объяло ревушим пламенем. Я почувствовал, как шевелятся у меня волосы и борода. Брызги горящего скипидара полетели в меня. Согнувшись, я кинулся на улицу, сбивая с себя пламя плащом. Но плащ тоже пропитался маслом и горел. Теламон толкнул меня на кучу пемзы, валявшейся рядом со строительным участком. Мы упали на нее за мгновение до того, как появились орды бегущих. Младший офицер-пелопоннонец обернулся и, увидев нас, принялся бить своим жезлом, заставляя принять участие в общей драке. У меня обгорел весь левый бок. Я не видел своего лица, зато чувствовал запах горелого мяса. Теламон стал защищать меня.

— Помилуй, этот человек не может сражаться. — Он подошел к сержанту и крикнул мне: — Беги!

Я оттолкнул его прежде, чем его смогли арестовать или сделать еще что похуже.

По дороге со стороны Артемисии скакал принц Кир с войском. Свыше тридцати тысяч. Лисандр в ярости гнался за ним со своими кавалеристами, чтобы спасти царственного парня от собственного сумасшедшего героизма...

Полемид продолжал свой рассказ, к которому мы еще вернемся. Однако ясно, что в этом сражении его целью было лишь сохранить свою жизнь. Говорить об этом он не хотел. Поэтому поменяем рассказчика.

После Антиоха Алкивиад назначил молодого Перикла командовать атакой на корабли. На те корабли, о которых Полемид рассказывал, когда они разорвали цепь, перегораживающую гавань, и атаковали берег. Я использовал записи, отданные мне его женой после суда над ним, состоявшегося после событий на Аргинусских островах. Кроме того, она отдала мне на хранение несколько тетрадей, исписанных Периклом для своих детей, дабы они не поверили клевете его обвинителей, а также, как я считаю, чтобы во время того тяжкого испытания не утратить рассудка. Эти записи я перескажу в свое время.

Вернемся в Эфес и обратимся к дневнику Перикла.

Вот что он пишет:

«Это была идея Алкивиада, разработанная за одну ночь триерархами и командирами эскадр под его руководством. Ее толчком стало получение речи Лисандра, сказанной тем во время Игр. Спартанец дал отрицательный ответ на предложение Алкивиада о союзе, окончательный и бесповоротный. Лисандр откладывал бы ответ до последнего, если бы, как считал Алкивиад, меньше верил богам и больше — в

нетерпение афинских избирателей. Лисандр понимал это Чудовище так же хорошо, как и его соперник. Победы на территориях, далеко отстоящих от прибрежной полосы, и даже разграбление могущественных городов не утолит прожорливости Зверя. Во всяком случае, не сейчас, когда он горит нетерпением в ожидании возвращения своего непобедимого полководца. Алкивиад должен атаковать, он должен напасть на Лисандра. Ни больше, ни меньше. Чудовище получит голову своего врага — или того, кому не удалось ее доставить.

Такова была стратегическая цель. Тактических приемов было три: до основания разрушить верфи и ремонтные мастерские; уничтожить или увести как можно больше военных кораблей (и как можно более эффектно); захватить Птерон и разорить эту громадину. Атака — водная операция, в которой участвуют двенадцать тысяч четырехста войска, девяносто семь крупных военных кораблей и сто десять кораблей поддержки. План состоял из координации одиннадцати элементов атаки по фронту в двенадцать миль. Намечены сорок шесть целей.

Предварительные маневры начали за два дня до операции. Эскадра из двадцати четырех кораблей под командованием Аристократа и другая — из двадцати восьми под командованием Адиманта отправились с Самоса. Вместо гребцов на веслах сидели тяжеловооруженные пехотинцы. Другие, с пращами и копьями, сколько мог выдержать корабль, не выдавая количества взятых на борт людей осадкой, скрывались за боковыми экранами. Эскадра Аристократа направилась на запад, как бы к острову Андрос, а Адиманта — на север, к Геллеспонту. Обе двигались открыто, чтобы наблюдатели Лисандра, расположенные на горах Коресс и Ликон, могли их видеть. Выйдя в море на недостижимое для соглядатаев расстояние, они на вторую ночь повернули назад и высадили войска: Аристократ — на землях между Приеной и Эфесом, Адимант — на севере,

в колонии под названием Крюк, любимом месте отдыха эфесцев, покинутом в тот сезон из-за неблагоприятной “погоды” в Эфесе.

Ночью от Самоса и Лады отплыли транспорты с лошадьми. Они высадили животных на берег в населенной бухте под названием Лунный Серп. Командовал Алкивиад. Задержав всех, кто мог броситься бежать и поднять тревогу, войска вернулись обратно, соединившись с отрядами Адиманта, высадившимися у Крюка. Оттуда Алкивиад двинулся на город. Все заставы были сняты так быстро, что он уже находился в пригородах, когда Лисандр узнал об этом.

Отряды Аристократа, высадившиеся на юге, перерезали дорогу по дамбе, по которой из города могли подойти подкрепления, а кроме того, открыли шлюзы канала. Равнина была затоплена. Они перерезали трос в форте Килон. Пловцы захватили два островка, Желток и Белок, на которых были установлены опоры для троса. К этому времени первые брандеры уже поджигали пригороды. Морские пехотинцы Эрасинида открыли ворота с северной стороны дороги массовых мероприятий. Военные корабли Антиоха на полном ходу прошли мимо Килона прямо в гавань. Моя эскадра — из двадцати четырех кораблей — расположилась возле троса со стороны моря. В том случае, если Антиох потерпит поражение, мы должны будем обеспечить ему проход, через который он сможет уйти. Если же он даст сигнал к наступлению, мы ударим вслед за ним всем, что у нас есть. Костры на Кимоне и Желтке осветили канал. Этого оказалось достаточно, чтобы узнать о сокрушительной атаке. Пожары на верфях, дамбе, Эмпории были такого масштаба, что их видели в Хиосе, за шестьдесят миль от этого места.

Как мы узнали потом, в это самое время Алкивиад чуть не погиб. Его кавалерия вихрем пронеслась по пригородам, опережая пехоту Адиманта. Она направлялась к северным воротам на соединение с эпибатами, высадившимися на Птероне с кораблей Антиоха и Эрасинида. У них

был проводник из войска Алкивиада, который провел их через лабиринт улиц по этой части города. И вот они появились на площади. К их великому удивлению, отряды женщин забаррикадировали выход с площади скамьями и перевернутыми повозками и защищали его. То были не амазонки, а обычные женщины из этого округа, домохозяйки, выступившие, чтобы защитить свои очаги и своих детей.

Женщины с поразительной отвагой атаковали кавалерию Алкивиада. С крыш домов в них бросали черепицу, кирпичи, камни. Они не только не отступили под ответными ударами, но выдерживали все с таким упорством, что, как подтвердили солдаты, вызвали больший ужас, чем любая фаланга спартанцев или орда орущих дикарей. Сам Алкивиад получил кирпичом по плечу. Удар раздробил ему ключицу. Мантитей, как всегда сражавшийся рядом с ним, помог ему выйти из этого столкновения. Алкивиад сражался без шлема. Еще бы немного — и кирпич раскроил бы ему череп.

В городе отряды врага заняли дорогу массовых мероприятий. Теперь начался бой за Птерон, громадную дамбу, на которой сражение шло, казалось, за каждую пядь земли и воды. Строительные леса, поднимавшиеся по обе стороны, были объаты пламенем. Перемычки вплотную примыкали к концам дамбы, усыпанным строительным мусором, обломками кирпичей, бревнами. Там имелись салазки для раствора, насосы, большие кучи железных деталей. Острые края превращали их в ловушки. Люди и лошади попадали в эти смертельные западни, и неизвестно, сколько их там было.

Антиох подал сигнал “Вперед!”. Я поставил “Каллиопу” с левого фланга, чтобы пройти с траверза Птерона и оценить ситуацию. Мы ответили на сигнал и тронулись.

Налет на дамбу был ярким зрелищем. Алкивиад с кавалерией и тяжелой пехотой уже прорвались, хотя с нашей позиции мы об этом еще не знали. Их продвижение по

дороге блокировали массы противника, сотня пехотинцев в ширину и приблизительно на милю в глубину. Около четырех тысяч противника, включая кавалерию, взобрались на дамбу еще до прихода Алкивиада и Адиманта. Теперь они с боем прорывались к лебедке в конце дамбы. Они добирались до троса, чтобы вновь перекрыть гавань. Тогда наши корабли окажутся в ловушке. Последние двести метров дамбы защищали афинские эписбаты, еще прежде захватившие причал и перерезавшие трос. Инженерные суда Эрасинида выстроились по краям причала против заграждения дамбы. Они прилаживали лебедку и бегучий такелаж к подводным столбам, одновременно принимая на борт морских пехотинцев с транспортных судов, поставленных на мертвый якорь корпус к корпусу.

Проходя мимо Птерона на борту “Каллиопы”, я увидел в первых рядах противника фигуру, величественно восседающую на коне, облаченную в великолепные одежды и окруженную телохранителями. Это мог быть только Лисандр.

Я сразу решил ударить по нему, отказавшись от других целей. Я принял решение пожертвовать своей жизнью и всей моей командой, если потребуется. Своему заместителю Ликомену на “Теаме” я просигналил, чтобы он взял на себя командование эскадрой. Затем дал знаки Дамоду, триерарху “Эрато”: “Следуй за мной!” и “Высади морских пехотинцев!”

Я видел, как Дамод вызвал Медведя в концевой отсек на корме. Он тоже увидел нашего главного врага и загорелся желанием достать его. При выполнении поворота в гавани “Тихе” Антиоха повредила нос и должна была уйти. Корабль вышел из гавани кормой вперед и теперь подошел к Птерону со стороны берега. Поставить трирему на мертвый якорь против двадцатифутовой дамбы при ярком свете дня — и то не простое дело. Под огнем “Каллиопа” вошла в гавань, как мусорная баржа, направляемая пьяным рулевым. Антиох просто прошел напролом вперед

кормой между двух перемычек и, швырнув последний из своих “приветов”, под прикрытием огня поднялся на дамбу.

Бой на Птероне велся в такой тесноте, что даже самую элементарную тактику нельзя было применить, чтобы не получить увечья. У врага на стене было пять тысяч войска, все стояли щит к щиту, а еще несколько тысяч приближались с суши. Большинство конников бились теперь пешими, поскольку противник постарался перебить лошадей. Несчастные животные жалобно ржали, били копытами и ранили других. Еще больше их упало в воду, многие лошади тонули. Взбираясь на дамбу, я поскользнулся и упал, сильно ударившись о камень переносицей шлема. Некоторое время я ничего не мог видеть. Кроме того, я порвал перепонку между большим и указательным пальцами — она до сих пор не срослась. Наконец я забрался на Птерон и начал искать глазами спартанца.

Но это оказался не Лисандр, а принц.

Перс Кир, который поклялся разломать свой золотой трон, лишь бы свергнуть власть Афин. Кир! Кир!

Выкрикивая его имя, наши бросились на его телохранителей. Конники перса дрались с поразительной храбростью. Мастерство всадников уступало разве что мастерству их животных, обученных сохранять плотный строй, лягаться и наносить удары передними копытами и нагрудной пластиной с шипами. Взгляд их диких огненных глаз никогда не сотрется из моей памяти.

— Убейте его! — кричал Антиох с кормы “Тихе”.

Теперь сквозь толпу пробилась кавалерия и тяжелая пехота. Алкивиад и Адимант. Морские пехотинцы, тесня противника, кричали, что Кир у них в ловушке. И мгновенно с нашим командующим произошла перемена, чудная и кардинальная. Хотя, как мы узнали потом, под его нагрудной пластиной была сломана ключица, — а такое болезненное повреждение вывело бы из строя любого, — он выпрямился и поднял свой тяжелый щит именно той рукой, над которой была сломана кость.

Алкивиад бросился к принцу. Все последовали за ним. Нас преследовала пехота противника, которая старалась оттолкнуть нас к краю Птерона. С берега к персу приближалось подкрепление — спартанцы и пелопоннесцы.

Впереди наступающих шел Лисандр. Он крикнул Киру, чтобы тот пробирался к нему: “Прорывайся, я поддержу тебя!” Их разделяло небольшое пространство, сплошь заполненное афинскими экибатами — такими же, как я, без корабля, — и кавалеристами во главе с Алкивиадом и Адимантом. Корабли трещали, охваченные пламенем, из ноздрей коней шел пар, люди вопили так, что звенело в ушах.

— Видите, люди Греции? — кричал Алкивиад, показывая на противника. — Спартанец сражается рядом с варваром!

— За свободу! За свободу от тебя, спесивый негодяй! — рявкнул Лисандр.

Спартанец сжал коленями бока коня и метнул копье через толпу на таком близком расстоянии, что оно пролетело всего три длины своего древка, после чего с громоподобным звоном воткнулось в щит врага. Алкивиад принял удар на поврежденную руку. Наконечник пробил бронзу, расщепил дубовую подкладку и остановился на волоске от тела.

— Он ранен!

С обеих сторон люди закричали от неожиданности. Спартанцы и персы бросились вперед, чтобы убить Алкивиада. Афиняне сплотили ряды еще теснее, если такое было возможно, воздвигая живую стену перед своим командиром. Пехотинец, находившийся рядом, закрыл его своим щитом — у Алкивиада не осталось сил, чтобы держать собственный. Дротики вонзились в спину героя, пики проткнули его коня. Тучи стрел летели над его головой.

Конники Лисандра набросились на него. Алкивиад рубил топором древки пик и шлемы, украшенные плюмажем. Я был в нескольких метрах от спартанца. Я находился так

близко, что видел бороду под “щеками” его шлема, когда он отбивал щитом брошенное в него копьё.

— Бросай туда, Лисандр! — громко крикнул Алкивиад, указывая на Кира. — Бросай копьё в перса и переходи на сторону Леонида!

Он, конечно, имел в виду того спартанского царя, который два поколения назад так храбро сражался при Фермопилах и пал, защищая Грецию от персов.

Лисандр вскипел:

— Ты даже сейчас не можешь не играть на публику, актер!

— Он здесь, твой царь, — он метит тебя клеймом предателя Греции!

Наши морские пехотинцы сделали последний бросок, чтобы захватить Кира. Снаряды дождем летели с кораблей и дамбы. Принц и его кавалеристы отступили.

— Убейте его! — громом пронесся голос Антиоха над общей свалкой.

Юный перс, преследуемый афинянами, бросился к концу Птерона.

— Люди Персии! — крикнул Кир на своем языке (так нам передавали потом). — Решайте, будет жить ваш принц или умрет!

Без возражений, не дрогнув, защитники Кира направили своих коней на копья афинян, оттесняя их и потрясая своей величественной жертвенностью. Они создали пространство для своего господина, и Кир пришпорил коня. Принц прорвался под защитой бронзы спартанских конников.

Настал момент последнего броска. Толпа против толпы, и каждая стремится сбросить противника в море. Дрались молча. Люди не кричали, даже не стонали. Лошади больше не всхрапывали. Был слышен лишь тот звук, который заставляет всех знавших, что такое бой, просыпаться в ужасе.

Врага было слишком много, нас — слишком мало.

Мы отступили. Погрузились на корабли и отплыли. Штурм закончился. Алкивиад находился на “Тихе”. Антиох рассказал мне потом, что люди окружили его плотным кольцом и, указывая на большой пожар, бурно приветствовали его триумф.

Он тогда ничего не сказал. Только потом, после рассвета, на берегу Самоса, когда врачи вымыли и перевязали его, он вызвал к себе по очереди Адиманта, Аристократа, Антиоха, Мантитея и меня. Он убеждал нас, что отныне мы должны каждый идти своим путем.

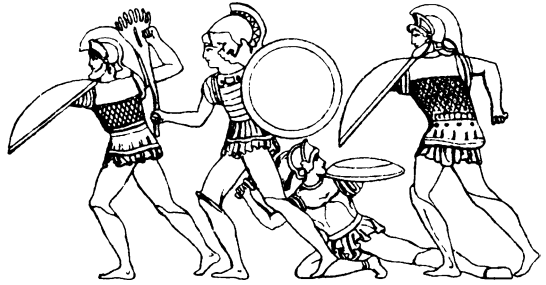
— Сегодня ночью закатилась моя звезда, — сказал он.

После сражения появился анекдот про Лисандра. Говорили, что на собрании в Артемисии доложили, что сожжены или выведены из строя сорок четыре из восьмидесяти семи трирем, вместе с верфями, ремонтными мастерскими, крепостными валами вокруг Птерона. У Лисандра произошло столкновение не только с принцем Киrom, которому предстояло отчитаться в использовании золота его отца, но и с представителями эфората Спарты, его официальными начальниками.

— И как это называется, Лисандр? — спросили наварха, показывая на руины порта.

— То, что есть, — ответил, по слухам, Лисандр. — Победа».

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА —
ГРАБЕЖ

Сохранить дневники молодого Перикла вместе с эмблемами «Каллиопы», погибшей впоследствии в сражении у Голубых Скал, и «Старания», у руля которого он стоял у Аргинусских островов, было для меня делом чести. Это был его последний приказ. Сейчас мы вернемся к этим событиям.

Возвратимся же к Полемиду, которого мы оставили в тот момент, когда они с Теламоном выскакивали из горящего склада.

Пользуясь темнотой и суматохой, он успешно добрался до Эфеса. Ожоги привели к шоковому состоянию, которое настигло его в пригороде южнее города. Полемид должен был где-то укрыться.

После налета береговая охрана Лисандра удвоила посты и патрули. За поимку афинян были обещаны награды. Местные жители, мальчишки и женщины, участвовали в облавах. Полемид питался мышами и ящерицами, пойманными в канавах, где он скрывался, а также пореем и редиской, украденными

ночью с огородов. Он видел, как ночами боевые корабли Афин выходят в разведку. Он подавал им сигналы и однажды даже попытался доплыть, но у него не хватало сил. Он сказал мне, что прятался, как крыса.

Подошел и минул срок родить его жене Авроре. Теперь у Полемиды был ребенок — или он это предполагал. Днем он не осмеливался искать корабль или передать письмо. Как обычно, он не хотел рассказывать мне о том, что считал слишком личным. Но нетрудно представить себе его состояние: он боялся за свою жизнь, которую сейчас отчаянно хотел сохранить — ради жены и ребенка. Он испытывал ужас оттого, что в момент родов не смог находиться рядом с ней. Он причинил ей горе — ведь она даже не знала, жив ли он до сих пор.

Потом я попал в Афины. Город отрезвел, он был сдержан и похмельно постанывал после бурного опьянения Алкивиадом. Как уважаемая мать семейства вновь подпоясывается и обретает чувство собственного достоинства после дионисийских плясок, так и Афины вздрогнули и ополоснули себе лицо, демонстрируя коллективную амнезию. Неужели мы действительно говорили это? Делали это? Обещали это? Те, кто бессовестнее всех плясали под дудку нового господина, теперь пришли в себя и, раскаиваясь в былом энтузиазме, с холодным равнодушием отрекались от прежних слов. Чем униженнее человек искал расположения Алкивиада, чем щедрее финансировал его предприятие, тем усерднее теперь выказывал полнейшее равнодушие и клялся, что он — выше такого раболепства.

И когда люди поняли, как близко подоברались к тому, чтобы лишиться свободы, их решение никогда больше не допускать подобного умопомешательства еще более укрепилось. Страхась толпы, олигархи сомкнули ряды. Демократы терзались угрызениями совести за готовность пожертвовать свободой. Лозунг толпы был краток и понятен: «Каждый побег, выросший выше прочих, дол-

жен быть вырван». Новые радикалы, возглавляемые Клеофонтом, не распластятся перед Алкивиадом, они побьют любого, кто возвысится над Ним, Суверенным Народом.

Теперь стало ясно, до какой степени правление Алкивиада зависело от его личного присутствия. Большинство его ставленников уехало с ним на кораблях, а у тех, кто остался, — Эвриптолема, Диотима, Пантифена — не было специальной программы или своей идеологии, которую надо было осуществлять. Алкивиад покинул город, окруженный всеобщим низкопоклонством. А затем, стало исчезнуть знаменитости, которая всех приводила к единому знаменателю, возник вакуум. И в этот вакуум хлынули его враги.

Сообщения, в которых подробно описываемая атака на Эфес считалась большой победой, в городе не вызвали радости. С флота ежедневно поступали требования денег. Я служил тогда в правлении снабжения флота. Нас было десять человек, по одному от каждого дема, с *epistates* — старшим чиновником и ежедневной ротацией. Только я и Патрокл, сын офицера с таким же именем, который погиб на Сицилии, голосовали за финансирование флота. Наши коллеги возражали ввиду тяжелого экономического положения города — но в основном под давлением врагов Алкивиада, которые хотели задушить его отсутствием денег и свалить.

Официально правление получало корреспонденцию только от кураторов морского арсенала или коллегии архитекторов, Десяти стратегов и таксиархов. Теперь мы принимали также сообщения от командиров эскадр, даже от боцманов и морских пехотинцев. Их приходило до двадцати в день — и все с просьбой о деньгах. Были предложения о предоставлении гражданства всем союзникам, которые служили гребцами на флоте. А вот просьба к рабовладельцам, которые отпустили своих рабов на флот в качестве гребцов. Пусть откажутся от своих прав на

них, позволив флоту платить гребцу, дабы удержать его от дезертирства. Потом поступила просьба отпустить и их на волю.

Теперь нам наносили удары сотни судебных исков, предъявленных врагами Алкивиада. Каждый товарищ по оружию — как, например, Полемид, — обвиненный в связи с врагом, добавлял еще одну рану к прежним на теле Алкивиада. Почему Алкивиладу не удалось взять Эфес? Что, кроме его дружбы с Эндием и былого общения с Лисандром, помешало ему победить? Его враги ухватились за эту неудачу и распространили за пределы Афин замысел Алкивиада о союзе с Лакедемоном против персов. Что это могло быть, как не способ продать Афины врагу?

И чем круче меняла свое мнение демократия, тем яростнее становилась ее враждебность по отношению к Спарте и недоверие к собственным порядкам. Люди приводили сыновей в порт Пирей, показывая им тайные подземные ходы, построенные олигархами, чтобы сдать порт. Кто придумал это вероломство четыре года назад, как не те аристократы, столь заслуженно казненные демократами, Писандр и Антифонт, бывшие самыми рьяными сторонниками возвращения Алкивиада! А Антифонт даже был его родственником и тайным интриганом, таким умным, что умел неправильное преподнести как правильное, а истину заставить прятать лицо от стыда!

Такие обвинения нельзя было не принимать во внимание как поношение или клевету. Здравомыслящие люди обязаны навести справки о целях Алкивиада. Досягаемы ли они вообще, эти цели? Если он действительно искал союза со Спартой, то его целью могла быть только дальнейшая война. И какие новые требования выдвинул бы он тогда по отношению к нашему состоянию, нашему имуществу, нашим сыновьям? Какой порядок в Афинах он попытался бы установить, кроме всепожирающего империализма, тратящего все ресурсы только на войну? Разве

цель такого нового порядка — не одно лишь завоевание чужих земель?

В моей семье без конца тянулись дебаты о судьбе страны. Губительная горячность радикальных демократов заставляла людей бояться их на ответственных должностях чуть меньше, чем Алкивиада. Фигура такого масштаба, пусть даже знатного рода, ослабляла внутреннюю деловую жизнь государства. Даже те, кто любил его, или такие, как я, кто видел в нем командира, начали опасаться его возвращения. И неважно, с победой вернется он или с пустыми руками.

Но самый большой вред нанесли Алкивиаду его печально знаменитые «гарантии компенсации», которые он раздавал от имени Афин в течение всей войны за Геллеспонт. Они имели потрясающий успех, заменяя грабеж при обеспечении финансирования флота... А теперь они подлежали выплате. Конечно, никакой выплаты быть не могло. Казна пуста. Но само их существование вызывало доверие к союзникам, когда те переворачивали денежные ящики и оттуда вылетала моль. Враги Алкивиада быстро ухватились за эти «гарантии», чтобы объявить его режим бесплодным и продажным. А когда он перестал побеждать — когда он не взял Эфеса, когда Лисандр вновь оживил Пелопоннесский флот, когда среди наших островных гребцов участились случаи дезертирства под влиянием золота Кира, — шепот стал ропотом, а ропот превратился в крики.

Той весной я был назначен на трирему «Европа», и мы отправились на Самос, чтобы присоединиться к эскадре под командованием молодого Перикла. Разногласия начались прежде, чем мы спустились со стапеля. Десяток гребцов-рабов дезертировал еще в порту, а еще человек двадцать моряков из числа иностранцев — на острове Андрос, когда мы пристали туда, чтобы поддержать осаду. Так что к Самосу мы приплыли с половинным составом гребцов. Работали только на нижней палубе триремы. Ал-

кивиада там не оказалось — он отсутствовал уже два месяца. Бродил по полуострову Херсонес, пытаясь собрать деньги.

Вот что можно сказать о моряках, внук мой: им необходимо вино. Даже больше, чем женщины, которых они используют для физического облегчения. Вино требуется им для психологического выхода из эйфории и оцепенения. С моей точки зрения, это меньшее зло, чем факт естества. Морякам требуется вино, когда они сражаются, и требуется еще больше, когда сражений нет. Трудности жизни моряка хорошо известны. Меньше понятен их постоянный страх. Землевладелец думает, что моряки любят моря и чувствуют там себя как дома. Это ошибка. Большинство страшится морской бездны, даже когда стоит штиль. А в бурю их только кнутом и можно заставить взяться за весла. Ни один архитектор не изобрел судна, менее пригодного для плавания, чем трирема. Высота ее надводного борта до нижнего ряда гребцов — меньше ярда. При малейшем волнении корабли постоянно черпают воду. Трирема строится для скорости, а не для силы. При ударах волн она теряет устойчивость, ее доски не выдерживают. При зыби она вспучивается и горбатится. Ее таран, закрепленный перед штормом, срывается. Ее рискованный крен делает ее почти неуправляемой при ветре с траверза. Ее длинный тонкий профиль грозит быть пробитым насквозь от любого удара. Пережитый шторм не закаляет моряка, он все равно будет испытывать ужас в ожидании следующей бури. Добавь страх перед неприятелем, перед возможной смертью в этом безликом пространстве — и ты получишь такой кошмар, какой могут вынести немногие, даже во время похода на малые дистанции.

По флоту пронесся слух, что Алкивиад собирает добычу с грабежей. Говорили, будто его любовница Тимандра, прозванная матросами Сицилийкой за ее рождение в Хикаре, истратила свыше пяти талантов на приобретение убе-

жища во Фракии для своего любовника — на случай, если обстоятельства заставят его бежать. Раздражение людей уже миновало стадию ворчания.

— Это все наше вино и наша милашка,— жаловались они и были правы.

Нужда в финансах толкнула Алкивиада на отчаянный шаг. С фракийскими владыками Севтом и Медоком он прошел по внутренним областям Фракии, намереваясь ограбить их. Но племена продемонстрировали такую воинственную враждебность и так хорошо припрятали свое добро, что потери в людях превзошли добычу в отношении десять к одному. Люди отказывались сходить на берег. Алкивиад больше не мог «занимать» деньги у дружественных округов и распространять свои «гарантии». Когда Лисандр возвел вокруг прибрежных городов укрепления, опасно стало высаживаться даже для того, чтобы просто запастьись питьевой водой.

Наша эскадра должна была оказать поддержку кораблям Алкивиада в Фокее. В моем вахтенном журнале есть записи о высадке на пути в Теркалу. Жители деревни сотнями выстроились на берегу. Они сыпали проклятиями. Для начала они закидали корабли камнями; потом, когда после долгих увещеваний мы их убедили, что не причиним им зла, разрешили высадиться. Женщины окружили нас, рыдая. Войска Алкивиада сравнивали с землей четыре города, утверждали они, унесли деньги, угнали скот. Перикл заверял женщин, что они, должно быть, ошиблись. Пиратами могли быть только люди Лисандра. Они нарочно выдавали себя за афинян, чтобы вызвать мятеж.

Мы прошли на север. Над холмами поднимался дым. Матросы с одномачтовых рыболовных суденышек повторяли уже слышанный нами рассказ. Колонны согнанных с места селян, сказали они, уходили в глубь материка. Мы встретили «Теаму» и «Панегирис», триремы Алкивиада — они возвращались на Самос с заложниками. Это были дети наших союзников, взятые для выкупа. Неужели наше фи-

нансовое положение стало настолько отчаянным? Мы догнали их у Кимы. Ты знаешь этот город. Он источает легкий аромат Востока. Он расположен над очаровательной гаванью под названием Блюдце.

Алкивиад потребовал у них двадцать талантов. Жители уверяли, что они бедны, и умоляли о милости. Они говорили об огромных суммах, которые только что выплатили. И теперь они перебиваются кое-как, только чтобы выжить. На это Алкивиад ответил, что нужды флота превыше всего. Не в состоянии заплатить, жители закрыли перед ним городские ворота. Алкивиад атаковал. Это было полное поражение. Отряды афинян воздерживались от агрессивных действий против союзников. Некоторые отказывались подчиняться приказам. Только одна часть уверенно пошла за Алкивиадом — это были его *Dii*, «боги», самые жестокие из фракийцев. Впоследствии открылись такие зверства, что замести следы было уже невозможно. Город взяли, казну изъяли силой.

Наша эскадра прибыла сразу же после этого. Полевые суды уже закончились. Четверо афинских офицеров и еще шестьдесят один человек были осуждены. Обвинения в неподчинении приказу морского начальства нельзя было свести к простому непослушанию. Это был мятеж, наказание — смерть.

Несколько человек Алкивиад ухитрился освободить под разными предлогами или устроить побегу. Но девять гребцов во главе с неким Орестидом из Марафона отказались подтвердить свою вину таким образом. Они невиновны. Приказы, полученные ими, были преступны. Так утверждали эти люди.

Стояла сухая осень, дули пассаты. Обвиняемых держали в лавке шорника, недалеко от места, которое народ прозвал Площадь Истины. Алкивиад был пьян. Конечно, не до потери рассудка. Он пытался притупить ощущение кошмара. Он искал способ избавить этих людей от смерти, но не мог найти его. Он не мог компрометировать

себя личными переговорами с мятежниками. Вместо себя он послал Перикла. Я вызвался проводить моего друга.

Мы поговорили с Орестидом и его товарищами, когда их вывели и привязали к столбам. Этот человек был исключительно благороден. Мы плакали, слушая, как он говорит, в чем обвиняют его и его товарищей. Он говорил убежденно, бесхитростно, ничего не приукрашивая. Его искреннее возмущение состоянием флота было настолько сильным, что, как он сказал, он и его товарищи лучше умрут, чем станут служить в таких условиях.

Алкивиад подал знак начинать казнь. Морские пехотинцы отказались. Никогда прежде мне не доводилось быть свидетелем такой сцены горя и оцепенения. У Алкивиада был отряд из племени «богов». Он приказал им привести приговор в исполнение.

И они выполнили приказ.

После этого весь флот обуяла такая ярость из-за того, что свободные афиняне были зверски убиты дикарями, что Алкивиад вынужден был всю ночь находиться на борту «Неукротимого» в страхе за свою жизнь. На рассвете он приказал собранную в Киме добычу разложить вдоль прибрежной полосы. Но моряки шли мимо столов с деньгами. Ни один не прикоснулся к своему жалованью.

В тот вечер пришло сообщение с юга.

Два дня назад там произошло морское сражение. Эскадры Лисандра наголову разбили наши корабли под командованием Антиоха. Антиох убит. Пятнадцать афинских кораблей потоплены или захвачены — небольшая потеря по численности, но с моральной стороны — катастрофическая.

Алкивиад бросился назад, в Эфес, собрал флот в устье гавани. Но Лисандр был слишком хитер. Он не вышел. Теперь уже полностью построенный Птерон накрепко запечатал бастион. Спартанцы и пелопоннесцы удерживали каждую пядь берега.

Шестнадцать дней спустя пришло сообщение из Афин. Результаты голосования по составу Коллегии десяти стратегов на новый год. Алкивиад в Коллегию не прошел.

Через два дня он обратился к флоту с прощальным словом.

Он не смел возвращаться домой, зная, что его ждет суд. Он должен удалиться — может быть, во Фракию, если слухи о крепости, приобретенной Тимандрой, верны. Алкивиад распустил команду «Неукротимого», позволив каждому искать себе другой корабль. Сто пятьдесят четыре человека, гребцы и эпибаты, выразили желание разделить судьбу Алкивиада.

В тот вечер мое судно, «Европа», проходило учение за волноломом. Мы обменивались сигналами с несколькими кораблями с Самоса и почтовыми судами. Вернулись поздно, уже при свете факелов. Когда судно развернулось кормой вперед, готовясь выскочить на берег, мы заметили, как от берега отходит боевой корабль. Борясь с приливом, он постепенно набирал скорость.

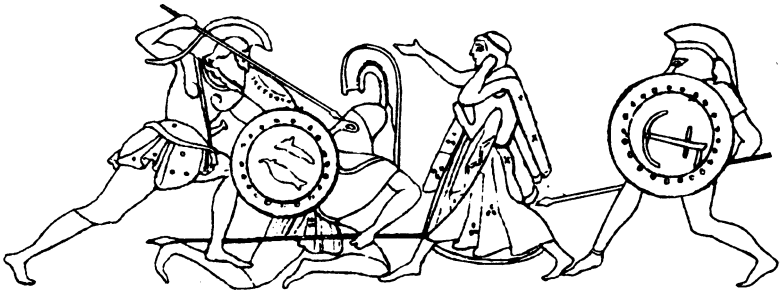
Мы присмотрелись. Корабль шел без ходовых огней, без сигнальной лампы. Гребли молча. Слышен был лишь стук камня, отбивающего такт. Это уходил «Неукротимый».

Одиннадцать месяцев прошло со дня апофеоза наварха в Афинах до этого бегства — тайного, при свете одной лишь луны.

Книга девятая

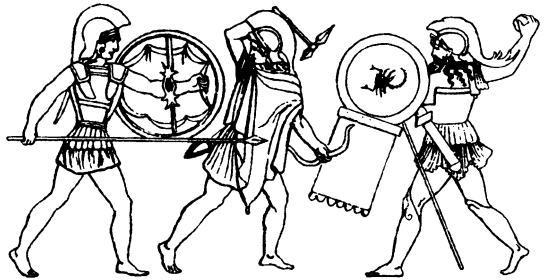

ПЕРИПЕТИИ
ВОЙНЫ

Глава XLIII

МЕЖДУ СУШЕЙ И МОРЕМ

В Афинах побег Алкивиада восприняли с облегчением, граничащим с экстазом (по крайней мере, так сообщила мне жена в письме, которое я получил той осенью на Самосе). Люди избавились от страха перед тиранией, которой, как они полагали, им удалось избежать, и перед непредсказуемостью поведения их всемогущего командира, чей метод ведения войны стал уникальным, а стиль командования — почти царским, если припомнить все эти его походы по увеселительным местам в компании с друзьями и любовницей. Чтобы помешать любой попытке концентрации власти, Народное собрание заменило Алкивиада коллегией десяти стратегов, а также учредило дополнительный орган, состоящий из десяти таксиархов, служащих капитанами кораблей. Последняя мера служила перестраховкой, дабы эксцесс, подобный Алкивиадову, уже больше никогда не повторился. На всякий случай флот укрепили назначением нескольких стратегов прошлых лет триерархами кораблей. Список капитанов украшали

теперь блестящие имена. «Европа» в составе конвоя направилась в Митилену; впереди шла «Алкиона» под командованием Ферамена, а сбоку — «Неутомимый» под водительством великого Фрасибула.

Эти меры принесли успех. Весь политический спектр жизни Афин находился под контролем, соперничество отступило, порядок был восстановлен. Скучность и трудности раздражали куда меньше, коль скоро их разделяли с простыми моряками столь великие люди. На сторону врага перешло так много первоклассных иностранных моряков, что впервые флоту Афин пришлось вступить в бой, уступая врагу в мастерстве. Это отрезвило людей. Команды стали усердно тренироваться. Дисциплина укреплялась изнутри, самими членами команд, а не насаждалась офицерами. То было если не самое блестящее, то определенно самое сплоченное единение кораблей и людей из всех, что я упомяну.

Отъезд нашего верховного командующего имел серьезные последствия и для Полемиды, который узнал об этом, как он мне сказал, когда еще скрывался после событий в Эфесе.

Алкивиад больше не находился у власти. Следовательно, Полемид не мог появиться дома. Поместье «У поворота дороги» будет потеряно для него навсегда. Возможно, оно уже уплыло в чужие руки. А вместе с ним — и все средства для поддержания детей брата и его собственных. Обвинение в измене не будет снято. Теперь за Полемидом охотились обе стороны. Даже добраться до Самоса, чтобы соединиться с женой и ребенком, было бы смертельным риском. Он оказался, как говорит поэт, между сушей и морем.

Поместье моего тестя, отца Авроры, — возобновил рассказ Полемид, — занимало около двадцати акров в гористой местности, далеко от порта Самос, на северном склоне над

бухтой Дамское Седло. Подъехать к нему можно было со стороны города по Гереевой дороге. Но я предпочел высадиться в самой отдаленной точке острова, со стороны бухты, пока еще было темно, на мысе Старушечья Грудь. Сначала я попал с материка на островок Трагия, а потом, спустя месяц после родов моей жены, преодолел последний участок пути. Меня сопровождал четырнадцатилетний паренек по имени Софрон. Шлюпку он украл у своего отца. Мальчик не попросил платы, даже не поинтересовался, как меня зовут. Он просто рискнул ради приключения.

Я взобрался по крутой каменистой дороге и уже изрядно вспотел еще до восхода солнца — и вот увидел над собой долгожданную черепичную крышу. Издалека просматривалась вся территория поместья — несколько каменных строений, между ними поднимающаяся в гору исхоженная тропа и аллея камфорных деревьев, доходящая до самого дома. Здесь же находились и семейные могилы. Проходя мимо них, я заметил висящие на двери склепа два *epikedeioi stephanoi*, венки из тамариска и лавра, которые преподносят обычно Деметре и Коре, прося у них милости к умершему. Неужели старик умер? Я терялся в догадках. Вероятно, кто-то из старшего поколения родни Авроры, которые жили у подножия холма. Я ускорил шаг, стараясь не омрачать радость от предстоящего, хотя и запоздалого возвращения домой, мыслями о чьем-то горе. С расстояния броска камня я увидел моего шурина Антикла с собакой, появившегося из-за угла. Его ожидали два каменщика.

— Опять упала изгородь? — крикнул я вместо приветствия.

Антикл обернулся и увидел меня. Мгновенно лицо его так исказилось, что слова застряли у меня в горле. На тропе показался его старший брат Феодор. При виде меня он наклонился, поднял с земли по камню в каждую руку и направился мне навстречу.

— Ты. — Это было все, что он мне сказал.

— Что случилось? — услышал я собственный крик. Камни полетели в мою сторону, едва не попав в меня.

— Здесь тебе не рады.

Я уронил свой мешок и оружие, я протянул к ним руки, умоляя смилостивиться во имя богов.

— Пусть Эринии заберут тебя! — зло крикнул Антикл. — Тебя и то зло, которое ты принес в наш дом!

Оба брата подошли ко мне. Даже каменщики поднялись. Я услышал лай собак.

— Где Аврора? Что случилось?

— Убирайся, негодяй!

Камень, брошенный Феодором, попал мне в бедро.

Я умолял братьев сказать мне, что случилось. Пусть они разрешат мне поговорить с Авророй.

— Она — моя жена, и ребенок тоже мой.

— Поговори с ними вон там, — показал Феодор на могилы.

Кто видел солдат, тот знает это, Ясон. Такие минуты, когда боль, душевная или физическая, превосходит способность сердца переносить ее. Я задрожал, как от кошмара. Как могут они, мои братья, набрасываться на меня с такой ненавистью? Как могут эти погребальные венки предназначаться тем, кого я люблю?

— Уезжай отсюда! — двинулся ко мне Антикл, размахивая палкой. — Клянусь богами, если ты еще хоть раз попадешься мне на глаза, это будет конец — для тебя или для меня.

Я ушел. Там, где земля моего тестя подходила к бухте, два соседских парня расчищали кустарник. От них я и узнал, что два месяца назад моя жена умерла. Отравилась. Ребенок, еще не родившийся, умер вместе с ней.

Время было уже за полдень. Я снова поднялся на холм. У изгороди собаки чуть не разорвали меня. Антикл, верхом на лошади, прикрикнул на них.

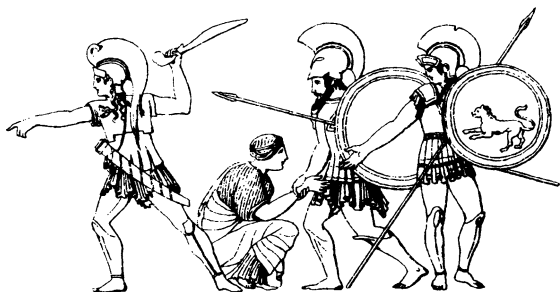
— Что я могу сделать брат,— начал я умолять его,— чтобы облегчить это горе...

Он не ответил, только повернул коня и бросил на меня, стоящего внизу, такой взгляд, каким достаивают не другого представителя рода человеческого, а слоняющийся по земле призрак, которому отказано в упокоении.

— Ты украл солнце с нашего неба, ты и тот, кто послал тебя. Пусть ваши дни будут всегда беспросветны, пусть они станут подобны нашим дням.

Глава XLIV

СВИДЕТЕЛЬ УБИЙСТВА

В этом месте Полемид внезапно прервал свой рассказ. Он долго не мог продолжать. Когда же он наконец успокоился, то объявил, что у него изменилось отношение к предстоящему суду. Он больше не хотел оспаривать обвинение. Он признает себя виновным. Некоторое время он уже думал над этим, признался он, но только сейчас вдруг понял, что все это — дело чести. Единственное, о чем он жалеет,— это о том, что отнял у меня так много времени, которое я столь щедро уделил ему, выслушивая его с таким вниманием. Он просил прощения.

Я очень на него рассердился и в сердцах набросился на узника. Как он смеет эксплуатировать мое сочувствие и в своем рассказе порочить память о любимых товарищах? Неужели он думал, что я легко согласился на это? Может быть, он вообразил, будто я восхищаюсь им или считаю его достойным освобождения? Нет, я презираю его и все, что он сделал,— так я сказал ему,— я согласился помочь ему в защите только для того, чтобы его правдивый рассказ о своем бесчестии послужил печальным и позорным примером для

наших соотечественников. Его дело перестало касаться только его в тот самый момент, когда он попросил меня о помощи. Как он смеет прекращать рассказ, стыдясь истины? «Да! Умри!» — кричало во мне все. Тем лучше!

Я направился к двери, стал стучать в нее и звать тюремного надзирателя.

В ответ раздалось лишь эхо. Время ужина, понял я. Наверное, надзиратель находился в трапезной напротив тюрьмы. Я услышал, как заключенный за моей спиной посмеивается.

— Кажется, ты тоже сделался узником, друг мой.

— Ты дурно воспитан, Полемид.

— А я никогда и не отрицал этого, приятель.

Я обернулся, чувствуя под волной захлестнувшего меня гнева, насколько я привязался к этому негодяю. Лицо ветерана расплылось в улыбке. Он признал справедливость приговора, который я ему вынес, заметив, что единственный его недостаток заключается в том, что он не может осуществиться.

Полемид вынул из своего сундучка два письма. По тому, как он держал их, нельзя было не догадаться, что он недавно их перечитывал. Их содержание сильно на него подействовало. Сейчас он передал их мне.

— Сядь, друг мой. Некоторое время ты не сможешь выйти отсюда.

Первое письмо было от его двоюродной бабки Дафны. Оно было написано за несколько месяцев до краха афинского флота при Эгоспотамах, той катастрофы, которая сделала неизбежной нашу капитуляцию. После двадцати семи лет войны мы потерпели полное поражение от рук спартанцев и их персидских и пелопоннесских союзников.

В то время Полемид находился на службе у Лисандра. На родине он был осужден за предательство и убийство. Он написал своей тетке в Афины, советуя ей подготовиться к осаде города и его сдаче:

«...Политические партии Афин назначат себя обеспечить мир, как они это назовут. Суверенность государ-

ства будет ликвидирована, флот уничтожен, Длинные стены снесены. Будет создано марионеточное правительство из лиц, сотрудничавших с врагом. Последуют акты репрессий. Вероятно, вернувшись, я смогу смягчить положение для тебя и нашей семьи и немного исправить последствия беззаконий, которые, несомненно, последуют.

Тетя, ты должна уехать из города. Возьми с собой детей Лиона. Сможешь ли ты узнать, где сейчас мои дети? Пожалуйста, увези их тоже. На этом письме стоит печать Лисандра. Она защитит тебя, но воспользуйся ею лишь в случае угрозы жизни, ибо потом другие наши соотечественники заставят тебя заплатить за это.

И наконец, моя дорогая, не дожидайся, пока эскадры Лисандра войдут в порт Пирей. Иначе ты увидишь то, чего не вынесет ни один патриот. У тебя разорвется сердце. На ребенке, которого ты вырастила, теперь алая одежда врага. Ты же знаешь, моя родина меня не жалует, а я уже давно потерял всякий стыд. Я поступаю так, как поступают другие, чтобы спасти своих».

Его тетя отвечает:

«Ты, бессовестная твоя душа! Как ты смеешь оправдывать свое вероломство заботой обо мне? Лучше бы ты сгнил в каменоломне или погиб где-нибудь в сражении! Тогда тебя можно было бы назвать сыном твоего отца, а не сыном позора, каковым ты показал себя так бесстыдно. Пусть не допустят боги, чтобы я когда-либо снова увидела твое лицо. Для меня ты больше не существуешь. У меня нет племянника».

Я вернул письма Полемиду. Его вид показывал, что он согласен с проклятием своей тетки. Он больше не хотел мешать судилищу над собой. Во всяком случае, сейчас. Я почувствовал, как он вдруг «ускользнул» от меня, как труп на темных волнах, когда крюк никак не может зацепить его и судно, вынужденное продолжать свой путь, проходит мимо, больше не делая новых попыток.

Я должен был уйти, чтобы посетить Сократа. До казни оставалось три дня. В то утро проклятый корабль, возвращавшийся из Делоса, был замечен недалеко от Сунии. Прибытие его в Афины положит конец передышке, благодаря которой казнь до сих пор откладывалась. Корабль ожидался в тот же вечер, однако он не пришел. Сон Сократа предсказывал и это. Красивая женщина в белом появилась перед ним, рассказывал он нам, собравшимся в тот вечер, и, обратившись к нему по имени, сказала:

*Фтиотида прекрасная, Ахиллесов удел фессалийский,
В третий день ожидает тебя — приходи, будь там гостем
любимым.*

Мое сердце наполнилось отчаянием — отчасти из-за Полемиды, чьи воспоминания о часах падения Афин совпали с ожиданием казни моего учителя. Смерть Сократа представлялась мне большей катастрофой, нежели капитуляция моей родины, ибо я чувствовал: в ней не только конец нашего суверенитета, но и падение идеалов самой демократии.

В тот вечер я покинул тюрьму последним. Я решил больше не вести бесед с Полемидом и даже не передавать его просьб властям. Он сам сделал свой выбор. Пусть так и будет. На выходе было тихо. Только плотник прилаживал дверь в тюремном магазине. Я заглянул туда. Железные цепи, которые поначалу я принял за петли или скобы. Я сразу понял, что это такое.

Это была не дверь.

Это было подъемное колесо, на котором совершится казнь Полемиды. Его привяжут к планке, голого, а затем колесо поднимут вместе с ним. Никому не разрешат приблизиться и оказать помощь. Около осужденного останется только палач. Он приступит к пыткам, предписанным судом, и удостоверит смерть. Плотник поманил меня рукой. Во время работы он приветливо болтал. Приходится для каждой казни делать новое орудие, сообщил он.

— Не поверишь, сколько всего вываливается из внутренних чреватостей человека. Мертвец отходит в иной мир пустым, как кукла.

Он показал мне, как работает этот инструмент. Четыре железные скобы крепят руки и ноги жертвы. Ошейник фиксирует шею. Поворотные колышки стягивают ошейник, затрудняя дыхание. Достоинством этого орудия было отсутствие крови.

Я уточнил, не для Полемида ли предназначено новое орудие казни. Плотник не знал. Обычно он такими вещами не интересуется. Хотя он знал, что обвиненного в измене не хоронят в Аттике. Его нельзя класть ни в какую землю, подчиненную афинянам. Труп будет выброшен на съедение собакам и воронам.

Плотник считал это орудие казни самым последним изобретением.

— Все лучше, чем бросать их в яму, как тех стратегов после Аргинусских островов. Вот что было ужасно. Мой отец делал ловушки. Нельзя было делать сразу шесть, поэтому прочие ждали, пока умрут первые трое. Это было ужасно. Слышно было, как те падают. Молодой Перикл и Диомедонт упали без савана. Никто из них не сказал ни слова, только Диомедонт произнес: «Покончим с этим скорее».

Как сказал Феогнид:

Было бы лучше всего тебе, смертный, совсем не родиться,
Вовсе не видеть лучей ярко светящего дня;
Если ж родился — пройти поскорее ворота Аида
И под землей глубоко в ней погребенным лежать.

За несколько дней до этого, после моего второго разговора с Эвниккой, я вызвал моих ищек, Мирона и Ладу, и, предложив им денег, попросил поскорее выяснить детали убийства, в котором обвиняют моего подзащитного. Мои сыщики не мешкали и появились на утро второго дня. Они нашли человека, который в то время был матросом. Сви-

* Перевод Л. Блуменау.

детель убийства. Но он не будет давать показания в суде, потому что кому-то задолжал и не хотел показываться в городе. Однако за определенное вознаграждение готов продиктовать показания. Он клялся, что скажет мне правду.

Вот этот документ. Человек называет себя гражданином округа Амфитропа и бывшим старшиной флота.

Это было на Самосе, в той забегаловке, которую обычно называют притоном «Мята Болотная». Ребята с кораблей там собираются. Это их место. Девка Полемида Эвника была там в ту ночь и еще дюжина других с ближних улиц. И дети тоже были. Что-то вроде пирушки. Пошел дождь, барабанил по крыше. На столах стояли горшки и все такое прочее...

Тут входит Полемид. Не смотрит ни вправо, ни влево, идет прямо к женщине и хватает ее за шею. Двое-трое на него набрасываются, отскакивают, начинается драка. Полемиду удалось высвободиться. Он хватает тут железный чайник, выставленный, чтобы собрать дождевую воду, и снова направляется к женщине. Филемон преграждает ему дорогу. Полемид взмахнул чайником — тот и падает замертво.

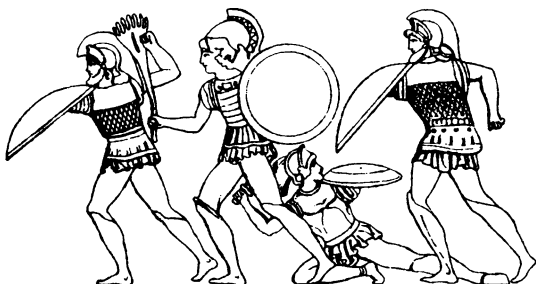
Полемид смотрит на него, на Эвнику, на своих детей, разинув рот, словно сошел с ума. При виде детей он пришел в себя. Резко повернулся и вышел. Все произошло быстрее, чем я рассказываю. От самого начала до конца никто не проронил ни слова.

Вся грязь вылезла потом, от подружек. Эта Эвника, оказывается, та еще дикая кошка. Она отравила беладонной новую жену Полемида. Та женщина, жена его, умерла, и ребенок у нее в животе тоже умер. Во всяком случае, так говорили.

Вот что случилось, начальник. Полемид убил этого неудачника Филемона не по злобе, а потому что тот встал у него на пути, когда он хотел разобраться с той женщиной. Это правда. Я был там и сам все видел.

Глава XLV

АДВОКАТ У ВОРОТ

Два рассвета оставалось до того дня, когда Сократ должен будет выпить яд. Сон не шел. Всю ночь я ворочался, и только когда забрезжил рассвет, забылся тревожным сном.

Меня разбудил стук в дверь. Слуга сообщил, что у ворот стоит какой-то молодой человек. Парень отказывается называть свое имя, но очень просит принять его. У него есть деньги, доложил слуга, он хочет передать их мне.

Любопытство заставило меня и двоих моих сыновей выйти к посетителю. Когда мы открыли ворота, перед нами предстал подросток лет шестнадцати, тонкий, как стебелек. Я пригласил его в дом.

— Нет, благодарю. Я пришел как представитель заинтересованных граждан. Большой группы, я бы сказал.

Ребенок был так серьезен, что насмешил меня. Говорил он с высокопарной торжественностью человека, заранее выучившего речь.

— Я хочу, — объявил он, — передать тебе эти деньги от имени Полемида, сына Николая из Ахарн, чтобы ты воспользовался ими

для его защиты так, как считаешь нужным. Я молод и не знаю, как проходят суды. Однако можно представить себе, что определенные затраты могут возникнуть...

Сумма, которую он предлагал, была немалая — свыше ста драхм. Вид свежих, только что отчеканенных серебряных монет поразил меня и моих сыновей. Их украли оптом.

— Как такой хворостинке, как ты, удалось раздобыть такую кучу денег? — поинтересовался мой старший.

— Хорошо звенят, правда? — У него был такой же выговор, как у Эвники. И лицом он был похож на нее. Значит, это он — беглец.

— Действительно, они хорошо звенят, молодой человек. — Я взвесил на руке добычу. — И на какие же цели мне употребить это? Дать взятку присяжным?

— Те, кого я представляю, мой господин, согласятся с любым твоим решением.

— А эти заинтересованные граждане... в чем их интерес?

— В справедливости, господин.

Я внимательно оглядел юношу еще раз. Плащ у него был длиннющий — такие называют «подметала улиц». Хотя его старались почистить, может быть даже вчера, следы пыли на подоле остались. Драпировка плаща, несомненно, скрывала босые ноги.

— Ты сегодня обедал, парень?

— Конечно, господин. Это был сногшибательный обед! Сыновья мои засмеялись.

— Смотри, чтобы порыв ветра не сшиб тебя с ног!

Я снова пригласил юношу войти в дом. И опять он отказался. Я протянул ему деньги.

— Почему ты сам не отнесешь их Полемиду?

Ребенок сразу что-то забормотал и замолчал. Ясно, мы ушли в сторону от заранее подготовленного выступления.

— Я думаю, тебе стоит это сделать, — настаивал я. — Узник в отчаянии. Ему будет приятно узнать, что друзья поддерживают его.

— Возьми деньги ты, начальник.

— Я тебе скажу, молодой человек, что я возьму.— По моему знаку мои сыновья схватили парня.— Я возьму тебя и эти деньги и отведу к магистрату. Пусть он соображает, где ты их взял.

— Пустите, уроды!

Юноша вырывался, как дикое животное. Хорошо, что мои сыновья были сильными борцами и смогли удержать его.

— Ну что же, мой молодой друг, ты пойдешь со мной к Полемиду или мы постучимся в ворота архонта?

Подходя к тюрьме, мальчик оживился.

— Они меня обыщут?

Он вынул из-под руки кинжал и спартанский хуле из ножен у бедра.

Уже в коридоре, подходя к камере, я остановился. Лицо мальчика стало белым, как мел.

— А ты разве не войдешь, господин?

— До сих пор ты вел себя по-мужски,— заверил я его и, положив ему руку на плечо, подтолкнул его вперед.

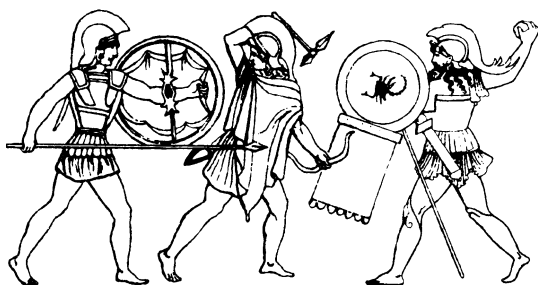
С того места, где я стоял, я не мог видеть Полемиду. Я видел только мальчика, остановившегося у порога, пока надзиратель отпирал камеру. Он нерешительно заглянул внутрь, словно опасаясь, что дикий зверь, сидящий в клетке, набросится на него. Признаюсь, что, когда ребенок нашел в себе силы и шагнул внутрь, я почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза, а в горле встает комок.

Отец и сын провели вместе все утро. По крайней мере, я ждал больше часа в лавке моего давнего товарища, морского лучника Синяка, что располагалась напротив тюрьмы. Мои сыновья подарили мальчику Николаю целый мешок одежды, включая обувь и новую туннику — якобы чтобы передать его отцу. Мы надеялись, что его гордость позволит ему тайком от нас оставить все это себе.

Но вместо этого к полудню мешок принесли к нашим воротам нетронутым. В записке изъявлялась благодарность. И больше ничего.

Глава XLVI

ПО ТУ СТОРОНУ ЖЕЛЕЗНОГО ДВОРА

В тот вечер, покинув камеру Сократа, группа его товарищей пересекла Железный двор и направилась в кабинет Лусимаха, секретаря Одиннадцати. Казнь учителя должна состояться завтра. По его просьбе, яд ему подадут на закате. Секретарь показал нам чашу — простую, деревянную, с крышкой. Очевидно, будучи незакрытым, яд менял свойства. Его надо выпить сразу, одним глотком.

Палач, доктор из Браврона, находился в это время в тюрьме по другому делу. Он оказался настолько любезен что уделил время нам — мне, Критобулу, Критону, Симмию из Феб, Кебу, Эпигену, Федону из Самоса и другим. На враче был простой белый хитон, как и на всех нас. Его имя не разглашалось, и мы его никогда не видели. Он сообщил нам, что завтра облачится в официальные одежды. Он хотел нас предупредить, чтобы его вид своей неожиданностью не вызвал у нас испуга.

Нам разрешат остаться в камере Сократа до конца и забрать его тело после того,

как будет зафиксирована смерть и подписано соответствующее свидетельство. Не будет никакой «прощальной трапезы», так как желудок жертвы должен быть пуст. После полудня нельзя также пить вино, поскольку оно послужит противоядием.

Критон спросил, что нам можно будет сделать для того, чтобы облегчить кончину нашего друга. Врач ответил, что действие яда безболезненно. Постепенно будет пропадать ощущение своего тела, начиная с ног. Умиравший останется в сознании до самого конца. Когда действие яда достигнет середины тела, может возникнуть тошнота. После этого ускорится онемение, сопровождаемое иногда потерей сознания. Наконец перестанет биться сердце. Недостаток яда в том, что он действует не мгновенно. Часто требуется часа два. Будет лучше, если осужденный останется неподвижным. Стимуляция может задержать действие яда, потребуются вторая доза, а то и третья.

— Он будет ощущать холод. Можете принести руно или шерстяной плащ, чтобы укрыть его.

Мы молча удалились. Я совсем забыл про Полемиду — к этому времени он, без сомнения, уже признал себя виновным, — и ушел бы, даже не вспомнив про него, если бы привратник не крикнул мне, когда мы пересекали двор, спрашивая, кто предъявил права на тело убийцы. Я вдруг испугался, что приговор уже приведен в исполнение. Мне стало не по себе. Но нет, сообщил мне чиновник, казнь Полемиду состоится завтра, как и казнь Сократа.

Он примет смерть на колесе. Чиновник не мог сказать, сколько времени это займет. Убийца умен, признался не в измене, а в «проступке». Этим он избежал позора — его тело не будет выброшено за пределы Аттики непохороненным. Тело отвезут в морг у Северной стены, где его могут забрать родственники.

— Приходил мальчик, говорит, что его сын. Если больше никого не будет, могут ли чиновники отдать тело ему?

— А что говорит сам узник?

— Говорит — спросить у тебя.

Было уже довольно темно. Я целый день провел на ногах. И завтра отдыха тоже не предвидится. Но стало ясно, что я не мог пойти домой. Я окликнул «жаворонка» и, сунув парню монету в руку, послал его с запиской к моей жене, где сообщал, что задержусь.

Когда я вошел в камеру Полемиды, он что-то писал. Он сразу поднялся, приветливо пожал мне руку. Был ли я у Сократа? В тюрьме только и разговору, что об этом.

Я думал, что буду злиться на Полемиду за то, что он заставил меня столько потрудиться, и все впустую. К моему удивлению, случилось совсем наоборот. Стоило мне войти в камеру, как я почувствовал, что тяжесть свалилась с моих плеч. Удивительно, как убийца принимал свою судьбу. Мне стало стыдно.

— Что ты пишешь?

— Письма.

— Кому?

— Одно сыну. Другое тебе.

Слезы брызнули у меня из глаз, рыдание вырвалось из горла. Мне пришлось спрятать лицо.

— Эй, господин, — предложил узник, — вот вино, которое мне принес сын. Выпей.

Я подчинился.

— Позволь, я закончу письмо. Я не задержу тебя.

Продолжая писать, он спросил о Сократе. Убежит ли философ на своих двоих? Или в полночь сядет на заранее подготовленного коня? Полемид засмеялся. Никакой секрет долго не живет в этих стенах. Полемид знал обо всех планах побега. Даже о том, что Симмий и Кеб наняли лошадей и вооруженный эскорт. Он знал, каким чиновникам дали взятку — и даже сколько именно дали. Разные информаторы уже шантажировали Критона и Менексея. Им заплатили, чтобы те молчали.

— Он не убежит,— сказал я.— Он такой же упрямый, как и ты.

— Видишь ли, мы оба философы.

Полемид сообщил, что несколько раз беседовал с Сократом, когда время их прогулок совпадало. О чем они говорили?

— В основном об Алкивиаде. И немного — о предполагаемой жизни после смерти.— Он засмеялся.— Меня уложат на «проститутку». Ты слышал?

Он узнал, что его казнят на колесе. Потом он спросил, о чем мы беседовали и кто провел весь день с нашим учителем. Обычно я об этом не говорю, но сейчас...

— Мы говорили о законе. О соблюдении закона перед лицом смерти.

Полемид стал серьезен.

— Я хотел бы там присутствовать.

Я смотрел, как убийца писал свое прощальное слово. Рука его не дрожала, двигалась уверенно. Иногда он останавливался, подбирая нужное слово, и невольно я поражался его сходству с Алкивиадом — таким очаровательным, когда тот говорил, запинаясь в ожидании, пока ему в голову придет удачное выражение.

При свете лампы узник выглядел моложе своих лет. У него была узкая талия — результат многолетних физических упражнений. Нетрудно было представить себе, каким он был в Лакедемонe, полный надежд, трижды по девять лет назад. Меня поразила ирония неизбежности путей, которые привели в соседние камеры его и Сократа.

Могу ли я попросить его закончить рассказ? Имеет ли это значение? Конечно, уже не для того, чтобы построить защиту... И все же я хотел услышать из его уст то, что осталось,— до самого конца.

— Сначала расскажи мне ты,— ответил он.— Это будет сделка. Что сказал сегодня Сократ о законе... В обмен на мой рассказ до конца.

Сначала я противился, ибо многое из того, что говорил наш учитель, было предназначено лично мне.

— Неужели ты думаешь, Ясон, что я выболтаю кому-нибудь твои секреты?

И тогда я ему все рассказал.

Наш кружок собрался в камере Сократа. Некоторые настаивали на побеге. Я тоже был за бегство. С вооруженной охраной нашему учителю нечего бояться. Он мог добраться до любого убежища, которое мы — или его друзья в других городах — могли ему обеспечить.

По глупости я ждал от него прямого ответа. Конечно, философ не ответил прямо. Вместо этого он обратился к сыну Критона, самому молодому из нас. Тот сидел возле стены у его ног.

— Скажи мне, Критобул, можно ли определить разницу между справедливостью и законом?

С досады у меня вырвался стон. Это развеселило всех, а больше других — Сократа. Я снова высказал свои соображения. Время философских споров закончилось. Речь идет о жизни и смерти. Нужно действовать!

Но меня пожурил не Сократ, а Критон, его старый и самый преданный друг.

— Значит, вот что такое для тебя философия, мой дорогой Ясон? Пустая болтовня, с помощью которой мы развлекаемся, пока жизнь милосердна к нам? А когда попадаем в безвыходное положение, ее следует отбросить в сторону?

Я ответил, что они могут смеяться надо мной, сколько хотят, но пусть прислушаются к моим словам. Сократ выслушал меня очень терпеливо, и это рассердило меня еще больше.

— Помнишь, Критон,— продолжил он, все еще глядя мимо меня,— выступление моего друга Ясона во время суда над стратегами?

— Помню. Зажигательная речь!

— Пожалуйста,— просил я учителя,— не смейся надо мною. Ведь тогда результат суда доказал мою правоту.

— Как это, друг мой?

— Пренебрежением к справедливости! В помрачении рассудка афиняне приговорили к смерти хороших людей! Демос может призвать тебя обратно из Элиды или Фив, Сократ, но не из преисподней!

— Да, огня в тебе много, Ясон! В тот день ты выступил с таким пылом, что превзошел сам себя. Я гордился тобой тогда, как мало кем гордился — и до, и после.

Я смутился и замолчал.

— Ты говорил о законе и, вслед за Эвриптолем, призывал народ не осквернять его. Эвриптолем произнес такую смелую речь в свою защиту! Если мне не изменяет память, ты обвинил народ в преступлении. Ты сказал, что зависть заставляет посредственного человека уничтожать того, кто лучше его. Правильно? Я только хочу в точности передать твои слова, чтобы мы могли разобрать этот случай и, возможно, лучше понять его.

Я признал, что он правильно повторил мои слова. Однако мне хотелось вернуться к теме побега.

— Тебя огорчает,— отозвался наш учитель,— что опять совершается несправедливость. Ты уверен, что мое осуждение — это следствие не уголовного преступления, а ненависти, которую испытывают люди к тому, кто считает себя лучше их. Так, Ясон?

— А разве происходит не именно это?

— Ты считаешь, что народ способен управлять собой?

Я с жаром возражал.

— А кто, по-твоему, будет управлять народом лучше всех?

— Ты. Мы. Любой, кроме них.

— Позволь сформулировать вопрос по-другому. Считаем ли мы, что закону — даже несправедливому — следует подчиняться? Или же отдельный человек может взять

на себя право решать, какие законы справедливы, а какие нет, каким следует подчиняться, а каким — нет?

Я сказал, что с Сократом поступили несправедливо и поэтому неподчинение будет законным.

— Послушаем твое мнение, Ясон. Что лучше: если человек умирает из-за несправедливости людей, проявленной по отношению к нему, или же если он останется жить, поступив несправедливо по отношению к ним?

Я потерял терпение и стал яростно возражать. Своим побегом Сократ ни с кем не поступит несправедливо. Он должен жить. Клянусь богами, каждый из нас перевернет небо и землю, чтобы осуществить этот побег!

— Ты забываешь о том, Ясон, к кому я проявлю несправедливость. Законы. Предположим, среди нас сейчас сидят законы. Они могут сказать что-нибудь вроде: «Сократ, мы служили тебе всю нашу жизнь. Под нашей защитой ты рос, мужал, женился, завел семью. Ты выбрал себе профессию, ты учил философии. Ты принимал наши блага, пользовался безопасностью, которую мы тебе обеспечивали. А теперь, когда мы тебя больше не устраиваем, ты хочешь нас отстранить?» Что же мы ответим законам?

— Некоторые люди стоят над законами.

— Как ты можешь говорить такое, мой друг, ты, который с таким жаром утверждал совсем иное?

Опять я смутился. Я ничего не мог ему возразить.

— Позволь мне освежить твою память, мой дорогой Ясон, твою и тех из наших друзей, кто присутствовал в тот день, а также рассказать обо всем тем, кто был тогда слишком молод. После изгнания Алкивиада, последующего после поражения при Нотии, город послал Конона принять командование. Чтобы власть не концентрировалась в руках одного человека, совет ввел его в состав коллегии десяти стратегов, среди которых были наши друзья — Аристократ и молодой Перикл. Под коллегиальным командованием флот дал противнику большое сра-

жение у Аргинусских островов, выведя из строя семьдесят военных кораблей врага, включая девять из десяти спартанских, и потеряв при этом двадцать девять своих собственных. Ты был там, Ясон. Я точно говорю? Поправь меня, пожалуйста, если что не так. В конце сражения удача была на стороне афинян. Но вдруг с ужасающей быстротой налетел шторм. Такие случаются в это время года, как я слышал. И людей в воде — наших людей с тех двадцати девяти кораблей, пробитых и затонувших, — уже нельзя было спасти. Назначенные стратегами офицеры, среди них Фрасибул и Ферамен, признанные лидеры, не соладили со стихией. Все, кто был в воде, погибли. Команды двадцати девяти кораблей, пять тысяч человек. Когда город узнал об этом, то не знал, как реагировать. Сначала в ужасе и ярости он жаждал крови тех, кто не смог вытащить потерпевших крушение моряков. Потом, пытаясь как-то переварить катастрофу, признал суровость шторма, подтвержденную всеми сообщениями. При этом город не забывал и о величии победы. Случилось, однако — ты, который там был, не можешь не помнить этого, — что восток Апатурии вскоре после сражения пал. Это произошло в тот сезон, обычно веселый, когда собираются братства, чтобы заново освятить свою связь и принять в союзы новых членов. В результате гибели тех моряков наши ряды настолько поредели, что люди не в силах были даже постичь масштаб понесенных потерь. Город потребовал крови. Шесть стратегов были арестованы (четверых успели предупредить, и они скрылись). Народ сразу же возбудил против них процесс. Их судили не каждого в отдельности, как предписывал закон, а всех вместе, как некое единое целое. Перикла, Аристократа и еще четверых заставили защищать себя в кандалах, как изменников. Я правильно говорю, Ясон? А вы, Критон и Кеб, вы там были — остановите меня, если я буду неточен.

Все согласились в том, что рассказ Сократа правдив по духу и фактически.

— Стратегов судили на открытом собрании. Как раз в это время года мой дем составлял исполнительный комитет Народного собрания. Жребий стать *epistates*, главой собрания, выпал как раз мне. То был единственный случай в моей жизни, когда я занимал столь высокий пост — и то лишь один день, как и предписано законом. Сначала говорили обвинители, потом стратеги выступили в свою защиту, один за другим. Первым — Аксиох, за ним Эвриптолем. Ни он, ни кто-либо из его семьи не оказали большей чести своему имени, чем он своей храбростью в тот час. Он ограничил свои аргументы, поступив перед лицом толпы благоразумно, и только призвал судить каждого стратега отдельно. «Таким образом вы сможете быть уверены, что поступите в полной мере справедливо, наказав виновных по максимуму и избежав ужасного преступления, если приговорите невиновных». Народ выслушал его и даже поддержал его предложение, но потом Менекл, воспользовавшись юридической тонкостью, подал протест. Предложение было поставлено на голосование во вторую очередь, что фактически отвергло просьбу Эвриптолема и обрекло Перикла и других. Однако еще до начала голосования поднялся ты, Ясон. Как председатель я предоставил тебе слово, хотя многие пытались перекричать тебя. Говорили, что ты дружен с Периклом, что у тебя есть собственные делишки на флоте. Разрешите мне, друзья, попытаться передать суть, если не весь текст выступления вашего товарища?

Присутствующие стали горячо просить нашего учителя продолжать. Мельком взглянув в мою сторону, он стал очень серьезным.

— Ты сказал следующее, Ясон:

«Вы нетерпеливы, люди Афин, вы торопитесь закрыть это дело. Позвольте мне предложить порядок ведения суда. Так как вы уже определили, что эти люди виновны, — ведь вы не захотели тратить время на суд и обдумывание дела! — давайте сразу казним их. Согласимся, что, нару-

шая все законы, божеские и людские, они отказались от моральных обязательств по отношению к своим товарищам, оказавшимся в опасности. Согласны? Тогда давайте набросимся на них скопом и разорвем их глотки голыми руками!

Но вы не согласны со мной. Вы кричите, что мы должны поступить по закону! По закону, которым вы пренебрегли по своей прихоти, или по закону, который вы примеряете на себя? Ибо завтра, когда вы проснетесь, обгаренные кровью этих невинных людей, ни один законодательный акт не покроет вашего преступления.

Но вы возразите мне — и обвинители, говорившие от вашего мнения, тоже возражали! — что эти обвиняемые — убийцы! Вы нарисуете себе душераздирающие картины: ваши потерпевшие крушение сыновья, кричащие о помощи, которая не пришла! И вот они захлебнулись соленой водой, и море поглотило их... Эти сцены рисовали уже перед вами обвинители! Я сражался на море. Всем нам приходилось сражаться. Да уберегут нас боги от такой смерти. Сгинуть в этой стихии — наиболее достойная сожаления смерть, какой только может погибнуть человек. Ни костей, ни остатков одежды нельзя достать со дна моря, чтобы упокоить их в родной земле.

Да, кровь ваших сыновей вызывает к отмщению. Но как мы осуществим это отмщение — преступив самый закон, за который они отдали свои жизни? В моей семье мы называем себя демократами. У моего отца хранятся благодарности, подписанные старшим Периклом, отцом того, кто стоит сегодня здесь как обвиняемый, — моим другом, как всем известно. Эти свидетельства благодарности великого человека лежат под кровлей моего дома, это талисманы нашей демократии. Сегодня мы собрались, афиняне, как собирались наши отцы и их отцы. Все ли мы обдумали? Как вы назовете происходящее здесь и сейчас? Мое сердце видит наше потомство, более темное, менее

разумное. Я смотрю на ваши лица и спрашиваю себя: где же я видел такое прежде? Я скажу вам, где я никогда не видел этого! Я не видел этого в глазах воинов, стойко встречающих врага! У них совершенно другой взгляд, и вы знаете это!

Что же заставляет вас, люди Афин, вопреки рассудку и вашим собственным интересам, избавляться от тех, кто лучше вас?

Фемистокл сохранил государство в его самый опасный час. Но вы осудили его и выслали. Мильтиад добыл победу при Марафоне; но его вы заковали в цепи и бросили в Яму. Кимона, который завоевал вам империю, вы затравили до смерти. Алкивиад? Клянусь богами, вы даже не дали ему постоять на том пьедестале, который сами же и водрузили для него; и вот уже вы сравнивали этот пьедестал и его самого с землей и в упоении отплясываете на разбитых камнях. Кислоту и желчь вы впитали вместо молока матери. Вы скорее увидите государство повергнутое в прах врагами, чем сохраните его, пользуясь помощью лучших ваших представителей,— ведь в этом случае вам придется признавать их превосходство над вами! И это — самая горькая судьба, какую только можно вообразить, люди Афин. Не поражение от рук ненавидящих вас, но признание благородства тех, кто ищет только вашей любви.

Когда я был маленьким, отец взял меня на верфь в Телегонее, где его кузен, корабельный плотник, строил шлюпку. Корпус был уже готов, и мы в нем сидели, прислонясь к доскам, наслаждаясь завтраком и предвкушая, как завтра увидим эту шлюпку уже готовой. Двоюродный брат отца сказал, что именно теперь необходимо оставаться с судном даже ночью. Заметив мое удивление, он положил мне на плечо руку: “Надо остерегаться вредителей. Люди завистливы,— так учил мастер невинного ребенка,— из всего, что существует под небесами, тяжелее всего им переносить успех друга”.

Наши враги наблюдают за нами, граждане Афин. Ли-сандр следит за каждым нашим шагом. Если бы он мог во время сражения убить всех стратегов своего противника, то как приветствовали бы его соотечественники! Но мы сами предлагаем сделать это вместо него.

Какое безумие охватило вас, сограждане? Вы, которые заявляете, что непримиримее всех противостоите тирании, — вы сами стали тиранами. Ибо что такое тирания, как не та форма правления, которая пренебрегает справедливостью и действует лишь силой?

Я ступил на это возвышение, испытывая страх перед вами. Этой ночью, лежа в постели, я дрожал. Мне потребовалась поддержка моей жены и всех моих товарищей, чтобы встать на это место и обратиться к вам. И все же теперь, когда я слышу, как вы кричите, я больше не боюсь вас. Я страшусь за вас и за наше государство. Вы — не демократы. Демократов ищите на флоте. Там вы не встретите никого, кто осудил бы этих людей. Они видели этот шторм. Я видел его. Наши моряки в воде были уже мертвы, да помогут им богу! Но не за это преступление вы судите наших командиров. Они виноваты в другом. Они — лучше вас. Вот чему ваши трусливые сердца никогда не найдут оправдания.

Да, набрасывайтесь на меня, люди Афин, но узнайте, кто вы есть на самом деле. Не будьте лицемерами. Если вы намерены переделать закон, тогда, клянусь копытами Хирона, сделайте это как люди. Вы, там, — снесите стелы, на которых записаны законы. Схватите стамески и соскоблите их! Вставляйте все! Пойдемте толпой — а ведь вы всего лишь толпа! — к могиле Солона Законодателя, разбрасаем его священные кости. Вот что вы делаете сейчас, беспрецедентно осуждая этих людей вопреки закону!»

Сократ сделал вдох и продолжил:

— Эти слова, дорогой мой Ясон, или другие, но очень похожие, говорил ты в тот день. Ты слышал, как толпа

орала на тебя тогда — так же, как на меня минутой позже, когда я отказался поставить на голосование их неконституционное предложение. Они требовали мою голову, угрожали моей жене и детям. Я никогда прежде не встречал такого озлобления, даже во время сражения со стороны кровожадного врага. Но я давал клятву и не мог действовать против закона. Как ты знаешь, это не помогло. Народ просто подождал один день, когда кончится мой председательский срок. А новый председатель выполнил его волю. Однако дело в том, мой дорогой Ясон, что ни в одном случае — будь то осуждение стратегов или суд надо мной — законы не виноваты. Скорее, в том случае народ пренебрег законом. По этой причине я считаю, что ты был прав, защищая закон, и что прав я, придерживаясь его сейчас. Пожалуйста, друзья мои, может быть, мы прекратим наконец обсуждать вопрос о побеге?

Я сдался, отрезвленный. Сократ положил руку мне на плечо. Он заговорил со мной, но обращался ко всем.

— Может ли народ управлять собой? Может быть, нам будет легче, друг мой, если мы вспомним, что те идеалы, к которым стремится поборник мудрости, — преобладание души над телом, поиск истины, укрощение плоти, — являются для простого народа не только отвратительными, но и абсурдными. Основная масса людей хочет не управлять своими аппетитами, а удовлетворять их. Для них справедливость — это препятствие, причиняющее неудобство их алчности и богам, этим пустым безучастным символам, призванным маскировать их собственные действия, предпринятые ради выгоды или из страха. Демос нельзя возвысить как демос в целом; возвыситься могут только отдельные личности. В конце концов, управлять можно только самим собой. Поэтому предоставим толпу толпе. Что печалит меня намного больше, Ясон, — это твое отчаяние и его результат, отрыв от философии. Твердо придерживаясь наших постулатов, ты смог вынес-

ти все, но этого удара — потерю себя — твое сердце выдержать не может. Ничто не могло причинить мне большего горя, чем признание, что мои усилия и фактически вся моя жизнь,— все это было напрасно.

Теперь я плакал. Я не мог заставить себя держаться так же стойко, как он.

— Помнишь, когда суд над стратегами закончился,— продолжил Сократ,— как мы собрались, друзья молодого Перикла, у Varathron, «Ямы мертвеца», и потребовали его тело у чиновников? Родственники Перикла, Арифронт и Ксенократ, организовали повозку, чтобы отвезти тело домой. Его жена Хиона решила по-другому. Она отправила сыновей в гавань, чтобы те добыли общественные носилки. Вы знаете такие, друзья мои. Их можно отыскать на любой пристани, по две-три вместе. Их расставляют к возвращению моряков, чтобы перенести их имущество к телегам. Носилки помечены надписью «Epimeletai ton Neorion» — «Имущество адмиралтейства». На этих носилках мы отнесли тело нашего друга домой. Нас было двадцать, мы чувствовали себя единым целым. Мы и должны были стать единым целым из страха перед толпой. Однако по пути никто нас не тронул. Их жажда крови была удовлетворена. Сын Перикла Ксантипп был самым храбрым из всех. Ему было только четырнадцать, но он шел впереди группы, держась прямо, с сухими глазами. Он облачил тело отца из опасения, что Одиннадцать могут приказать вывезти его из Аттики. В ту же ночь он обрзал матери волосы и облек ее в траурный плащ с капюшоном. Приказ уже выполнили, имущество Перикла конфисковали. Помните? Мы собрались, чтобы взять в свои дома его слуг и вещи. Но вот что произошло. За два дня народ пришел в себя и осознал свое помешательство. Город охватило коллективное раскаяние. Люди поняли, какое грубое нарушение закона они допустили, и горько сожалели о своем неистовстве. Теперь Хиона отказалась

закрыться на женской половине дома. «Пусть только останоят меня!» — объявила она. Облаченная в траур, она вышла на улицу с непокрытой головой, с отрезанными локонами — в упрек всем и каждому. Тем немногим, кто набрался смелости подойти к ней, она не говорила ни слова, а только день за днем демонстрировала свою остриженную голову. Понимаешь, Ясон? Она была философом. У нее не было образования, но она обладала доблестным сердцем. Оно поняло требования времени и наделило ее бесстрашием действовать. Ни Брасид, ни Леонид, ни сам Ахилл не проявляли большей силы духа и более бескорыстной любви к стране и домашнему очагу. Как же тогда могу я, который называет стремление к благоразумию своим призванием, как я могу позволить себе поступок, недостойный этого? Я могу шагнуть в пропасть так, как это сделал молодой Перикл, ее муж, — молча. А вы, друзья, можете ходить по улицам с остриженной головой, как его жена.

Я закончил свой рассказ о Сократе.

Полемид долго молчал, погруженный в собственные мысли.

— Спасибо, — промолвил он наконец.

Потом улыбнулся, вынул документ из своего сундучка и передал мне.

— Что это?

— Посмотри.

Я прочитал первые строчки. Это была моя речь в защиту молодого Перикла. Тот самый текст, который я только что пересказывал в изложении Сократа.

— Где ты это достал?

— Во Фракии, от Алкивиада. Он восхищался этой речью, как и я. Это не единственная копия, ходившая по рукам в армии.

И опять комок встал у меня в горле при воспоминании о тех, кого любили я и Полемид, о тех, кого сохранила на-

ша память. Было уже очень поздно. Послышались шаги привратника, направлявшегося в свою каморку. Теперь для того, чтобы выйти отсюда, потребуется устроить большой шум. Ну да ладно, подумал я. Жена волноваться не будет. Она подумает, что я остался у кого-нибудь из друзей. Я повернулся к моему сокамернику. Он был слегка обеспокоен моим положением, но смотрел на меня с улыбкой.

— Теперь ты должен выполнить свою часть уговора, Поммо, и закончить свой рассказ. Но может быть, ты устал?

Странное выражение появилось на его лице.

— Почему ты так улыбаешься? — спросил я.

— Ты никогда не называл меня Поммо.

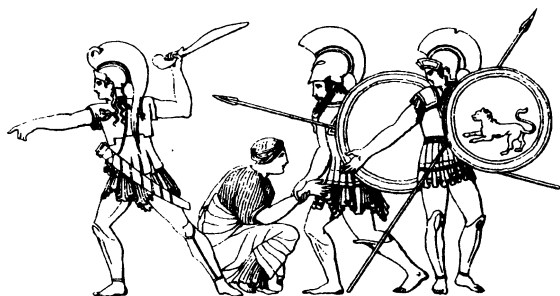
— Разве?

Он сказал, что с удовольствием доведет свой рассказ до конца. Он признался, что боялся — не потеряю ли я к этому интерес, поскольку уже не надо было готовиться к защите.

— Тогда давай приведем наш корабль в порт и, если на то будет воля богов, поставим его на мертвый якорь.

Глава XLVII

РАССКАЗ ДО КОНЦА

Я находился со спартанским командиром Филотелом в Тее, — так начал Полемид, — когда из Афин пришло известие о казни Перикла и других стратегов. Спартанцы не могли этому поверить. Сперва изгнали Алкивиада, затем умертвили стратегов... Афины с ума сошли, что ли? В то время появился такой стишок:

Сперва голосовали дурни
С парой глаз, но вовсе без ума.
Теперь они идут голосовать
С одним лишь глазом — в заднице.

Небеса лишили Афин рассудка за их непомерные имперские амбиции. Таково возмездие богов, кричали уличные пророки, такова кара за высокомерие и гордыню.

Моральный дух спартанцев взлетел до небес. Дезертирство из Афин удвоилось. Той осенью я как-то раз шел по пристани. Я видел те же лица, что и на Самосе, — так много гребцов из числа островитян перешло на сторону Спарты. Даже корабли были те же самые: «Баклан», флагман эскадры Лисия, те-

перь стал «Возвышенным». «Бдительный» и «Морская чайка», захваченные при Аргинусских островах, превратились в «Полиас» и «Андрею».

Афины кое-как собрали остатки своего флота. Забирали каждого, кто хоть на что-то годился, даже из числа аристократов. Стратеги были теперь настолько не уверены в себе, что даже не грабили. Одно поражение — и им конец. А спартанцы, державшиеся на плаву благодаря персидскому золоту, могли позволить себе нести значительные потери и, не обращая на них внимания, продолжать сражаться.

После Самоса я возвратился в Эфес. Куда еще мог я пойти, обвиненный в убийстве да еще и в измене? Никто не узнавал меня в толпе дезертиров, перебежчиков и ренегатов, выстроившихся в очередь у вербовочных столов под красными навесами. Я опять нашел Теламона. Из Спарты пришло новое поколение офицеров, там было много товарищей юности. Одни уже дослужились до высоких командных должностей, другие явились на восток попытать счастья.

Филотел, у которого я теперь служил, когда-то был в моем отряде в спартанской школе. Двадцать шесть лет назад. Тогда он с таким сочувствием сообщил мне, что поместье моего отца сгорело. Теперь — дивизионный командир — он поклялся отомстить за ту давнюю несправедливость.

— Когда мы возьмем Афины, я верну тебе собственность, Поммо, и вздерну того, кто посмеет хоть что-то сказать против.

Вот так я стал убийцей. Мы обучали морских пехотинцев, Теламон и я, пытаюсь не нарываться на неприятности. Возвратился Лисандр. Его отозвали из Спарты, поскольку закончился срок его пребывания на посту наварха. Эфоры назначили его вице-адмиралом, заместителем Арака, поскольку спартанец не мог выполнять обязанности верховного командующего два срока подряд. Однако фактически Лисандр был главным. Немаловажной среди его директив была ликвидация политического сопротивления в городах.

Спартанцы — непревзойденные мастера в этом деле. Они приобрели большую практику, подчиняя собственных рабов — илотов. Теперь Лисандр набирал этих самых неодамодов, новых граждан, освобожденных спартанских рабов, чтобы те осуществили его кампанию террора.

Эти илоты — неплохое войско под командованием спартанских офицеров. Однако сами по себе они пользуются дурной славой. Они очень жестоко действуют. Филотел обратился к Теламону и другим, среди которых был и я, желая поручить нам эту работу. Он знал, что мы будем более сдержанны.

Нас называли «судебными исполнителями». Мы поступали так. Нам выдали ордера на арест. Имена на этих ордерах были именами чиновников и магистратов, морских и армейских офицеров, а также тех, кто занимал ответственные должности при афинских порядках и чьи симпатии могли идти вразрез с идеями «свободы». В глазах спартанцев это были предатели. Вот так, очень просто и ясно. Фактически нам выдали ордера на смерть, потому что после ареста следовала казнь — сразу, на месте.

Мы старались быть милосердными. Человеку давалось время обратиться к богам, написать завещание. Если он пытался бежать, мы догоняли его. По возможности мы не увечили тело, а трупы отдавали родственникам для захоронения. Существовала целая наука этого убийства, санкционированного государством. Лучше всего брать человека на улице или рыночной площади, где достоинство не позволяло ему устраивать шум. Спокойный арест. Цивилизованный. Оружие не только не применялось, но даже не вынималось из ножен. Сам осужденный, осознав свое положение, старался вести себя достойно. Самые храбрые даже делали саркастические замечания. Ими нельзя было не восхищаться.

Ты спросишь, что человек чувствует при этом? стыдно ли ему, профессиональному воину — что довольно почетно, — оказаться палачом?

Теламону, например, нисколько не стыдно, и он презирает всех, кто стыдится. Для него это — работа, хотя и неприятная. Она была таким же узаконенным аспектом воинского ремесла, не хуже осады или строительства крепостных валов. Что касается жертв, их могилы были уже выкопаны. Если не мы ускорим их уход в иной мир, это осуществят другие, причем далеко не так умело.

Могила Афин тоже была выкопана. Ради моих детей и детей моего брата, ради моей тетки и свояченицы, и Эвники — если ей это нужно, — ради всех них я должен быть там, когда город падет. Я обязан занимать соответствующее положение, чтобы сохранить им жизнь. Такое самооправдание было необходимо, чтобы участвовать в этом ужасе. Я знал. Но мне было все равно.

Однажды Теламон и наши товарищи пировали с женщинами на берегу, когда наше внимание привлек военный корабль. Он должен был высадить на берег узников. Шлюпка подошла к берегу, и я заметил рыжеволосого морского офицера с карими глазами.

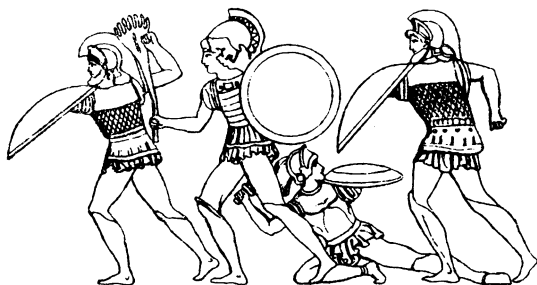
Это был Крепкая Рука, человек Эндия.

В бороде седина, на плечах алый плащ. Уже не юноша. Он был освобожден и обладал гражданскими правами. Я поздравил его от всего сердца.

— И куда же ты направляешься в такое время года?

— К Эндию, на Геллеспонт. Он сейчас там, ведет переговоры с Алкивиадом.

Глава XLVIII ВО ФРАКИЮ

Мы возвратились в Тей, Теламон и я. Оказалось, что мы уже в немилости у спартанцев. Время от времени приходится избавляться от людей, занимающихся нашим ремеслом. Филотел исключил нас как раз перед следующей ротацией с приказом отправляться на север и «оценить ситуацию».

Алкивиад имеет три крепости недалеко от пролива — в Орнее, Бисанте и Неонтихе. Это были те самые крепости, что купила для него Тимандра. Говорят, она заплатила за них добычей, взятой у Самосского флота. Мы сидели на той же прибрежной полосе реки Эгоспотамы, куда менее чем через двенадцать месяцев уйдут последние капли афинской крови.

Одрисские фракийцы задерживают каждого иностранца, высадившегося на их землю. Они отбирают у тебя вещи и спаивают тебя. Их вино, *согоесса*, сладкое и крепкое, как огонь. Оно льется, точно смола. И пьют они его неразбавленным. Спротивляться ты не имеешь права. Надо пить, пока не отупеешь. Так они определяют твой *аедор*, «ветер» или

«дыхание», что является для них наивысшим качеством мужчины, которое определяет все. Мы прошли это испытание вместе с пассажирами двух паромов, высадившимися до нас. У троих, очевидно, «дыхания» не было. Одрисы отравили их обратно. Они попросту не пустили их на берег.

С материка прибыли эскорты, чтобы сопроводить нас дальше. Это были юноши, великолепные наездники с сапогами из лисьего меха, с серебряными уздечками.

— Какому принцу вы служите? — спросил Теламон, восхищаясь их видом.

— Принцу Алкивиаду.

Парень похвастался, что состояние его хозяина, полученное в результате набегов на племена, что обитают на восточной стороне Железных гор, превосходит четыреста талантов. Если это правда, то у Алкивиада скопилось больше, чем имелось в казне Афин, лишенной теперь даже своего неприкосновенного запаса. Спартанцы и персы искали у него расположения, похвалялся юноша, и сам принц Севт жаждет от него одобрения. Мы спросили, каким видом войск он командует. Мы ожидали услышать — пельтасты, нерегулярные части, состоящие из фракийцев, что разбегутся с первым же снегом.

— *Hippotoxotai*, — ответил юноша по-гречески.

Лучники, легкая кавалерия. Услышав такое, мы переглянулись. Отъехав немного дальше, наш проводник оставил нас перед вересковой пустошью. На пространстве, где могли бы разместиться все Афины целиком, был дерн, разбитый копытами коней и замусоренный остатками военного лагеря. Там бродили женщины и собаки, подбирая мусор. Крупные боровы приготовлены для жертвоприношения. Мы видели стойки, перед которыми торжественным маршем проходили войска, и специально выкопанные пруды, где могли напиться тысячи коней.

— *Hippotoxotai*, — повторил юноша.

Мы ехали весь день. Эта часть Фракии безлесная. Здесь растет морозоустойчивый низкорослый кустарник, что цве-

тет поздно. Эти похожие на вереск растения дают довольно вкусные ягоды. По растительному ковру кони могут нестись с большой скоростью, а люди спят на нем младенческим сном, завернувшись в кожаный плащ. Под выступающими неровностями текут торфяные ручьи, такие холодные, что немеют зубы и пальцы. Эти ручьи разделяют территории различных племен. Помыть лошадь на земле другого племени — значит объявить войну. Фактически это они и делают.

Блохи имеются во Фракии в больших количествах, даже зимой. Они везде, где только можно, — от бороды до постели. И от них никак не избавиться, разве что заморозить. Местные низкорослые лошади сильны и выносливы. Они могут не отдыхать целый день и ничего не боятся, кроме разве что приливов. А может быть, соленый вкус воды приводит их в бешенство.

Что касается меня, я высадился на берег в таком мрачном расположении духа, какого никогда у меня прежде не было. Я словно умер и находился в аду. Ничто не может быть хуже. Но место мне понравилось, и я приободрился. Я считаю, что на Алкивиада это тоже подействовало таким образом. Народ здесь бодрый, энергичный. Их боги забавно странные. И женщины. Кочевники возят с собой все, что не хотят терять. Эти искусанные блохами люди перемещаются с сестрами, матерями, дочерьми, женами — и все они искатели приключений на свою голову. Можно подумать, что человек с такой судьбой, как у меня, перестанет интересоваться женщинами. Но такова уж неуправляемая природа того командира, что у нас между ног, что жизнь — или по крайней мере, желание — возвращается. Удивительно. Оказалось, что я опять готов участвовать в кампании. Солдатская жизнь мне подходит. Я смотрел, как фракийка доит суку (они вливают собачье молоко в просо и готовят кашу для детей), и вдруг почувствовал какой-то интерес к ней. Тайна существования заключается в том, что, воспринимая его таким, каково оно есть, мы все же цепляем-

ся за него. И это существование, несмотря ни на что, находит способы оживлять наши опустевшие сердца.

Во Фракии понятия «ветер» и «небо» обозначаются одним словом — *aedor*, именем бога, которое не женское и не мужское, но такое древнее, говорят они, что существовало еще до появления рода человечества. Фракийцы верят, что мир — это не земля, а небо, непреодолимое, вечное. У них есть такой гимн:

До земли и моря было небо,
Уйдут земля и море — останется небо,
И в тебя, человек, *aedor*
Первым входит и выходит последним.

Ветер в укладе жизни фракийцев занимает важное место. Они всегда знают его «курс» или «нос», как они называют ту четверть, откуда он дует. Ни один тяжеловооруженный всадник не может устоять, если ему в лицо будет дуть сильный ветер. Умный человек всегда встанет так, чтобы ветер дул ему в спину. А не очень умный попробует пойти против ветра.

Aedor учитывается при расположении лагеря, при формировании свиты принца. У Севта свита превышала сто человек, и каждый занимал свое место относительно хозяйина относительно иерархии, которая здесь соблюдается так же тщательно, как при персидском дворе. И только один иностранец познал все тонкости фракийского этикета. Надо ли называть его имя?

Мы миновали его прибрежный замок, надеясь увидеть Алкивиада за Холодной рекой, вторым ярусом гор, куда он ушел, как сказал наш проводник, на *salydonis*. Это и охота, и особая церемония, во время которой менее влиятельный владетель присягает на верность более влиятельному. После этого спартанцы — дипломатическая миссия Эндия — должны будут оценить войска, которые соединятся с ними, по предложению Алкивиада и Севта. В течение двух дней мы не встретили никого, даже овечьих пастухов. Шерсть

овец там не метят краской, поскольку правила гостеприимства позволяют любому взять то, что ему надо. Наконец на горизонте появился одинокий всадник. Он находился в тысяче футов над нами и приближался с бесстрашием молодого бога. Всадник зигзагами спускался с гор, а мы поднимались ему навстречу.

Когда принц приблизился, мы поняли, что это девушка — в высоких кожаных сапогах, как у мужчин. Поражали блеск и пышность ее волос. Они сверкали, как мех соболя. Она завязывала волосы узлом на затылке, завитушки шевелились вокруг ее лица.

— Оставайтесь здесь, — приказал нам проводник. — Станьте лицом к ветру.

Он поспешил приветствовать ее. Пешие догнали нас.

— Кто эта ласточка? — поинтересовался Теламон.

— Александра, — ответил наш сопровождающий.

Это была женщина Севта. Не просто его подруга в постели, но супруга и царица. Она не соблаговолила признать существование нашего отряда, а говорила лишь с проводником. Я спросил, путешествуют ли женщины по Фракии в одиночку.

— Кто оскорбит ее, господин, тот станет пищей для ворон.

Нас предупреждали, чтобы мы не смели глазеть на женщину другого мужчины. Но в данном случае это было невозможно. Ее волосы блестели, как шкура куницы, а глаза были под стать и сверкали драгоценными камнями. Ее конь был той же масти, словно она специально подбирала его под цвет волос, как городская женщина выбирает платье, чтобы подчеркнуть оттенок своих глаз или кожи. Казалось, животное тоже чувствует это, так что эти двое, конь и женщина, составляли одно прекрасное и благородное целое, и оба знали об этом.

В тот вечер мы достигли лагеря Алкивиада. Там находились Эндий и высокопоставленные спартанские офицеры. Севта не было — он отправился в набег на кого-то. Алки-

виад возглавлял четыре племени. Тридцать тысяч человек, самая большая армия западнее Персеполя.

На следующий день мы выехали посмотреть учения. Всадники из одрисов и пеониев, пять тысяч человек. Еще десять тысяч скифских лучников и пельтастов. Кадровые офицеры-греки воздвигли фальшивый форт на опорном пункте равнины, по колено покрытой снегом. Там бегала орда диких псов, которая идет по следу фракийских орд и убирает то, что остается после них. Упражнение заключалось в том, чтобы два крыла кавалерии напали с юга, лицом к ветру, а третье при поддержке пехоты — с севера. Почти сразу учение превратилось в кровавое безумие. Фракийцы не понимают, что такое тренировка. Они начали стрелять всерьез, и возмущенным офицерам пришлось разводить их в стороны. У дикарей была только одна цель: удивить владык своей личной смелостью и умением управлять лошадью. Мы увидели несколько всадников, которые, стоя в стременах, на полном скаку бросали колья и топоры. Другие, перегнувшись набок, пускали стрелы из-под шеи лошади. Только чудом удавалось избежать кровопролития. И теперь, когда тренировка была прервана, каждый обитатель здешних болот желал получить обратно свое оружие. Эти головорезы устроили шумный спор, весело переругиваясь и призывая в свидетели всех своих родственников и соплеменников.

Последующая пирушка и массовое совокупление с наступлением темноты не поддается описанию. Вся равнина озарилась кострами. Под барабаны и цимбалы повсюду самозабвенно плясали орущие люди. В этих диких, свободных варваров невозможно было не влюбиться. Но стоило лишь пройти через лагерь, перешагивая через потные, поглощенные любовью пары, как становилось понятным, почему эти самые многочисленные и доблестные воины на земле не оставили на восковой дощечке истории никакого следа. Их собаки — и те были более дисциплинированными.

Вместе с Эндием и Теламоном я возвратился в родилион Алкивиада. Он еще не спал. Эти лачуги из шкур и дерна, круглые, низкие и очень удобные, были вырыты так, что человек спускался туда, словно в барсучью нору. В очаге горит огонь — там уютно даже в метель. Мантитей и Диотим находились там вместе с «Кошачьими глазами» — Дамоном и Несторидом; все закутаны в меха. И еще примерно дюжина офицеров — я их узнал. Хорошие офицеры, с самосского флота.

— Приветствую вас, изгой и пираты! — встретил Алкивиад вошедших.

Разговоры о политике шли всю ночь. Я вздремнул, устроившись между двух собак-медвежатников. Наконец перед самым рассветом разговор прекратился, и Алкивиад, пробираясь сквозь дым, подал мне знак выйти с ним на воздух.

Он знал о смерти моей жены и о том, что меня обвиняют в убийстве. Слова были излишни, да он и не пытался что-либо сказать. Он только шагал рядом со мной по промерзшей земле. Я никогда не испытывал такого трепета — ни в бою, ни в какой-либо передраге, — какой напал на меня в его присутствии. Страшно было разочаровать его. Несмотря ни на какие его промахи. Ты меня понимаешь, Ясон? Его воля была настолько неодолимой, а ум так остер, что требовалось собрать все силы, чтобы держать себя в руках и не выглядеть болваном.

Он показал на людей, спавших вокруг лагеря.

— Что ты думаешь о них?

— В каком смысле?

Он засмеялся. Из его рта вырвался пар.

— Как о воинах. Как об армии.

— Ты можешь быть серьезным?

Мы пошли медленнее, и он начал объяснять. У Афин нет одного, что помогло бы им развить успех на море. У Афин нет кавалерии.

— Ты забыл еще про деньги, — добавил я.

— Кавалерия даст деньги, — резко ответил Алкивиад. — Подай мне Сарды, и я начеканю монет достаточно, чтобы дойти до Суз и встать лагерем перед Персеполем.

Теперь засмеялся и я.

— И кто же обучит эти необузданные орды?

— Ты, конечно, — он положил руку мне на плечо. — И твой товарищ Теламон, и другие греческие и македонские офицеры, которые уже здесь и которые еще придут.

Мы взобрались на вершину, откуда на расстоянии сорока миль можно было видеть сверкающую гладь моря. Алкивиад сказал, что за Эгейское море боролись две силы: Афины и Персия со Спартой.

— Есть и третья сила — и непреодолимая. Какой народ по численности превосходит фракийцев? Кто более воинствен? У кого больше лошадей? Кто может ударить молниеноснее? Все это есть у Фракии. У нее нет только...

— Тебя.

Третья сила вместе с одной из двух должна обеспечивать равновесие, объявил Алкивиад. Сейчас он вел тайные переговоры с персом Тиссаферном, которому подрезал крылья Кир. Тиссаферн горел желанием отомстить молодому царевичу.

— Тиссаферн ненавидит Лисандра и затаил злобу на корону, против которой должен выступить Кир — само собой разумеется, как только умрет царь Дарий. Вот почему принц кутается в плащ Лисандра. Но его план не осуществится. Спартанцы могут брать золото персов, но сами персы никогда не станут служить им. Вот глоток, который не вошьет им в глотку даже Лисандр. Эндий затаил обиду на него за то, что тот оставил его ради Агиса. Никто не может ничего начать без Афин, без меня. Кишка тонка прикрикнуть на Лакедемон. Каждый по своей причине вынужден искать третью силу. Или, если ее не существует, придумать ее.

Но как же Алкивиад привлечет Афины?

— Этот мост был сожжен уже дважды, Алкивиад. Демос никогда не согласится на такой режим, во главе которого будешь ты.

Он ответил не сразу. Оглядел лагерь, где оруженосцы начали подниматься с замерзшей земли и вытряхивать снег из палатки своего хозяина, а конюхи, грея руки в покрывающей грудь овечьей шерсти, задавали корм лошадям и транспортным животным. Поднялась какофония ржания и ослиных криков. Для воина это то же самое, что петушиное пение для крестьянина.

Любой другой, глядя на этот гиперборийский стадиум, мог бы предъявить претензии судьбе, которая завела его, после двадцати шести лет войны, в эти голые места и забросила так далеко от цивилизации. Фракийцы были для Алкивиада настолько чужим народом, что он казался посреди этих дикарей чем-то неправдоподобным. Однако то место, на котором он стоял, всегда было и должно оставаться центром вселенной. Точкой, где проходит ось мироздания.

— В Афинах нужды нет. Я перетяну на свою сторону лучших афинян, по одному — как тебя, например. Посмотри туда, на этот лагерь. Я уже могу утверждать, что у меня лучшие в мире морские пехотинцы, самые храбрые кавалеристы, самые умелые корабельные плотники. А матросов купим на деньги. Из бревен Севта построим корабли.

— Да, если ты сможешь управлять им.

— Севт умен, Поммо, но он дикарь и ужасно боится меня. Там, где я прошел войной, следует цепь всяких предприятий. Сейчас эта цепь привела меня во Фракию. Я подчиню ее. Севт не может сделать этого один, и он знает это. Пока последнее обстоятельство поддерживает мое влияние. Армия может быть фракийской, Севтовой, но заметь, кому она будет подчиняться.

Он снова показал на просыпающийся лагерь.

— Алкивиад!

— Командир!

Фракийцы приветствовали Алкивиада. Офицеры верхом спешили к нему. Пешие прибавили шагу. Все желали получить его приказания.

— Мы возьмем пролив,— продолжал Алкивиад, имея в виду Геллеспонт у Византия, который он уже захватил с десятой частью этих войск.— Но неотрежем пути транспортировки зерна для Афин и не потребуем концессий. Наоборот, мы будем снабжать Афины зерном, когда захотим.

Я понимал, что он делает это и что я должен быть с ним. Но кто удержит этих дикарей, которые преклоняются перед ветром, приходят и уходят, когда им вздумается?

— Даже ты, Алкивиад, не столь тщеславен, чтобы вообразить, что они будут тебе верны.

Он посмотрел на меня, скривив губы.

— Ты разочаровал меня, старина. Неужели ты так же слеп, как эти фракийцы, и не видишь того, что перед тобой, того, что смотрит прямо тебе в лицо?

И что же это такое?

— Их собственное величие.

Алкивиад хотел сказать, что фракийцы с его помощью достигнут величия.

— Они останутся со мной не ради меня, Поммо, а ради себя. Ибо их страна — как орел, который парит на краю скалы, не решаясь оторваться и подняться еще выше. Я дам им эту смелость. И когда они овладеют ею, клянусь всеми богами, подвиги, которые они совершат, перевернут весь мир.

Ты слышал, Ясон, как говорили, будто Алкивиад сошел с ума или одичал. Люди утверждали, что он по ночам пляшет под музыку цимбал и тимпанов. Вино, которое он пил неразбавленным, лишило его ума. Я сам видел его коня, привязанного в ольховых зарослях рядом с конем Александры. Достоверно известно, что Севт начал отдаляться от него, а потом даже стал относиться к нему враждебно. Афины без зазрения совести обихаживали этого принца, гарантируя афинское гражданство его сыновьям и направляя к нему поэтов, музыкантов, даже парикмахеров. Гово-

рили, что в речах Алкивиада проскальзывали такие странности, как «алхимия одобрения» и «равнина посредничества». Последнее, утверждал он, означает поле, на котором смешиваются и общаются боги и смертные. Он обещал править, командуя мифами, и определил свою философию как «политику arete».

Он начал говорить о себе в третьем лице и считал, что в нем поселился дух божества. По обе стороны от него обычно сидели заклинатели и маги. Он объявил, что можно остановить солнце. Некоторые рассказывали, что Алкивиад увечил свою плоть, относясь к ней с презрением, как к вещи, которую можно выбросить. Я не раз видел, как он всю ночь молился Гекате и Необходимости. Говорят, Тимандра была его наставницей в этом «отклонении», она сама — демон, порождение Тартара, а не женщина. Попав к ней в рабство, утверждали люди, Алкивиад лишил всех своего общества и созвал гадателей, чтобы предсказывать появление призраков. Однажды он объявил, что может летать — и что он летал во Фтиотиду на крыльях и разговаривал там с Нестором и Ахиллом.

Весной он послал меня в Македонию достать мачтовый и корабельный лес. Там я случайно встретился с Береникой, лагерной женой Лиона. Хвала небесам, она была теперь под защитой — замужем за возницей. После Сиракуз она перенесла невыносимые страдания, но, несмотря на это, сохранила записи Лиона. Она отдала их мне вместе с сундучком — тем самым, в котором они лежат и сейчас. Этот сундучок сделал ее муж. Супруг Береники мне понравился. Как и его предшественник, он явился для нее неожиданной опорой. Раньше он работал на юге, тайно перевоза товары из Аттики. Афинские стратеги припрятавали движимое имущество, сообщил он, так как уверены в скором наступлении краха.

Я все еще находился в Пелле, в Македонии, когда пришло сообщение о полном поражении Афин при Эгоспотамах.

Еще до сражения, после того как Лисандр занял Лампсак и выстроил свои двести десять военных кораблей в проливе против ста восьмидесяти Конона, из своего замка на берег спустился Алкивиад. Говорят, он был одет в лисьи шкуры, а распущенные волосы падали до середины спины. Сорок всадников одрисов, одетых еще более дикарски, чем он, были его телохранителями. Он обещал, что приведет пять тысяч кавалерии и ударит по Лисандру на суше, если афинские навархи согласятся перевезти их. Он вернет Афинам Лампсак, ничего не прося взамен. Но афиняне отказали Алкивиаду.

— Ты здесь больше не командуешь, Алкивиад.

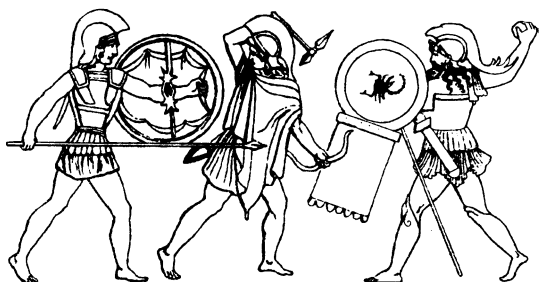
Так ответил ему полководец Филокл, тот самый негодяй, в чье понятие о воинской чести легко вошло предложение отрубить руку каждому пленному моряку. Оно позорно прошло в Афинском Народном собрании.

Таким образом, Алкивиад в третий и последний раз был изгнан из общества своих соотечественников. Через шестнадцать месяцев, когда группа его убийц выследила Алкивиада на этом же берегу, Эндий с сожалением заметил, что психическое расстройство одновременно было и проклятием, и гением Алкивиада, который сопровождало его всю жизнь.

— Государства для него слишком ничтожны. Его представление о себе превосходит статус государства. Все они — карлики в его глазах, если не последуют за ним прочь от пропасти, в которой находится мир. Он, конечно, прав, вот почему его надо убрать. Ибо его видение — это будущее, которого без принуждения не сможет стерпеть настоящее, ни теперь, ни когда-либо потом.

Глава XLIX

ЭГОСПОТАМЫ

Теперь рассказ пойдет о поражении, которое положило конец нашему государству. Эту битву можно сравнить с большим пожаром. Ход сражения колебался от поражения к победе, результат был неизвестен до последнего часа. Как тебе известно, о грядущем крахе Афин все знали уже за несколько лет до того, как это случилось.

Отдадим должное Лисандру. Эта победа, конечно лишена чести, все же была добыта мастерством, хитростью и выдержкой. Были проявлены дисциплина, самообладание, проницательность, точная оценка слабостей противника.

Лисандр ждал долго, пока плод созреет. И вот плод упал. Никто не может отнять у него того, что он завоевал для своей страны и ее ликующих союзников. Ведь никто иной не оказался способным достигнуть цели через трижды по девять лет войны.

Я оставался во Фракии бóльшую часть зимы — до сражения. Мы слышали об агентах Лисандра, захвативших Милет. Там были уничтожены все демократы. Сам он взял Иас

в Карию, союзника Афин. В Иасе были казнены все мужчины призывного возраста, женщины и дети проданы в рабство; город сровняли с землей.

Во время этой последней зимы Алкивиад перенес тяжелое падение с лошади. Несколько месяцев он не мог ходить. Необходимость подняться с кресла заставляла его бледнеть от боли. Дикие народы не умеют ждать. Медок забрал свою армию и покинул лагерь. Севт последовал за ним. Принц, который должен был ненавидеть Алкивиада за его связь с Александрой, оказался самым его стойким сторонником. Алкивиада несли на носилках до Пактии. Севт послал ему сокольничего, животных для жертвоприношений, своего врача. Он дал ему пять городов, чтобы у него были еда и все необходимое. Когда его спросили, чего ему не хватает для поддержания духа, Алкивиад попросил три полка, которыми будут командовать Мантитей, молодой Друз и Канокл. Он сам обучил эти полки, сделал их подвижными. Такого рода войск до сих пор не знали. Они умели грести и сражаться как тяжеловооруженные пехотинцы. Каждый нес на себе припасы и все вооружение, он не зависел ни от оруженосца, ни от продовольственного снабжения. Когда Медок высмеял эти элитные части за их малочисленность, Алкивиад объявил, что через месяц утроит их ряды, не потратив при этом ни монеты. Он просто одел своих людей в цвета войны и направил через Железные горы. Местных юношей настолько привлекло великолепие их одежды, что войско Алкивиада увеличилось на десять тысяч — и еще столько же он был вынужден отправить по домам.

Наконец весной его спине стало лучше. Алкивиад мог уже ездить верхом. Фракийские племена собираются на праздник, когда восходит звезда Арктур. На этом празднике Алкивиад принял участие в скачках и победил. Ему было сорок шесть. Я считаю, что победа вернула его в прежнее состояние.

Лисандр захватил Лампсак, расположенный так близко через пролив, что в ясный день его было видно. Теперь к береговой полосе ниже замка Алкивиада, по воле превратной судьбы, прибыл последний флот. Им командовали Конон, Адимант, Менандр, Филокл, Тидей и Кефисодот.

Рассказ Полемида об этом сражении был, конечно, неполным, поскольку его самого там не было. В это время он находился в Македонии — добывал лес для строительства кораблей. К тому же он рассказывал об этом мне, уже знавшему о последствиях. Для тебя же, внук, я продолжу и расскажу о том, что пропустил мой подзащитный.

Эгоспотамы лежат как раз по другую сторону Геллеспонта, если смотреть из Лампсака. Это не гавань, скорее якорная стоянка. Имеются два селения, рынка нет. Дуют постоянные сильные северо-восточные ветры. Почти рядом с береговой полосой на море всегда сильное волнение, что затрудняет как выход в море, так и высадку на берег, поскольку корабли должны подходить к берегу кормой вперед. Сама прибрежная полоса превышает два километра. Это обеспечивает пространство для кораблей и примерно для тридцати тысяч воинов. Однако для того, чтобы обеспечить себе обед, приходится ходить пешком четыре-пять миль до Сеста. В Эгоспотاماх хорошая вода — если не считать периода приливов, когда потоки становятся солеными. И тогда следует забираться в глубь материка еще на четверть мили, чтобы достать пресной воды. Казалось безрассудством разбить лагерь в этом негостеприимном месте, особенно если учесть, что рядом находится Сест — союзный город. И все же удалиться туда — на чем настаивали многие, включая Алкивиада, — означало бы уступить Лампсак врагу. А этого,

памятуя судьбу своих предшественников после Аргинусов, стратеги сделать не посмели. Командирам не терпелось заставить Лисандра принять бой. Каковы бы ни были условия Эгоспотам, они, по крайней мере, расположены как раз напротив врага. Лисандр не мог улизнуть. Рано или поздно он должен выйти и ввязаться в бой.

Вот письменные показания моего давнего товарища Синяка, который был на борту «Ипполиты». Эти показания были записаны во время последующего расследования, проведенного советом.

Он спустился из своего замка на горе. Мы все окружили его. Да, это был Алкивиад, только одетый, как дикарь. Вы же знаете, он всегда носит одежду тех, с кем спит. Стратеги не позволили ему обратиться к войску, но каждое слово из сказанного им разлетелось по всему лагерю, словно искры. Он не сказал ничего такого, чего люди не слышали уже много раз. Что это место смертельная ловушка. Идите в Сест, вы уязвимы, сказал он. Вы рассеялись на многие мили в поисках жратвы. Что, если Лисандр нападет? Но мы не могли уйти, иначе Лисандр удерет. Что дальше — известно. Из Афин придет «Саламиния», отзывая стратегов домой. Мы все знали, чем это кончится.

Алкивиад привез еду, но стратеги не разрешили людям брать ее. Он обещал обеспечить рынок и кормить нас бесплатно за пределами страны. У него есть фракийцы, сказал он, десять тысяч. Элитные солдаты, обученные как пехотинцы, кавалеристы и моряки. Севт и Медок на подходе. Это еще пятьдесят тысяч. Он передаст их под командование Афин. Сам он не будет принимать участия.

Если афиняне не возьмут его войска, тогда пусть дадут ему один корабль. Алкивиад согласен служить при любом командире, кого они назначат. Но они не согласились и на это. Позволить Алкивиаду откусить кусочек — значит отдать ему весь сыр. Побьют Лисандра — и вся слава достанется ему. Потерпят поражение — и все дерьмо свалится на нас. Как могли стратеги согласиться на такое? Их

казнят в ту самую минуту, как только они ступят на землю Аттики.

Он предложил служить не как капитан корабля, а как простой элибат, морской пехотинец. Они выгнали его из лагеря. Он был слишком велик, понимаете? Все они рядом с ним — карлики. Они были правы. В глазах командиров Алкивиад был худшим врагом Афин. Они боялись его больше, чем Лисандра.

Четыре рассвета Лисандр стягивал силы в проливе, готовясь к сражению. Четыре дня афинский флот стоял напротив. Каждый полдень Лисандр отбывал в Лампсак. Каждый полдень афиняне удалялись в Эгоспотамы. Каждый день нашим людям приходилось расходиться в поисках пищи, а люди Лисандра, за спиной которых был город, постоянно оставались у него под рукой, они не удалялись от кораблей. На пятый полдень Лисандр продолжил то же самое. Он выстраивал флот, распускал. Флот Афин делал то же самое. Но в этот день, когда наши моряки опять отправились за провизией...

Они нагрянули на нас, невооруженных, как гром среди ясного неба, — двести десять военных кораблей, сорок две тысячи войска. Не мне говорить вам, что у нас не было шанса. Существует лишь один способ погрузиться на борт триремы — взводами, по очереди. Но как это сделать, когда команды рассеяны по всему берегу на четыре мили, затеряны среди ракушек и гальки? «Ипполита» отплыла с одним лишь ярусом гребцов. «Пантия» и «Безжалостный» на флангах не собрали даже этого. Мы побежали к кораблю. Они продырявили корабль. И нос, и корму. Кто был в воде, был мертв. С остальными спартанцы расправились на берегу.

Этому учил их Лисандр. Они знали ландшафт и отрезали от нас каждый ручей, каждый выход. Их корабли зацепили «кошками» наши и увели их. Лисандр — хитрец. Никакой тяжелой пехоты, которая застряла бы в песках, только пельтасты и копьеносцы. Они не нападали без-

думно. Они строились отрядами и рыскали по полю, как собаки. Оглянешься — и видишь их везде.

Он захватил двадцать тысяч человек, этот Лисандр. Продав островитян и рабов, оставив только афинских граждан.

Их привезли в Лампсак как пленных, представили перед трибуналом и казнили до последнего — как угнетателей Греции. Ко времени расследования Совета в Пирей стали прибывать галеры с телами. Лисандр вернул Афинам трупы их сыновей, чтобы никто не мог обвинить его в непочтительности. Но скорее для того, чтобы глубже ранить сердце Афин. Ибо хотя город больше не имел флота и людей, способных служить на кораблях, все же многие поклялись сопротивляться до конца. Если потребуется — отбиваться кирпичами и камнями с высоты Акрополя. Они скорее бросятся вниз, чем подчинятся врагу.

Лисандр привез тела убитых голыми, чтобы нельзя было узнать их по одежде. Это было сделано для того, чтобы тела командиров ничем не выделялись среди общей массы. И люди, чтобы отыскать своих сыновей и мужей, вынуждены были ходить среди рядов павших, заглядывая в каждое лицо. Этим испытанием Лисандр хотел устрашить афинян. Вот к чему привело их демонстративное неповиновение. Это должно отбить у них охоту сопротивляться.

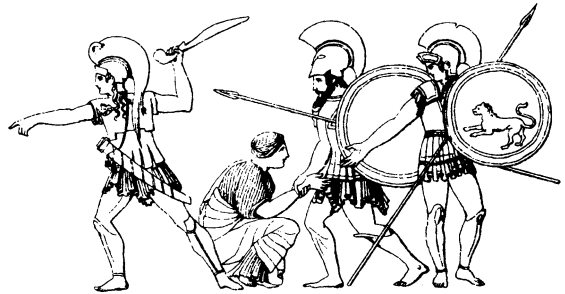
В войска Лисандра входили теперь части со всей Греции при поддержке золота Кира. Армия Агиса осадила Афины, флот Лисандра заблокировал их с моря.

Шестнадцатого мунихиона, того самого числа и месяца, когда Афины и их союзники у Саламина спасли Грецию от персидской тирании, армада Лисандра, не встретив сопротивления, вошла в порт Пирей. Партия, возглавляемая Фераменом, сдала город. Два батальона тяжелой пехоты из Фив захватили Ареопаг и ликвидировали все правительственные должности. Коринфский отряд сдался в центральной части города. Солдаты из Элиды, Олинфа, Потидеи и Сикиона сломали ворота и стали крушить укрепления

порта Пирей. Другие — из Эниад, Митилены и Хиоса, теперь освобожденные от власти афинской империи, под музыку флейтисток сносили Длинные стены. Спартанские и пелопоннесские морские пехотинцы, в том числе *brasidioi*, освобожденные илоты, неодамы под командованием Пантокла, овладели Акрополем. Они принесли жертву Афине Нике и разбили лагерь на камнях между Эрейтейоном и Парфеноном. Лакедемонские морские пехотинцы и наемники из Македонии, Этолии и Аркадии завладели Круглой палатой и местом сбора Народного собрания на холме Пникс. Среди них был и Полемид, одетый в красное.

НА ПОВОРОТЕ ДОРОГИ

Моя тетя, — возобновил рассказ Полемид, — несмотря на ее презрение к моему поведению и ко мне, не препятствовала мне погрузить ее вещи на тележку, а ее самое водрузить на сиденье возницы. Она переехала в Ахарны вместе со мной, чтобы жить в усадьбе «У поворота дороги». В городе царила тирания. Тридцать, как их называли, поддерживаемые гарнизоном спартанцев, укрепили свою власть посредством судов и актов террора. Неоднократно я пытался убедить бывшую жену моего брата и его детей уехать с нами, но Теоноя была городской женщиной и ехать не хотела. В течение двух месяцев моя тетя и я составляли друг другу компанию. Я занимался землей, а она готовила, стирала, штопала, управлялась с хозяйством без слуг — как прежде управляла делами своего мужа.

Беззаконие, творившееся в городе, наконец убедило мою свояченицу уехать. Она явилась к нам первого гекатомбэона, в день рождения Лиона, со своей дочерью — моей племянницей — и ее двумя детьми (молодой муж племянницы служил на флоте). Ее сын, мой пле-

мянник, скрылся. Ему было девятнадцать. Он поклялся никогда не примириться с завоевателями родины. Теоноя привезла с собой также мальчика девяти лет и девочку семи лет — от второго мужа. Он плавал на торговом судне и погиб во время одного из сражений. Эвнику я проследил до Акты, где она снимала себе помещение. Она не позволила мне видиться с детьми. Боялась моего влияния на мальчика.

Демократия в городе была отменена, население лишено избирательных прав и разоружено. Подготавливалась новая конституция. Во всяком случае, так уверяли Тридцать. Прошло несколько месяцев, но не появилось ни одной статьи нового закона. Вместо этого возникли списки. Стоило твоему имени мелькнуть в таком списке — и тебя больше никто уже не видел.

Всенародно избираемый исполнительный орган, коллегия десяти стратегов, больше не существовал. Ареопаг не созывался. Уехавшие были возвращены домой. Имеются в виду те, кто был выслан раньше как враги демократии. Теперь они входили в состав Тридцати или являлись их агентами. Суды для гражданских исков простого народа были отменены. Когда они снова открылись, то превратились в машину преследования. Как это происходит при любой тирании, законность обвинения была расширена до права преимущества. Человека можно казнить не только за содеянное, но и за то, что он мог бы совершить. Привлекали к суду не только за политику. Тридцать охотились за всеми, у кого водились деньги. Пошлину определили в полторы тысячи. Заплатил — и можешь излагать свое дело. Тех демократов, которым удалось избежать казни, отправляли на службу к Лисандру, на передовую. Единственной хорошей вещью было то, что всех *sykophantai* перебили.

Однажды к нам в поместье «У поворота дороги» приехал Теламон. Привез вино и поджаренный ячмень. Мы были рады его видеть. Я спросил его, чем он займется те-

перь, когда война закончилась. Он засмеялся. Война никогда не закончится.

Он приехал вербовать меня. Не к какому-то определенному нанимателю. Просто опять бродить в поисках работы. Конечно, я чувствовал, что мое занятие землей уже подходит к концу. Рано или поздно Спарта должна будет снять каблук с горла Афин. Демократия возродится. Такие ласточки, как я, которые устроились под крышей победителя, окажутся опять на улице, во власти шторма. Нас либо убьют соседи, либо казнят власти, соблюдая законность. Теламон заметил, что мне повезло: все мои родственники — женщины или дети. Но судьба возьмет свой реванш: демос оставит эти невинные души без пригляда.

Пока мой наставник в солдатском ремесле говорил, я смотрел на него. Как молодо он выглядел! Казалось, он ни на месяц не постарел после двадцати семи лет войны.

— Открой нам секрет твоего бессмертия!

Я знал, что он прочтет мне лекцию о пороках. Для него существовали три омерзительных порока: страх, надежда и любовь к родине. Но больше всего презирал он одно: размышления о прошлом и будущем. Это оскорбление природы, сказал Теламон, поскольку подобные мысли привязывают человека к сильным желаниям. А ведь итог всех стремлений уже подведен, суд уже произведен, и производился он над землей и под землей, и смертные не могут ни изменить, ни предугадать результата. У Алкивиада были эти недостатки, сказал мой товарищ, Алкивиад виновен еще в одном нарушении закона небес.

Алкивиад воспринимал войну как средство достижения цели. Фактически это был конец. Наш командир почитал лишь Необходимость, Теламон же служит божеству более примитивному.

— Ее зовут Эрис. Борьба. Все появляется через борьбу, друг мой, даже мы, когда покидаем материнское лоно. Посмотри на соколов на охоте. Они служат этой богине. И даже эти сорные травы под нашими ногами, чьи корни сра-

жаются за место под землей. Борьба есть старейшая и самая священная основа жизни. Ты дразнишь меня, друг мой, говоря, что я не старею. Если это так, то потому, что я подчиняюсь Борьбе, этой даме, одновременно древней, как земля, и юной, как завтрашний рассвет.

Я улыбнулся:

— Знаешь ли ты, сколько раз я слышал эту проповедь?

— И все равно ты ничему не учишься.

Война, развязанная лишь с целью добиться преимущества, всегда заканчивается крахом. И все же нельзя отказаться от войны. Война постоянна, как смена сезонов, она вечна, как приливы.

— Ты думаешь, что мир, которого ты взыскуешь, Поммо, лучше, чем этот? Ты воображаешь, как Алкивиад, будто ты или Афины можете поднять себя в какую-то более высокую сферу? Этот мир — единственный, который существует. Изучи его законы и подчинись им. Вот единственно правильная философия.

Вероятно, для него это так. Но я еще не готов был взять солдатский мешок, вечный спутник наемника, и записаться в отряды богини Борьбы, отринув надежду.

Я остался.

Как презирала меня моя тетка! Однажды мы вместе с ней занимались окотом. Босые, в фартуках.

— Не воображай, что это твоя заслуга — спасти нас. Мы все равно были бы здесь. Обошлись бы и без твоего заступничества.

— Спасибо, дорогая.

За столом она взяла на себя роль патриарха, от которой я отказался. С этого возвышения тетка убедительно читала наставления невинным душам, прививая им любовь к свободе и неприятие тирании. Я знал, каким отчаянием наполнилось ее сердце патриотки, когда однажды в ее разглагольствования проникло имя Алкивиада.

— Клянусь священными Близнецами, ни у кого, кроме него, не хватит сил воскресить государство.

На сельских рынках можно было подслушать в те дни подобные высказывания. Лесники выспрашивали у городских торговцев, жив ли еще Алкивиад. Неужели мы навсегда выгнали его из Афин, так бездумно отрекшись от великого человека?

Для меня это было сумасшествием. Ведь теперь он перешел к персам. Одним богам известно, в какие одежды он теперь рядится, какие небылицы плетет, чтобы сохранить свою шкуру. Пусть Афины с ее невозделанными, уставшими землями приведут в порядок собственные резервы. Оставим все как есть! Оставим и его!

Однажды я с племянником и виноторговцем из соседнего имения, что располагалось за холмом, поехал в порт. Въехав в гору у Бутада, мы увидели городские стены, нетронутые, такие же внушительные, как всегда. Потом повернули возле Академии, где соединялись Транспортная дорога и Северная стена.

От стены ничего не осталось.

Квартал западнее Мелиты был уничтожен — насколько видел глаз. Мы проехали мимо Маронеи, выработанных серебряных рудников, откуда были вывалены кирпичи и камни. Ямы были настолько глубокими, что там можно было похоронить флот. В известном смысле именно это и произошло. Когда мы проезжали мимо того места, где стены соединяли город с портом, было видно все вокруг — настолько тщательно все снесли. Я думал, ничто не сможет меня больше потрясти, но при открывшейся картине у меня застыло сердце. Мой попутчик, виноторговец, заплакал.

Тетя Дафна умерла двадцать третьего боедромиона, в последний день Мистерий.

Как раз тогда появился мой сын. Он делал это уже не впервой, убегая от Эвники. Я должен вернуть его ей, но пусть он пока останется. Он помог мне на похоронах старушки. Мы спели гимн по усопшим. Впервые в нашей семье мы пели его женщине. Она заслужила это.

Несколько дней спустя в поместье явилась группа представителей власти из города. Я возвращался с полей и увидел их первым. Бежать? К чему? Они привезли меня в город, в какой-то дом, покинутый всеми, в двух кварталах от Священной дороги. Окна заложены кирпичом, мебели нет. Там, где был очаг, лежал камень, темный от крови.

Меня привели в заднюю комнату. Там находились вооруженные люди. За дощатым столом сидели двое неизвестных. По манере держаться я догадался — чиновники Тридцати.

— Твое имя имеется в списке, — заявил тот, что был выше ростом.

— В каком списке?

Он пожал плечами.

Тот, что поменьше ростом, подал мне через стол два документа и спросил, какой ему подписать: свидетельство о моей смерти или предоставление афинского гражданства моему сыну и дочери.

— Мы хотим, чтобы ты выполнил для нас одну работу.

Прежде чем кто-то из них промолвил хоть слово, я уже знал, что это будет за работа.

— Я называл его своим другом, — сказал я, — и последней надеждой нашей страны.

За боковой дверью послышался какой-то звук. Я обернулся. В проеме стоял Теламон в одежде воина.

— Поэтому ты и должен его убить, — сказал тот, что был повыше.

Глава LI
СМЕРТЬ
НА ОЛЕНЬЕЙ ГОРЕ

Алкивиад бежал из Фракии морем в Фокею, направляясь на восток. Персия велика, но там мало дорог. Нетрудно догнать человека, напав на его след. Из Смирны можно добраться до Сард за два дня. Еще три дня — и ты в Лидии, в Кидраре. Еще день — и во фригийских Колоссах и Анаве. Придорожные дома, таверны, стоят в конце любой дороги. Через каждые пять дней пути находишь гостиницу. По обычаю той страны, там следует отдохнуть два дня. О местонахождении Алкивиада сообщали. Он путешествовал со своей любовницей Тимандрой и группой наемников. Их было меньше пяти. Это была вся его охрана.

Другие тоже охотились за ним. Дарий Персидский умер той весной, ему наследовал его сын Артаксеркс. Алкивиад, зная, что афинские Тридцать Тиранов давят на Лисандра, дабы тот обеспечил конец их соотечественника, обратился к сатрапу Фарнабазу, которого побеждал много раз. Теперь Алкивиад предлагал ему дружбу. Алкивиад хотел предоставить свои услуги персидскому трону. У него была информация относительно определенной

опасности, а именно — насчет принца Кира, подстрекаемого Лисандром. Больше не интересуясь Афинами, Кир может развернуться на сто восемьдесят градусов и начать добиваться персидского трона для себя. Алкивиад мог быть очень полезен царю в этой кампании. Как Алкивиад уверял Фарнабаза, в его силах существенно улучшить положение сатрапа. Ослепленный своим новым другом, Фарнабаз обеспечил его эскортом и послал во внутренние районы страны. Именно тогда прибыли посланники из Спарты. Они сообщили персу, что если он не хочет навлечь на себя гнев Лисандра, не говоря уже о полномасштабной войне, то не станет больше оказывать гостеприимства человеку, который является угрозой господству Спарты в Греции. Этот человек до сих пор жив. Фарнабазу не обязательно слышать музыку, чтобы понять, когда пора танцевать. Он послал всадников, чтобы нагнать и убить Алкивиада. Алкивиаду удалось уйти, убив нескольких. Исчезли и он сам, и его солдаты.

Вторая группа преследователей вышла из Даскилия. Ее возглавляли Сузамитра и Магей, родственники и доверенные лица Фарнабаза. Именно в эту группу вошли мы с Теламоном. Это произошло в Каллатебе. Эндий вместе с двумя спартанскими аристократами сопровождал убийц по приказу Лисандра, чтобы засвидетельствовать смерть Алкивиада.

Его выследили на пути в Келены. Мы поспешили в Мукер и к Каменным курганам, под которыми, как говорят, птица Феникс отложила два яйца. Птенцы вылупятся, когда род человеческий укротит свое беспокойное сердце. Убийцы обшаривали дорогу. Как нам сказали, голову Алкивиада оценили в десять тысяч дариков золотом. Другие называли сумму в сто тысяч. Между Канами и Утрешем городов нет, есть лишь этапный пункт, «курятник», который называют «Отходы». Здесь мы встретили пятерых братьев одрисов, которые также преследовали Алкивиада. У моей лошади случился абсцесс, очень болезненный. Один

из братьев умел обращаться с ланцетом. Он оказал помощь и не взял денег. Я отвел его в сторону, чтобы поговорить.

Алкивиад надругался над его сестрой. Девушка покончила с собой. Такое оскорбление на языке фракийцев носит название *atame*. Оно может быть смыто только кровью. Братья сказали, что преследуют его уже больше десяти дней. Он движется на восток. Они поклялись, что мы перегнали свою жертву, и помчались в обратном направлении. В ту ночь самый младший из братьев покинул их. Наши проводники сообщили нам, что ни один одрис не имеет права на кровную месть без дозволения своего владыки — в данном случае Севта.

Таким образом, Алкивиада изгнали из Спарты, Афин, Персии и Фракии.

Мы продолжили путь. Между мною и Эндием возникла странная связь. Такое случается, когда долго путешествуешь в компании. Целыми днями все ехали плечом к плечу, не разговаривая и даже не глядя на соседа, и все же каждый чувствовал настроение другого, и озабоченность одного передавалась всем. В лагере Эндий держался рядом со своими спартанцами, а потом, с наступлением утра, снова пристраивался ко мне.

— Ты действительно убьешь его, Полемид? — спросил он однажды днем. Это были его первые слова за весь день.

— А ты?

— Я благодарю богов за то, что не мне выпало это сделать.

Из всей группы только он и я, казалось, сознавали чудовищность предстоящего. На другой день он опять ехал рядом со мной.

— Если ты поскачешь вперед, чтобы предупредить его, я тебя убью.

Я поинтересовался, от чьего имени он грозит: от собственного или же от лица всей Спарты. К моему удивлению, он заплакал.

— Клянусь богами, какая катастрофа!

И он, в слезах, пришпорил коня.

Есть во Фригии, в округе Мелисса, там, где дорога из Эфеса в Метрополь ведет на восток, место, называемое Элафобон, Оленья гора. Очень красивое от природы и облагороженное человеком. Участок дороги от деревни Антара, отлично проложенной и ухоженной, — один из самых красивых в мире. Став вечером лагерем на этом месте, я вдруг ясно представил себе, что же мне предстоит сделать. Я не мог совершить это убийство. Этой ночью я убегу, никому ничего не сказав, даже Теламону, чтобы его не посчитали соучастником. А как же мои дети? Что я сделаю с ними? Обреку их на бродяжничество вместе с собой? Но я принял решение и даже начал перекладывать свои вещи из общей кучи на лошадь, когда в долине что-то случилось.

Там горело чье-то поместье. К нам в ужасе бежали люди. Мы увидели мальчика — самого юного из пяти братьев одрисов. Задыхаясь, он спешился и рассказал нам, что их группа поспешила обратно, с запада на восток, когда снова напала на след своей жертвы. Ночью они обошли наш лагерь, чтобы опередить нас.

— Etoskit Alkibiad! — кричал юноша, показывая на пламя. — Алкивиад взят!

Все вскочили на коней и понеслись галопом — к ужасу животных и нашему тоже, потому что вся земля была утыкана шестами для посадки винограда и изрыта канавками и ямами. Показался дом. Очевидно, братья окружили его в темноте, обложили хворостом и подожгли. Дом горел ярким пламенем. Несомненно, пожар заставил преследуемого вскочить с постели. Он оказался открыт, как на ладони, и преследователи без труда выстрелили в него. Я не переставая терзал пятками бока моей лошади. Мы ворвались на территорию поместья. Алкивиада не было видно — его закрывала стена палисадника, и мы увидели только братьев. Двое были верхом у ворот. Они пускали зажженные стрелы. Трое других заняли позиции на стене и за

нею. Они метали копья и дротики. Волосы и одежда братьев дымились.

Я въехал во двор первым. Жара стояла невыносимая. Лошадь моя заартачилась и стала крутиться на месте. Я спрыгнул на землю.

Теперь я увидел Алкивиада. Он был голый. У него были только щит и короткий спартанский меч. Спина его обуглилась, щит был утыкан наконечниками копий и стрел. Женщина, Тимандра, лежала распластавшись у его ног. Она покрылась ковром или какой-то тяжелой одеждой, чтобы защитить от огня.

Когда мы с ревом влетели во двор, братья одрисы не остановились. Они принялись еще яростнее метать стрелы и копья, крича на своем дикарском языке, что награда — их, что они убьют любого, кто попробует отнять ее у них. Спартанцы и персы быстро их уgomонили.

Эндий, Теламон и я бросились к воротам. Первыми были спартанцы. Они схватили женщину и попытались унести ее со двора. Она цеплялась за ноги своего любовника, что-то выкрикивая, — мы не слышали что. Теламон и я, прикрывая лица плащами, вбежали следом. Алкивиад повернулся на звук, словно готовый атаковать, но повалился, как падает мертвец, не вытянув руки, чтобы ослабить удар, но прямо лицом вперед. Со стуком упал щит, а затем на щит рухнул и он, все еще держа руку под ремнем. Голова его ударилась о щит, как о камень. Никогда я не видел, чтобы в человеческом теле было так много стрел.

Мы вынесли его из этого ада. Я усадил его, прислонив к дальнему концу стены. Я не сомневался в том, что он мертв. Наверное, я утратил рассудок. Я не хотел, чтобы эти негодяи увидели свою жертву, валяющуюся в пыли.

Но он был жив и захотел подняться. Он позвал Тимандру с такой болью в голосе, какой я никогда у него не слышал. Она отозвалась так же печально. Эндий нес ее на руках. Алкивиад успокоился, поняв, что она жива. Рука его схватила меня за волосы.

— Кто это? — крикнул он.

Он ослеп. Пламя наполовину сожгло его лицо. Я назвал себя. Он не расслышал. Я громко крикнул ему в ухо свое имя. Я был в таком отчаянии, какого не выразишь словами. Сзади шумели фракийцы, требуя свою награду. Дом рушился частями. Я снова заорал в ухо Алкивиаду. На этот раз он услышал. Его пальцы впились в меня, как когти грифона.

— Еще кто?

Я сказал, что еще — Эндий и персы. Ужасный стон вырвался из его груди, словно он услышал то, чего ожидал. За ним пришла судьба. Он ухватился за меня еще крепче.

— Женщина... Ее нельзя оставлять в этой стране беззащитной.

Я поклялся, что буду защищать ее. Его большой щит — тот самый, что был с ним трижды по девять лет, с первого нашего сражения под теми утесами, Котлами, — все еще защищал его грудь и плечи. Я поставил щит так, чтобы прикрыть его наготу. Он шевельнулся, с усилием выпрямился. Из последних сил он немного отклонил щит, открывая плечи и горло.

— А теперь, друг мой, — сказал он, — возьми то, за чем пришел.

Здесь Полемид поднял голову, и взгляды наши встретились. На миг я подумал, что он не сможет продолжать. Да и я не был уверен в том, что хочу этого.

Лисандр говорил об Алкивиаде, что Необходимость в конце концов свалит его. Наверное, это так. И вот теперь моя рука держит тот самый роковой клинок. Я убил не

полководца, не государственного деятеля, — не того Алкивиада, который войдет в историю. Я убил человека, которого многие ненавидели, а многие — любили, и не последним среди них был я. Не стоит подсчитывать его подвиги и преступления. Я почитаю его вот за что: он вел корабль своей души туда, где соединяются море и небо, и сражался там без страха, как немногие до него, — кроме, может быть, твоего учителя, его первого наставника. Кто сможет опять заплывать так далеко?

Я проклинал себя за то, что совершал во время чумы. Но там, на Оленьей горе, к моему удивлению, я не почувствовал ни горя, ни угрызений совести. Я убил его, но не потому, что мне повелели. Ты понимаешь разницу, друг мой? Я был рукой Алкивиада. С той самой ночи во дни нашей юности на прибрежной полосе во время шторма — до того рокового мгновения, когда нанес ему последний удар, который он сам призвал. Кто виноват? И я, и он, и Афины, и вся Эллада — все, кто своими руками подготовил наш крах.

Полемид закончил свой рассказ. Достаточно. Больше нечего сказать. Потом, в его рундучке, я обнаружил письмо, написанное рукой Алкивиада. В письме не содержалось приветствия, оно было составлено с ошибками — это был черновик. Кому адресовалось послание — можно только догадываться. Судя по дате, десятому гекатомбэона, это последнее письмо в его жизни.

«...Мой конец, хотя он наступит от рук незнакомцев, спланирован и оплачен моими соотечественниками. Я для них — то, что они ценят больше всего и меньше всего могут вынести: их собственное подобие, только в худшем варианте. Мои добродетели — честолюбие, дерзость, состязание с небесами, перед которыми я не желаю сми-

ряться, — это их собственные качества, только усиленные. Мои пороки — это и их пороки. У меня нет скромности, терпения, я ненавижу держаться в тени. Они тоже презирают эти качества. Но в то время как моя натура избавила меня от этих качеств, с ними этого не произошло. Тот блеск, к которому призывает их мой пример, вызывает у них и страх, и благоговение; однако последовать моему примеру у них никогда не хватает духа. С тех пор как Афины столкнулись с самим фактом моего существования, у них есть только два выхода: либо последовать моему примеру, либо устранить меня. Когда я уйду, Афины будут плакать по мне. Но я уже никогда не вернусь. Я — последний у Афин. Больше таких, как я, не будет, сколько бы у них ни было командиров на флоте».

Глава LII

МИЛОСЕРДИЕ СУДЬИ

Последний день Сократа, — заговорил мой дед, — я провел в его камере вместе с другими. Я очень устал и задремал. Мне приснился сон.

Устав, но желая сохранить ясность ума, чтобы оказать достойную помощь нашему учителю, я ищу по всей тюрьме какую-нибудь нишу, где можно было бы подремать. Мои поиски заводят меня на чердак плотника. Там плашмя лежит колесо, на котором Полемид встретит сегодня свою смерть.

— Входи, господин, — манит меня плотник, — поспи.

Я ложусь и проваливаюсь в глубокий сон. Но вдруг просыпаюсь рывком и вижу служащих, которые привязывают меня к колесу. Мои запястья и щиколотки закованы в кандалы. Цепь давит мне на горло.

— Вы взяли не того человека! — кричу я. Но железо сдавливает все сильнее, крик захлебывается. — Я не тот человек! Вы не того взяли!

Я проснулся и увидел себя в камере Сократа. Я громко кричал и, наверное, помешал ему. Он уже принял яд, как мне сказали, и, ожидая его действия, лежал на своей подстилке. Учи-

теля окружали те, кто любил его. Лицо его было закрыто тканью. Я извинился за свой крик. Было ясно, что волнение — это последнее, что нужно сейчас нашему учителю. Я еще раз извинился и поспешил вон из камеры.

Было уже поздно. Когда я появился на Железном дворе, то заметил женщину и мальчика, которые покидали тюрьму. Эвника. Странно, потому что до сих пор Полемид отказывался видеть ее. Что-то случилось?

Снова этот парень, Николай, сын Полемида. Он не ушел, только помог своей матери оставить тюремный двор. Николай подошел прямо ко мне и взял меня за руку, выражая благодарность от имени отца — за мои старания. Море изменило мальчика. По-прежнему худощавый и длинный, он возмужал. Он поздоровался со мной как равный, так что я смутился. Желая смягчить то, что я считал его горем, я обратился к нему с несколькими словами. Хотя его мать и была причиной этого горя, он должен помнить: ее целью было сохранить своего сына, уберечь его, чтобы он не убежал на войну.

Мальчик посмотрел на меня странно.

— Все не так, господин. Разве отец не сказал тебе?

Парень настаивал, что причиной всему вовсе не была его мать. Она не подстрекатель обвинения, а лишь его орудие. Этот лжесвидетель Колофон, который предъявил иск отцу, сказал юноша, — марионетка тех, кто нанял Полемида во времена правления Тридцати убить Алкивиада.

— Эти негодяи, узнав о возвращении отца в Афины, боялись, что станет известно об их преступлениях. Они начали давить на мою мать. Сочли, что она уязвима, раз у нее нет гражданства. Заставили ее рассказать подробности того случайного убийства на Самосе несколько лет назад. Так эти жулики заполучили факты и обеспечили смертный приговор моему отцу.

Полемид сознался в убийстве, сказал мне парень, в обмен на гражданство для Эвники и ее детей, предоставленное тайно его обвинителями. Очевидно, они обладали властью отнять его. Полемид не хотел говорить мне этого, чтобы

я в гневе не захотел выдать всей подноготной — ведь это могло повредить всему делу.

Возле ступенек, ведущих из Железного двора, стоит скамейка. Я больше не мог держаться на ногах. Я сел, парень устроился рядом. Стемнело. Зажгли факелы, вставили их в кольца.

Спустя некоторое время я пришел в себя. По другую сторону галереи послышался шум. Смотритель о чем-то горячо спорил с Симмием из Фив, близким другом Сократа, которого только что вызвали из камеры. Учитель умер? Я мгновенно вскочил, и мы с мальчиком побежали туда. Теперь к скандалу присоединился привратник. К моему удивлению, спор шел о лошадях.

— Может, это ты их нанял, господин,— спорили привратник и смотритель с Симмием,— но ежели их найдут, с нас голову снимут.

Симмий в испуге оттащил меня в сторону.

— Ради всех богов, Ясон, я свалил дурака.

Он объяснил, что за несколько дней до этого, уверенный, что Сократ согласится бежать, поручил нескольким людям сомнительной репутации нанять лошадей и заплатить охранникам и информаторам за молчание. Все это он предпринял еще до того, как Сократ категорически отказался от побега.

— Ты можешь мне поверить, Ясон? Со всеми этими событиями — у меня все совершенно вылетело из головы!

— Не понимаю.

— Лошади и эскорт! Они здесь! Что мне делать?

Симмий совершенно обезумел. Без сомнений, встревоженный привратник только что вызвал его из камеры Сократа и потребовал немедленных действий. Симмий никак не мог собраться с мыслями. Ему хотелось только одного: немедленно возвратиться к нашему учителю, быть рядом с ним в миг его ухода.

— Оставь это мне, Симмий.

— Милостивые боги, Ясон! Ты сможешь это уладить для меня, друг мой?

Есть такие границы, которые человек однажды преступает. Мой подзащитный знал это. Демос отказал в милосердии нашему учителю и Полемиду. А теперь сама судьба назначила нового судью, и этим судьей оказался я сам. И кто, если не я, новый и милосердный судья, отсрочит исполнение смертного приговора? Кто даст преступнику прощение его греха, когда он сам бросил себе черную гальку? Вероятно, небеса сделали меня своим заместителем и через меня решили простить всех. Даже меня самого.

Я повернулся к Николаю.

— Твой отец сказал, что примирился с тем, что его казнят.

— Да, господин.

— Можешь переубедить его?

Мальчик схватил меня за руки.

— А как же ты, господин?

Он боялся, что информаторы, узнав о моей роли во всей этой истории, подвергнут мою жизнь опасности.

— Кому нужно заплатить за молчание — тому уже заплатили.

Привратник все слышал. Теперь он кивком выразил свое согласие.

Я высвободил руки. Парень кинулся к отцу. Куда мне идти — к Полемиду, чтобы попрощаться, или вслед за Симмием, в камеру учителя? Я посмотрел на привратника. Он уже отправил своего помощника связаться с конниками из сопровождения. Те ждали, без сомнения, на соседней темной улице. Сейчас им сообщат о некотором изменении планов. Я спросил привратника, не причинит ли это ему неудобства.

— Лошади есть лошади, — ответил он. — А кто на них сидит — это меня не касается.

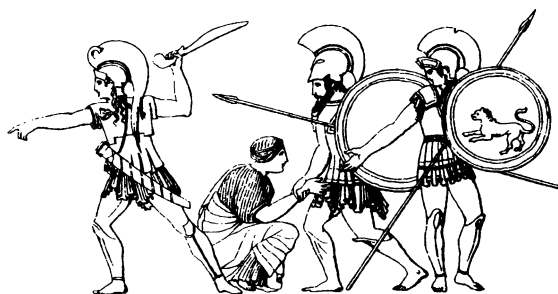
Однако он заволновался — как любой, кто видит явное нарушение закона.

— Тебе лучше уйти.

И, проведя меня через двор, он вывел меня на улицу.

Глава LIII

ЦВЕТЕНИЕ КАМЕННОГО ДУБА

На следующий день тело нашего учителя отдали нам, его ученикам. Мы погребли его в склепе его предков в Алопеке. Не могу сказать, что в тот день я потерял всякий интерес к политике. Любой разумный человек давно утратил надежду на то, что демократ способен управлять собой. В течение месяца я покинул город и вместе с женой и дочерьми поселился в поместье на холме, где растут каменные дубы. Здесь я и остался.

В течение тридцати девяти лет, что минули со дня моего двадцатилетия, я отдавал всего себя и свои средства нашему государству. Юность и зрелость я посвятил ему. Свое здоровье я утратил, служа делу Афин. Трех сыновей я пожертвовал родине, а еще двоих она украла во время гражданских беспорядков. Чума и нужда забрали двух жен, отняв у них непрожитые годы.

Я был триерархом семь раз. Я избирался членом Совета, судьей, входил в правительство. Я представлял свою страну в составе

делегаций на чужбине. Я ставил свое имя под соглашениями о мире и под объявлениями войны. Однажды я предоставил государству кредит от имени всего нашего рода. Пошлина составила одиннадцать талантов — это доход со всех наших земель за двадцать с лишним лет. Я не раскаиваюсь в этом. Во имя своей страны я поступил бы так снова. Я все еще считаю себя демократом — хотя, как сказала бы моя жена, твоя бабушка, «удрученным демократом».

Более трех лет я ничего не слышал с тех пор о Полемиде. Однажды утром прибежал мальчик с известием, что у ворот стоит незнакомец. Я поспешил вниз. Там действительно ждал человек в кожаной одежде. За плечами у него был солдатский мешок. Наемник. Я никогда не встречал прежде Теламона из Аркадии, но тем не менее сразу узнал его. Он не захотел войти, только передал мне пару писем. Он нес их из Азии целых два года.

Он сообщил, что Полеמיד умер. Не в сражении, а от несчастного случая. Наступил на железный шип.

— Ты прошел большое расстояние, чтобы оказать нам эту услугу. Пожалуйста, ради нас, останься на ужин. Хотя бы войди в дом и смой дорожную пыль.

Он согласился войти, но прошел не дальше кустарника, росшего вдоль ручья. Там была удобная скамейка. Он сел. Девушки принесли вино, *alphita*, *orson*, вкусную соленую рыбу, лук. Пока Теламон подкреплялся, я читал письма.

Первое было от Полемида, написанное, судя по дате, два года назад. Он сообщал, что у него все хорошо, и надеялся, что и у меня все в порядке. Отмечал тонкую грань, отделявшую его спасение от казни на колесе; подшучивал надо мной — ведь я теперь тоже встал в ряды «мошенников».

«...Надеюсь, друг мой, что ты не питаешь иллюзий насчет того, что я изменился. Я всегда пляшу под ту музыку, что наигрывает время. Как и всех, кто не лишен покрови-

тельства небес, удача не покидает меня. Ничто не может меня убить, а девицы готовы выцарапать друг другу глаза за место в моей постели».

Второе письмо было от его сына. Они вместе служили наемниками под началом спартанца Филотела в войсках Агесилая, сражавшихся с персами. Николай писал о смерти отца. Это случилось во Фригии, в долине реки Меандр, менее шестидесяти стадиев от Оленьей горы.

«...Что касается содержимого сундучка моего отца, то он посчитал бы за честь, если бы ты оставил его у себя. Я не знаю, как распорядиться этими документами. Не умею».

Сундучок принес мне через месяц после побега Полемида мой старый сослуживец Синяк, который, как ты, может быть, помнишь, держал кабачок напротив тюрьмы. Синяк и рассказал мне, как все произошло той ночью.

Это он нанял лошадей для побега и после моего ухода вывел их на улицу, прилегающую к Железному двору. Смотритель тем временем освободил Полемида, и они трое, с Николаем, вышли на свободу. Когда они показались на улице, там, где Синяк ждал с лошадьми, из-за угла выступили трое — Лисимах, секретарь Одиннадцати, и двое судей. Они пришли проверить исполнение приговора.

С того места, где находились чиновники, легко можно перехватить беглецов. На крик сбежались бы служащие тюрьмы. Сам Синяк, как он признался, от страха чуть не полил камни мостовой. Что происходило в головах этих судей, наделенных народом полномочиями казнить самого выдающегося из их соотечественников? Сознавали ли они чудовищность произошедшего? Возможно, они пришли посмотреть и на этого человека, на Полемида, ставшего негодяем. Он был виновен не меньше их самих. И не только в том, в чем его обвинили, но и в тысяче других преступлений, совершенных за двадцать семь лет войны безнака-

занно, без свидетелей. Вероятно, их молчание означало, что мысли наши совпали. Пусть он живет ради нас. Давайте хоть однажды возьмем на себя роль Зевса и проявим милосердие к этому человеку — ради всех тех злодеяний, которыми мы себя замарали.

Каковы бы ни были их мотивы, но чиновники не вмешались. Полемид с сыном тут же убежали. Последняя просьба Полемиды была к смотрителю — отдать сундук мне, когда это будет для меня безопасно.

Здесь я покажу тебе, внук, еще один, последний документ. Я обнаружил его в сундучке Полемиды несколько дней назад. Запись того обращения Алкивиада к морякам самосского флота при его втором прощании — когда он уезжал в Нотий, в то изгнание, из которого никогда не вернулся.

...То, что я говорю сейчас, я обращаю к вашим стратегам, навархам и триерархам, к офицерам, которые должны командовать вами — необученной толпой, да помогут им боги! Сказать вам, где я научился командовать такими людьми, как вы? В конюшнях моего отца, у его лошадей. Я призываю нашего друга Фрасибула поддержать меня, ибо он стоял рядом со мной, когда мы — будучи детьми — любовались победителями в дни скачек. Их не требовалось обучать бегать. Покупая лошадь, мы учились смотреть прежде всего на осанку и настроение животного, а потом уж оценивать длину крупа и силу ляжек. Вы согласны в том, что рысак может обладать благородством? А что такое благородство — то, которым могут обладать и животные, и люди? Разве это не способность души отдавать самого себя цели более великой, чем собственный интерес? Так как же вести за собой свободных людей? Только так — призывая каждого быть благородным.

Однажды, когда я был мальчиком, мой домашний учитель взял меня в Пирей на гонки восьмерок от Акте до Тихой гавани. Мне показалось, что каждую лодку вело одно великолепное фантастическое животное со множеством рук. Но когда восьмерки пришли к финишу, я увидел, что это люди. Вы поверите мне, друзья, если я скажу, что вы-

рвался от моего учителя и побежал, чтобы дотронуться до них. Я хотел убедиться, что они — действительно люди, настоящие, из плоти и крови. Я очень хотел узнать, как могли восемь человек грести как один. «Посмотри туда, братишка, и ты увидишь, что сто семьдесят четыре человека делают то же самое».

Вот трирема. Боги, какое великолепное зрелище! Еще красивее строй кораблей, но величественнее всего — эта симфония, флот! И вы, друзья мои, — лучшие из всех, кто когда-либо плавал или еще выйдет в море! Когда печальный возраст возьмет вас в свои тиски, что останется? Отцы и матери, жены и любовницы, и даже наши собственные дети — все они отойдут на задний план. Я верю, останутся только они, наши товарищи, те, с кем мы вместе смотрим сейчас в лицо смерти. Их достаточно, друзья мои. Они — то, что немногим дано изведать.

Я не нужен вам, братья. Никакая сила на земле не может противостоять вам. Пусть боги ведут вас от победы к победе. Последнее, что встанет перед моими глазами в тот миг, когда Тартар повлечет меня в бездну, будут ваши лица. Благодарю вас за честь, которую вы оказали мне своей дружбой. До свиданья, друзья мои. Прощайте.

Я наблюдал за наемником Теламоном, когда он заканчивал трапезу. Хотя я знал, что ему далеко за пятьдесят, он все еще был молод. Худощавый, потрепанный бурей, он выглядел лет на тридцать пять. Я хотел расспросить его о последних годах Полемида.

Но взгляд наемника ясно дал понять, что он не потерпит расспросов. Поэтому я только спросил, куда он направляется. В гавань, ответил он, на корабль, чтобы участвовать в очередной кампании.

У меня хранились в сарае пара сапог и шерстяной плащ, намного лучше того изношенного, что был на нем. Он не взял ничего. Поднялся, взял свой мешок.

На скамье он оставил монету.

Я запротестовал было, сказав, что он оскорбляет гостеприимство нашего дома.

Он улыбнулся.

— Это от Поммо. Он думал, ты можешь заинтересоваться.

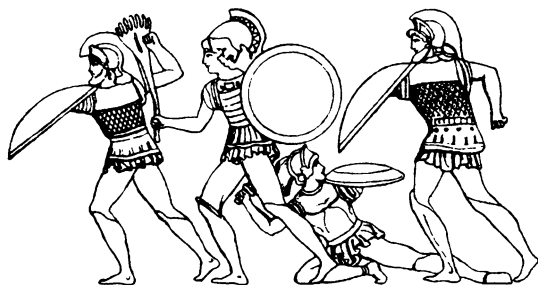
Я взял монету. Это был золотой фригийский дарик, месячное жалованье пехотинца. На обратной стороне монеты — изображения триремы и крылатой Победы. На лицевой — Афина Победительница с совой и оливковой ветвью.

Монету называют «алквиадик», сообщил Теламон. Это любимая монета, которая сейчас в ходу по всей Азии.

Дорога от наших полей разделяет пополам центральную территорию усадьбы. Кухня для рабочих и конюшня — на западной стороне, как ты знаешь, рядом с несколькими домиками. Навесы для машин — напротив, за ними площадки для выпаса скота. Когда наемник спускался вниз, к воротам, толпа ротозеев следовала за ним, замороженная его видом. Там были не только мальчишки и девочки, но даже землепашцы и пожилые женщины, побросавшие свою работу. Когда Теламон подошел к воротам, два парня бросились вперед, чтобы помочь ему открыть засов. Они были готовы провожать его вниз по дороге хоть до самого моря, если бы отцы не позвали их домой.

Я тоже был захвачен этой картиной и все смотрел, не в силах оторвать глаз, пока он не исчез в аллее каменных дубов, чьи цветы дают ту алую краску, в которую красят плащ солдата.

СЛОВАРЬ-ГЛОССАРИЙ

Агора — политический и социальный центр Афин и других греческих городов, где располагались рыночная площадь, гражданские здания, храмы.

Ареопаг — «холм Ареса», холм западнее Акрополя, на котором собирался ареопаг, главный совет в Афинах, состоявший из бывших архонтов.

Аркадия — область Пелопоннеса, которая славилась великими воинами, особенно наемными.

Архонт — начальник, высшее должностное лицо в Афинах; один из девяти старших судей, выбираемых на один год.

Атика — регион Греции, главный город которого — Афины.

Ахарны — пригород Афин, приблизительно на семь миль севернее города.

Барвар — дикарь, для грека любой не грек. Обычно употреблялось в применении к персам, чья речь на слух грека звучит как «вар-вар».

Гермы — каменные статуи Гермеса, посланника богов и покровителя путешественников,

которые ставились перед частными и общественными зданиями. Гермы — четырехугольные колонны с головой Гермеса — обычно имели фаллосы в состоянии эрекции, что символизировало удачу.

Гилипп — спартанский полководец, победитель афинян при Сиракузах.

Гоплит — тяжеловооруженный пехотинец, от *hoplon* — щит.

Дарик — персидская золотая монета, названная в честь царя Дария.

Декелея — местность северо-восточнее Афин, которую спартанцы укрепили во время последней фазы Пелопоннесской войны.

Дем — административный округ в Аттике.

Демократия — народовластие.

Демос — народ, простые люди.

Демосфен — афинский полководец (не знаменитый оратор IV в. до н. э.), победитель спартанцев при Пилосе и Сфактерии; руководил экспедицией в Сицилию для снятия осады.

Длинные стены — укрепление, соединяющее Афины с портом Пирей.

Драхма — горсть; приблизительно дневное жалованье гоплита.

Илот — спартанский раб.

Кимон — афинский полководец, сын Мильтиада. В результате его побед в середине V в. до н. э. персы были изгнаны из Эгейского моря. Афины установили свое господство на море.

Кираса — нагрудная пластина доспехов воина.

Кора — культовое имя Персефоны.

Крамбол — на триреме кран-балка, выступающая сбоку в кормовой части корабля; поддерживает шлюпку.

Круглая палата — здание с куполообразной кровлей в Афинах, где заседал исполнительный комитет Совета.

Лакедемон — область в Греции, главный город которого Спарта.

Леонид — спартанский царь, командовавший тремястами воинами, которые пожертвовали жизнью, защищая от персов проход Фермопилы (480 г. до н. э.).

Ликург — древний законодатель Спарты.

Магистрат — выборный исполнительный орган и должностное лицо.

Месяцы. Афинский год начинался после летнего солнцестояния (22 июня).

1. Гекатомбэон (июль-август), в Спарте — карней.
2. Метагитнион (август-сентябрь).
3. Боедромион (сентябрь-октябрь).
4. Пианепсион (октябрь-ноябрь).
5. Маймактерион (ноябрь-декабрь).
6. Посидеон (декабрь-январь).
7. Гамелион (январь-февраль).
8. Анфестерион (февраль-март).
9. Элафеболион (март-апрель), в Спарте — гиацинфий.
10. Мунихион (апрель-май).
11. Фаргелион (май-июнь).
12. Скирофорион (июнь-июль).

Мидийцы — обычное название персов; фактически — еще один воинственный народ царства Мидия, побежденный персидским Киром Великим и вошедший в состав Персидской державы.

Мильтиад — афинский полководец, победитель персов при Марафоне (490 г. до н. э.).

Мина — 100 драхм.

Наварх — адмирал, командир эскадры.

Народное собрание, ekklesia — суверенный орган Афин, доступный для всех взрослых мужчин, имеющих гражданство.

Неверие в богов — в Афинах преступление, наказуемое смертью. Обвинение, по которому был казнен Сократ.

Немезида — богиня, олицетворявшая священное возмездие, обычно за людской грех гордыни.

Ника — богиня победы.

Обол — одна шестая часть драхмы.

Паламед — греческий воин Троянской войны, несправедливо обвиненный Одиссеем. Символ человека, несправедливо обвиненного.

Панафиней — большой праздник в Афинах в честь богини Афины.

Паноплия — полное снаряжение тяжеловооруженного пехотинца: шлем, нагрудная пластина, щит, наголенники. Чтобы позволить себе паноплию, надо быть очень богатым человеком.

Пелопоннес — материковая часть Южной Греции, «остров Пелопса», древнего героя.

Перикл — афинский государственный деятель и полководец середины V в. до н. э. Назван «Олимпийцем»; его деятельность приходится на золотой век афинской демократии, эпоху великих художественных достижений. Родственник и покровитель Алкивиада.

Периэки — свободные жители лаконских городов (кроме Спарты), «соседи». От них требовалось следовать за спартапцами, «куда бы они ни повели».

Пникс — холм юго-западнее Акрополя, на котором собиралось афинское Народное собрание для своих дискуссий.

Полемарх — полководец.

Полис — город-государство (Афины, Спарта, другие города Эллады).

Прорыв — прием морского боя, при котором боевой корабль входит в брешь между вражескими кораблями, равняется с ними, а потом разворачивается и атакует с фланга.

Пэан — первоначально гимн в честь Ареса и Аполлона, потом — боевой клич. Исполнялся перед сражением дорической пехотой — спартанцами, сиракузцами, аргивянами, но не афинянами (ионийцами).

Самос — остров в Эгейском море, стойкий союзник Афин. «Зарубежный» морской бастион в течение всей войны на востоке.

Совет Пятисот — в Афинах совещательный орган, который готовил дела для Народного собрания.

Солон — афинский законодатель VI в. до н. э., автор элегий.

Спартиаты — «равные», спартанцы офицерского сословия.

Стратег — афинский полководец, командующий. Другое значение слова — член коллегии 10 стратегов (высшая исполнительная власть в Афинах).

Таксиарх — каждое из десяти племен в Афинах должно поставить государству подразделение пехоты, taxis. Командир такого подразделения называется таксиархом.

Талант — вес серебра стоимостью примерно 6000 драхм. Месячная стоимость эксплуатации корабля.

Тартар — темная бездна ниже Гадеса, подземного царства, куда Зевс заключил титанов. Молния, брошенная с Олимпа, будет падать 9 дней, прежде чем достигнет земли, и еще 9 дней в глубь земли, пока не достигнет Тартара.

Тиссаферн — персидский сатрап Лидии и Карию; его столица находилась в Сардах.

Тридцать Тиранов — марионеточное правительство в Афинах после завоевания Спартой в 404 г. до н. э., во главе с Критией. Известно актами репрессий.

Триерарх — капитан триремы (в Афинах — лицо, обязанное на свой счет снарядить трирему).

Триерархия — в Афинах снаряжение за свой счет триремы для государства.

Трирема — судно с тремя рядами гребцов, главный военный корабль; команда — 200 человек. «Два-и-один» на триреме: один ярус гребцов отдыхает, пока два других гребут.

Утопленный столб — часть частокола, морского заграждения, предназначенного разрывать днище атакующего корабля.

Фарнабаз — персидский сатрап Фригии и Геллеспонта.

Фемистокл — афинский государственный деятель и полководец, победитель персов в морском сражении у острова Саламин (480 г. до н. э.). Укрепил порт Пирей, начал строительство Длинных стен.

Фермопилы — ущелье в центральной Греции, где триста спартанцев и их союзников удерживали в течение шести дней наступление персидских орд царя Ксеркса (480 г. до н. э.).

Фтиотида — родина Ахилла в Фессалии. Ахилл впоследствии стал царем в стране мертвых.

Эврот — главная река Лаконии.

Эгоспотамы — участок Геллеспонта («Козьи ручьи»), где в 405 г. до н. э. спартанский флот под водительством Лисандра нанес поражение афинскому флоту и положил конец Пелопоннесской войне.

Элевсинские мистерии — праздник в честь Деметры и Персефоны (Коры) в Афинах. Длился 9 дней. Каждый год в месяц боедромион новообращенные и вновь принятые совершали 14-мильное паломничество из Афин в Элевсин. Во время войны захват Спартой Аттики вынудил процессию совершать паломничество морем, что было унижительно. Алкивиад восстановил прежний маршрут — по суше.

Эпибаты — морские пехотинцы, сражавшиеся на палубе корабля.

Эпиполы — высоты, возвышенность у Сиракуз.

Эфеб — в Афинах юноша 18–20 лет, проходящий военное обучение.

Эфор — надзиратель, член коллегии 5 эфоров, осуществлявшей контроль над всеми государственными учреждениями в Спарте. Эфоры представляли реальную власть, превосходящую даже власть царей.

СЛОВАРЬ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Agoge — воспитание. Образовательный режим в Спарте.

Akation — малый парус триремы (в отличие от главного паруса, грота).

Alphita — ячменный хлеб.

Anastrophe — контрмарш.

Andreia — мужество, мужская доблесть.

Apaturia — праздник братств в Афинах.

Apostoleis — старшие администраторы афинского флота.

Arete — выдающееся мастерство, доблесть.

Barathron — «Яма мертвеца», пропасть в Афинах, куда бросали преступников. Ученых людей казнили по-разному. Их могли бросить живыми, и тогда они разбивались насмерть; или же казнили предварительно в другом месте, а в яму сбрасывали их трупы.

Basileus — царь-архонт в Афинах. Его обязанностью в основном являлось присутствие на религиозных праздниках.

Brasidioi — брасиды, войска илотов (спартанских рабов), которые завоевали себе свободу, сражаясь под началом спартанского военачальника Брасида.

Daimon — присущий человеку дух (*лат. genius*). Так, *daimon* Сократа всегда предупреждал его, когда тот не должен был чего-то делать, но молчал, когда Сократу надлежало действовать.

Dike — гражданский судебный процесс.

Dike phonou — обвинение в убийстве.

Eirenos — юноша в спартанской школе (*agoge*), возглавляющий группу учащихся.

Eisangelia — формальная процедура по афинскому закону; предъявление тяжелого обвинения, часто в измене, перед Народным собранием.

Ekklesia — Народное собрание.

Endeixis — тип обвинения в суде.

Endeixis kakourgias — в Афинах обвинение в «проступке»; категория, покрывающая все преступления, от мелкого воровства до убийства. *Kakourgai* — преступники.

Epistates — в Афинах председатель исполнительного совета, выбираемый жребием только на один день.

Epiteichismos — военная тактика строительства форта на вражеской территории, из которого можно совершать набеги на сельскую местность. Там могут скрываться дезертиры из вражеской армии и рабы противника.

Hetairai — гетеры, куртизанки.

Homoioi — офицерское сословие полноправных граждан Спарты, «равные».

Hybris — гордыня, а также грубое нарушение закона, наказуемое в Афинах смертью. Акт умышленного и злобного оскорбления, направленного на непоправимое унижение человека.

Katalogos — список афинских граждан, по которому они призывались на военную службу.

Kyrios — куратор. В Афинах — мужчина-гражданин, который защищает перед законом интересы женщин, детей и

рабов своего дома, поскольку те не обладают политическими правами.

Lenaea — ежегодный праздник в Афинах, посвященный Дионису.

Lochos — лох, подразделение спартанского войска.

Mothax, *мн. ч. mothakes* — «сводный брат», сословие в Спарте, часто незаконнорожденные дети «равных», которым разрешалось обучаться в агоге при финансовой поддержке полноправных граждан.

Nautai — матросы, гребцы.

Neodamodeis — неодамоды, в Спарте — лица, вновь принятые в число граждан; часто илоты, отпущенные на волю в награду за военную службу.

Neorion — мастерские и административные помещения в порту или на морской базе.

Oikos — домашнее хозяйство.

Opson — острая приправа; за обедом в нее макали хлеб.

Othismos — столкновение, рукопашный бой.

Phoinikis — алый плащ спартанца.

Pilos — фетровая шапка, часто надеваемая под шлем.

Porne — проститутка (в отличие от гетеры).

Prostates — лучник на триреме, «тот, кто выступает вперед».

Prytaneis — пританы, в Афинах члены коллегии Пятидесяти пританов, которые в течение одной десятой года председательствовали в Совете Пятисот.

Pythiou — в Спарте жрецы Аполлона. Они были воинами и служили жрецами в армиях.

Skytalai — скиталы, «палочки-послания». «Отправляя к месту службы начальника флота или сухопутного войска, эфоры берут две круглые палки совершенно одинаковой длины и толщины. Одну они оставляют себе, другую пере-

дают отъезжающему. Эти палки и называют скиталами. Когда эфорам нужно сообщить какую-нибудь важную тайну, они вырезают длинную и узкую, вроде ремня, полосу папируса, наматывают ее на свою скиталу, не оставляя на ней ни одного промежутка, так чтобы вся поверхность палки была охвачена этой полосой. Затем... они пишут на нем то, что нужно, а написав, снимают полосу и без палки отправляют ее военачальнику. Так как буквы на ней стоят без всякой связи, разбросаны в беспорядке, прочитать написанное он может, только взяв свою скиталу и намотав на нее вырезанную полосу, располагая ее извины в прежнем порядке...» (Плутарх, «Лисандр», перев. М. Сергеенко).

Sykophantai — информаторы и вымогатели, которые жили за счет тяжущихся в афинских судах.

Temenos — священное пространство вокруг храма или алтаря.

Thrasytes — смелость.

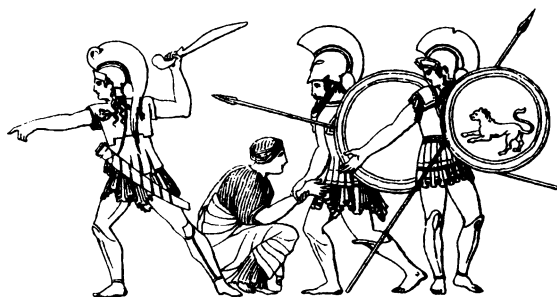
Toxotes — морской лучник.

Xenos — чужой; «друг-гость», дружба между семьями разных городов-государств.

Xiphos — короткий спартанский меч.

Xyele — серповидное оружие спартанских юношей.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	11
<i>Книга первая.</i> ПРОТИВ ПОЛЕМИДА	15
Глава I. Мой дед Ясон	17
Глава II. Убийство в Мелиссе	23
Глава III. В камере Полемиды	28
Глава IV. Экзамен и присуждение звания	31
Глава V. Заменимый человек	43
<i>Книга вторая.</i> ДЛИННЫЕ СТЕНЫ	59
Глава VI. Развлечения молодого человека	61
Глава VII. Важное умолчание	75
Глава VIII. Прогноз: смерть	81
Глава IX. Приобретенная профессия	92
<i>Книга третья.</i> ПЕРВАЯ ВОЙНА СОВРЕМЕННЫМИ МЕТОДАМИ ...	105
Глава X. Радости солдатской службы	107
Глава XI. Мантинея	131
Глава XII. Человек флотский	145
Глава XIII. Имя трехкратного победителя	149
Глава XIV. Перспектива завоевания	158
Глава XV. Речь Никия	169
Глава XVI. Сон солдата	183
Глава XVII. Документ адмиралтейства	187

<i>Книга четвертая. СИЦИЛИЯ</i>	201
Глава XVIII. Неувязка с отзывом	203
Глава XIX. Летописец раздора	208
Глава XX. Школьные учителя по ведению войны	221
Глава XXI. Поражение на Эпиполах	230
Глава XXII. Небеса отвернулись	248
Глава XXIII. Против стены кораблей	253
Глава XXIV. Результат поражения	270
<i>Книга пятая. АЛКВИАД В СПАРТЕ</i>	291
Глава XXV. Солдат зимой	293
Глава XXVI. Среди сыновей Леонида	305
Глава XXVII. У причала на Самосе	316
Глава XXVIII. Дельфиний холм	322
<i>Книга шестая. ПОБЕДА НА МОРЕ</i>	329
Глава XXIX. Когда сталкиваются необходимость и свобода воли	331
Глава XXX. У могилы Ахилла	356
Глава XXXI. Божественное бесстрашие	361
Глава XXXII. О положительной стороне жестокости	368
<i>Книга седьмая. КОРМЛЕНИЕ ЧУДОВИЩА</i>	377
Глава XXXIII. Блага мирного времени	379
Глава XXXIV. Стратег-самодержец	384
Глава XXXV. Недосыгаемый для зависти	394
Глава XXXVI. Искажающее стекло	399
Глава XXXVII. Охота на Парнасе	407
<i>Книга восьмая. ТРИЖДЫ ПО ДЕВЯТЬ ЛЕТ</i>	419
Глава XXXVIII. Тяжесть золота	421
Глава XXXIX. Крикуны и ползуны	426
Глава XL. Красная тряпка Спарты	434
Глава XLI. Огонь с моря	444
Глава XLII. Тяжелая работа — грабеж	457
<i>Книга девятая. ПЕРИПЕТИИ ВОЙНЫ</i>	467
Глава XLIII. Между суши и морем	469
Глава XLIV. Свидетель убийства	474

<i>Глава XLV.</i>	Адвокат у ворот	480
<i>Глава XLVI.</i>	По ту сторону Железного двора	483
<i>Глава XLVII.</i>	Рассказ до конца	499
<i>Глава XLVIII.</i>	Во Фракию	503
<i>Глава XLIX.</i>	Эгоспотамы	515
<i>Глава L.</i>	На повороте дороги	522
<i>Глава LI.</i>	Смерть на Оленьей горе	528
<i>Глава LII.</i>	Милосердие судьи	536
<i>Глава LIII.</i>	Цветение каменного дуба	540
СЛОВАРЬ-ГЛОССАРИЙ		546
СЛОВАРЬ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ		553

Литературно-художественное издание

Стивен Прессфилд
ПРИЛИВЫ ВОЙНЫ

Ответственный редактор *Елена Гуляева*

Редактор *Елена Хаецкая*

Технический редактор *Ольга Шубик*

Корректор *Лариса Ершова*

Компьютерная верстка *Анна Скурихина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.11.2003.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,0. Тираж 1000 экз. Заказ 8503.

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ООО «Издательство «Домино».

197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, д. 20/7.

Тел./факс (812) 325-13-28. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «ЭКСМО».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — Info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО»
обращаться в рекламное агентство «ЭКСМО». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля: 109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля: 117192, Москва, Мичуринский пр., д. 12/1.

Тел./факс (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «ЭКСМО»:

Супермаркет «Книжная страна», Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Вирюзова, д. 17 (м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, д. 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, д. 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет

весь ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации: (812) 265-44-80/81-82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и магазин на Певском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК»

представляет самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО»:

ТД «Виблио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе»

Весь ассортимент продукции издательства «ЭКСМО»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (3512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Пятый век до нашей эры.
Греция – арена Пелопоннесской войны,
кровавой многолетней бойни между
Афинами и Спартой. Алкивиад –
воспитанник Перикла и ученик Сократа,
лучший полководец Афин. Человек,
обвиненный на суде в святотатстве.
Изменник, заочно приговоренный
к смерти в Афинах. Советник
спартанцев в их борьбе с Афинами.
Воин, с восторгом избранный
афинянами главнокомандующим.
Патриот и предатель, в руках которого
оказались судьбы Древнего мира.

147017
65.00

ISBN 5-699-04710-7

9 785699 047109 >